MAR 3 - 1536

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

PERIODICAL ROOM
GENERAL LIBRARY
UNIV. OF MICH.

ТОМ LXXIII

СОДЕРЖАНИЕ

А. И. Ульянова-Елизарова под надзором полиции. — Разгром Врангеля. — Из революционной деятельности М. В. Фрунзе. — Декабрьские дни в Донбассе в 1905 г. — Крестьянское движение в центральной полосе в 1905 г. — Из дневника Л. Тихомирова. — Из истории освоения Северного морского пути. — Пресня в декабре 1905 г. — Московское студенчество и смерть Л. Н. Толстого

ЦЕНТРАРХИВ

ОГИЗ ◆ СОЦЭКГИЗ ◆ МОСКВА

1935

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Анна Ильинична Ульянова-Елизарова под надзором полиции. С предисловиями *Н. Мещерякова и М. И. Ульяновой* 3

Разгром Врангеля 19

Из революционной деятельности М. В. Фрунзе (1905—1912 гг.) С предисловием *О. Варенцовой* 74

Декабрьские дни в Донбассе в 1905 г. С предисловием *А. Панкратовой* . . . 91

Крестьянское движение в центральной полосе в 1905 г. С предисловием *М. Лурье* 126

Из дневника Л. Тихомирова 170

Из истории освоения Северного морского пути 191

Из записной книжки архивиста

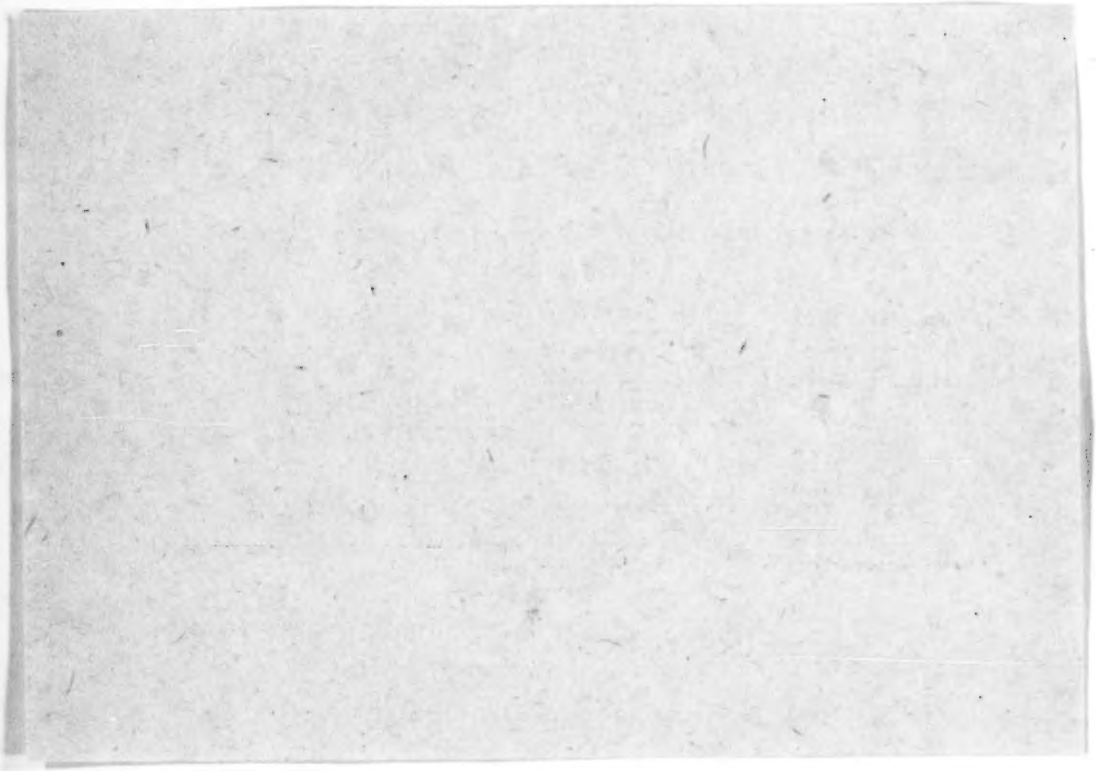
Пресня в декабре 1905 г. С предисловием *М. Сыромятниковой* 204

Московское студенчество и смерть Л. Н. Толстого. С предисловием *И. Луппола*. 209

По недосмотру издательской корректуры и типографии вкрались следующие опечатки:

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
4	11 снизу	Семеновским»	Семевским»
20	6 сверху	а) дивизия	а) 1 дивизия
23	12 „	Реввоенсовета	Член Реввоенсовета
27	1 „	6, 4, 13, 1 и конным	6, 4, 13, 1 и 2 конным
60	15 „	т. е. в армию	т. е. 6 армию
104	1-й заголовок, 2 строка	директиву	директору

«Красный архив», № 6.



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ШЕСТОЙ
(СЕМЬДЕСЯТ ТРЕТИЙ)

1935

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1935

Сдано в произв. 4/XI—17/XII 1935 г. Подписано к печати 15/I 1936 г.
Статфор. Б 176 × 250 $13^{3}/_{4}$ п. л., 60480 зн. в п. л. С.-Э. (п.) № 63 Зак. 3000
Уполн. Главлита Б—16642 Выпускающий А. Налимов. Тираж 2460

Тип. изд-ва «Крестьянская газета», Москва, Сущевская ул., 21.

Анна Ильинична Ульянова-Елизарова под надзором полиции

Некоторые даты жизни и деятельности А. И. Ульяновой-Елизаровой

(По документам Архива революции за 1886—1916 гг.)

Предлагаемые ниже вниманию читателей «Некоторые даты жизни и деятельности Анны Ильиничны Ульяновой-Елизаровой» чрезвычайно интересны. Интересны они не только и не столько потому, что в них сообщаются некоторые сведения о жизни и деятельности этой старой революционерки — сестры Владимира Ильича Ленина. Характерно то внимание, с которым жандармы, охранка и полиция в течение трех десятков лет следили за всеми действиями и поступками Анны Ильиничны. Это внимание было так велико, что отзывы и записи жандармов и охранников представляют до известной степени канву, по которой можно писать биографию Анны Ильиничны. Интересно то упорство, с которым Анна Ильинична в течение 30 лет (я не говорю о времени после революции 1917 года) упорно и настойчиво вела свою революционную работу. Никакие неудачи, никакие разгромы революционных организаций, производимые жандармами, не действовали разлагающе или удручающе на эту доподлинную революционерку. Перебрасываемая по воле судьбы и жандармов из одного города в другой, Анна Ильинична всюду старалась с первого же дня стать на службу революции, принять участие в революционной работе и в строительстве партии.

Жандармам была известна только ничтожная часть деятельности Анны Ильиничны, того, что она делала для революции, для партии и для В. И. Ленина, помогая в его работе.

Другие сведения, имевшиеся у жандармов, были крайне беглы; они констатировали только известный им внешний факт. Такова, например, запись, что А. И. в 1901 году «вела подозрительный образ жизни, принимая разных лиц до поздней ночи», или что она в мае 1902 года «выехала в Дрезден», причем для жандармов осталось совершенно неизвестным, о чем вела А. И. разговоры с различными «подозрительными лицами» и зачем она поехала в Дрезден. А ведь все эти поездки в Дрезден и другие производились, конечно, по революционным делам. Замечу еще, что жандармам, как видно из сведений, опубликованных в «датах», были известны далеко не все поездки Анны Ильиничны. Я лично вспоминаю, например, встречу с ней в Швейцарии, в одной из деревень на берегу Тунского озера, — встречу, сопровождавшуюся деловыми разговорами, а поездка ее в Швейцарию в это время не была зарегистрирована жандармами.

Во всяком случае, предлагаемые читателю «даты», как они ни кратки и ни страдают иной раз неточностями, представляют несомненно исторический интерес, несмотря на своеобразие того источника, из которого они почерпнуты.

Н. Мещеряков.

Первые сведения жандармов и охранников об А. И. Ульяновой-Елизаровой — старшей сестре В. И. Ленина — относятся к 1886 году, когда она, еще совсем молодой девушкой, училась на Высших женских Бестужевских курсах в Петербурге. Но «внимание» царских сатрапов не ослабевало к ней, как видно из помещаемых ниже полицейских донесений, за все время подпольного существования нашей партии. Слежка, обыски и аресты прекратились по отношению к Анне Ильиничне лишь с падением царского самодержавия, с освобождением ее из тюрьмы восставшим и победившим народом.

Полицейские донесения основывались на данных жандармских управлений, сообщениях филеров, перлюстрации, показаниях провокаторов, которые, с ростом партии, все в большем количестве проникали в ее ряды, или просто черносотенцев-добровольцев, как это было, например, в заграничный период жизни Анны Ильиничны.

Эти донесения страдают, несомненно, отдельными искажениями, ошибками и неточностями в ряде случаев, и к ним не всегда можно отнестись с полной верой. Тем не менее, в общем, они все же правильно отмечают главнейшие этапы революционной деятельности Анны Ильиничны и являются поэтому немаловажным подспорьем к восстановлению ее образа, как последовательного революционера, не отступавшего с революционного пути ни разу во всю свою жизнь.

Редакция сопровождает донесения жандармских правлений примечаниями и пояснениями, материалом для которых послужили, главным образом, автобиографические заметки Анны Ильиничны и ее воспоминания о других членах семьи Ульяновых.

М. И. Ульянова.

1886 г.

Петербург.

Проживала по Съезжинской ул., д. № 1, кв. 12, где нанимала небольшую комнату с платой по 6 руб. в месяц. Существовала на средства, присланные ее матерью. Знакомство имела почти с теми же лицами, с коими знаком и ее брат Александр. Принадлежала к кружку «кубанцев и донцов» [1]).

(Донесение Петербургского охранного отделения от 20 марта 1887 г. за № 2326. — ДП, III, 1886 г., д. № 744, л. 3.)

В отношении департамента полиции от 22 декабря 1886 г. за № 138 в Петроградское охранное отделение сообщается, что в кружках, руководимых «бывшим доцентом Петербургского университета Семеновским», участвуют: «некто Александр Ильич, Иван Николаевич [Чеботарев], Анна Ильинична и еще какая-то женщина» [2]).

(Там же.)

1887 г.

1 марта.

Арестована по делу покушения на Александра III. Поводом к привлечению ее послужило то обстоятельство, что на ее адрес была послана из Вильны условная телеграмма, извещавшая о возвращении в Петербург командированного в г. Вильну за разрывными снарядами [3]).

(Справка департамента полиции. — ДП, о. о., 1898 г., д. № 317, л. 1.)

8 апреля.

Состоялось «высочайшее повеление» о высылке А. И. под гласный надзор полиции на 5 лет в Восточную Сибирь.

(Письмо министра юстиции министру внутренних дел от 13 мая 1887 г. — ДП, III, 1892 г., д. № 456, л. 27.)

14 мая.

По просьбе матери «высочайшим повелением» разрешено гласный надзор отбыть в д. Кокушкино, Черемышской волости, Лаишевского у., Казанской губ. [4]).

(Отношение департамента полиции на имя казанского губернатора от 18 мая 1887 г. за № 1604. — Там же, л. 32).

Июнь.

Водворена под гласный надзор полиции в д. Кокушкино, Казанской губ. [5]).

(Справка департамента полиции. — ДП, о. о., 1898 г., д. № 317, л. 1.)

1888 г.

Казань.

Сентябрь.

Разрешено приехать на четыре месяца в Казань для лечения [6]).

(Отношение департамента полиции на имя казанского губернатора от 4 октября 1888 г. за № 3965. — ДП., VII, 1892 г., д. № 456, л. 52)

1889 г.

Самара.

Март.

Разрешено на лето выехать в д. Алакаевку, Богородской волости, Самарской губ. [7]).

(Справка департамента полиции. — ДП, о. о., 1898 г., д. № 317, л. 1.)

30 июля.

Выехала вместе с М. Т. Елизаровым из д. Алакаевки в г. Самару. [3]).

(Отношение самарского губернатора в департамент полиции от 12 августа 1889 г. № 938. — ДП, III, 1892 г., д. № 456, л. 63.)

Сентябрь.

Разрешено остаться на жительство в г. Самаре.

(Отношение департамента полиции на имя самарского губернатора от 13 сентября 1889 г., № 3128. — Там же, л. 68.)

1892 г.

9 апреля.

По окончании срока гласного надзора полиции министром внутренних дел воспрещено проживание в университетских городах, Твери и Нижнем-Новгороде, в течение одного года.

(Справка департамента полиции. — ДП, о. о., 1898 г., д. № 317, л. 2.)

1893 г.

28 августа.

Выехала в Москву.
(Донесение Самарского губернского жандармского управления в департамент полиции 15 сентября 1893 г., № 573. — ДП, III, 1892 г., д. № 456.)

Москва.

18 октября.

Приехала в Москву.
(Донесение московского обер-полицеймейстера от 21 октября 1893 г., № 2264. — Там же.)

1894—1895 гг.

Установила связь с рабочими кружками Мицкевича [9]).
(Справка департамента полиции. — ДП, о. о., 1898 г., д. № 317, л. 1.)

1896 г. *)

Петербург.

9 марта.

Приехала из Москвы в Петербург, где пребывание ей было разрешено на 5 дней, а затем срок продлен до 21 марта [10]).
(Донесение Петербургского градоначальника от 9 марта 1896 г. — ДП, III, 1892 г., д. № 456.)

Москва.

1 апреля.

Приехала из Петербурга в Москву.
(Донесение московского обер-полицеймейстера от 4 апреля 1896 г., № 946. — Там же.)

Май.

Во время коронации удалена из Москвы [11]).
(Справка департамента полиции. — ДП, о. о., 1898 г., д. № 317, л. 1.)

Петербург.

1 мая.

Приехала из Москвы в Петербург, где ей вначале было разрешено пробыть две недели, затем срок продлен на три месяца.
(Отношение департамента полиции петербургскому градоначальнику от 1 мая 1896 г., № 4076. — Там же, л. 113.)

31 мая.

Поселилась на ст. Белоостров, Финляндской ж. д., откуда еженедельно на один день выезжала в Петербург [12]).

---

*) В это время В. И. Ленин, будучи арестован с 8 декабря 1895 г. по 14 февраля 1897 г. по делу «Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса», содержался в доме предварительного заключения.

(Донесение петербургского градоначальника в департамент полиции от 6 июня 1896 г. за № 7875. — Там же.)

12 августа.

В письме к М. Т. Елизарову, ст. Белоостров, Финляндской ж. д. А. И. писала:

«Прочла твое письмо и хочу тотчас же настрочить кое-что по поводу него. Ты спрашиваешь о знакомых. Старушка уехала, конечно, на родину, а Рыбалкина заболела. Что касается до брюнета, то он здесь; оказывается, тоже неблагоприятное впечатление произвел — показался легкомысленным, любопытным чересчур; старушке, навестившей тебя, почудилось даже, что это не спроста, — ну, это уж, конечно, просто расклеившимися нервами объясняется. И ее здоровье тревожит меня» [13]).

(Справка департамента полиции от 27 сентября 1894 г. — ДП, III, 1892 г., д. № 944, л. 5.)

16 октября.

В письме к М. Т. Елизарову А. И. сообщала: «здесь концертов никаких еще не было и вообще труппа довольно малочисленна и не сформирована все еще после лета. Вероятно, этот год будет менее музыкален, чем прошлый. Все пока скрипки настраиваются. А вот в Москве, кажется, все, кто в лес, кто по дрова... или рядом сесть не могут» [14]).

(Справка департамента полиции от 27 сентября 1899 г. — ДП, III, 1892 г., д. № 944, л. 5.)

Октябрь.

Установленным Петербургским охранным отделением наблюдением выяснены ее сношения с Потресовым, Степаном Радченко и его женой Любовью Николаевной, с профессором Лесгафтом и Калмыковой.

(Справка департамента полиции. — ДП, о. о., 1898 г., д. № 317, л. 2.)

Состояла членом «о-ва помощи в чтении больным и бедным» [15]).

(Докладная записка департамента полиции от 9 июля 1901 г. — ДП, III, 1901 г., д. № 682, л. 83.)

Москва.

24 декабря.

Выехала из Петербурга в Москву.

(Донесение петербургского градоначальника от 30 декабря 1896 г. за № 18549. — Там же.)

1897 г.

16 мая.

Выехала за границу [16]).

(Донесение Московского охранного отреления в департамент полиции 19 мая 1897 г. за № 1624. — ДП, III, 1892 г., д. № 456, л. 145.)

17 сентября.

Возвратилась из-за границы, где виделась с Плехановым, Аксельродом. Получила рекомендацию в Москву «к очень серьезному деятелю, имеющему организовать в Москве солидную группу» [17]).

(Отношение пом. нач. Александровского отделения Варшавского жан-

дармского полицейского управления ж. д. от 30 сентября 1897 г. — Там же, л. 149).

(Агентурные сведения Московского охранного отделения от 2 октября 1897 г. — ДП, о. о., 1907 г., д. № 317, л. 8.)

Москва.

13 октября.

В письме к А. М. Лукашевич [18]) в Киев писала: «Нам необходимо повидаться и поговорить, настолько необходимо, что даже ничего както не пишется. Если вы не можете приехать в Москву, то я постараюсь как-нибудь специально к вам направиться. Теперь еду недели на полторы в Казань по очень неприятному делу. Я Москвой не могу сказать, чтобы была довольна. Надеялась я этим летом, что она осенью больше даст; хотя впрочем может быть я слишком скоро заключаю, здесь я всего неделю» *).

(Выписка из перлюстрированного в департ. полиции письма. — ДП, о. о., 1898 г., д. № 790, л. 6.)

1898 г.

Январь.

«Елизарова толкует об организации типографии в Твери».

(Агентурные сведения Московского охранного отделения от 22 января 1898 г. — ДП, о. о., 1898 г., д. № 2, ч. I, л. А, л. 26.)

11 февраля.

В письме в Штутгарт писала: «Вещи из Иркутска прошу послать или в Минусинск, Софье Моисеевне Фридман для В[ладимира] И[льича], или, если удобно, переправить только по железной дороге, то в Красноярск, Большекоченская ул., д. Поповой, Клавдии Васильевне Поповой, также для В[ладимира] И[льича]. Из них первый ближе к цели, но оба совершенно верны. Буду очень благодарна за распоряжение по возможно скорой доставке их. Куплены ли книги, на которые оставлены были деньги?» [19]).

(Выписка из перлюстрированного в департаменте полиции письма. — ДП, о. о., 1907 г., д. № 317, л. 16.)

Подольск.

9 мая.

Поселилась в г. Подольске. Часто выезжала в г. Москву, где вела деловые сношения с социал-демократическими кружками, а также переписывалась с заграницей, «посещала Московское губернское жандармское управление с вещами и книгами для передачи арестованному ее брату Д. И. Ульянову, привлеченному к дознанию по делу о «Рабочем союзе». В управлении она знакомилась с частными лицами, приходившими с вещами для арестованных, расспрашивала их о привлеченных к дознаниям лицах, назойливо требовала постоянных свиданий с офицером, производящим дознание о ее брате, и товарищем прокурора, на-

*) На подлиннике резолюция директора деп. полиции: «Нет ли указаний, что это за дело» и помета Л. А. Ратаева: «Нет».

блюдавшим за таковыми, чем отвлекала их от дела из-за пустяков, вследствие чего было сделано распоряжение об удалении ее из управления немедленно по передаче ею вещей для брата».

(Сведения Московского губернского жандармского управления с 1 января 1898 г. по 1 января 1899 г. — ДП, III, 1892 г., д. № 456, лл. 180, 182, 184.)

Петербург.

11 июня.

В письме к М. Т. Елизарову из Петербурга А. И. сообщала: «Пишу тебе в квартире Ивана Н[иколаевича Чеботарева]. Вчера меня приняли, но я ходила и думаю еще пойти на кое-какие разведки и до субботы хочу остаться здесь. В субботу пойду, может быть, опять в деп[артамент полиции]. На вокзал явилась я в 6 ч. 20 м. и караулила до 7 ч. поезда, думая, не поедешь ли ты с ним, но, вероятно, ты гулял на даче. Доехала я и устроилась в вагоне прекрасно. А хотела сообщить тебе, когда сможешь увидеть Б. Хочу еще повидать писателя, чтобы узнать о книге, он на даче, думаем с Ив. Н. съездить туда на-днях» [20]).

(Выписка из перлюстрированного в департаменте полиции письма.— ДП, о. о., 1898 г., д. № 317, л. 28.)

25 августа.

Выехала с М. Т. Елизаровым в Крым (в Алупку).

(Сведения Московского губернского жандармского управления с 1 июля 1898 г. по 1 января 1899 г. — ДП, III, 1892 г., д. № 944, л. 106.)

1899 г.

Москва.

Входила в состав Московского комитета РСДРП. Пользуясь своими связями за границей, оказывала существенную услугу делу транспортирования из-за границы нелегальной литературы, а также информировала заграничных деятелей о выдающихся фактах рабочего движения в России. Имея обширные связи в революционной среде, оказывала поддержку не только тайным организациям, действующим в столицах, но и группам, работающим в других городах, преимущественно юго-западных [21]).

(Агентурные сведения Московского охранного отделения от 8 мая 1899 г. — ДП, о. о., 1898 г., д. № 2, ч. I, л. Б. Справка департамента полиции. — ДП, о. о., 1898 г., д. № 317, л. 6.)

Ведет постоянные сношения с заграничными деятелями.

(Из секретного донесения отделения по охранению общественной безопасности и порядка в гор. Москве, № 12503, от 3 сент. 1899 г.)

Сентябрь.

Приняла участие в издании газетки «Волна» № 1, отпечатанной на мимеографе.

(Агентурные сведения Московского охранного отделения от 9 октября 1899 г. — ДП, о. о., 1899 г., д. № 14, ч. 32, л. 1.)

4 октября.

Отправила в Берлин в адрес г-жи Шток, сестры известного немецкого соц.-демократа Граднауера, соредактора «Vorwärts», рукопись рассказа «Искорки» с припиской: «Посылаю эту рукопись для того или другого издания по усмотрению» *).
(Рукопись. — ДП, о. о., 1898 г., д. № 317, л. 31.)

1900 г.

Москва.

5 апреля.

Из Москвы выехала в г. Подольск [22]).
(Сведения Московского охранного отделения январь—июнь 1901 г.— ДП, III, 1892 г., д. № 456, л. 173.)

1900 г.

Подольск.

7 июня.

Вместе с В. И. Лениным и М. Т. Елизаровым из Подольска выехала в г. Уфу [23]).
(Сведения Московского губернского жандармского управления с 1 января 1900 г. по 1 июля 1900 г. — ДП, III, 1892 г., д. № 944, л. 100.)

26 июня.

Возвратилась в Подольск из поездки в Уфу.
(Там же.)

Сентябрь.

Выехала за границу, где приняла участие в издании «Искры» и «Зари» [24]).
(Справка департамента полиции. — ДП, III, 1892 г., д. № 456, лл. 169 и 173.)

С 24 сентября по 12 октября.

Проживала в Берлине, откуда выехала в Прагу.
(Донесение заведующего агентурой в Берлине Гартинга в департамент полиции от 28 января 1902 г. за № 10. — ДП, о. о., 1898 г., д. № 317, л. 6.)

10 ноября.

В письме из Парижа к А. А. Фаусеку в Петербург писала:
«Предлагаю вам перевести для изданий О. Н. Поповой одну из следующих книг:
Ziegler Theobald, «Individualismus und Socialismus in Geistesleben des XIX Jahrhunderts» [Dresden, 1899, 27 S.].
Loncao «Il lavoro e le classe rurali in Sicilia durante e dopo il feudalismo». [Palermo, Reber, 1900. VIII, 131 p.]
Gide [Ch.] «La coopération». [Conférences de propagande. Paris. Larose, 1900.]

*) На подлиннике резолюция директора деп. полиции: «Оставить при деле».—Рассказ «Искорки» напечатан в № 2 «Искра» за 1901 г.

Palloutier [F. et Pelloutier M.] «La vie ouvrière en France». [Paris. Schleicher, 1900, 4. 344 p. (Bibliothèque internationale des sciences sociologiques).]

Spahr [S.] «America's working people». [New York, 1900].

Kulemann [W.] «Die Gewerksschaftsbewegung». [Darstellung der gewerkschaftlichen Organisation der Arbeiter und der Arbeitgeber aller Länder. Jena, Fischer, 1900. XXII, 2, 704 S.]

(Выписка из перлюстрированного в департаменте полиции письма.— ДП, о. о., 1898 г., д. № 14, л. 83.)

1901 г.

Мюнхен.

11 апреля.

В письме к Оресту Говорухину просила выяснить некоторые оставшиеся для нее неизвестными обстоятельства по делу 1 марта 1887 г.

(Справка департамента полиции. — ДП, о. о., 1898 г., д. № 317, л. 3)

Берлин.

2 мая.

Возвратились в Берлин.

(Донесение заведующего агентурой в Берлине Гартинга в департамент полиции от 28 января 1902 г. за № 10.—ДП, о. о., 1898 г., д. № 317, л. 6.)

29 июня.

Выехала на остров Рюген.

(Там же.)

Декабрь.

Приехала в Берлин из Генуи.

(Донесение заведующего агентурой в Берлине Гартинга от 28 января 1902 г. за № 10. — ДП, о. о., 1898 г., д. № 317, л. 6.)

10 декабря.

В письме на имя М. И. Ульяновой в Самару сообщила: «Пишу из Берлина. Только ныне устроилась я, наконец, и комната мне очень нравится. Вот мой адрес: Шарихорштрассе, 34, III двор, у Туйтче».

(Выписка из перлюстрированного в департаменте полиции письма.— ДП, о. о., 1898 г., д. № 317, л. 52.)

Декабрь.

Квартирная хозяйка отказала А. И в квартире и сделала заявление полиции, что А. И. Елизарова вела подозрительный образ жизни, принимая разных лиц до поздней ночи [25]).

(Донесение заведующего заграничной агентурой Гартинга в департамент полиции от 28 января 1902 г. за № 10. — ДП, о. о., 1898 г., д. № 317, л. 6.)

1902 г.

Февраль.

Присутствовала в одном из ресторанов Шарлоттенбурга на вечеринке эмигрантов в пользу Сибирской кассы.

(Донесение заведующего агентурой в Берлине Гартинга в департа-

мент полиции от 14/27 февраля 1902 г. за № 1. — ДП, о. о., 1898 г., д. № 317, л. 6.)

Май.

Выехала в Дрезден.
(Справка департамента полиции. — ДП, о. о., 1898 г., д. № 317, л. 1.)

Август.

Возвратилась через пограничный пункт Александрово из-за границы в Россию [26]).
(Сведения Киевского жандармского управления от 5 февраля 1904 г. за № 2753. — ДП, VII, 1904 г., д. № 90, ч. 30, л. 2.)

24 августа.

Выехала в г. Томск [27]).
(Телеграмма начальника Александровского отделения Варшавского жандармского полицейского управления ж. д. от 24 августа 1902 г. за № 279. — ДП, о. о., 1898 г., д. № 317, л. 62.)

1904 г.

Киев.

2 января.

Арестована по делу «О Центральном и Киевском комитетах РСДРП», содержалась в Киевской тюрьме [28]).
(Сведения Киевского губ. жандармского управления от 5 февраля 1904 г за № 2753. — ДП, VII, 1904 г., д. № 90, ч. 30, л. 2.)

22 января.

Допрошена при Киевском губернском жандармском управлении.
(Там же.)

8 июля.

Освобождена из-под ареста под особый надзор полиции. Местом жительства избрала дачу при ст. Саблино, Николаевской ж. д. [29]).
(Уведомление Киевского губернского жандармского управления в департамент полиции от 10 июля 1904 г., за № 15562. — ДП, VII, 1904 г., д. № 90, ч. 30, л. 3.)

9 марта.

С. Штейнберг, секретарь редакции журнала «Жизнь», предложил Анне Ильиничне перевести с итальянского языка статью Земпеля о проблеме социологии.
(Донесение Киевского губернского жандармского управления в департамент полиции от 15 января 1904 г., № 1286. — ДП, VII, 1904 г.; д. № 90, л. 13.)

Декабрь.

Выехала в Петербург [30]).
(Донесение Киевского губернского жандармского управления в департамент полиции от 11 декабря 1904 г. за № 24824. — ДП, VII, 1904 г., д. № 90, ч. 30, л. 15.)

1907 г.

Москва.

28 января.

Арестована на Садовой улице с пачкой бюллетеней выборщиков от РСДРП, содержалась при полицейском управлении 2 участка Арбатской части [31]).

(Протокол о задержании и рапорт пристава 2 уч. Арбатской части от 28 января 1907 г. за № 80. — Московское охранное отделение, 1907 г., д. № 278, лл. 1—3.)

29 января.

Освобождена из-под ареста без последствий.

(Телеграмма Московского охранного отделения приставу 2 уч. Арбатской части от 29 января 1907 г. за № 2986. — Московское охранное отделение, 1907 г., д. № 238.)

1911 г.

Москва.

3 ноября.

Вместе с М. Т. Елизаровым прибыла из-за границы и поселилась в меблированных комнатах «Ницца» у Никитских ворот. Была узнана филером и взята под наблюдение [32]).

(Отношение Московского охранного отделения в Саратовское губернское жандармское управление от 24 декабря 1911 г. за № 267480. — Московское охранное отделение, 1911 г., д. № 384.)

1912 г.

Саратов.

Принимала активное участие в издававшейся в Саратове с весны 1911 г. «Приволжской газете».

(Постановление и. д. начальника Саратовского губернского жандармского управления от 27 июля 1912 г. — ДП, VII, 1912 г., д. № 767, л. 29.)

7 мая.

Арестована по делу Саратовской группы РСДРП (большевиков) [33]).

(Сведения Саратовского губернского жандармского управления от 17 мая 1912 г. за № 5419. — ДП, VII, 1912 г., д. № 767, л. 24.)

8 мая.

Допрошена при Саратовском губернском жандармском управлении.

(Там же.)

1914 г.

Поддерживала переписку с В. И. Лениным и Н. К. Крупской по делам партийного характера [34]).

(Доклад Петроградского охранного отделения от 3 сентября 1916 г. за № 19032. — ДП, V, 1916 г., д. № 50 — 541, л. 5.)

31 января.

В письме из Кракова от 31 января 1914 г. Н. К. Крупская писала Анне Ильиничне в Петербург: «Насчет «Работницы» писали все в 20

мест. Дело идет в известной степени стихийно Некоторая публика взялась за него, повидимому, вплотную. Не знаю, как наладится. Об этом, впрочем, напишет тебе В. [Ленин]» [35]).

(Выписка из перлюстрированного в департаменте полиции письма.— ДП, перлюстрация 1914 г., № 87.)

Вологда.

19 сентября.

В письме из Вологды в Берн (через Стокгольм и Париж) В. И. Ленину по поводу его ареста австрийскими властями А. И. писала: «А мне и Марку [Елизарову] в Петербург напиши подробнее. М. получил там место, и я поеду туда, как вернется Маня [М. И. Ульянова]» [36]).

1915 г.

Петербург.

Получала из-за границы журнал «Социал-демократ». Входила в литературную комиссию, которая заведывала книжным магазином «Правда».

(Доклад Петроградского охранного отделения от 3 сентября 1916 г. за № 19032.— ДП, V, 1916 г., № 50 — 541, л. 5.)

1916 г.

Состояла членом «Северного областного бюро РСДРП».

(Доклад Петроградского охранного отделения от 3 сентября 1916 г. за № 19032. — ДП, V, 1916 г., д. № 50 — 541, л. 5.)

21 июля.

Арестована и содержалась в петроградской женской тюрьме [37]).
(Справка департамента полиции от 28 сентября 1916 г. — ДП, V, 1916 г., д. № 50 — 541, л. 51.)

27 сентября.

Состоялось постановление особого совещания о высылке под гласный надзор полиции в Астраханскую губ. на все время военного положения в Петрограде.
(Доклад департамента полиции от 27 сентября 1916 г. — ДП, V, 1916 г., д. № 50. — 541, л. 40.)

18 октября.

Помощником главного начальника Петроградского военного округа по гражданской части разрешено остаться в течение одного месяца в Петрограде для лечения, затем срок продлен еще на два месяца
(Донесение Петроградского охранного отделения в департамент полиции от 28 октября 1916 г. за № 22421. — ДП, V, 1916 г., д. № 50 — 541, л 189.)

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Несколько человек, привлекавшихся по делу 1 марта, с которыми была знакома и А. И., были родом с Кубани и входили в соотв. землячество (Андрюшкин, Генералов).

2) «Слушали мы с Сашей (Александром Ильичем Ульяновым) лекции Семевского по крестьянскому вопросу.

Когда курс Семевского был снят в университете и на женских курсах (В. Семевский был тогда на счету крайних левых), мы в числе избранных дослушивали на его квартире».

(«Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887», стр. 81).

3) «На мой адрес была дана телеграмма о высылке азотной кислоты для приготовления динамита». (Из автобиографии А. И. Ульяновой).

4) От казанского губернатора были запрошены сведения о политической благонадежности теток Анны Ильиничны со стороны матери: А. А. Веретенниковой и Л. А. Пономаревой и их детей, который в свою очередь телеграфно, шифром, запросил об этом лаишевского уездного исправника. Последний ответил, что «какой-либо неблагонадежности в политическом отношении в них не заметно».

Этот запрос вызывался условием дозволить А. И. Ульяновой «проживать у одной из ее теток, Веретенниковой или Пономаревой, если они сами благонадежны в политическом отношении». (Отношение департамента полиции на имя казанского губернатора от 17 мая 1887 года за № 1604), и «за ручательством тетки, у которой Анна Ульянова будет проживать» (там же).

5) Анне Ильиничне было выдано проходное свидетельство безостановочно на Москву, Нижний-Новгород, до Симбирска, где Ульяновой разрешено пробыть до 20 июня, а из Симбирска в дер. Кокушкино, Черемышской волости, Лаишевского уезда, Казан. губ. (там же).

6) На прошение Анны Ульяновой от... сентября 1887 г. департамент полиции ответил (отношение от 16 октября 1887 г. за № 3880), что «ходатайство ее о разрешении ей переехать на предстоящую зиму в Казань министерством внутренних дел оставлено без последствий».

Ходатайство о том же было возобновлено уже матерью, М. А. Ульяновой, в сентябре 1888 года с приложением свидетельства о болезни А. Ульяновой, но разрешение переехать в Казань было дано лишь временно, на 4 месяца. 12 октября Анна Ульянова переехала в Казань. (Отношение уездного исправника от 28 октября 1888 г. за № 39).

7) 28 февраля 1889 года М. А. Ульянова возбудила ходатайство о разрешении А. И. Ульяновой переехать вместе с ней на приобретенный ею хутор Алакаевка, Самарской губ., на что департамент полиции (отношение от 11 марта 1889 г. за № 984) ответил согласием. 3 мая А. И. Ульянова выехала из Казани в Самару.

8) Самарский уездный исправник (отношение от 11 августа 1889 г. за № 64) донес самарскому губернатору, что «Анна Ульянова, 28 минувшего июля вышедшая в замужество за студента С.-Петербургского университета Марка Тимофеевича Елизарова, с ним, 30 числа, самовольно выехала из дер. Алакаевки в город Самару». За это она была привлечена к ответственности по 63 ст. уст. о наказаниях и «приговорена мировым судьей 3 участка Самарского округа 15 сентября к штрафу в 20 руб., а при несостоятельности — к аресту на 6 дней (отношение уезд. исправника самарскому губернатору от 21 сентября). Позднее, летом 1891 г., А. Ульянова «за самовольную отлучку ее 10 июля из дер. Алакаевки в гор. Самару была подвергнута земским начальником 6 участка Самарского уезда денежному штрафу на 25 рублей» (отношение самарского уездного исправника самарскому губернатору от 4 сентября 1891 г. за № 58).

Приехала в Москву осенью 1893 г.

9) «Завела знакомство с московскими социал-демократами, с кружком Мицкевича — Масленниковых — Ганшина, провалившемся в 1895 году», — пишет Анна Ильинична в своей автобиографии. «Позднее имела сношения с кружком Батурина—Финна—Чорбы—Владимирского».

10) «1896 год провела почти весь в Петербурге, где сидел тогда брат Владимир Ильич, вела для него сношения, переписывала посылаемые им из тюрьмы шифром и химией сочинения, листки и программу РСДРП. Стояла близко к работавшей тогда в Петербурге группе Союза борьбы, оказывала ей услуги по хранению и распространению литературы, шифровке и др.» (из автобиографии А. И. Ульяновой).

11) «Для меня выезд из Москвы на это лето диктовался еще отношением ко мне московской полиции и жандармерии, предложившей мне выехать перед коронацией Николая II из Москвы. (Из автобиографии А. И. Ульяновой).

12) «С мая мы вместе с матерью и сестрой Марией Ильиничной приехала в Петербург с тем, чтобы поселиться на даче по близости, навещать брата и заботиться о нем» («Пролетарская революция» № 3 за 1924 г.).

В Петербург Анна Ильинична выезжала, конечно, гораздо чаще, чем «еженедельно на один день». Она сама пишет, что «приносила книги два раза в неделю — по средам и субботам». Кроме того, она ездила на свидания, которые бывали по другим дням, ездила и по различным многочисленным поручениям Владимира Ильича.

13) «Рыбалкина» («Рыба», «Минога») — конспиративная кличка Надежды Константиновны, об аресте которой Анна Ильинична сообщала М. Т. Елизарову. Установить, о каких других лицах идет речь в письме, не удалось.

14) Речь идет о состоянии дел в партийной организации.

15) Общество «Помощь в чтении больным и бедным» было открыто в 1896 г., в него вошли многие бывшие члены закрытого в этом году Петербургского комитета грамотности. О-во свою деятельность развернуло преимущественно среди заводских и фабричных рабочих, устраивая спектакли, народные чтения и библиотеки. Так, обществом были организованы народные аудитории при Путиловском заводе, Александроневской мануфактуре, на фабрике Паля, на Охтенском пороховом заводе, в Галерной гавани для рабочих Балтийского завода. Председателем о-ва состоял профессор Лесгафт. В 1901 г. о-во было закрыто.

16) «Летом 1897 года была за границей, где завязала сношения с группой «Освобождение труда» (Плехановым, Засулич, Аксельродом) и с группой «Рабочее дело». Корреспондировала им потом из России». (Из автобиографии А. Ульяновой).

17) О ком идет речь, установить не удалось.

18) А. М. Лукашевич — член Московского комитета в 1898 г. (см. прим. 21). «Дэло» в Казани, которое так интересовало директора департамента полиции, касалось, вероятно, денежных расчетов по Кокушкину и ничего конспиративного в себе не заключало.

19) В письме от 15 июля 1898 г. Владимир Ильич сообщает: «Я уже писал, кажется, что на мое имя прислан ящик с книгами из Вильны (я еще не получил его). Не могут ли быть это те самые, которые съездили в Иркутск. («Письма к родным», стр. 117).

20) Речь идет, очевидно, о книге В. И. Ленина «Экономические этюды и статьи». «Писатель» — П. Б. Струве.

21) «С осени 1898 года вошла в первый Московский комитета РСДРП, членами которого были: П. В. Луначарский, С. Н. Луначарская (Смидович), А. В. Луначарский — эти три лица явились из-за границы на работу с рекомендацией от Аксельрода ко мне, — М. Ф. Владимирский, А. М. Лукашевич». (Из автобиографии А. И. Ульяновой).

22) Об «окружении» А. Ульяновой-Елизаровой в Подольске можно судить по следующему полицейскому донесению: «Жила со своим мужем негласно-поднадзорным М. Т. Елизаровым; матерью своей, М. А. Ульяновой; сестрой, состоящей под особым надзором, М. И. Ульяновой; братом, негласно-поднадзорным Д. И. Ульяновым, с 10 по 16 июля гостил у нее брат, негласно поднадзорный В. И. Ульянов». (Из дела деп. полиции за № 456, № 150. Сведения, полученные при наблюдении с 1/VII 1900 по 1/I 1901 г. Моск. губ. жанд. упр.).

23) В Уфу А. Ульянова ездила с В. И. Лениным и М. А. Ульяновой. «Путешествие это я хорошо запомнила», — пишет Анна Ильинична в своих воспоминаниях об Ильиче (стр. 100). «Помню наши с ним подолгу в ночь затягивавшиеся беседы на пустынной верхней палубе маленького пароходика, двигавшегося по Каме и по Белой... Владимир Ильич подробно, с увлечением развивал мне свой план общерусской газеты, долженствовавшей сыграть роль лесов для построения партии».

24) «С 1900—1902 год жила за границей, участвовала в организации «Искры» (Из автобиографии А. Ульяновой).

25) «Под конец пребывания за границей, — пишет Анна Ильинична в своей автобиографии, — подверглась сильной слежке немецких и русских шпионов и должна была уехать из Берлина в деревню под Дрезденом».

Судя по рассказам Анны Ильиничны, хозяйка ее комнаты пускала в ее отсутствие рыться в ее вещах филера, который однажды, при ее возвращении домой, молниеносно проскользнул из ее комнаты.

26) «При переезде границы подвергалась тщательному обыску. Департаментом полиции был издан секретный приказ (напечатанный в «Искре») о том, чтобы «установить за моей деятельностью и сношениями самое строгое и вполне секретное наблюдение» (Из автобиографии А. Ульяновой).

27) Нелегальные сношения А. Ульянова продолжала и во время своей временной поездки на Восток, как это видно из переписки с родными и рассказов товарищей, в частности тов. Ярославского.

28) «1 января 1904 г. была арестована в Киеве по делу первого ЦК большевиков. Просидела 6 месяцев. Вследствие наступившей «весны» Святополк-Мирского дело кончилось ничем». (Из автобиографии А. Ульяновой).

29) «Поселиться удалось в часе езды от Питера, в Саблине, откуда выезжала в Питер, участвовала в Ком. Кроме того, вела корреспонденцию с заграничным ЦК большевиков, получала литературу оттуда, отвозила ее в Питер, а частью посылала в Москву и в ближайшие провинции».

30) Осенью и зимой 1904/05 г. Анна Ильинична, как видно из ее автобиографии, посещала некоторые гапоновские собрания, была на улицах во время расстрела рабочих 9 января. С возникновением марксистских и иных издательств, появившихся в большом количестве после октябрьского манифеста, занималась, между прочим, переводами, редактированием, будучи одним из членов редакции «Вперед». На одном из редакционных собраний не была арестована вместе с другими членами, так как случайно на него запоздала.

31) Осенью 1907 г. А. И. ездила за границу для разбора партийного архива. «В январе 1907 г. я попала в Москву проездом из Самары, где жил высланный из Питера муж мой, Елизаров. В январе этого года в Москве происходили выборы во II Госуд. думу, и я была арестована на улице с пачкой листков, рекомендующих депутатов от социал-демократов в Госуд. думу» (Из автобиографии Анны Ильиничны).

32) «Осенью 1908 г. я перебралась в Москву, где провела и 1909 год. Я корреспондировала за границу, но в местной работе участия принять не удалось, с одной стороны, из-за тяжелой болезни матери, а с другой, из-за того, что пришлось налаживать издание и корректирование книги Ильича «Материализм и эмпириокритицизм», которая вышла в Москве весной 1909 г. Осенью 1910 г. перебралась в Саратов, где участвовала в легальной демократической газете «Приволжская правда» и потом в популярной «Саратовской копейке». Писала также некоторые листовки для Саратовского комитета. Осенью 1911 г. была за границей и в Париже виделась с Ильичем» (Там же). Выдержки из некоторых перлюстрированных писем В. И. к А. И. опубликованы в «Письмах к родным».

33) «7 мая 1912 г. была арестована вместе с сестрой Марией Ильиничной и некоторыми членами Саратовского комитета, но просидела только две недели» (Там же).

34) «...Деловая, химическая переписка шла у нас за эти годы, когда всякая корреспонденция в ЦК сильно сократилась, тем интенсивнее, и в единственной, сохранившейся от 1915 года открытке Владимира Ильича он особенно — «очень, очень и очень» благодарит меня за книгу, за интереснейшее собрание педагогических изданий и за письмо». «Интереснейшим» собрание педагогических изданий было, конечно, вследствие написанного меж его строк химией» (Из предисловия «Писем к родным», стр. XVIII). Некоторые конспиративные письма В. И. к Анне Ильиничне хранятся в Институте Ленина.

35) О том же говорится в других перлюстрованных письмах Н. К. Крупской. Анна Ильинична была членом редакции «Работница», а после ареста всех бывших на редакционном собрании членов ее, на которое она случайно запоздала, — единственным ее редактором. Несмотря на трудные условия в связи с большим провалом, ей не только удалось выпустить во-время — к 8 марта — первый номер (как затем и дальнейшие), но и распространить его.

36) «Летом 1914 г. я уехала в Вологду, где жила в ссылке по саратовскому делу сестра Мария с матерью. Тогда разразилась мировая война и все марксистские газеты и журналы были закрыты». Вернувшись в Петербург, «продолжала вести переписку с заграницей, собирала деньги на нелегальную заграничную литературу». «Литературу получала и распространяла ее» (Из автобиографии А. Ульяновой).

37) «В июле 1916 г. была арестована, через 3 месяца освобождена, приговорена к ссылке в Астраханскую губ. на 3 года. По болезни удалось отсрочить высылку, но была пора обысков; после второго, 25 февраля 1917 г. была арестована (вне результатов обыска) и освобождена через 3 дня революцией» (Там же).

Разгром Врангеля

III [1])

ПЕРЕХОД АРМИЙ ЮЖНОГО ФРОНТА В ОБЩЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ. ОПЕРАЦИЯ В СЕВЕРНОЙ ТАВРИИ.

Овладение 2 конармией Никопольским плацдармом. Продвижение частей 6 армии на перекопском направлении.— Отход противника с мелитопольской укрепленной позиции на Сальково под давлением частей 4 и 13 армий.— Рейд 1 конной армии на пути отхода противника в Крым. — Контрманевр Врангеля .— Действие ударной группы ген. Кутепова.— Борьба 1 конной армии с отступающими массами противника в районе Агайман—Громовка—Сальково — Рождественское.—Отход остатков врангелевской армии в Крым.

(28 октября—5 ноября 1920 г.)

Телеграмма командюжа Фрунзе командармам 13, 4, 6, 2 конной от 28 октября 1920 г. № 258/сек. 88/оп. [1]).

(О разгроме частями 2 конной армии Марковской дивизии противника.)

На Никопольском плацдарме в упорных боях 26, 27 октября частями 2 конной армии и ее пехотой разгромлена Марковская дивизия противника, уничтожен также и 42 пех. полк: нами взяты пленные, орудия, пулеметы. Вместе с тем отбиты все атаки конницы противника, наступавшей из Васильевка и Орлянск на Златополь и Балки. В связи с неудачей противника под Никополем и фактическим обходом нами левого фланга его укрепленных Мелитопольских позиций следует ожидать стремительного отхода противника к перешейкам.

Приказываю:

1) Командармам 13 и 4 развить до максимальных пределов темпы наступления и ни в коем случае не допустить противника оторваться от нас.

2) Командармам 6, 1 и 2 конной со всей энергией, требующейся создавшейся обстановкой,продолжать выполнение поставленных задач.

Командюжфронта: Фрунзе. Член РВС: Гусев. Врид. наштаюж: Паука.

---

[1]) См. «Красный архив», т. LXXII, стр. 3—43.

[2]) ЦАКА, д. № 58—024, л. 425.

Телеграмма командарма 6 командюжу от 28 октября 1920 г. № 12/с. [1]).

(Донесение о боевых действиях частей армии в районе Чалбасы — Брилевка — Б. Маячки.)

Во вторую половину дня 28 октября продолжалось наступление и к вечеру:

а) дивизия подошла на 3/4 версты к д. Чалбасы — Брилевка и завязала бой со сводно-гвардейским полком, результаты пока не выяснены.

б) Бригада 15 дивизии выбила из Б. Маячки 2 полка 13 дивизии и продолжает преследование отступающего противника на М. Маячки.

в) Части группы Блюхера с боем овладели Балтазаровским и Натальиным, продолжается преследование противника на Масловку, кавбригада в движении на Чаплинку, но сведений о достигнутых пунктах не поступало.

г) Латдивизия занимает попрежнему линию Дмитриевка—Константиновка—Каиры Западные; от высланной вперед разведки пока сведений не получено.

д) 52 дивизия вследствие сильного переутомления после боев 26 и 27 октября и проявления сегодня слабой энергии достигла главными силами линии М. Лепетиха — Б. Криница.

е) Весьма вероятно, что на Перекоп отойдут лишь сводно-гвардейский полк и второй корпус, а остальные части армии Врангеля будут отступать на ст. Салькове и Геническ.

ж) 29 октября армия будет продолжать преследования противника, при этом дивизиям ставится задача главными силами достигнуть районов: 1 дивизии — Каланчак; группе Блюхера — Перекоп; латдивизии — Вознесенка, Успенская; 52 дивизии — Рубановка.

Командарм 6: Корк. Член РВС: Пятаков.

Приказ по 1 конной армии от 28 октября 1920 г. № 127/оп. [2])

(О переходе в решительное наступление дивизий 1 конной армии в районе Аскания-Нова — Б. Токмак — Агайман — Успенская и др.)

1) Лучший из корпусов армии Врангеля 27 октября разбился о 2 конную армию, и все попытки противника отбросить ее к Днепру окончились полной неудачей. В связи с этим нами обойден левый фланг укрепленной линии Васильевка—Мелитополь. Несомненно, противник начал общий отход в Крым.

2) 6 армия — первая дивизия заняла Алешки без боя, выдвинулась к Костогрызово—Радянская. 51 дивизия при своем наступлении встретилась с арьергардами противника в районе Круглова, латдивизия без боя в 10 часов 10 мин. вышла на линии Дмитриевка—Антоновка—Константиновка—Каиры Западные. 52 дивизия занимает Нижн. Рогачик. Юго-восточнее Александровска наши части вышли на линию Орехов—Вербовое—Очеретоватый—Черниговка—Софиевка, имея задачей к

---

[1]) ЦАКА, д. № 280—449, л. 161.
[2]) ЦАКА, д. № 222—172, л. 49.

30 октября на правом фланге прорвать Михайловскую укрепленную позицию и выйти на линию Белозерка—Федоровка, на левом фланге к 30 октябрю овладеть Мелитопольским укрепленным узлом.

3) Директивой командюжа от 28 октября 1920 г. за № 259/сек./789/оп. 1 конной армии дана задача — отрезать противнику путь отхода в Крым, стремительным ударом не позднее 30 октября перехватить линию желдороги на Сальково; во исполнение чего приказываю:

а) 4 кавдивизии в 9 часов 29 октября перейти в решительное наступление в направлении Аскания-Нова — Громовка, уничтожить на своем пути противника и к вечеру расположиться на ночлег Сергеевка—Громовка—Воскресенская. При движении иметь правый боковой авангард. Вести глубокую разведку в юго-восточном направлении, а при расположении на ночлег разведывать в полосе Ново-Алексеевка — Петровское.

б) 14 кавдивизии в 8 часов 29 октября перейти в наступление в направлении Б. Тамаклы—Круглая—Ново-Покровка, уничтожить на своем пути противника и на ночлег расположиться Ново-Николаевка—Ново-Покровка. При движении иметь сильный левый боковой авангард, коему освещать направление на Агайман, а при расположении на ночлег разведывать на Чаплинка—Перекоп.

в) 11 кавдивизии выступить в 8 часов 29 октября из района Любимовка и к вечеру достигнуть Агайман, где и расположиться на ночлег. При встрече с противником разбить его на голову. Разведку вести в полосе Петровское—Н. Серогозы.

г) 6 дивизии в 7 часов 29 октября, переправившись у Берславля, к вечеру достигнуть района Успенская—Сысоева—Ново-Репьевка, где и расположиться на ночлег. — Разведку вести в полосе Н. Серогозы—Рубановка.

д) Особой кавбригаде и полештарму в 9 часов 29 октября выступить и к вечеру перейти в Аскания-Нова, где расположиться на ночлег. Особой кавбригаде вести разведку в южном и восточном направлениях.

4) Ввиду невыясненной группировки сил противника наступление вести с мерами охранения и тщательной разведкой; войдя в соприкосновение с противником, не терять его из виду.

5) Дивизиям иметь непрерывную связь между собою и соседними пехчастями и, в случае встречи с противником, действовать стремительно, нанося противнику ошеломляющие удары.

6) При расположении на ночлег 4 и 6 кавдивизиям поставить посты летучей почты до Аскания-Нова. 11 кавдивизии донесения посылать через 6 кавдивизию, 14 кавдивизии — через 4 кавдивизию.

7) Донесения до 9 часов 29 октября присылать в Берславль, с 9 часов до перехода полештарма в Аскания-Нова донесения присылать по дороге Аскания-Нова—Берславль, где будет двигаться полештарм.

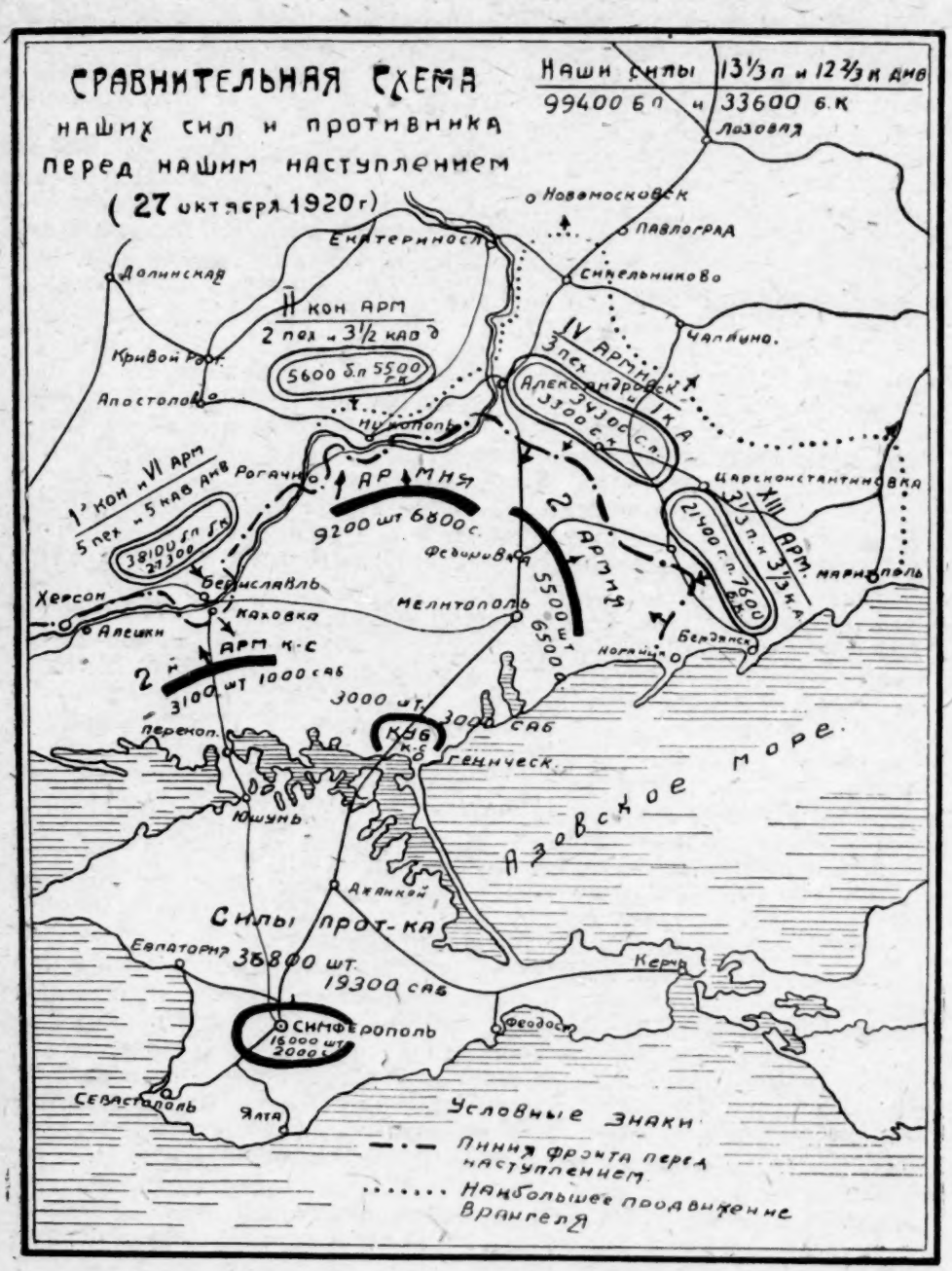
8) В Берславле оставить передаточный оперативный пункт, начальником коего назначается пом. начоперотделения тов. Цветков.

9) Головной огнесклад и продмаг № 2 — на ст. Березнеговатая.

10) Начсанчасти устанавливать этапы эвакуации при движении армии вперед, в Берславле иметь эвакопункт, в Каховке — перпитпункт [1]), в Аскания-Нова — летучку.

---

[1]) Перпитпункт — передовой питательный пункт.


СРАВНИТЕЛЬНАЯ СХЕМА
наших сил и противника
перед нашим наступлением
(27 октября 1920 г)
Наши силы 13⅓ п и 12⅔ к див
99400 б п и 33600 б.к
Лозовая
Новомосковск
Павлоград
Екатеринослав
Синельниково
Долинская
II кон арм
2 пех и 3½ кав д
5600 б.п 5500 г.к
Кривой Рог
Апостолово
Никополь
IV Армия
3 пех
Александровск
3300 с.п.
Чаплино
Цареконстантиновка
XIII Арм.
3⅓ п. и 3⅓ к.а
21400 с.п. 7600 б.к
Мариуполь
1 кон и VI арм
5 пех и 5 кав див
38100 б.п 5 к
27300
Рогачи
Армия
9200 шт 6800 с.
Федоровка
2 Армия
5500 шт
6500 с
Херсон
Бериславль
Каховка
Алешки
Мелитополь
Бердянск
Ногайск
2 й арм к-с
3100 шт 1000 саб
3000 шт
3000 саб
Перекоп.
Куб к-с
Геническ.
Юшунь
Азовское море
Джанкой
Силы прот-ка
Евпатория
36800 шт.
19300 саб
Керчь
Симферополь
16000 шт
2000 с
Феодосия
Севастополь
Ялта
Условные знаки
Линия фронта перед наступлением
Наибольшее продвижение Врангеля

11) Обозы второго разряда не переправлять на левый берег Днепра до особого распоряжения; в это же время пополнять обоз второго разряда огнеприпасами и продовольствием, а также ковочным материалом, каковые получить на ст. Березнеговатая; при движении же обозов первого разряда выставлять к ним сильные прикрытия.

12) Для связи немедленно выслать в полештарм из числа для поручений при начдивах.

13) Я буду находиться при полештарме, куда и присылать донесения согласно табели, а во время боя через каждые два часа.

тов. Тимошенко.

14) Заместители мои — член РВС тов. Ворошилов, и начдив. 4 кав.

Командарм 1 конной: Буденный. Реввоенсовета: Ворошилов. Начполештарм: Лецкий.

Бериславль, 28 октября 1920 г.

Оперативный приказ войскам 13 армии от 29 октября 1920 г. № 0239[1]).

(О переходе в наступление частей армии в районе ст. Федоровка — ст. Мелитополь.)

1) Стремительным наступлением частей нашей армии и партизанской армии в течение 28 октября противник сбит с сильно укрепленных позиций Гейдельберг — Б. Токмак—Ландскроне—Шардау—Маниловка, причем в районе Гейдельберг — Молочное — Б. Токмак разбиты части 6 дивизии противника (Самурский, 2 б-на Смоленского полка) и в районе Ландскроне — с. Мануйловка вся 3 дондивизия противника и кавчасти, предположительно бригады Долгопятова (18 и Дзюнтарский кавполки). В районе Мелитополя 27 и 28 октября сосредоточивалась крупная конница противника около 4 000 сабель, очевидно, 1 и 2 дондивизии противника. По железной дороге Б. Токмак—Федоровка—Мелитополь действуют бронепоезда противника. Противник намерен оказать сопротивление на линии Линденау—Троицкое — Астраханка. Части нашей армии к ночи 28 октября, преследуя противника, заняли Молочное — Гольштадт—Ракенау—Нейкирх и подходят Новоспасская—Николаевка—Инзовка. С утра 29 октября части армии продолжают стремительное наступление для выхода на линию Богдановка — Троицкое — Блюменштейн — Астраханка — Тихоновка — Покровка.

2) Правее нас в районе Никополя части 2 конармии и пехота группы тов. Федько в боях 26, 27, 28 октября, переправившись через Днепр, разбили части Корниловской и Марковской дивизий противника, причем к вечеру 28 октября противник удерживал Орлянск—Малая-Белозерка. По непроверенным сведениям, части 4 армии подходили к району Васильевка. Наступление армий южфронта из района Каховка развивается успешно, причем их конным частям приказано 30 октября перехватить желдорогу Мелитополь—Сальково и отрезать путь отступления противнику на Чонгарский полуостров.

3) Наша задача прежняя. В дополнение ранее отданных распоряжений приказываю:

---

[1]) ЦАКА, д. № 58—151, лл. 376—378.

а) Командарму повстанческой, ликвидировав противника в районе ст. Федоровка и свернувши армию в кулак, развивая наступление с максимальной быстротой, нанести стремительный удар противнику, двигаясь западнее желдороги Мелитополь — Сальково, во что бы то ни стало, на плечах отступающего противника, занять Чонгарский полуостров и прорваться в Крым. Будьте уверены, что красные части вверенной мне армии будут развивать стремительнейшее наступление для оказания поддержки при выполнении вам поставленной задачи. Учитывайте, что наши части, действуя из района Каховка, 30 и 31 октября, прервут желдорогу Мелитополь—Сальково.

б) Начдиву 42 продолжать стремительное наступление для занятия района Федоровка—Рейтенфельд к утру 30 октября, на правом фланге иметь сильный резерв для обеспечения себя от контрударя противника из района Тимашовка—Михаиловка. Наступление вести с исключительной быстротой, днем и ночью, доводя преследование противника до полного его уничтожения. Под личной вашей ответственностью поддерживать теснейшую связь с армией Махно и передавать мне ее сводки.

в) Начдиву 9 стрелковой с прежней энергией продолжать преследовать противника, имея в виду 30 октября левофланговыми частями овладеть ст. Мелитополь. В случае, если противник частям кавгруппы тов. Каширина окажет упорное сопротивление в районе Тихоновка — Астраханка, не допустит их переправиться через реку Молочная на подступах к Мелитополю, немедленно передать тов. Каширину мое приказание переправиться через реку Молочная на участке 9 стрелковой дивизии в местах, где имеются переправы, и нанести удар на Мелитополь и далее вдоль железной дороги на Сальково. Принять все меры к поддержанию связи с комкавгруппой тов. Каширины.

г) Комгруппы тов. Каширину продолжать выполнение ранее поставленной задачи, руководствуясь указаниями пункта *в* настоящего приказа.

д) Начдиву 2 донской выполнять ранее поставленную задачу. Обращаю внимание на медленность продвижения дивизии и отсутствие ударной группы для захвата на плечах отступающего противника Мелитополя.

е) Мой резерв — комбригу 4 Богучарской, 9 стр. дивизии — оставаться в Черниговке.

4) С 6 часов утра 30 октября я буду находиться при полештадиве 9 стр., куда всем начдивам присылать донесения, сообщая таковые в установленные сроки, также и в полештарм ст. Волноваха.

5) Передачу настоящего приказа для Махно возлагаю на начдива 42, а для тов. Каширина — на начдива 9 стрелковой.

6) Дальнейшие указания мною будут даны по ходу операции.

7) О получении сего приказа и исполнении донести. № 09568/оп.

Командарм 13: Уборевич. Член РВС: А. Линде.

т. Волноваха, 29 октября 1920 г.

Телеграмма М. В. Фрунзе В. И. Ленину от 29 октября 1920 г. № 44/о.[1]

(О положении на южном фронте. Все пехотные дивизии противника разбиты. Целой осталась только конница. Отход к Перекопу отрезан.

Наступление армий фронта развивается успешно. К 12 часам 29 октября в общей сложности нами атакованы и разбиты все номерные пехотные дивизии противника, кроме одной Дроздовской. Целой пока остается основная масса его конницы, сосредоточение которой предполагаю в районе Серогозы—Веселое. 30—31 октября должны разыграться решительные бои с этой последней силой врага, если только она не бросится уже теперь же в стремительное бегство на Сальково. Пути отхода на Перекоп отрезаны, и противнику остается одна дорога на Сальково. Считаю, что судьбу битвы к северу от перешейка возможно считать уже решенной в нашу пользу. Мною отданы распоряжения по выполнению второй и последней задачи фронта — овладению Крымским полуостровом. Если не так много шансов овладеть Перекопом с налета, — что, несмотря на это, будем делать обязательно, — то таковых довольно много на возможность переправ бродом или на плотах через Сиваш, пользуясь паническим настроением, которое будет создано фактом разгрома главных сил врага. Во всяком случае будет сделано все для разрешения задачи в кратчайший срок.

Фрунзе.

Харьков, 29 октября 1920 г.

Приказ по 1-й конной армии от 29 октября 1920 г. № 0128/п.[2]

(О переходе в наступление частей 1 конной армии в районе Ново-Михайловка — Ново-Алексеевка — Петровское — Юрицыно — Агайман — Кучкогус и пр.)

1) Противник на фронте 1 и 51 дивизий 6 армии оказывает слабое сопротивление, части 1 дивизии 28 октября заняли Чалбасы—Брылевка, имея 29 октября занять Каланчак; 51 дивизия 28 октября заняла Балтазаровский и 30 наступает на Перекоп — Армянский Базар.

Латдивизия с линии Дмитриевка—Константиновка в движении на линию Успенская—Вознесенка. 52 дивизия заняла М. Лепетиха. 2 конармия, переправившись с 27 на 28 октября, заняла Б. Знаменка—Водяное—Дмитриевка—Благовещенское—Балки и Златополь и имела задачей 29 октября наступать на Серогозы. 13 армия продолжает наступление на р. Молочная. Части вверенной мне армии 29 октября подходили к указанным им районам, не встречая противника.

2) Директивой командюжа за № 259/сек/789/оп. 1 конармии поставлена задача: отрезать путь отступления противнику в Крым, перерезав желдорогу на Сальково, и ударом в северо-восточном направлении совместно с 6 и 2 армиями разбить и взять в плен главные силы противника.

---

[1] ЦАКА, д. № 27—291/с, л. 117.

[2] ЦАКА, д. № 222—172, л. 50.

Во исполнение чего приказываю:

а) Начдиву 4 кавалерийской в 8 часов 30 октября начать наступление на Ново-Михайловку и ст. Ново-Алексеевка, имея основной задачей разрушить желдорогу в районе ст. Сальково и ст. Ново-Алексеевка и по дороге на Геническ, заняв таковой передовыми частями; разбить в этом районе противника, забрав у него технику. Для обеспечения себя от удара с перешейков выставить на них сильные заслоны с артиллерией, ведя разведку Чонгарского полуострова и Арабатской стрелки. Означенная задача должна быть выполнена стремительным ударом, после чего дивизиям занять и упорно удерживать район ст. Ново-Алексеевка—Вихляево—Стокопани — Хутора с. Юзкуя. Разведку вести на Н.-Григорьевка — Б. Утлюг. Штадив—Ново-Алексеевка.

б) Начдиву 11 кавалерийской в 8 часов 30 октября начать наступление и стремительным ударом в направлении Кучкогус—Петровское—ст. Юрицыно разбить встретившегося противника и налетом разрушить желдорогу на ст. Юрицыно и на ст. Сокологорная, по выполнении чего расположиться и упорно удерживать район: восточная окраина Петровская (где иметь одну бригаду)—хут. Адамы — ст. Юрицыно — Черный пад (имея здесь остальные две бригады). Разведку вести в полосе Мелитополь—Калашинская. Штадив—Фишера.

в) Начдиву 6 кавалерийской в 8 часов 30 октября перейти в наступление в направлении на Агайман—Кучкогус, занять и упорно оборонять район: Кутузова—Петровское—Санбрун—Бредихин, причем двумя бригадами занять восточную половину Петровское, а одной бригадой занять Кучкогус—Санбрун, имея в Санбруне кулак на случай появления противника со стороны Серогозы. Этой бригаде поставить задачу: войти в связь с латдивизией в районе Успеновка—Вознесенка. Разведку вести в полосе Калашинская—Серогозы—Успенская. Штадив—Петровское.

г) 14 кавдивизию назначаю в мой резерв, дивизии перейти в Рождественское. Выступление в 8 часов 20 октября. Штадив—Рождественское.

д) Особой кавбригаде выступить 30 октября в 9 часов и перейти в Ново-Троицкое. Разведку вести в полосе Успеновка—Аскания-Нова—Громовка. Особой кавбригаде оставить один эскадрон в Марьяновке, откуда выслать сильный разъезд на Чаплинку, связаться с группой, наступающей на Перекоп, получить от нее ориентировку, вручить им нашу, после чего эскадрону присоединиться к своей части в Ново-Троицком.

е) Полештарму выступить 30 октября в 9 часов и перейти в Отрада.

з) Начдивам иметь между собою тесную связь, оказывая взаимную поддержку. Действовать смело и решительно, разъяснив бойцам, что от них зависит нанести сокрушительный удар злейшему нашему врагу ген. Врангелю и не дать этой гидре снова заползти в Крым.

4) Начсанчасти иметь летучку в Громовка, в Аксания-Нова.

5) Я буду находиться при полештарме, куда и присылать донесения по табели, а во время боя — через два часа.

6) Мои заместители — член РВС тов. Ворошилов и начдив. 4 тов. Тимошенко.

Командарм 1 конной: Буденный. Член Ревоенсовета: Ворошилов.

Телеграмма командюжа Фрунзе командармам 6, 4, 13, 1 и конным от 29 октября 1920 г. № 0266/сек. 814/оп.[1]).

(Приказание: 1 конной — стремительным продвижением на восток овладеть районом Геническ, Сальково, 6 армии овладеть Перекопом).

Разгром главных сил противника вполне определился. В ближайшие дни наши армии несомненно выполнят поставленные им задачи по уничтожению живой силы противника к северу, сев.-востоку от перешейков. Наряду с завершением этой задачи перед армиями фронта стоит другая, не менее важная — немедленное овладение Крымом. Разгром неприятельских сил, паническое настроение, создаваемое этим в его тылу, позволяют надеяться на выполнение в кратчайший срок и этой последней задачи. Для достижения этого приказываю:

1) Командарму 1 конной стремительным продвижением на восток овладеть с налета районом Геническ, Сальково, учитывая то, что это направление остается единственным путем отхода противника, стремясь одновременно с этим овладеть с налета Сальковским, Арабатским перешейком и ворваться в Крым.

2) Командарму 6 в случае неудачи овладения Перекопским перешейком с налета приступить на этом участке к подготовке правильной инженерной и артиллерийской атаки. Параллельно с этим немедленно занять все северное побережье Сиваша, произвести рекогносцировку имеющихся бродов и использовать все местные средства, немедленно переправиться на южный берег и овладеть районом перешейков.

Командюжфронтом: Фрунзе. Член Реввоенсовета: Гусев
Врид. наштаюж: Паука.

Харьков, 29 октября.

Телеграмма командюжа Фрунзе командарму 2 конной от 30 октября 1920 г. № 0277/сек. 848/оп.[2]).

(О немедленном наступлении всеми силами в общем направлении на Ивановку в 20 в. с.-в. Агайман.)

Обращаю ваше внимание на отсутствие должной энергии и решительности в действиях вашей конницы. Вместо того, чтобы согласно моего приказа, стянувшись в общую ударную массу, стремительно броситься в район Серогозы—Калашинская, главная масса ее весь день 30 октября пассивно провела в районе Б. Белозерка, отбивая атаку двух конных полков противника, явно имевшую целью прикрыть отход главных сил. Этим же непростительным бездействием не была оказана своевременная помощь частям 1 конармии, вынужденным в районе Агайман выдерживать бой, не давший решающих результатов, с главной массой конницы противника. Приказываю немедленно всеми силами вверенной вам конницы ударить в общем направлении на Ивановка, что в 20 вер. сев.-вост. Агайман. Ставлю задачей достичь этого пункта не позднее вечера 31 октября. Об отданных распоряжениях донести.

Командюж: Фрунзе. Член РВС: Владимиров. Врид. наштаюж: Паука.

---

[1]) ЦАКА, д. №417—685/и, лл. 51—52.
[2]) ЦАКА, д. № 58—024, л. 455.

Телеграмма командюжа Фрунзе командармам 4 и 13 от 30 октября 1920 г. № 279/сек./850/оп. [1]).

(Приказание не допустить прорыва главных сил противника на Сальково.)

Противник, сбитый на всех участках фронта, спешно отступает на Сальково, стараясь прорваться через преграждающую ему путь 1 конармию. К вечеру сегодняшнего дня вероятное нахождение главных сил противника — в районе Серогозы — Калашинская—Михайловка — Ивановка. Необходимо не допустить прорыв этих сил на Сальково, для чего приказываю:

Командарму 4 продолжать энергичное движение вперед, использовав все местные средства, двигаясь днем и ночью, не считаясь со сроками и рубежами, указанными в директиве № 0567/сек./821/оп.

Командарму 13, продолжая стремительное выдвижение пехотою, бросить конницу рейдом, не задерживаясь боями с арьергардами противника, находящимися перед фронтом армии, с тем, чтобы выйти 31 октября в районе Петровское — х. Адама. От успешности выполнения данной задачи зависит разрешение основной задачи армии.

Командюж: Фрунзе. Врид наштаюж: Паука.

Харьков, 30 октября.

Додлад начдива 51 Блюхера от 30 октября 1920 г. № 12 [2]).

(О занятии г. Перекопа и неудачных попытках захватить Перекопские укрепленные позиции.)

Взять Перекопские укрепленные позиции налетом не удалось. Противник обеспечил себя, хотя и небольшими гарнизонами, но обеспеченными колоссальной материальной частью, которые, приспособленные фактически к условиям местности, [сделали] почти неприступным перешеек. Тактически позиция у противника неоценимая. Все преимущества и выгоды на его стороне, продвигающиеся наши части заметны и обстреливаются дальнобойной артиллерией, верст на 8—10 не доходя до Перекопа. Артиллерия и самые позиции у противника скрыты за валом и находятся если и в поражаемом пространстве артиллерией, то во всяком случае без наблюдения и, кроме того, наша артиллерия, не имея позиции, при своем появлении быстро подбивается артиллерией противника. Штурм позиций противника, начавшийся около 3—4 часов, закончился подходом наших частей к Перекопскому валу вплотную, с занятием гор. Перекопа и Кантемировка. Атака вала не удалась: 8 рядов проволочных заграждений, около ста пулеметных гнезд и могучая артиллерия заставили наши части залечь около самого вала. В атаке принимали участие 455, 456 полки, участок коих распространялся влево до Перекопа включительно, спешенные кавчасти отдельной кавбригады, атаковавшие Перекоп и Кантемировку, а также и два полка ударной бригады атаковали участок до Сиваша. Оказать могущественную поддержку пехчастям наша артиллерия не смогла:

---

[1]) ЦАКА, д. № 417—685 а, л. 67—68.
[2]) ЦАКА, д. № 230—449, лл. 170—175.

для нее нет позиций, и весь героизм, проявленный артиллеристами, выезжавшими в самый Перекоп для обстрела прямой наводкой, кроме опасности для материальной части, существенной поддержки оказать не смог, так как противник сразу засыпал их ураганным артогнем.

Вторая атака, около 7 часов, окончилась тем же, и части залегли, неся огромные потери, вели огневой бой с противником. К концу дня наши части, занявшие лихими атаками две полосы укрепления, преодолеть третью полосу — самый вал, несмотря на весь героизм, не смогли, ибо взять почти крепость одними штыками, плюс к этому не имея точных данных о состоянии позиции, безусловно невозможно. Дбаы уменьшить поражаемость наших частей и дать возможность отдохнуть людям и составить кавалерийские резервы для форсирования Сиваша атакой фланга укрепленной позиции Перекопа, отдельную кавбригаду с кавполками 15 и латдив отвожу в свой резерв и сосредоточиваю в районе Перво-Константиновка — Григорьевка, что в 4 верстах северо-восточнее Перво-Константиновка, и оставляю на позиции только части 152 и ударной огневой бригады.

Дальнейшее наступление фронтально на Перекопские позиции считаю без подготовки артиллерией ныне ведущим к плохим результатам. Дабы взять Перекопские позиции, распространиться до Армянска и атаковать вторую укрепленную полосу, идущую от Черного моря к озеру Соленое и дальше на восток, необходимо [положить] начало правильной систематической подготовке борьбы за укрепления, для чего в первую очередь, нужно усиление артиллерии, особенно дальнобойной и тяжелой, ибо легкая, благодаря близости действительного огня, существенной помощи оказать не может, [не] оставлять частей 152 и ударной огневой бригад, совершивших длинный марш, голодных, раздетых, теперь в районе, где нет ни населенного пункта и даже возможности подвезти им продовольствие; считаю нужным отвести части для приготовления к новому удару на линию по хорде от хутора Преображенка высота 94 — Перво-Константиновка, где нужно закрепиться, на что прошу вашего разрешения, а также прошу усилить меня артиллерией и довести до состояния возможности борьбы с артиллерией противника, его пулеметами, инженерными сооружениями вообще. В это же время произведу усиленные рекогносцировки Сиваша и, если есть броды, допускающие переправу частей, то использую эту атаку во фланг Перекопского укрепленного района. О вашем решении уведомьте немедленно.

Начдив 51: Блюхер. Вридвоенкомдива: Флигельман.
Наштадив: Датюк.

Оперативный приказ по 6 армии 30 октября 1920 г. № 17/к. [1]).

(О занятии группой Блюхера исходного положения и об артиллерийской и инженерной подготовке атаки Перекопской укрепленной позиции.)

Ударная группа Блюхера, проявив героические усилия, овладела Перекопом и двумя укрепленными позициями противника, но, понеся

---

[1]) ЦАКА, д. № 46—845, л. 58.

большие потери, не могла овладеть главной неприятельской позицией — Турецким валом; латдивизия, совместно с 6 и 11 кавдивизиями 1 конной армии, вела бой с переменным успехом в районе Агайман — Успенская—Вознесенка с наступавшей конницей противника; 52 дивизия преследовала противника от Рубановка на Торгаевка и Серогозы.

Приказываю:

1) Первой дивизии продолжать оборону Черноморского побережья от лимана Днепровского до Алексеевки, обратить особое внимание на прочное занятие вероятных пунктов высадки противника.

2) Комгруппы Блюхеру главными силами занять рубеж Адамань—северная оконечность залива Перекопского—Перво-Константиновка—Владимировка—Строгановка—Ивановка, оставить в Перекопе и против Турецкого вала сторожевое охранение, немедленно приступить к подготовке артиллерийской и инженерной атаки укрепленных позиций противника на Перекопском перешейке, возвратить кавполки 15 и латдивизии в распоряжение начдивов 15 и лат., принять в свое подчинение направляемые в группу два таона [1]) и тяжелую гаубичную артиллерию 15 и 52 дивизии, а также штаб артиллерийской группы Каховского плацдарма.

3) Начдиву лат. переместить дивизию в район Аскания-Нова—Дорнбург-экономия и быть готовым оказать поддержку в случае надобности 1 конной армии.

4) Начдиву 52 переместить дивизию в район Успенская—Агайман—Н. Серогозы и быть готовым оказать поддержку 1 и 2 конным армиям в районе Серогозы—Ивановка.

5) Начдиву 15, оставаясь в армрезерве, переместить дивизию в район Брилевка—Швецов—Белоцерковка.

6) Начдивам для сведения сообщаю, что к вечеру 1 ноября 4 и 13 армии главными силами должны достигнуть рубежа Серогозы—Ивановка — Петровское — ст. Юрицыно — Болград.

7) Разграничительные линии: а) между 1 дивизией и группой Блюхера: устье р. Ингулец — Каланчак — Алексеевка, включительно 1 дивизии; б) между группой Блюхера и латдивизией: Каховка—Наталыино—Ивановка, последняя включительно группе Блюхера; в) между лат. и 52 дивизиями: (временно) Завадовка—Дорнбург, включительно латдивизии; г) между 52 дивизией и четвертой армией: Ново-Воронцовка — В. Рогачик—Серогозы—Ново-Троицкое, все исключительно четвертой армии.

8) Штабам расположиться: 1-й дивизии — Б. Копани, группы Блюхера—Чаплинка, латдивизии — Натальино, 52 дивизии — Федоровка (на карте нет — в 4 вер. юго-вост. Антоновка). 15 див. — Б. Маячки.

9) Вследствие предстоящего сосредоточения штарма и армейского управления в Херсоне скарму [2]) 6 подготовить соответствующую сеть телеграфной связи.

10) О получении распоряжений донести.

Командарм 6: Корк. Член РВС: Пятаков. Начполештарм 6: генштаба Кирпичников.

---

[1]) Таон — дивизион тяжелой артиллерии особого назначения.
[2]) Скарм — нач. службы связи армии.

Телеграмма командюжа Фрунзе командармам 13, 6, 1 конной 30 октября 1920 г. № 0288/сек. 849/оп. [1]).

(О переходе в наступление 13 армии на Сальково; 6 армии подготовиться к штурму Перекопского перешейка и переходу Сиваша; 1 конной — перерезать пути отступления противника на Сальково.)

Части 2 конной, 4 и 13 армий к вечеру 30 октября вышли на линию Верхн. Рогачик—Б. и М. Белозерка—Тимошевка — ст. Федоровка — гор. Мелитополь. Командарму 2 конной приказано с рассветом 30 октября всеми силами конницы ударить в общем направлении на Ивановку для содействия 6 и 1 конной армиям. Командарму 13 приказано кавгруппу тов. Каширина бросить в стремительное наступление на Сальково. Командарму 6 подготовляться к штурму Перекопских позиций с одновременным переходом Сиваша в местах доступных для переправ. Штурм приурочить к ночному времени. Центром и левым флангом армии перейти в самое энергичное наступление, не давая противнику выйти из-под удара наших частей и отойти к Салькову. Командарму 1 конной, собрав все силы в ударную массу, во что бы то ни стало, перерезать пути отступления противнику на Сальково и уничтожить его.

Командюж: Фрунзе. Член РВС: Владимиров. Врид. наштаюж: Паука.

Харьков, 30 октября.

Телеграмма зам. начоперупрюж. тов. Михайлова главкому от 30 октября 1920 г. № 852/оп. [2]).

(Обстановка на южном фронте к 24 ч. 30 октября 1920 г.).

6 армия. 1 стр. дивизия занимает охрану побережья от Кинбурнская Коса до Каланчак, причем Скадовск занят частями 2 бригады. Из Каланчак ведется разведка на Адамань. 51 див. — частями 152 бригады 30 октября 5 ч. 30 м. занят Перекоп и ведется ожесточенный бой за обладание сильно укрепленным валом за Перекопом. По дополнительным данным, все ожесточенные атаки наших частей, прорвавших 2 ряда заграждений, противником отбиты. Вал за Перекопом укреплен восьмью рядами проволочных заграждений, в проходах стоят пушечные бронемашины. Со стороны противника действует сивашская артиллерия 40 легких и невыясненного количества тяжелых орудий. Латдивизия—без перемен. По сведениям штадива латышской, 6 и 11 кавдивизии 1 конармии, продвигаясь восточнее Агайман, были атакованы невыясненного состава и численности противником, наступавшим от Серогозы, и, не выдержав его натиска, отошли на Успенская—Ново-Репьевка. По только что полученным сведениям, 6 и 11 кавдивизии, заняв 30 октября утром Агайман, были атакованы противником силою

[1]) ЦАКА, д. № 58—022, л. 443.
[2]) ЦАКА, д. № 53—116, л. 206—207.

до 7000 сабель и одной дивизией пехоты. Агайман два раза переходил из рук в руки, но ввиду потерь 6 и 11 кавдивизии отошли на Успенская—Ново-Репьевка. 31 октября с рассветом дивизии вновь переходят в наступление. 15 стр. дивизия 30 октября занимает Натальино—Зеленый Пад — Дмитриевка и ведет разведку на х. Куликовского, 52 див.—части 154 бригады 30 октября с боем заняли Рубановку и преследуют части Дроздовской и Корниловской дивизии и Терско-Астраханской бригады в южном и юго-вост. направлениях. 156 бригада совместно с 52 кавполком 30 октября ведет наступление на х. Косова (12 в. вост. Рубановка), 155 бригада 30 октября прибыла в Рубановку.

1 кон. армия. Сведений к сроку не поступало.

2 кон. армия. 46 див. — 137 бригада без перемен; от 136, 137 и отд. кав. бригады — сведений о прибытии в Б. Белозерка не поступило. 2 и 21 кавдив. и 7 бригада 3 стр. дивизии — в Б. Белозерке. Частями 16 кавдив., кавбригадой Кицюка и двумя полками 30 стр. дивизии 30 октября занято с. М. Белозерка. 30 октября противник силою до 2 полков конницы произвел налет на Б. Белозерку, но был отбит частями 2 кавдив. В бою разорвавшимся снарядом противника ранен начдив 2 кав. тов. Рожков, убит наштадив тов. Борис, тяжело ранены помнаштадив тов. Щеглов и начдив тов. Друя.

4 армия. 30 див.—частями 88 бригады 30 октября занята сев-вост. окраина сев. М. Белозерка. 90 бригада 30 октября без боя заняла д. Тимашовка. 23 див. — части дивизии, преследуя отходящего противника, 30 октября выходят на линию Александрия — Мариангейм — Крансфельд—дер. Федоровка. Штадив 23 перешел в Эристовку. Интернациональная бригада сосредоточивается в районе Рейхенфельд — Карлсру—Вассерау. Сводная дивизия 30 октября на марше в районе Фридрихсфельд—Молочное.

13 армия. От 42 дивизии и партизанской армии Махно за перерывом связи сведений не поступало. По сведениям штадива 9 стр., 26 бригада 42 див. 30 октября заняла Ново-Богдановку. 9 стр. див. — части дивизии достигли линии Спасское—Терпенье. Штадив 9 стр. в Розенорт. 7 кавдив. занимает одной бригадой Спасское, другой бригадой—Минстерберг. 9 кавдив — части второй бригады, по непроверенным сведениям, 30 октября заняли ст. Федоровка; 3 кавбригада в движении от Терпенье в обход Мелитополя с юго-западной стороны. Частями 5 кавдивизии 30 октября 10 час. 30 м. занят г. Мелитополь; преследуемый противник отходит на ст. Акимовка. Кавчасти 2 донд дивизии 30 октября занимают д. Тихоновка.

Зам. начоперупрюж: С. Михайлов. Военком: Андреев.

Телеграмма начполештарма 1 конной Лецкого от 1 ноября 1920 г. [1])

(О боях на фронте 14 дивизии в районе Рождественское и особой бригады в районе Отрадное и об обстановке на остальных участках 1 конной армии.)

31 около 17 ч. большие колонны конницы противника двигались по дороге из Агаймана на Петровское, одновременно противник двигался на первую кав. бригаду 11 див., расположенную в Ново-Троиц-

[1]) ЦАКА, д. № 53—126, л. 19.

ком; было приказано немедленно перейти в наступление 14—из Вознесенки на Кутузово, особой—на Сорокино и частям 11 кав. дивизии—в северном направлении.

Около 17 ч. 30 м. завязался горячий артиллерийский бой в районе Отрады. Противник старался обойти правый фланг. Особая кавбригада нанесла противнику большие потери изрубленными, причем бой велся на улицах Отрады.

Части 11 кавдивизии, поддержанные частями особой бригады, отбросили противника на себер от Ново-Троицкого.

Одновременно 14 кавдивизия вела бой в районе Рождественское; результаты неизвестны. К 21 часу в район Ново-Троицкое подошла третья бригада 4 кавдивизии, занявшая было Геническ. Противник, отступающий на Салькоово, обрушился на 4 дивизию, которая с самого утра вела ожесточенный бой в районе Ново-Алексеевка—Салькоово, причем в особенности в тяжелое положение попала 3 кавбригада, которой пришлось пробиваться буквально между колонной противника причем бригада понесла большие потери убитыми и ранеными. В боях тяжело ранен начдив 4 тов. Тимошенко, начподив Пожарский, комбриг 2 тов. Ракитин, комбриг 3 тов. Горбачев и много низшего командного состава.

В свою очередь 4 к. д. изрубила много кадетов[1] и в течение двух дней захвачено до двух тысяч пленных, в том числе около 15 офицеров. О результате наступления 6—11 к. дивизий сведений не поступало. Полештадив—Ново-Троицкая. Связь имеет с оперативным пунктом в Бериславле постами летучей почты, установленными в Воскресенская — высота 104— Марьяновка—Круглова—Тельников хутор, по дороге из Тельникова на Бериславль и в Бериславле. Последние сведения о южном фронте имеются из сводок о занятии нами Перекопа. Латдивизия—Агайман, вторая конная—Б. и М. Белозерка, ст. Федоровка и Мелитополь. Погода холодная, дорога хорошая.

Начполештарм: Л е ц к и й. Военком: А б г а р о в.

Донесение наштадива 6 наштарму 1 конной от 1 ноября 1920 г. 14 ч. 30 мин.[2]).

(О боевых действиях 6 дивизии в районе севернее Рождественского.)

Доношу, что 6 кавдив. в 12 часов завязала бой с противником севернее Рождественского. 2 кавбригада решительным ударом изрубила до 200 человек, 35 человек пленных. У противника крупные силы кавалерии при сильной артиллерии. Сейчас дивизия вторично переходит в наступление — Рождественское с севера и северо-запада, 11 кавдивизия вплотную подошла к нам и поведет наступление на Рождественское левее нас. К хуторам, что 10 верст северо-западнее Рождественского, подошли части латдивизии, 2 кавполк маршбригады наступает на Отраду и имеет связь с 4 кавдив. Есть незначительные потери ранеными и убитыми.

Наштадив: Ш е к о. Военкомдив: М. Б о г д а н о в.

[1]) «Кадеты» — у конноармейцев общее прозвище белогвардейцев.
[2]) ЦАКА, д. № 252—776, л. 38.

Телеграмма командарма 6 командюжу, командармам 2, 4, начдивам 1, 15, 51, 52 и лат. от 1 ноября 1920 г. № 26/к.[1]).

(О сосредоточении дивизий армии в районе Сиваша.)

Противник в районе севернее Салькова и Геническ продолжает отход на Сиваш; на Перекопском направлении противник при поддержке сильного артогня переходил в наступление, но был отброшен. Первая конная армия, несколько оттеснённая противником, перешла 1 ноября в наступление из района Ново-Троицкое на фронт Салькова—Юрицыно; вторая конная армия сегодня заняла Петровское; 13 армия [имеет] задачей сегодня выйти на линию Петровское—Рыково.

Приказываю:

1) Начдиву 1 конгруппы продолжать выполнение прежней задачи.

2) Начдиву 15 к вечеру 2 ноября сосредоточить дивизию в районе Строгановка—Сергеевка—Аскания-Нова, организовать наблюдение на северном побережьи Сиваша от Строгановки до Сергеевки и в экстренном порядке обрекогносцировать проходимость Сиваша для наших войск и состояние укреплений противника на южном берегу Сиваша в полосе между меридианами Строгановка и Сергеевка, штадиву перейти в Аскания-Нова.

3) Начдиву лат. с целью окончательного уничтожения живой силы противника, оставшейся еще севернее Сиваша, с рассветом 2 ноября продолжать энергичнейшее наступление в направлении на Салькова, куда прибыть не позже 20 часов 2 ноября. По прибытии в район Салькова частей других армий, начдиву лат. переместить дивизию в армрезерв в район Ново-Троицкое—Фейна—Дорнбург со штадивом в Агайман.

4) Начдиву 52 переместить 2 ноября дивизию в армрезерв в район Мальцев—Агайман—Успенское; штадиву 52 стать в Дмитриевке.

5) О получении и распоряжениях донести.

Командарм 6: Корк. Наштаполештарм: Кирпичников.
Член РВС: Пятаков.

Бериславль, 1 ноября 1920 г.

Телеграмма командарма 1 конной Буденного наштармам 13, 6, 4, 3, 2 конной от 1 ноября 1920 г. № 71/п.[2]).

(Приказание занять 4 дивизии деревни Александровская и Отрада, 6 дивизии — дер. Рождественское).

Приказываю немедленно перейти в решительное наступление в пешем и конном строю начдиву 4, во что бы то ни стало, овладеть дер. Александровской и Отрадой, уничтожить противника полностью, где и закрепиться и расположиться на ночлег, ведя усиленную разведку в северном и южном направлениях. Начдиву 6, во что бы то ни стало, овладеть Рождественским, уничтожить противника, где и расположиться на ночлег. Разведку вести в восточном и южном направлениях, иметь тесную связь между собой, а также и соседями. Полештарм остается в Ново-Троицком, куда присылать донесения.

Командарм 1 конной: Буденный. Член РВС: Ворошилов.

---

[1]) ЦАКА, д. № 46—845, л. 64.
[2]) ЦАКА, д. № 58—024, л. 460.

Приказ командарма 1 конной Буденного от 1 ноября 1920 г. № 0129[1]).

(О сосредоточении частей 1 конной армии и выполнении задачи — отрезать путь отступления противнику на Сальково.)

1) Окруженный противник старался пробиться в Крым через Чонгарский перешеек, значительные его силы направляются по дороге из Агаймана на Рождественское и Сальково.

2) 6 армия, группа тов. Блюхера заняла г. Перекоп и ведет ожесточенные бои за Перекопские укрепления; латдивизии приказано перейти в решительное наступление из Агаймана на Петровское — ст. Юрицыно; 52 дивизия 30 октября находилась на линии Торгаевка — Н. Серогозы и 31 должна занять Ивановка и Калга; 2 кон. армия 30 октября вышла на линию Б. Белозерка — Тимошевка; части 4 армии заняли ст. Федоровка; 13 армия заняла Мелитополь; кавгруппе тов. Каширина дана задача — из района Мелитополь вести наступление на ст. Сальково; части конармии ведут ожесточенный бой с Дроздовской дивизией и Терско—Астраханской бригадой и, по непроверенным сведениям, с гвардейским кон. корпусом в районе Отрада.

3) Директивой командюжа за № 0278/сек./849/оп. конармии ставится задача — перерезать путь отступления противника на Сальково и уничтожить его, во исполнение чего приказываю:

1) Начдиву 4 разбить зарвавшегося противника в районе Отрада и к вечеру отрезать путь отступления противника, захватить Сальково, Ново-Алексеевка, Ново-Дмитриевка, где и закрепиться.

2) Начдиву 14 перейти в решительное наступление, содействовать 4 кавдивизии, уничтожить противника в районе Отрада и стремительным ударом в направлении на с. Ново-Алексеевка — ст. Рыково уничтожить отступающего в Крым противника, на означенную линию выйти не позднее 1 ноября.

3) Начдиву 6 и 11 кавалерийской согласованными действиями, имея теснейшую связь между собой и с соседней дивизией, разбить группу противника в районе Сорокино — Рождественское — Петровское и к вечеру 2/XI занять [и] упорно оборонять район Рождественское — х. Дальний — ст. Юрицыно—Шадлунь, взорвав желдорогу в районе ст. Юрицыно—Сокологорная; особой кавбригаде и полештарму распоряжение дополнительно.

4) Разведку вести во всех направлениях, имея в виду, что конармия находится в тылу противника.

5) Начдивам строго приказываю держать между собою и полештармом самую надежную связь, устанавливая до полештарма посты летучей почты.

6) Посты летучей почты выставлены в Ново-Троицкое, Воскресенское, Горновка, высота 104, Аскания-Нова, Марьяновка, Круглова, Тальников, Бериславль.

7) Раненых направлять через пункты: Громовка, Аскания-Нова, Натальино, где выставляется полевая санлетучка.

8) Я буду при полештарме, куда и присылать донесения по табели, а во время боя — через каждый час.

---

[1]) ЦАКА, д. № 58—024 лл. 492—499.

9) Мои заместители: член РВС тов. Ворошилов, начдив 6 тов. Городовиков.

Командарм 1 конной: Буденный. Член РВС: Ворошилов. Начполештарм: Лецкий.

Ново-Троицкое, 1 ноября 1920 г.

Оперативный приказ по войскам 13 армии от 1 ноября 1920 г. № 0245 [1]).

(О решительном наступлении частей армии на Сальково — Геническ — ст. Рыково.)

1) Доблестными частями 1 конной армии под командованием тов. Буденного 31 октября в районе Санбрун изрублена дивизия противника и к вечеру того же дня передовыми частями достигнут район Рождественское.

Перед фронтом нашей армии донская конница противника в районе Терново неожиданной атакой захватила в плен и частью изрубила 78 полк 9 стрелдивизии и направилась на Большой Утлюг, стремясь ударить в тыл 2 донской и 5 кавдивизии, двигающимся на Сальково.

С получением сего приказываю:

а) Комгруппы тов. Каширину частями 9 кавдивизии, во что бы то ни стало, уничтожить вышеупомянутую конницу противника и частями всей группы продолжать стремительное наступление на Сальково—Геническ.

б) Начдиву 2 донской оказать помощь резервной бригадой в ликвидации донской конницы противника и продолжать стремительное наступление для занятия двумя бригадами Салькова и одной бригадой Геническа.

в) Начдиву 9 стрелковой развить стремительное наступление в общем направлении на ст. Рыково.

г) Начдиву 42 сосредоточиться в мой резерв в районе Ново-Николаевка—Семеновка—Терпенье—Спасская—Федоровка.

д) Комбригу 4 Богучарской 9 стрелдивизии стать гарнизоном в г. Мелитополе и окрестностях, принять меры к охране трофейного имущества. Всех пленных [и] перебежчиков, прибывающих в Мелитополь, отправлять под конвоем в полештарм.

2) Всем начдивам пленных и перебежчиков направлять в г. Мелитополь в распоряжение начальника гарнизона комбрита 4 Богучарской.

3) Получение и исполнение донести.

Командующий войсками 13 армии и член Реввоенсовета:
Уборевич.

Мелитополь, 1 ноября 1920 г.

Приказ командарма 1 конной Буденного от 2 ноября 1920 г. № 003/оп. [2]).

(О переходе в наступление на Сальково—Геническ—Чонгарский полуостров.)

Растрепанный армиями южфронта противник поспешно уводит остатки своих частей в Крым через Арабатскую стрелку и Чонгарский по-

[1]) ЦАКА, д. № 58—151, л. 387.
[2]) ЦАКА, д. № 222—172, л. 45.

луостров. Дабы не дать противнику возможности оправиться и оказать сопротивление в последней схватке, всем подошедшим соседним армиям и 1 конной армии ставится задача: на плечах противника ворваться в Крым и быстрым ударом отсечь последнюю голову южной контрреволюции, уничтожить армию крымского барона Врангеля. Для чего приказываю:

1) Начдиву 11 кавалерийской 3 ноября не позже 8 часов перейти в решительное наступление в направлении Геническ, захватить таковой, стремительным ударом уничтожить противника и захватить технику, после чего, оставив в городе одну бригаду для удержания его за собой, остальными двумя бригадами отойти в район Стокопани — Юзкуя, где и расположиться.

2) Начдиву 14 кавалерийской 3 ноября в 8 часов выступить вслед за 11 кавдивизией и оказать ей полную поддержку, уничтожить противника в районе Геническ. После операции отойти в район хут. с. Юзкуя — Ново-Алексеевка, где и расположиться.

3) Начдиву 6 3 ноября не позже 8 часов развить стремительное наступление в направлении ст. Сальково, разбить на голову противника и, на его плечах ворвавшись на Чонгарский полуостров, продолжать стремительное наступление в Крым, для чего во что бы то ни стало стремительным ударом захватить в целости Чонгарский мост. Все обозы за исключением огнеприпасов оставить в Ново-Дмитриевке, которая отводится районом расположения 6 кавдивизии по выполнении задачи.

4) Начдиву 4 кавалерийской 3 ноября выступить вслед за 6 кавдивизией и энергично содействовать таковой. Обозы оставить в своем районе Ново-Михайловка.

5) Начдивам при выполнении данной задачи артиллерию сосредоточить в наивыгодных позициях для сосредоточения разрушительного огня. Для овладения укрепленными линиями действовать в спешенном строю, авангардам 11 и 6 кавдивизий поддерживать между собой тесную связь.

6) Во время операции я буду находиться при главных силах 4 кавдивизии, куда и присылать все донесения, копии направлять в полештарм с. Ново-Троицкое.

Командарм 1 конной: Буденный. Член Реввоенсовета 1 конной: Ворошилов. Начполештарм 1 конной: Г. Лецкий.

Телеграмма командарма 6 командюжу от 2 ноября 1920 г. № 28/к.[1]).

(О группировке сил армии для форсирования Сиваша и наступления на Турецкий вал и о состоянии технической части армии.)

1) Судя по данным о проходимости Сиваша (сведения включены в разведсводке штарма), овладение Турецким валом представится наиболее выгодным при нанесении главного удара от Владимировки и Строгановки через Сиваш в южном направлении (сухое пространство Сиваша); однако в таком случае атакующим войскам нужно при дальнейшем наступлении преодолеть четыре укрепленные линии противника

[1]) ЦАКА, д. № 46—845, л. 65.

на перешейках между озерами: Старое, Красное, залив Перекопский и Сиваш. У мыса Кугаран переход затруднительнее, так кад Сиваш имеет глубину от половины до одного аршина (трудно пользоваться пловучими средствами, которые будут садиться на мель), но удар в этом направлении облегчит овладение главными позициями и междуозерными перешейками. Вследствие чрезвычайного мелководья, как в Перекопском заливе, так и в Сиваше пользование пловучими средствами будет вообще затруднительно. Если холода еще будут продолжаться, то возможно замерзание Сиваша, что облегчит его прохождение. Группировку сил и направление ударов намечаю: а) 51 дивизии — вспомогательный удар на Турецкий вал, а главный удар от Владимировки через Караджанай в перешейке между: залив Перекопский—оз. Старое — оз. Красное; б) 52 дивизии — удар с участка Владимировка — Строгановка на полуостров, что 12 верст восточнее Перекопа, и далее на перешеек между оз. Красное и Сиваш; в) 15 дивизии — через пролив у м. Кугаран в южном направлении; г) латдивизия будет оставлена в армрезерве и двинута в зависимости от хода операции за 52 или 15 дивизией.

2) При развитии операции и продвижении в глубь Крыма полагаю чрезвычайно важным иметь сильную конницу для борьбы с многочисленной и хорошей конницей противника, а потому важно дальнейшее участие в операциях конных армий (армейская конница 6 армии—кавбригада с приданными кавполками совершенно небоеспособна как конница).

3) Танки, двинутые со ст. Белая Криница через Бериславль на Перекоп, испортились, дойдя до Бериславля. По докладу начбронеарма для танков прохождение ста семидесяти-верстного расстояния от ст. Белая Криница на Перекоп невозможно, и все они якобы испортятся в дороге; кроме того, весьма трудна переправа танков через Днепр у Бериславля. Прошу танкотряды направить через Мелитополь на ст. Рыково, откуда перебросить их на Перекоп.

4) Мосты у Бериславля не выдерживают 155/*мм* орудий таон; переправу орудий пришлось производить на барже, но баржа затонула, и дивизион лит. «С» пока еще не переправлен (4 орудия на правом берегу и 2 орудия стоят на затонувшей барже, меры к поднятию приняты). Прошу дивизионы таон, предназначенные для армии, направить по железной дороге через Мелитополь на ст. Рыково.

5) Переправы на Днепре у Бериславля весьма ненадежны вследствие частого ледохода на Нижнем Днепре в зимние месяцы (сейчас лед толщиной 2 вершка, а при повышении температуры начнется ледоход, и мосты могут быть снесены; в Херсоне нет даже понтонного моста); мной намечался к переносу понтонный мост от Б. Лепетихи в Херсон и, если возможно, прошу отменить распоряжение о перевозке его в Чаплинку, пароходы в Херсоне не имеют топлива, большинство паровозов на линии Херсон—Апостолово и Херсон—Николаев—Кременчуг из-за отсутствия топлива стоят холодными. На основании изложенного полагаю желательным, если не теперь, то через некоторое время перенесение подвоза и эвакуации 6 армии на железную дорогу Александровск—Мелитополь—Сальково.

Командарм 6: Корк. Член РВС: Пятаков. Начполештарма: **Кирпичников.**

Бериславль, 2 ноября 1920 г.

Оперативный приказ войскам 4 армии от 3 ноября 1920 г. № 012 [1]).

(О сосредоточении и задачах частей армии в выполнении оперативного задания форсировать переправы у Чонгарского и Сивашского мостов, ворваться в Крым и завладеть плацдармом впереди переправ)

Части армии, разбив противника у Ново-Алексеевки и Сальково и овладев укрепленными позициями у Сальково и Джимбулак, заняли Чонгарский полуостров. Остатки противника отошли в Крым. Части 30 дивизии, преследуя противника совместно с 4 и 6 кавдив., форсируют переправы у Чонгарского и Сивашского мостов. Частями вверенной мне армии по форсировании означенных переправ ворваться в Крым и, овладев плацдармом впереди переправ, обеспечить переброску наших сил для овладения Крымом.

Приказываю:

1) Начдиву 30 по форсировании переправ выдвинуться на линию Биюк-Сунак — Алхалы — Мечетлы — Катай — Османи-Букеш и обеспечить проход 23 дивизии через переправы у Сивашского и Чонгарского мостов, после чего перейти в наступление и занять и удерживать линию Кипчак — Иргиз — Богемка (Джадра) — Аджай-Кат.

2) Начдиву 23 переправиться у Сивашского и Чонгарского мостов вслед за проходом 30 дивизии и одновременно с ней овладеть ст. Джанкой, занять и удержать линию Аджай — ст. Джанкой — Барин.

3) Комкавбригу интернациональной перейти в армейский резерв и сосредоточиться в районе хут. Адама — ст. Рыково — ст. Юрицыно — Шадлунь.

4) Начдиву 46 к вечеру 4 ноября сосредоточить дивизию в районе Ново-Дмитриевка—Сальково—Ново-Алексеевка, имея дальнейшей задачей переправу в Крым вслед за 23 дивизией.

5) Начдиву 3 сосредоточить дивизию в районе Ново-Михайловка, составить армейский резерв; на дивизию возлагается охрана побережья Гнилого моря от меридиана 4 градуса до Ярошик включительно.

6) Начдиву сводной перейти в район Михайловка — ст. Пришиб и войти в состав резерва фронта.

7) В период переправы через Чонгарский и Сивашский мосты и до выхода на линию Кипчак — Джанкой — Барин начдиву 30 объединять действия 30 и 23 дивизий.

8) Разграничительные линии между 30 и 23 дивизиями ст. Дюрмень—Джургун (Мироновка) — Антоновка, все для 23 дивизии включительно.

9) Полештарм переходит на ст. Рыково, куда и присылать донесения с утра 4 ноября 1920 г.

10) О получении и отданных распоряжениях донести.

Командарм 4: Лазаревич. Член РВС: Анучин.

Ст. Рыково, 3 ноября 1920 г.

---

[1]) ЦАКА, д. № 58—024, лл. 500—501.

Телеграмма главкома Каменева командюжу от 5 ноября 1920 г. № 6532/оп. [1]).

(О направлении всех коммунистических сил, находящихся в тыловых и резервных частях армий фронта, в те войсковые части, которые будут форсировать Сиваш.)

В дополнение 6524/оп. При предстоящем форсировании Сиваша необходимо все коммунистические силы, находящиеся в тыловых и резервных частях армий фронта, срочно командировать в те войсковые части, которые будут форсировать Сиваш, дабы все лучшие коммунистические силы были в рядах тех войск, на которых лежит эта сложная и необходимейшая задача.

Главком: С. Каменев. Военком: Клим. Наштаревсовет: Лебедев.

Москва, 5 ноября 1920 г.

IV.

ОПЕРАЦИЯ ПО ОВЛАДЕНИЮ КРЫМСКИМ ПОЛУОСТРОВОМ.

Подготовка наступления на Турецкий вал.— Первый и второй штурм Турецкого вала.— Обходное движение 52 стрелковой дивизии через Сиваш на Литовский полуостров.— Третий штурм и овладение Турецким валом.— Борьба на Чонгарском перешейке.— Наступление частей 6 армии на юшунские позиции.— Падение Юшуна.— Преследование противника.— Выход армий южного фронта на черноморское побережье и ликвидация врангелевского фронта.

(6—17 ноября 1920 г.).

Приказ командюжа Фрунзе от 5 ноября 1920 г. № 0011/п. ш. [2]).

(О немедленном вторжении в Крым по крымским перешейкам для уничтожения последнего убежища контрреволюции.)

Первый этап по ликвидации Врангеля закончен. Комбинированными действиями всех армий фронта задача окружения и уничтожения главных сил врага к северу и северо-востоку от крымских перешейков выполнена блестяще. Противник понес огромные потери, нами захвачено до 20 тысяч пленных, свыше 100 орудий, масса пулеметов, до 100 паровозов и 2 000 вагонов, почти все обозы и огромные запасы снабжения с десятками тысяч снарядов и миллионами патронов. Лишь отдельные части армии противника прорвались в Крым по Сальковскому перешейку, да небольшая группа укрылась за Перекопским валом. Все северное побережье Сиваша занято нами; прорвавшись на Чонгарский полуостров, доблестные части 4 армии совместно

[1]) ЦАКА, д. № 417—686/а,, л. 85.
[2]) ЦАКА, д. № 58—024, л. 465.

с геройской конницей тов. Буденного стремятся на плечах отступающего врага овладеть переправами у Чонгарского и Сивашского моста. Наша Азовская флотилия не позднее 9 ноября должна прибыть к Геническу для содействия конечной операции. Дезорганизованный и надломленный морально последним разгромом противник, укрывшись за естественными и искусственными укреплениями перешейков, в связи с растущим повстанческим движением в тылу, не в силах быстро оправиться и, в случае нашего немедленного дальнейшего наступления, будет не в состоянии оказать серьезного отпора. Армиям фронта ставлю задачу по крымским перешейкам немедленно ворваться в Крым и энергичным наступлением на юг овладеть всем полуостровом, уничтожив последнее убежище контрреволюции, во исполнение чего приказываю:

1) Командарму 6, в оперативное подчинение которого с получением сего передаю Повстанческую армию, переправившись не позднее 8 ноября на уч. Владимировка—Строгановка—м. Кугаран, ударить в тыл Перекопским позициям, одновременно атаковав и с фронта и не позднее 10 ноября главными силами выйти на линию Копкары — Джелишай — Яланташ. Атаку производить решительно, сосредоточив для удара крупные силы. Иметь дальнейшей задачей решительное наступление: Евпатория — Симферополь — Севастополь. Повстанческую армию немедленно по получении приказа, переправив на участке м. Кугаран — Кат, бросить в тыл Перекопским укреплениям в общем направлении на д. Дюрмень (на тракте Перекоп—Симферополь). Оказать необходимое содействие в снабжении патронами и средствами связи.

2) Командарму 2 конной с получением сего поступить в оперативное подчинение командарма 6 и, сгруппировав свою конницу в районе по его указанию, спешно приводить части в полную готовность дальнейшего энергичного наступления на Севастополь совместно с 6 армией.

3) Командарму 4 продолжать энергичное преследование разбитого противника, стремясь на его плечах ворваться в Крым, и обеспечить плацдарм на южном берегу Гнилого моря. Быть готовым с утра 8 ноября перейти в решительное наступление на Симферополь—Феодосию. Иметь в виду удар во фланг и тыл противнику с организацией, под защитой флотилии, переправ пехотой и конницей через Сиваш от Арабатской стрелки к Джанкой Южн. дерев. укр. (против устья р. Салгир). Сводную стр. дивизию, оставляя в резерве фронта, перевести в район Геническ.

4) Наморси Черноз не позднее 9 ноября сосредоточить флотилию в Геническе, имея задачей обеспечить с моря операцию 4 армии и содействовать ей организацией необходимых десантов. Для последней цели без задержек собрать в районе Геническ все необходимые средства переправы.

5) Командарму 1 конной спешно привести в порядок конницу и готовиться к переправе через Сиваш у Чонгарского полуострова вслед за пехотой 4 армии.

6) Командарму 13 до особого распоряжения 2 дон. стр. дивизию задержать в настоящем ее районе.

7) Всю операцию по форсированию проводить сосредоточенными силами и с максимальной энергией, доводя атаки, во что бы то ни ста-

ло, до успешного конца, ибо при данных условиях открытая атака живой силой является наискорейшим и наилучшим средством разрешения вопроса.

8) Ввиду оторванности тылов отдельных армий, затруднительности условий снабжения всем командармам оказывать соседям всемерное содействие за счет своих ресурсов.

9) Начвосоюж не позднее 8 ноября закончить работы по восстановлению желдорожной линии Александровск—Сальково, имея в виду в дальнейшем главное базирование всех армий фронта на указанную линию.

10) Разграничительные линии: а) между 6 и 4 армиями — Кир-уйшунь—Барач—Симферополь, все для 6 армии включительно; б) между 4 и 13—Мелитополь—ст. Юрицыно — ст. Рыково — Геническ, все для 4 армии включительно.

11) О получении приказа срочно донести.

Командюж: Фрунзе. Начполештаба: Каратыгин.

Ст. Александровск.

Телеграмма начдива 51 командарму 6 от 8 ноября 1920 г. № 07311/оп.[2]).

(Просьба уточнить задачу 51 стрелковой дивизии по атаке укреплений Перекопа ввиду неудачи обходного движения других частей через Сиваш.)

Повстанческая армия форсировать Сиваш благодаря изменению атмосферных явлений не могла и заняла исходное положение; 15 дивизия благодаря связанности ее операции с операцией махновцев задачи тоже не выполнила; сосредоточение 52 дивизии продолжается, но сомнительно, сможет ли она, пойдя по пути армии Махно, на сутки позже ее, не подвергнуться влиянию тех же условий и не выполнить задачи. Благодаря вышеупомянутым условиям обстановка для выполнения задачи 51 дивизией, поставленной директивой № 42/к., меняется, быть может, примет совершенно иной характер и вместо предполагаемого сильного флангового удара, на чем построена, повидимому, вся операция, останется в нашем распоряжении только штурм с фронта Перекопских укреплений и занятие их прямым лобовым ударом. С своей стороны считаю, что фронтальная атака возможна только после артподготовки, на которую потребуется до шести часов, считая начало с 8 часов; значит, пехчасти могут перейти в атаку в 14 часов. Если атака вала будет произведена с одновременным ударом во фланг с рассветом, то естественно, что координации и взаимной связи и поддержки атаки уже не будет, ибо части, наносящие фланговый удар, ввяжутся в бой значительно раньше, чем 14 часов, а именно часов в восемь. Для артподготовки, помимо имеющейся артиллерии, необходимо еще несколько дивизионов тяжелых и легких, после чего можно рассчитывать на успех артподготовки, иначе брать на себя ответственность за выполнение операции без достаточных средств ее выполнения считаю для себя преступным. Прошу срочных указаний: первое — остается ли задача дивизии прежней; второе — будет ли произведена

---

[1]) Начвосоюж — начальник военных сообщений южного фронта.

[2]) ЦАКА, д. № 37—780, л. 52.

фронтальная атака одновременно с ударом 52 и 15 дивизий и наступлением их на Литовский полуостров; третье — зависит ли фронтальная атака была от ударов 52 и 15 дивизий и их успеха; четвертое — как разрешается вопрос с одновременной атакой частей вверенной мне дивизии с фронта и фланга, ибо в директиве сказано, что атаковать с рассветом, а я уже выше указывал, что координации и одновременности безусловно не будет, так как не рассчитано время; пятое — 52 дивизия, натыкаясь на фланги Юшунских позиций, естественно, будет прикована к этим позициям и будет ли она вести атаку вдоль фронта позиций или совершать свой марш, оставив Юшунь в покое до окончания занятия Перекопа и выхода моих частей в этот район; шестое — будет ли благой результат от разновременных атак Юшунских позиций и не потерпят ли части неудачу, оголив фланг моих бригад, наступающих в тыл Перекопскому валу. Ваше решение благоволите немедленно передать по аппарату для принятия соответствующих мер.

Начдив 51 Московской: Блюхер. Наштадив: генштаба Датюк.

Чаплинка, 6 ноября 1920 г.

Телеграмма начдива 51 командарму 6 от 6 ноября 1920 г. № 07311/оп.[1]).

(Просьба согласовать во времени действия 15 и 51 стрелковых дивизий при наступлении на Перекоп.)

По идее вашей директивы 42/к, части армии Махно и 15 дивизии должны были еще сегодня занять Литовский полуостров (десять верст восточнее Перекопа), чем обеспечивалось сосредоточение и развертывание моих двух бригад, наносящих удар в тыл Перекопскому валу; задача эта пока не выполнена. По сведениям, полученным от комбрига 45, последний предполагает повести наступление на Литовский полуостров в два часа 7 ноября; считая, что от Строгановки до полуострова семь с лишним верст, нужно рассчитывать, что марш будет выполнен не раньше семи часов 7 ноября, завязка боя и бой за обладание Литовского полуострова займет два-три часа, минимум, значит, при самых благоприятных условиях к десяти-одиннадцати часам можно ожидать занятия Литовского полуострова, что ничуть не обеспечивает разворачивания моих бригад, а также удар будет нанесен слишком поздно; под убийственным огнем десятков тяжелых и легких орудий противника с Перекопских и Юшунских позиций наша артиллерия не сможет противостоять противнику, будет связана его огнем, и операция может быть сорвана. Ходатайствую о вашем приказании 15 дивизии к двум-трем часам 7-го овладеть Литовским полуостровом, после чего возможно будет сосредоточение и развертывание. О вашем решении немедленно уведомите для принятия соответствующих мер.

Начдив 51: Блюхер. Начдив: генштаба Датюк.

Чаплинка, 6 ноября 1920 г.

[1]) ЦАКА, д. № 137—780, л. 52.

Приказ 6 армии от 6 ноября 1920 г. № 44/к[1]).

(О занятии 51, 52 и 15 стрелковыми дивизиями исходного положения к вечеру 7 ноября и о переходе с рассветом 8 ноября в наступление против Перекопских укреплений.)

В дополнение к приказу № 42/к.

Сосредоточение ударной группы в районе Владимировка—Строгановка не закончено. Вода стала заливать сухие пространства поверхности Сиваша (причина — сильный северо-восточный ветер).

Приказываю:

1) Начдиву 51, 52, 15 и командарму Повстанческой 7 ноября произвести дополнительную рекогносцировку с целью установления наивыгоднейших путей (по условиям грунта Сиваша) для нанесения удара в направлениях, указанных в приказе № 42/к. от 5 ноября; в 22 часа 7 ноября 52 и 15 дивизиям и левофланговым бригадам 51 дивизии перейти в наступление с целью: 51 и 15 дивизиям — в течение ночи закрепить за собой полуостров, что 12 верст восточней Перекопа, левофланговым бригадам 51 дивизии — занять выгодное положение для выхода в тыл Турецкому валу с рассветом 8 ноября. Начдиву 51 начать короткую, но интенсивную артподготовку атаки Турецкого вала, ударив левофланговыми бригадами в тыл этой позиции, а 52 и 15 дивизиям продолжать, при поддержке своей артиллерии (должна быть подтянута за ночь), энергичное наступление для выполнения задач, поставленных приказом 42/к., при этом начдиву 52 в случае наличия у противника крупных резервов в районе Армянского Базара быть готовым оказать частью сил поддержку 51 дивизии.

2) Командарму Повстанческой, по занятии 52 и 15 дивизиями полуострова, подтянуть сюда же все свои силы и нанести стремительный удар в тыл Юшунской позиции, выходя в район Дюрмень, откуда продолжать безостановочное движение на Симферополь.

3) Рубежа: Лебединый — Копкары — Яланташ — Чирик — Джабу дивизиям достигнуть к вечеру 10 ноября.

4) О получении и распоряжениях донести.

Командарм 6: А. Корк. Замчлен Реввоенсовета: Ошлей, Нач. полештарм: Кириичников.

Бериславль, 6 ноября 1920 г.

Телеграмма члена РВС 13 армии Горбунова РВС южфронта от 6 ноября 1920 г. № 0336/сек. 1001/оп.[2]).

(О произведенной отправке в действующие части 2500 коммунистов из тыла.)

Доношу: тыловые коммунисты в количестве более двух с половиной тысяч еще до начала операции по инициативе Реввоенсовета были брошены в действующие части, в порядке организованной и проводимой «кампании победы».

Член Реввоенсовета 13 армии: Горбунов.

Царе-Константиновка; 6 ноября 1920 г.

---

[1]) ЦАКА, д. № 280—350, л. 54.
[2]) ЦАКА, д. № 46—846, л. 180.

Оперативная сводка штарма 4 от 6 ноября 1920 г., № 34/б. [1]).

(Положение на фронте 4 армии к утру 6 ноября.)

Части армии продолжают энергичное выполнение порученной им задачи по наводке переправ, изысканию бродов и форсированию их с континента на Крымский полуостров.

1) Расположение частей 9 дивизии без перемен. Под утро дивизией выслано несколько разведывательных партий с пулеметами на Арабатскую стрелку, которым приказано пройти последнюю вплоть до соприкосновения с противником. Донесений о результатах пока не поступало.

2) 30 стр. дивизия — в течение ночи противник беспрерывно поддерживал сильный артогонь по вновь выстроенному Чонгарскому мосту и разрушил два пролета. В 1 час 15 мин. на крымский берег удалось переправиться пешей разведке и 3 батальону 266 полка. О результатах переправы до утра сведений не поступало. Разведкой, высланной в 3 часа 5 ноября, выяснено, что укрепленные позиции противника расположены в двух верстах южнее Чонгарского моста и по фронту тянутся на 4—5 верст. Местность — открытая степь, подступов не имеется. Против моста у противника стоят: одно шестидюймовое, 2 сорокавосьмилинейных, четыре трехдюймовых и одно горное орудие.

Опросом перебежчика-матроса 4 ноября состав неприятельской флотилии определяется: 7 русских и 4 иностранных судна, из коих дредноутов 2 и крупных крейсера 4.

По сведениям того же перебежчика, укрепленная полоса противника устроена от Перекопа до Джанкой.

В 12 час. 5 ноября в район железнодорожного моста подходил бронепоезд противника, вооруженный 2 шестидюймовыми орудиями. В 9 часов, по непроверенным сведениям, в том же районе было замечено 5 бронепоездов. В частях расположения дивизии — без перемен.

3) 23 дивизия. Расположение частей без перемен. От высланных 69 бригадой разведок на Чонгарскую и Сивашскую переправы к моменту составления сводки сведений не поступало.

4) 46 дивизия на марше в район Воскресенская—Ново-Дмитриевка—Рождественская. Штадив расположится в с. Рождественская.

5) Интернациональная кавбригада заканчивает сосредоточение в районе хутор Адама—Люца—Фишера—хутор Милосердова.

6) 3 стр. дивизия. Части продолжают охрану побережья от меридиана 4 градуса до Ярошик.

7) От сводной дивизии, Повстанческой армии Махно и комгруппы Каширина сведений к сроку не поступало.

8) 42 дивизия. Расположение частей в районе Федоровка — Семеновка — Троицкое без перемен.

9) Погода ясная, солнечная, ветер слабый, мороз около 4 градусов, на море зыбь, дороги хорошие.

Начоперупрарм: К у л е в

Ст. Мокрая.

---

[1]) ЦАКА, —д. № 234— 757, лл. 34—35.

Оперативная сводка штадива 51 от 7 ноября 1920 г. № 7314/оп. [1]).

(Обстановка на участке 51 стрелковой дивизии за 6 и 7 ноября.)

На № 0352/в. Сообщаю обстановку на участке 51 дивизии за 6 и 7 ноября. На участках сторожевого охранения 152 и огневой бригад под Перекопом в течение дня и ночи — беспрерывная и редкая ружпульперестрелка. Днем противник артогнем обстреливает наше расположение от северной оконечности Перекопского залива до высоты 9,3 и огнем тяжелой батареи 8 дм. калибра обстреливает хут. Преображенка. С наступлением ночи артогонь затихает. Противник крайне бдителен: малейшее шевеление с нашей стороны ночью вызывает со стороны противника сильный ружпульогонь. По ночам беспрерывно противник освещает наши позиции и озеро Сиваш тремя прожекторами большой силы. Противник спешно укрепляет позиции на Турецком валу, так и по южному побережью Сиваша и Литовский полуостров. Отмечается скопление громадного количества артиллерии разных калибров за Турецким валом в непосредственной близости к последнему. Противник в период с 30 октября по 3 ноября шесть раз переходил в наступление на наше сторожевое охранение с целью отбросить последнее из Перекопа, но всякий раз, с большими для него потерями, противник вновь загонялся за вал, оставляя в наших руках пулеметные части, винтовки и убитых. Нашей разведкой установлено, что восточным сильным ветром нагоняется вода в озеро — западную часть Сиваша, которая к данному времени достигла до линии Строгановка — восточный берег Литовского полуострова. Отмечается также появление грязи южнее 7 верст кол. Владимировка, делающей дно Сиваша непроходимым для пехоты. Разведка с целью выяснения проходимости в данном районе Сиваша продолжается. Ввиду изменившейся обстановки в связи с неудачным форсированием Сиваша Повстанческой армией, наступление дивизии, назначенное на 7, отложено согласно приказа из армии. Части дивизии, занявшие было исходное положение для штурма вала, ночью были отведены на прежние позиции. В данное время части занимают следующее положение: 152 бригада — штабриг — хут. Кременчугские, что 6 верст севернее Адамань; 454 полк — хут. Кременчугские вместе со штабригом; 455 полк занимает позицию от северной конечности Перекопского залива по дороге Перекоп — Каланчак включительно; 456 полк занимает позицию от левого фланга 455 полка до высоты 9,3 включительно. Сторожевое охранение 152 бригады — в районе гор. Перекопа, имея правый фланг 2 версты западнее буквы П. надписи Перекоп и левый фланг на юго-западной окраине г. Перекопа. Ударная огневая бригада — штабриг — Перво-Константиновка. 1 Ударный полк занимает позицию от высоты 9,3 исключительно до устья реки Тарама, имея один батальон в сторожевом охранении в г. Перекопе и один батальон в резерве в Перво-Константиновке; 2 Ударный полк занимает одним батальоном позицию по южному берегу полуострова без названия, что южнее реки Тарама, имея один батальон в сторожевом охранении в районе Кантимировка и один батальон в резерве в Перво-Константиновке. 153 бригада сосредоточена для предстоящего наступления в Григорьевке, что

[1]) ЦАКА, д. № 212—411, л. 411.

6 верст сев.-восточнее Перво-Константиновки. 151 бригада сосредоточена двумя полками в Перво-Константиновке; 453 полк 151 бригады придан в оперативное подчинение комбригу 152 и находится в данное время в Адамань. Кавгруппа Житова (бывш. Юшкевича) расположена: четыре эскадрона в Адамане, два эскадрона в Ново-Алексеевке, два эскадрона в кол. Александровке; группа имеет задачу охранения побережья Черного моря и Перекопского залива. Отдельная кавбригада — 115 полк — в Перво-Константиновке и 116 полк — в Григорьевке, 52 дивизия к вечеру 6 ноября сосредоточилась одной бригадой во Владимировке и двумя бригадами со штадивом в д. Павловке, что 3 версты севернее Владимировки. Штадив 51 Чаплинка.

Начоперод (подпись неразборчива).

Чаплинка, 7 ноября 1920 г.

Разговор по прямому проводу командюжа с командармом 6, 7 ноября 1920 г.[1]).

(О сроке перехода в наступление против Перекопского вала.)

[Фрунзе.] — Здравствуйте, тов. Корк. 2 часа назад я прибыл в Асканию-Нову, где ожидал встретить вас, но очевидно из-за отсутствия связи вам не успели передать моего распоряжения. Крайне необходимо увидеться с вами немедленно еще до начала операции, если это вообще мыслимо. Сообщите, можете ли приехать и когда именно в Асканию-Нова, куда я на утро вызываю и командарма 2 конной. Скажите дальше, является ли ваш приказ о начале операции сегодня только вынужденным моей директивой, или же он основывается на учете ряда других данных (уровень воды и пр.)? Уверены ли вы в успехе операции? Меня очень смущает то обстоятельство, что 4 армия в силу отсутствия средств переправы тяжелой артиллерии и авиации не может приступить к форсированию немедленно. Конечно, если у нас существует уверенность в успехе, то это не беда, и успех на вашем участке весьма облегчит, а, пожалуй даже и решит вопрос. Предположено ли вами использование тяжелой артиллерии лат. дивизии? Я бы считал целесообразным, если вы откладывание операции находите ненужным, немедленно отправить тяж. дивизион на Чонгарский полуостров. Прибыли ли к вам инспарт Радкевич и начинж Рустенко? Фрунзе.

[Корк].—Начало операции согласовано с вашей директивой, но вместе с тем, учитывая прибыль воды в Сиваше и прибытие к противнику подкрепления с Чонгарского направления, счел необходимым в возможной мере торопиться с началом операции. Что касается уверенности в успехе — сомнения в успехе ввиду нашего превосходства в силах при бое в открытом поле не могло бы быть, но армии предстоит овладеть укрепленной позицией и вместе с тем пройти по Сивашу, который уже мало пригоден для действия крупными силами вследствие прибытия воды, а потому на поставленный вопрос затрудняюсь ответить. Тяжелую артиллерию лат. дивизии хотел держать при дивизии, но теперь отправлю к Лазаревичу на ст. Сальково. Инспарт и начинж здесь и ожидали сегодня вашего приезда 7 ноября в 22 ч. 20 мин. Корк

---

[1] ЦАКА, д. № 52—973, лл. 3—7.

[Фрунзе].—Хорошо. Буду ожидать вашего приезда. Нельзя ли что-нибудь срочным порядком из ваших ресурсов направить на Сальково для облегчения устройства переправ? Крайне необходимы лесные материалы для устройства паромов, на исправление мостов и пр. Если бы подачу этого можно было бы произвести в течение ближайших 2—3 дней, то и там можно будет с большой надеждой на успех приступить к операции не позднее ночи 10 ноября. Необходимо также нажать на все кнопки и перебросить завтра и послезавтра бронеотряды для 1 конной армии, застрявшие где-то на железной дороге. То же относится к авиасредствам 1 и 2 армий, которые приказал сгруппировать не позднее завтрашнего дня в районе ст. Рыково. От возможности действий нашей авиации зависит в чрезвычайной степени успешный исход форсирования Сиваша в районе мостов. Сделайте все соответствующие распоряжения. Все. Фрунзе.

Приказ РВС по войскам 1 конной армии от 7 ноября 1920 г. № 93 [1]).

(Обращение к конноармейцам в связи с 3-й годовщиной Октября.)

Три года тому назад, 25 Октября (7 ноября) 1917 года российские рабочие и крестьяне, свергнув буржуазную диктатуру Временного правительства, захватили власть в свои руки.

Три года тому назад рабочие и крестьяне прекратили братоубийственную бойню, начатую кровавым царем и, захватив фабрики и заводы, банки и поместья в свои руки, принялись налаживать хозяйственную жизнь, истощенную долгой войной и хищнической царской политикой, в молодой Советской республике.

Помещики и генералы, князья и бароны, попы и фабриканты, не желающие отдавать свои земли и фабрики, восстали против власти рабочих и крестьян и повели наступление на баррикады Революции с целью удушения Советской власти.

Тогда по всей Советской республике раздался мощный клич Коммунистической партии: «Пролетарии, к оружию и на коней», и все, кому дорого было завоевание революции, стали на защиту пролетарских завоеваний.

Товарищи! Вы помните те ужасные условия, в каких началась борьба против помещиков, генералов и капиталистов. Капиталисты имели за своей спиной помощь Англии, Франции и Америки, они имели ученых царских генералов-полководцев, они имели преданные царизму офицерские кадры и новое вооружение.

Мы, рабочие и крестьяне, были в то время неопытными в управлении государством. У нас было мало преданных революции знатоков военного дела.

Но у нас была твердая уверенность в победе и желание умереть или победить. Контрреволюция со всех сторон охватила Советскую республику. На поверхность своих грязных волн она выдвинула старых царских генералов Каледина, Алексеева, Краснова, Колчака, Юденича, Деникина и Врангеля. За спиной их звенело американское золото и гремели английские орудия.

---

[1]) ЦАКА, д. № 62—072, л. 160.

Помните, как мы сплотились три года тому назад вокруг старого боевого Коммунистического знамени. Рабоче-крестьянское правительство твердо направляло рулевое колесо Советского корабля навстречу мировой революции.

Воля к победе победила все препятствия.

Вожди контрреволюции были раздавлены победной колесницей пролетариата, а армии их уничтожены.

Не признававшие ранее Советской республики и желающие разговаривать с ней языком пушек, буржуазные государства заговорили миролюбивым языком.

Так был заключен мир с Финляндией, Латвией и Польшей. В эти три года, вы, боевые товарищи, находясь в авангарде пролетариата, стойко стояли на часах мировой революции.

Это вы мощными рядами разорвали на военном фронте роковое кольцо контрреволюции и разбили его звенья по частям. За три года борьбы на внешнем военном и внутреннем трудовом фронте пролетариат своими победами разбил все надежды контрреволюции.

Лозунг «Вся власть Советам», с которым петербургские рабочие вышли три года тому назад на улицы Петербурга, стал лозунгом мирового пролетариата.

Коммунистический Интернационал, этот пролетарский штаб мировой революции, объединяет вокруг красного знамени итальянских, французских и английских рабочих.

Наступает четвертый год пролетарской борьбы.

В начале этого года должна закончиться борьба с последним остатком внутренней контрреволюции — бароном Врангелем.

Во имя скорого возвращения к мирному труду мы должны в этом четвертом году добить и уничтожить этого наследника российской контрреволюции.

Мы били его не раз раньше и мы добьем и уничтожим его и теперь.

Мы должны помнить, что близка поддержка мирового пролетариата.

Буржуазия слышит поднимающийся рокот восстающего мирового пролетариата.

Это он, сокрушая свою буржуазию, идет нам навстречу. Этот год будет решающим годом, когда наша победа, уничтожив врагов трудящихся масс, приведет нас к солнцу мировой революции.

Да здравствует мировая Советская власть!

Да здравствует штаб мировой революции — III коммунистический Интернационал!

Да здравствует мировая революция!

Реввоенсовет: Ворошилов, Буденный.

Оперативная сводка штарма 6 к 12 час. 8 ноября 1920 г.[1]).

(Положение частей 6 армии в ночь 7/8 ноября и утром 8 ноября.)

Первая стрелковая дивизия. Спокойно.

Пятьдесят первая дивизия. 152 бригада — 455 и 456 полки — в ночь на 8 ноября заняла исходное положение для атаки Турецкого вала в одной версте к северу от последнего, имея правый фланг у Перекоп-

[1]) ЦАКА, д. № 230—705, л. 59.

ского залива и левый фланг у западной окраины г. Перекопа. Ударная огневая бригада — части 1 и 2 огневых полков в ночь на 8 ноября, заняли исходное положение для атаки вала влево от 456 полка до Сиваша. 151 бригада — 451 и 452 полки — диврезерв в Перво-Константиновке. В течение ночи разведчиками и подрывными командами сделаны проходы в первых двух линиях проволочных заграждений. Сильный туман не позволил до 8 часов начать артиллерийскую подготовку. Атака вала назначена на 12 часов.

Пятьдесят вторая дивизия, части 154 и 155 бригад, имея за правым флангом 153 бригаду 51 дивизии, в 22 часа вышли из кол. Владимировка в направлении на сев. окраину Литовского полуострова (что 10 верст восточнее г. Перекопа) и к 24 часам, обстреливаемые огнем противника, находились в 3 верстах к югу от кол. Владимировка. По донесению к 7 часам штадива, 51, части 52 дивизии вышли на северную окраину полуострова и ведут бой с противником.

Пятнадцатая дивизия. Части 45 бригады, имея в голове 133 полк, в 22 часа выступили из Строгановки в направлении на северо-восточную окраину Литовского полуострова, но вследствие сильной прибыли воды свернули на участок 52 дивизии и в 2 часа 8 ноября с боем заняли северную окраину полуострова. Противник оказывает упорное сопротивление, бой продолжается. Части 43 бригады следуют за 45 бригадой. 44 бригада в диврезерве — в кол. Ивановка.

Начоперупрарм: Федоров. Военком: Аксенов.

Оперативная сводка штадива 51 к 13 час. 8 ноября 1920 г. [1]).

(Начало боя у Перекопского вала.)

Завязался горячий огневой бой у Турецкого вала. Противник обстреливает сильным ружпульогнем наши цепи, находящиеся в трехстах — четырехстах шагах перед валом. На участке 2 ударполка противник не дает возможности подойти нашим разведчикам к проволочному заграждению для закладки взрывчатых снарядов и прорезки проходов. Ввиду продолжающегося тумана, задержавшего артподготовку, штурм Турецкого вала приказано произвести на час позднее срока, указанного в оперприказе по дивизии. Сведений от 153 бригады и отдельной кавалерийской за прекращением связи не поступало, по получении будут донесены дополнительно. По полученным из 52 дивизии сведениям, части 15 и 52 дивизий заняли Литовский полуостров и подошли к перешейку его. Указанные сведения получены в штадиве 51 9 часов 30 минут. Одна бронемашина 42 бронеотряда вследствие неисправности вышла из строя, по исправлении бронемашина вновь отправлена на фронт. 42 бронеотряд, в составе двух пушечных, двух пулеметных и двух легковых, выступил на рассвете под Турецкий вал. 47 бронеотряд, в составе двух пулеметных, 23 бронеотряд, в составе двух пулеметных бронемашин, 14, в составе одной пушечной и одной пулеметной, и 3, в составе трех пулеметных, выступили на рассвете под Турецкий вал.

Наштадив 51 генштаба: Датюк.

Чаплинка, 8 ноября, 1920.

[1]) ЦАКА, д. № 212—411, л. 299.

Приказ командюжа от 8 ноября 1920 г., № 10029.

(Задачи армиям в связи с выходом частей 52 стрелковой дивизии на Литовский полуостров.)

Утром 8 ноября части 154 бригады 52 дивизии форсировали Сиваш и вышли на Литовский полуостров, что восточнее Армянского Базара. Наступление развивается.

В связи с слагающейся обстановкой приказываю:

1) Командарму 6 энергично и настойчиво развивать достигнутый успех, выходя на рубеж, указанный директивой моей № 0011/п. ш.

2) Командарму 2 конной с получением настоящего приказа поступить в мое непосредственное подчинение. Одну кавдивизию держать наготове, по первому требованию командарма 6 двинуть для развития успеха пехоты 6 армии. Все остальные силы кон. армии спешно готовить к выполнению моего особого задания.

3) Командарму 4 при энергичной поддержке всей авиации фронта, временно ему подчиняемой, не позднее ночи с 10 на 11 ноября форсировать Таганашский перешеек, действуя в дальнейшем согласно моей директивы № 0011/п. ш.

4) Командарму 1 конной, оставаясь в занимаемом районе, быть готовым в любой момент выступить в поход.

5) О получении приказа срочно донести.

Командюж фронта: М. Фрунзе. Начполештаба: Каратыгин.

Оперативная сводка штадива 51 к 18 ч. 8 ноября 1920 г. [1]).

(Бой у проволочных заграждений Перекопского вала.)

Ожесточенный артиллерийский бой у Перекопского вала продолжается с неослабевающей силой. Неоднократные попытки наших подрывников до 13 часов приблизиться к проволочным заграждениям противника успеха не имели ввиду сильного ружпульогня, открываемого каждый раз противником при малейшем поднятии нашей разведки. В 13 часов 35 минут части 152 и Ударной огневой бригады перешли в наступление с целью овладения валом. Несмотря на громадные потери и ураганный огонь противника, нашим частям удалось подойти до 50 шагов до вала. Производится разрушение подрывниками проволочных заграждений в овраге перед валом. Дальнейшее движение цепей совершается местами ползком. Производится накапливание для штурма вала. 153 бригада, ведя наступление одновременно с частями 52 дивизии в общем направлении на Караджанай, в 11 часов после упорного боя прорвала проволочные заграждения у полуострова (что без названия севернее Караджанай), выбила противника из окопов и к 12 часам заняла хутор, что полторы версты севернее Караджанай. Противник, подведя крупные резервы при поддержке шести бронемашин и могущественной артиллерии, потеснил было части 458 полка. В свою очередь, перейдя в контратаку, 458 полк вновь выбил противника из указанного выше хутора, захватив в плен свыше трехсот человек дроздовцев и нанеся громадные потери противнику. В 15 часов противник, подведя вновь до тысячи штыков

[1]) ЦАКА, д. № 212—411, л. 312.

пехоты со стороны Армянска, при поддержке сильного артогня и бронемашин вновь обрушился на 458 полк. В названном полку выбит почти весь комсостав, большой урон в красноармейцах. Бой на указанном рубеже продолжается с неослабляющим упорством с обеих сторон. На поддержку 153 бригаде спешно выдвинут из Перво-Константиновки 451 полк. Частям бригады приказано перейти в решительное наступление на Караджанай в общем направлении на северную окраину Армянска. Отдельная кавбригада, совместно с частями 153 бригады, ведет наступление на южную окраину Караджаная. О результате завязавшегося боя за обладание Караджанай сведений не поступало. Части 52 дивизии, 154 бригада, ведет наступление на Армянск и, согласно последним полученным сведениям, находится от последнего в четырех верстах, 155 бригада наступает на северное побережье озера Красное, 156 бригада находится в резерве, один полк 156 бригады выслан на поддержку 153 бригады. Между частями 51 и 52 дивизий имеется тесная связь. Дороги хорошие, погода ясная, морозная, сухая и тихая.

Наштадив 51 генштаба: Датюк.

Приказ командарма 6 от 8 ноября 1920 г. № 48/к. [1])

(51 стрелковой дивизии немедленно штурмовать Турецкий вал с одновременным ударом на Караджанай — Армянск.)

Части 51 дивизии залегли перед Турецким валом, обстреливаемые противником: одна бригада 51 дивизии ведет бой у Караджанай; части 15 и 52 дивизий овладели полуостровом, что 12 верст восточнее Перекопа, и продвинулись на линию залива, что 1 верста восточнее Караджанай, — северная оконечность оз. Красное. Хотя к противнику и прибыли подкрепления, но вместе с тем отмечено начало отхода противника от Турецкого вала.

Приказываю:

1) Начдиву 51 немедленно штурмовать Турецкий вал, нанося одновременно удар на Караджанай — Армянск, с началом отступления противника безостановочно преследовать его с целью овладения на плечах противника Юшунскими позициями.

2) Начдиву 52 вследствие слабости обходящей колонны 51 дивизии немедленно перейти в стремительное наступление в западном направлении с целью перерезать противнику пути отступления от Турецкого вала на Юшунь; по прохождении главными силами 51 дивизии Армянска свернуть на юг для выполнения задачи, поставленной приказом № 44/к.

3) Начдиву 15 продолжать стремительное наступление по перешейкам восточнее и западнее оз. Красное.

4) Задача Повстанческой армии прежняя.

5) Лат. дивизии к полудню 9 ноября перейти район кол. Перво-Константиновка — Григорьевка, что 12 верст юго-восточнее Чаплинка.

6) 2 кон. армии командюж приказал немедленно с получением сего выступить в район кол. Владимировка — Строгановка, куда прибыть не позже полудня 9 ноября, одну кавдивизию, предназначенную командюжем для содействия 6 армии, прошу направить через полуост-

[1]) ЦАКА, д. № 280—350, л. 56.

ров, что 12 верст восточнее Перекопа, и ударить мимо оз. Красное в тыл противнику, сосредоточивающемуся в районе Ющунь.

7) О получении и распоряжениях донести.

Командарм 6: Корк. Зам. члена Реввоенсовета: Ошлей.

Чаплинка, 8 ноября 1920 г.

Оперативная сводка штадива 51 к 24 часам 8 ноября 1920 г. № 0133/оп.[1]).

(Части 152 ударной бригады подошли в 22 часа к самому Перекопскому валу.)

Ожесточенный бой за обладание Турецким валом продолжается с неослабевающим упорством. Части 152 и ударной бригад, преодолев три ряда проволочных заграждений, подошли в 22 часа к самому валу. Первая атака на правом фланге вала 455 полком не увенчалась успехом, так как бросившиеся в атаку цепи наткнулись на сильное проволочное заграждение на дне рва, что перед валом. Ураганным ружпульогнем из бомбометов, минометов, забрасывая ручными гранатами и расстреливая в упор из орудий на картечь, противник вынудил части 455 полка с большими потерями отойти за линию проволочных заграждений. Первая волна первого ударполка при уничтожении второго ряда проволочных заграждений потеряла от сильного огня противника своего состава до шестидесяти процентов, вторая волна продвигается; 456 полк преодолевает проволочные заграждения под сильным огнем противника. От 153 бригады, оперирующей в районе Караджанай, сведений не поступало. В результате сегодняшних боев части понесли большие потери, кои выясняются. Убит комполк 455 и выбыло из строя много младшего комсостава, проявляющего необычайную доблесть при штурме вала. Во время боя под Турецким валом подбита наша бронемашина Гарфорд 42 бронеотряда, ранен командир 14 бронеотряда и контужен начбронесил 6 армии тов. Полупанов. 42 бронеотряд, в составе двух пулеметных и одной пушечной, 47 бронеотряд при двух пулеметных (машинах), 23 бронеотряд при двух пулеметных, 14 бронеотряд при двух пулеметных и одной пушечной отведены на ночь в Спендияровку; 3 бронеотряд при двух пулеметных — в Чаплинке. Вышел из строя броневик 3 бронеотряда III Интернационал, к ремонту меры приняты. Дороги хорошие, погода сухая, холодная.

Наштадив 51 генштаба: Датюк.

Чаплинка, 8 ноября 1920 г.

Телеграмма командарма 6 командарму 4, 1 конной и командюжу от 9 ноября 10 ч. 20 мин. № 51/к.[2]).

(Противник выбит из Армянского Базара — Караджанай и отходит на позицию Карт-Казак — озеро Старое — озеро Красное. 51 и 15 дивизиям ставится задача — стремительным ударом сбить противника.)

Противник выбит из Армянского Базара — Караджанай и отходит по позицию Карт-Казак — озеро Старое — озеро Красное — отметка 7,5.

---

[1]) ЦАКА, д. № 212—411, л. 316.
[2]) ЦАКА, д. № 46—841, л. 14.

Приказываю:

1) 51 и 15 дивизиям продолжать самое энергичное преследование противника, стремительным ударом сбить его с вышеупомянутых позиций.

2) К вечеру 10 ноября достигнуть рубежей: 51 дивизии Бой Казак—Яланташ, включительно; 52 дивизии Яланташ — Чирик, последний включительно, 15 дивизии Чирик — Капа; на указанных рубежах дивизиям временно до распоряжения закрепиться, подтянуть тыловые учреждения, пополнить огнеприпасы и готовиться к дальнейшему наступлению.

3) Повстанческой армии и 7 кавдивизии по выполнении ранее поставленных задач и по выходе стрелковых дивизий на рубежи, указанные в пункте втором, нанести стремительный удар на ст. Джанкой.

4) 15 и 52 дивизиям 9 и 10 ноября донесения доставлять в полештадив 51 в Армянский Базар. Командарму Повстанческой и начкавдиву 7 продолжать со мною связь через 15 дивизию; 10 ноября в Чаплинке будет открыт сборный пункт донесений штарма 6 (в прежнем помещении штадива 51).

5) Начснабарму 6 в экстренном порядке образовать в Чаплинке головные артсклады, продмагазин армии.

6) О получении и распоряжениях донести.

Командарм 6: Корк. За члена РВС: Ошлей.

Чаплинка, 9 ноября 1920 г.

Оперативная сводка штарма 6 к 11 ч. 9 ноября 1920 г. № 0939/п. ш.[1]).

(Частями 51 дивизии после третьей атаки взят Перекопский вал.)

Первая стрелковая дивизия. Спокойно.

51 дивизия. Доблестные части 152 и огневой бригады, бросившись в третий раз в атаку на Турецкий вал, сломили упорное сопротивление противника и в 3 час. 30 мин. овладели валом. Развивая дальнейшее наступление, части 152 бригады в 8 часов заняли гор. Армянск.

52 дивизия. Части 154 бригады, преодолевая 8 ноября упорное сопротивление противника, к 16 часам 8 ноября вели бой в 4 верстах к востоку от Армянска; одновременно части 155 бригады подошли на полверсты к северу от оз. Красное. В 17 часов 40 мин. противник при поддержке сильного артогня и бронемашин перешел в контрнаступление на участке 154 бригады, части которой, имея на правом фланге 467 полк, отошли на линию залива с ручейком, что полторы версты восточнее Караджанай; вследствие отхода 154 бригады части 156 бригады принуждены были отойти также на линию 154 бригады, имея правый фланг у пересечения ручья с дорогой, идущей из Караджанай на юго-восток. На указанной позиции атакующие части Дроздовской дивизии противника, встреченные огнем со стороны частей 52 дивизии, бросили оружие и сдались в плен вместе со всеми своими офицерами (число пленных выясняется).

---

[1]) ЦАКА, д. № 230—705, л. 63.

Перешедшие совместно с частями 52 дивизии в наступление в западном и юго-западном направлении части 153 бригады в 3 часа 30 мин. заняли Караджанай. Противник отступает в южном направлении.

15 и латышская дивизии и 2 кон. армия. Сведений к сроку не поступило.

Повстанческая армия. Сосредоточилась на Литовском полуострове.

Начоперупрарм 6: Федоров. Военком: Аксенов.

Телеграмма главкома командюжу от 9 ноября 1920 г. 18 ч. № 6622/оп. [1]).

(Директива — на плечах противника прорваться в Крым через укрепленную позицию у Юшуня.)

Со взятием на фронте 6 армии Армянска и Караджанай обстановка складывается так, что необходимо самое энергичное развитие достигнутого успеха, чтобы на плечах противника, повидимому, теряющего моральную упругость, прорваться в Крым через следующую укрепленную полосу у Юшуня (Слащовская линия), что без содействия конницы, сделать трудно, так как необходимо учесть, что 6 армия выдержала большие испытания.

Уже вам указывал при операции на Чонгарском полуострове, что при такого рода операциях необходимо непрерывное питание передовых частей резервами, между тем резервы на фронте 6 и 4 армий находятся на очень большой глубине, что не дает уверенности в своевременном их подходе. Операция 4 армии, которой, повидимому, даже не предусмотрен срок начала, ставит верный успех 6 армии в положение очень трудное, так как нет никакого сомнения, что противник навалится всеми частями, сохранившими боеспособность, на атакующие части 6 армии. Ввиду изложенного считаю, что теперь необходимо равняться по 6 армии, для развития успеха которой бросить конницу не только 2, но и 1 конной, а оставить при 4 армии Каширина и при этом принять все меры, чтобы поддержка 6 армии ни в коем случае не запоздала.

Главком: С. Каменев. Военком: Клим. Наштаревсовет: Лебедев.

Телеграмма командюжа главкому от 9 ноября 22 ч. 15 мин. № 0034/п. ш. [2]).

(Доклад о ходе подготовки к форсированию Крымских перешейков,)

Вашу директиву за № 6622/оп. получил 9 ноября в 21 ч. 30 мин. Все намеченное в ней уже делается. 2 конная сегодня к 12 часам сосредоточилась в районе Строгановка — Владимировка. 1 конная в полной готовности к выступлению, имея одну дивизию в районе Громовка — Сергиевка в полной готовности к выступлению. Пехота 6 армии вся сосредоточена в районе Перекопа, кроме одной дивизии, прикрывающей побережье; мною приказано и ее двинуть к Перекопу. Непрерывность операции в этом отношении, поскольку это позволяют

[1]) ЦАКА, д. № 417—686/а, л. 96.
[2]) ЦАКА, д. № 52—933, л. 116.

наличные силы, обеспечена. Что касается 4 армии, то только 46 дивизия находится в двух переходах к северу от Сальково, что объясняется абсолютной невозможностью размещения частей южнее, так что при начале операции она всегда может быть своевременно подтянута, являясь третьеочередной. В связи с обстановкой на фронте 6 армии 46 дивизию приказал перебрасывать к Перекопу, где на нее будет возложена задача: сменив лево-фланговую 15 дивизию, бить совместно со 2 конной во фланг и тыл Чонгарской группе противника.

В случае, если к моменту ее подхода Юшунские позиции еще не будут в наших руках, то она примет участие в овладении ими. Общий центр удара мною переносится, я развертываю 1 конную на фронте Стар. Капкары — поселок Яланташ, а вторую — рядом, восточнее. Задача обеих армий ударить в тыл Чонгарской группе в общем направлении на Джанкой — Нов. Итак. Операция 4 армии тормозится, как я докладывал, отсутствием тяжелой артиллерии (дивизионной), неприбытием самолетов и, наконец, отсутствием нашего флота, сковывающим всякую нашу инициативу на Арабатском направлении, представляющем чрезвычайную важность. Начало активной операции 4 армии намечалось моим приказом на 10 ноября, но сейчас установил, что это невозможно по указанным выше причинам. Без поддержки авиации наша пехота, как показал ряд усиленных конных поисков, будет нести огромные потери. В силу изложенного момент активных операций 4 армии ставится мною в связь с развитием действий на фронте шестой. Самостоятельно же сможет начать не раньше 13 ноября, к каковому сроку ожидается прибытие бронепоездов, тяжелой артиллерии и авиации. В случае же овладения Юшунем армия будет атаковать и без артиллерии и авиации.

Объехав фронт всех армий, должен отметить чрезвычайно тяжелые условия расквартирования частей, особенно пехотных. Ряд полков вынужден ночевать под открытым небом без топлива и недостаточно обмундированными. В отношении Каширина очень рад, что вы не берете его с фронта, ибо глубоко убежден, что при нашем стремительном наступлении никакие кубанские операции противнику не удадутся, а наличие его при 4 армии поможет с прибытием флота стремительно бить на Феодосию. Для облегчения операции необходимо:

1) Срочное продвижение эшелонов с бронечастями и авиачастями в район станции Рыково.

2) Немедленная передача для этого в достаточном количестве топлива в район Алексеевки—Мелитополя.

3) Срочная присылка дополнительного обмундирования (шинелей и обуви); за истекшие недели многие полки оказались совершенно разутыми.

4) Категорический приказ коморси итти на Геническ, где стоят четыре парохода противника.

5) Присылка обещанного кожаного обмундирования, хотя бы в том количестве, которое уже изготовлено.

6) Подача горючего для бронеотряда, бензина для авиачастей возможно в большем количестве.

Настроение частей бодрое, и надеюсь, что в ближайшем будущем последняя задача фронта будет разрешена.

Командюж: Фрунзе.

Ст. Рыково, 9 ноября.

Приказ командарма 6 от 9 ноября 1920 г. № 52/к. [1]).

(О наступлении на Юшунские позиции.)

Противник отступил на Юшунские позиции и занимает первую линию этой полосы; кроме 1 корпуса и Кубанской бригады, к противнику, по непроверенным сведениям, прибыло подкрепление: конная группа Барбовича (в с. Юшунь) и 13 танков. Наши части ведут бой перед укрепленной линией. Приказываю:

1) Начдиву лат. немедленно с получением сего выступить на боевой участок и сменить правофлантовые части 51 дивизии по линии от Перекопского залива через Карт-Казак — Колодцы, что на тракте и далее на 1-2 вер. к востоку от тракта (смена должна быть закончена не позже 12 часов 10 ноября); по окончании смены дивизии перейти в самое энергичное наступление с целью выхода к вечеру 10 ноября на линию Бой-Казак — тракт. Воронцова; начдиву лат. принять временно в свое подчинение всю тяжелую артиллерию, предназначенную начдивом 51 на этот участок; полештадиву лат. расположиться в западной половине Армянска.

2) Начдиву 51 в связи с уменьшением участка развить максимальную энергию и к вечеру 10 ноября овладеть линией тракт Воронцова искл.—Бешеул.

3) Начдиву 52 и 15 — задача прежняя согласно моей телеграммы № 51/к. Категорически требую от начдива 52 развития большей энергии при наступлении и, во что бы то ни стало, прорвать позиции противника ударом вдоль восточного побережья озера Красное.

4) Разграничительная линия между лат. и 51 дивизиями: Перекоп—середина Армянска—Колодцы (что на сев.-зап. берегу оз. Старое) — Юшунь — тракт Воронцова, все включительно лат. дивизии.

5) Требую от комсостава напряжения всей энергии при выполнении предстоящей задачи; Юшунские позиции должны быть нами пройдены в одни сутки, невзирая на потери (стояние на месте перед Юшунскими позициями вследствие отсутствия жилых помещений и питьевой воды невозможно).

6) О получении и распоряжениях донести.

Командарм 6: Корк. Зам. члена РВС: Ошлей. Начполештарм 6: Кирпичников.

Телеграмма командарма 6 командюжу от 10 ноября [2]).

(Приказ 51 дивизии совместно с 52 и 15 дивизиями продолжать преследование противника, отходящего на Юшунские позиции.)

С утра 9/XI по овладении Перекопским валом 51 дивизия совместно с 52 и 15 дивизиями продолжала преследование противника, отходившего на Юшунские позиции. Около 17 часов части 51 дивизии подошли к первой линии Юшунских позиций и занимают линию, проходящую через Карт-Казак—Колодцы, что на тракте, и Колодези, что северо-западнее северной оконечности озера Красное; на линии укрепленных позиций завязался бой с противником, при этом на участке между озерами

[1]) ЦАКА, д. № 46—841, л. 11.
[2]) ЦАКА, д. № 230—705, л. 70.

Старое и Красное удалось временно овладеть небольшим участком позиции противника, но наши части были выбиты. 51 дивизия потеряла почти половину своего состава (потери убитыми и ранеными — около двух с половиной тысяч), 15 дивизия вела бои на линии северной оконечности озера Красное по прямой линии на северо-восток к побережью Сиваша; атаки дивизии отражались противником, но, по последним сведениям, 45 бригаде удалось прорвать позицию противника у отметки 10,8; дивизия, по докладу начдива, понесла весьма крупные потери. 52 дивизия несколько задержалась и лишь около 17 часов сосредоточивалась в 4 верстах южнее Караджанай, для перехода в наступление. Лат. дивизия сегодня переместилась в район кол. Перво-Константиновка—Григорьевка, что в 5 верстах северо-восточнее от него. Сведения о противнике: части 1 армейского корпуса видимо отошли на перешейке между Перекопским заливом и озером Старым; части 13 дивизии обнаружены на перешейке между оз. Старое — оз. Красное; части 34 дивизии отошли на позицию между оз. Красное—Сиваш. В район Юшунь якобы прибыла конная группа Барбовича и три танка (показания пленного). Задача на 10 число: Лат. дивизия выдвигается на боевой участок для форсирования перешейка между Перекопским заливом и озером Старым с задачей к вечеру 10 выйти на линию Бой-Казак—х. Воронцово; 51, 52 и 15 дивизии к этому же времени должны выйти на линию х. Воронцов — Джелишай. На действия Повстанческой армии надежд не возлагаю и полагал бы своевременным передать ее в подчинение командарма Миронова.

Командарм 6: Корк, Зам. члена РВС: Ошлей.

Доклад командюжа главкому от 10 ноября 1920 г. № 0041/п. ш. [1]).

(Об обстановке на фронте и о ближайших предположениях.)

Докладываю обстановку на фронте и о ближайших предположениях: 8 ноября началось наступление 6 армии на Перекоп. 10 ноября должна была наносить удар 4 армия, причем особое значение уделялось мной Арабатскому направлению, где намечался удар 9 стрелковой и корпуса Каширина, со второй дондивизией в резерве, с переправой на полуостров при устье реки Салгир для ударов во фланг и тыл Чонгарской группе. Несмотря на отсутствие тяжелой артиллерии, авиации, бронеотрядов, оторванных тылов и пр., операция, рассчитанная на моральный надлом и на расстройство противника, обещала верный успех. К сожалению, наступлению 4 армии помешал ряд причин. 1) Неприбытие 9 ноября нашего флота, что в корне подрезало нашу инициативу на левом фланге. 2) Спад воды в районе Чонгарского полуострова, что лишило возможности переправой на собранных лодках и плотах облегчить лобовой удар. 3) Отсутствие всякого противовеса артиллерии противника, бьющей наверняка по узким дамбам мостов и пресекающей попытки атак. Наступление 6 армии облегчилось отсутствием воды в западной части Сиваша и, совпав с моментом смены частей 13 и 34 дивизий 1 армейского корпуса, стало развиваться относительно успешно. 15 и 52 дивизии переправились на Литовский полуостров и стали угрожать Перекопу ударом во фланг и тыл. Про-

[1]) ЦАКА, д. 52—933, лл. 77—86.

тивник перешел в контратаку дроздовцами и потеснил 52 дивизию до входа в полуостров, и только при поддержке 15 дивизии удалось остановить к вечеру 8-го его нажим и отбросить, причем было взято 300 пленных (это дало основание басни о сдаче двух дроздовских полков с комсоставом, чего совершенно не было на деле). К вечеру наше положение здесь стало весьма угрожающим в связи с прибылью воды в Сиваше, грозившей отрезать 15 и 52 дивизии. В момент операции я находился сначала при штабе, а затем при штадиве 15 в Строгановке.

В связи с сложившейся обстановкой и возможностью контратаки к утру, я в 24 часа 8 ноября отдал категорический приказ произвести немедленно ночной штурм Перекопа с ударом на Армянск частями 15 и 52 дивизий. Штурм увенчался успехом. Противник обороняется ожесточенно, и мы несем очень большие потери. Несмотря на бодрое настроение нашей пехоты, продвижение совершается крайне медленно, и в данный момент я не могу сказать, будет ли армией теперь же выполнена задача по овладению Юшунскими позициями. Во всяком случае, в связи с бездействием нашего флота, чрезвычайной трудностью форсирования в лоб Чонгарских переправ и ввиду овладения нами Перекопом и Армянском центр тяжести удара переношу на Перекоп. В настоящее время вблизи его сосредоточена вся 2 кон. армия, а на Литовском полуострове еще действует 7 кавдивизия. Туда же получила приказ двигаться 1 армия, как только мы овладеем Юшунем. Сегодня с рассветом направилась к Перекопу и 46 дивизия, придаваемая мной временно 2 конармии с задачей удара на Джанкой. На подготовке операции крайне тяжело отражается отсутствие жел.-дор. связи с тылом. Только сегодня ожидается вторичное исправление Александровского моста, что даст возможность улучшить положение. Части войск, особенно 30, 51, 52 и 15 дивизии, находятся все время под открытым небом без возможности согреться и при крайне недостаточном обмундировании; особенно плохо с обувью, которая за дни быстрых маршей страшно истрепалась. Несмотря на все это, настроение частей бодрое и уверенное. В связи со всем изложенным должен сказать, что задача овладения перешейком отнюдь еще не разрешена и может потребовать от нас крайне большого напряжения сил. Указанное обстоятельство вынуждает меня настаивать на отмене вашего распоряжения о немедленной отправке второй дондивизии на кавфронт. Если мы на-днях овладеем Юшунем, то конечно, ее можно будет направить безотлагательно, до этого же считаю это несколько рискованным. Конкорпус, кроме 7 дивизии, вывести в резерв можно и, в крайнем случае, если вы это считаете необходимым, могу его отослать немедленно на кавфронт. Мое личное мнение такого, что при условии форсирования нами перешейков всякая возможность кубанского десанта будет исключена. Поэтому для обеспечения дальнейшего стремительного наступления, казалось бы, необходимым держать на главном направлении такие силы, которые обеспечат овладение Крымом не свыше чем в семидневный срок по выходе на полуостров. Еще раз убедительно прошу разрешения использовать аппарат 13 армии, особенно снабжение, для 4. Самое лучшее назначить Лазаревича командармом 13 и излишки аппарата отправить Межлауку на усиление аппарата укрепрайона, с тем чтобы в случае нужды его можно было развернуть в армейский. Точно так же прошу дать добавочные наряды на обмундирование (шинели, обувь, полушубки, теплое и нательное

белье). В случае вашего приказания о немедленной отправке конкорпуса Каширина на кавфронт прошу заготовить для него в Ростове 2000 лошадей с седлами, что дает возможность посадить на коней еще две тысячи всадников. Сегодня ночью выезжаю в Харьков, ибо за порчей Александровского моста организовать должным образом связь из Мелитополя с Бериславлем пока не удалось.

Командюж: Фрунзе.

Ст. Мелитополь, 10 ноября 1920 г.

Телеграмма главкома командюжу от 11 ноября 1920 г. № 8648 [1]).

Соглашаясь в общем с вашими предположениями о дальнейших действиях, считаю долгом указать, что ограничиваться усилением 6 армии одной дивизией при переносе центра тяжести борьбы на эту армию недостаточно и 2) переброска 46 дивизии, как наиболее удаленной от района борьбы, вряд ли правильна, почему целесообразнее перегруппировку произвести путем сдвига дивизий вдоль фронта, т. е. в армию усилить за счет ближайших дивизий 4 армии, передав последней наиболее удаленные дивизии, а равно учесть, что на Перекопском направлении должны быть дивизии наивысшего морального качества и наибольшей устойчивости, каковыми отличились сибирские части и Курсантская дивизия. 2 конная армия, находясь на континенте, во-время не успеет оказать поддержку, если в этом встретится необходимость, между тем неприятельская конница Барбовича, судя по вашим донесениям, уже обнаруживается на Перекопском направлении. Что касается подвоза материальных средств борьбы, то в первую очередь необходимо, чтобы установили очередность подвоза, только при этом условии можно рассчитывать подать хотя часть требуемых вами средств. В отношении обмундирования некоторую помощь вам может оказать чусо [2]) фронта; со своей стороны также приму меры удовлетворить ваши требования, в этот вопрос включаю и кожаное обмундирование. Обратить внимание, чтобы 6 армия была обеспечена огнеприпасами.

Главком: С. Каменев. Военком: Васильев. Наштаревсовет: Лебедев.

Приказ армиям южного фронта от 10 ноября 1920 г. № 0032/п. ш. [3]).

(О наступлении на Юшунские позиции.)

Части 6 армии к утру 9 ноября овладели штурмом Перекопским валом, Армянским Базаром и, продолжая дальнейшее наступление, захватили к вечеру 9 ноября правофланговый участок Юшунской укрепленной позиции противника. Части 2 конной армии сосредоточены вблизи Перекопа, имея задачей оказывать энергичное содействие 6 армии по овладению Юшунскими позициями и по разгрому Перекопской и Юшунской групп противника. Части 4 армии продолжают подготовку к форсированию Чонгарского и Сивашского перешейков, пред-

[1]) ЦАКА, д. № 417—686/а, лл. 109—110.
[2]) Чусо—чрезвычайный уполномоченный совета обороны по снабжению.
[3]) ЦАКА, д. № 52—973, л. 12.

полагая закончить таковую к 13 ноября. Наша азовская флотилия заперта льдом в Таганрогской бухте и оказать помощь левому флангу 4 армии не может. Противник главные силы сосредоточивает на Перекопском направлении, где отмечено, кроме 13 и 34 пехдивизий, присутствие всего 1 армейского корпуса и частей конкорпуса Барбовича.

Приказываю:

1) Командарму 6 продолжать энергичную атаку Юшунских позиций, вводя в бой последовательно резервы и заменяя ими отстающие части. Выйти в кратчайший срок и прочно закрепиться на указанном моей директивой № 0011/п. ш. рубеже. С 24 часов 10 ноября Повстанческую армию Махно передать в подчинение командарму 2 конной. 7 кавдивизию впредь до особого распоряжения числить в составе 6 армии.

2) Командарму 2 конной, оказывая самое решительное содействие 6 армии по овладению нами Юшунскими позициями, сосредоточиться для дальнейшего наступления в районе Воинка — Магазинка — Байсары — Кипчак, имея на левом фланге временно приданную армии 46 стрелковую дивизию. По сосредоточении на указанном рубеже совместно с частями 1 конной армии перейти в стремительное наступление и, разбив части 1 армии противника, выйти в тыл Чонгарской его группе в общем направлении на Джанкой — Курман-Кемельчи и далее на восток в район Карамин — Сейтляр.

3) Командарму 1 конной немедленно по занятии нами Юшунских позиций, идя форсированным маршем сосредоточиться в районе Джелипай—Бешеул—Яланташ. По сосредоточении перейти совместно с частями 2 конармии в энергичное наступление и разбить 1 армию противника, выйти на железную дорогу Джанкой — Симферополь в районе Курман-Кемельчи — Новый Итак.

4) В дальнейшем обеим конармиям иметь в виду самое энергичное преследование противника, ни в каком случае не допуская его посадки на суда.

5) Командарму 4 быть наготове в любой момент к решительной атаке Чонгарского и Сивашского перешейков, производя соответствующую перегруппировку частей и учитывая невозможность развития нами крупных операций в Арабатском направлении. Теперь же энергичным артогнем и усиленным бомбометанием с аэропланов демонстративно привлекать на себя внимание противника, облегчая этим задачу 6 армии.

6) Командармам 4 и 6 с овладением перешейками немедленно развивать наступление в пределах своих разграничительных линий.

Командюжфронта: Фрунзе. За наштаюж: Каратыгин.

Мелитополь, 10 ноября 1920 г.

Телеграмма командарма 4 командюжу от 11 ноября 1920 г. № 59/п [1].

(Сообщение о выходе с боем частей 30 дивизии на Крымский полуостров.)

Около полуночи 11 ноября 30 дивизия приступила к выполнению поставленной ей задачи.

В 3 часа 30 мин. под огнем противника удалось переправиться на

[1] ЦАКА, д. № 69—853, лл. 256—257.

Крымский полуостров в районе Сивашского моста роте 268 полка и в районе Чонгарского двум батальонам 266 полка.

К 5 часам правофланговая группа под ураганным огнем позиционных батарей и бронепоезда противника вынуждена была отойти к исходному положению на левом же боевом участке; 266 полк закончил переправу через Чонгарский мост и в 5 час., сопровождаемый огнем артиллерии, перешел в наступление на укрепленную позицию противника и лихим ударом выбил, заняв в 6 час. 20 мин. первую линию окопов, и, не задерживаясь, обрушился на вторую линию, которую и заняли 6 ч. 45 мин., захватив два дальнобойных и 2 легких орудия. К 8 часам на правом боевом участке переправились 2 батальона 268 полка, которые под сильнейшим артогнем подошли вплотную к проволочным заграждениям первой линии окопов противника и завязали с ним горячий огневой бой. В это же время на левом боевом участке 266 полк, продолжая дальнейшее наступление, выбил противника из первой линии окопов. Для развития успеха с правого боевого участка на левый двинут один полк 90 бригады.

Противник огнем бронепоездов обстреливает тыл наступающих частей. Части 89 бригады продолжают энергичное дальнейшее движение и, опрокидывая упорно сопротивляющегося противника, заняли последовательно дер. Тюн-Джанкой и в 9 час. 40 мин. дер. Авуз-Кирк. Захвачено большое количество пленных.

88 бригада и 30 кавполк подтягиваются к ст. Чонгар для переправы вслед за частями 89 и 90 бригад.

По всему фронту 30 дивизии идет сильный бой. Части дивизии ведут себя отлично.

Командарм 4: Лазаревич. Член Реввоенсовета С. Ануучин.

Радиограмма РВС южфронта Врангелю от 11 ноября 1920 г. [1]).

(Предложение Врангелю прекратить борьбу и положить оружие.)

Ввиду явной бесполезности дальнейшего сопротивления ваших войск, грозящего лишь бессмысленным пролитием новых потоков крови, предлагаю вам немедленно прекратить борьбу и положить оружие со всеми подчиненными вам войсками армии и флота. В случае принятия вами означенного предложения Революционный военный совет армий южного фронта, на основании предоставленных ему Центральной советской властью полномочий, гарантирует вам и всем кладущим оружие полное прощение по всем проступкам, связанным с гражданской борьбой. Всем, не желающим работать в Советской России, будет обеспечена возможность беспрепятственного выезда за границу при условии отказа под честное слово от всякого участия в дальнейшей борьбе против Советской России. Ответ по радио ожидается не позднее 24 часов 12 ноября сего года.

Командующий южным фронтом: Михаил Фрунзе. Член Реввоенсовета: Мирон Владимиров.

Ст. Мелитополь, 11 октября, 24 часа.

---

[1]) ЦАКА, д. № 52—973, л. 16.

Обращение РВС южфронта к офицерам, солдатам, казакам и матросам армии Врангеля от 11 ноября 1920 г.[1]).

Офицерам, солдатам, казакам и матросам армии Врангеля.

Командование Красным южным фронтом сегодня послало радио Врангелю, в котором предлагает ему со всеми подчиненными ему сухопутными и морскими силами сдаться советским войскам в 24-часовой срок. При добросовестном исполнении этого всем бойцам Крымской армии гарантируется жизнь и желающим свободный выезд за границу.

Офицеры, солдаты, казаки и матросы белой армии!

Борьба на юге заканчивается полной победой советского оружия. Пали Краснов и Деникин, завтра падет Врангель. Все попытки восстановить в России капиталистический строй с помощью иностранных империалистов кончились позорно. Великая Революция победила, великая страна отстояла свою целость.

Белые офицеры, наше предложение возлагает на вас колоссальную ответственность. Если оно будет отвергнуто и борьба будет продолжаться, то вся вина за бессмысленно пролитую русскую кровь ляжет на вас. Красная армия в потоках вашей крови утопит остатки крымской контрреволюции. Но мы не стремимся к мести. Всякому, кто положит оружие, будет дана возможность искупить свою вину перед народом честным трудом. Если Врангель отвергнет наше предложение, вы обязаны положить оружие против его воли. Создавайте революционные комитеты и сдавайтесь, не забывайте, что дело идет о жизни десятков тысяч вовлеченных вами в борьбу против Советской России людей.

Одновременно с этим нами издается приказ по советским войскам о рыцарском отношении к сдающимся противникам и о беспощадном истреблении всех тех, кто поднимет оружие против Красной армии.

Откажитесь от позорной роли лакеев иностранных империалистов. В настоящий грозный час будьте с Россией и ее народом.

Революционный военный совет южного фронта: Фрунзе, М. Владимиров. За начштаба Каратыгин.

Мелитополь, 11 ноября 1920 г.

Приказ по армиям южфронта от 11 ноября 1920 г. № 0066/п. ш.[2]).

(Сообщение о посланном Врангелю предложении о сдаче.)

Солдаты Красной армии. Наши доблестные части, прорвав укрепленные позиции врага, ворвались в Крым.

Еще один удар и от крымской белогвардейщины останутся только скверные воспоминания. Невыразимой доблестью красных войск сломлено сопротивление полчищ барона Врангеля.

Грозная и беспощадная для своих врагов, Красная армия не стремится к мести. Мы проливали кровь лишь потому, что нас к этому вынуждали наши враги. Мы во время самых ожесточенных боев обращались к нашим врагам с мирными предложениями. Делаем это и теперь.

---

[1]) ЦАКА, д. № 52—973, л. 18.
[2]) Там же, л. 17.

Революционный военный совет южного фронта сегодня послал радио Врангелю, его офицерам и бойцам с предложением сдаться в 24-часовой срок, в котором обеспечивает сдающимся врагам жизнь и желающим — свободный выезд за границу. В случае же отказа вся вина за пролитую кровь возлагается на офицеров белой армии.

Революционный военный совет южного фронта приказывает всем бойцам Красной армии щадить сдающихся и пленных. Красноармеец страшен только для врага. Он — рыцарь по отношению к побежденным.

Всем командирам, комиссарам и политработникам вменяется в обязанность широко разъяснить красноармейцам смысл настоящего приказа.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, отдельных частях и управлениях.

Революционный военный совет южного фронта: М. Фрунзе,
Владимиров.
За начштаба Каратыгин.

Мелитополь, 11 ноября 1920 г.

Приказ командюжа от 11 ноября № 0071/п. ш. [1]).

(О содействии 6 армии в ее наступлении на Юшунские позиции.)

Наступление 51 и лат. стр. дивизии на правом фланге 6 армии развивается успешно, но противник, подтянув значительные резервы, в том числе конницу Барбовича и части донского корпуса, переходит в контратаки и теснит части 15 и 52 стр. дивизий восточнее Соленое оз. — Красное. Дабы сломить последнее сопротивление противника и уничтожить его активную группу, приказываю:

1) Командарму 4 немедленно переправлять на Крымский берег остающуюся пехоту и кон. корпус Калпирина. Обеспечивая свой фланг с запада, стремительно бросить конницу на Джанкой и далее в тыл Перекопской группы противника.

2) Командарму 2 конной всеми конными силами немедленно оказать решительное содействие левому флангу 6 армии энергичными и стремительными ударами во фланги и тыл наступающему противнику.

3) Командарму 1 конной всеми мерами ускорить выход конницы на фронт 6 армии.

4) Командарму 6, стянув все наличные резервы, продолжать настойчивое и решительное наступление.

5) Требую от конницы исключительной энергии и самой действительной поддержки пехоте в последнем бою, решающем исход всей операции.

Командюж: Фрунзе. Начполештаба: Каратыгин.

Ст. Мелитополь, 11 ноября.

[1]) ЦАКА, д. № 417—685/а, л. 109.

Донесение начдива 51 командарму 6 от 11 ноября 1920 г.[1]).

(Об овладении частями 51 дивизии последней укрепленной полосой противника.)

Части вверенной мне дивизии, сломив упорство противника, овладели последней укрепленной полосой противника. Действия кавчастей, направленные для занятия междуозерных дефиле, перехвата желдороги и преследования противника в южном направлении за отсутствием в дальнейшем укрепленных позиций должны создать благополучную обстановку. Удар огнебригады, направленный на дефиле от Красное и восточнее его без названия с юга — по группе противника, действующей против частей 52 и 15 дивизий, должен частично сковать действие противника (отрезать пути отхода). Полагаю, что проход 2 конармии по западному берегу Соленое озеро—Красное и ее решительные действия в восточном и юго-восточном направлениях могли иметь как следствие полную ликвидацию противника, действующего против 15 и 52 дивизий, уничтожение противника, отходящего в южном направлении, трофеи, захватываемые на желдороге, и, наконец, выход из озер предоставлял свободу маневрам, могущим решить, быть может, судьбу всего южфронта, в то время как настоящее положение 2 конармии затягивает исход операции. Учитывая детально всю обстановку, считаю долгом донести об изложенных соображениях на предмет зависящих распоряжений.

Начдив 51 Московской: Блюхер. Наштадив 51: генштаба Датюк.

Армянск, 11 ноября 1920 г.

Приказ командарма 6 от 11 ноября 1920 г. № 58/к.[2]).

(О развитии наступления к югу от Юшунских позиций.)

После весьма упорных боев 51 дивизия прорвала Юшунские позиции на глубину всех линий и овладела почтстанцией Юшунь; части 52 и 15 дивизий прорвали эти же позиции на участке между озером Красное — Сиваш и вышли на линию 103 Круглое — Трактир.

Приказываю:

1) Лат. дивизии сегодня же ночью продолжать из района Юшунских позиций стремительное наступление в южном направлении, к 12 часам 11 ноября выйти на линию Бой-Казак — кол. Ново-Покровская включительно, где временно закрепиться до особого распоряжения, кавполк выбросить частями, к 12 час. 11 ноября выйти на линию Бешеул (включительно) — Биюк — Мамчик (исключительно); в связи с сокращением участка выделить большую часть сил в резерв для предоставления короткого отдыха расстроенным вследствие крупных потерь частям.

3) Начдиву 52 равняться по 15 дивизии, подтянуть свои части и овладеть линией Биюк к 12 часам 11 ноября, на этом рубеже временно задержаться, выбросить вперед кавполк.

---

[1]) ЦАКА, д. № 212—411, л. 349.
[2]) ЦАКА, д. № 46—842, л. 23.

4) Начдиву 15 продолжать разгром противника и овладеть к 12 часам 11 ноября линией Магазы (исключительно)—Караки (включительно); действующую при 15 дивизии кавдивизию выбросить на станцию Джанкой в тыл Чонгарской группе противника.

5) Командарму Повстанческой и 16 кавдивизии немедленно с получением сего перейти в подчинение командарму 2 конной Мironову, от которого и получить боевую задачу.

6) Разграничительные линии: между лат. и 51 дивизиями — Колодцы, что на северо-западном берегу оз. Старое, — Юшунь — Чегер — Бешеул, все включительно 51 дивизии: между 51 и 52 дивизиями — Карабы—Бикок—Мамчик; кроме последнего, включительно 51 дивизии; между 52 и 15 дивизиями — прежние.

7) Подтверждаю начдивам лат. необходимость усиления наблюдения за движением флота противника в Перекопском заливе.

8) О получении и распоряжениях донести.

Командарм 6: Корк. Зам. члена РВС: Ошлей. Начполештарм: Кирпичников.

Чаплинка, 11 ноября 1920 г.

Телеграмма начдива 51 Московской Московскому совету от 11 ноября 1920 г. № 0763/оп.) [1]).

(О взятии Юшуня.)

Задача, поставленная дивизии, — пробить дорогу в Крым, выполнена. 11 ноября в 12 час. заняты станции Юшунь, впереди Крым, укреплений больше нет, лучшие силы Врангеля разгромлены окончательно: корниловцы, дроздовцы, марковцы, гвардейцы, второй армкорпус представляют из себя жалкие остатки и панически бегут в разных направлениях, бывшая гордость Врангеля теперь не существует. Погибли лучшие силы Врангеля, и с ними пали вместе неприступный Турецкий вал и четыре линии Юшунских укреплений. Надежда белых банд при помощи техники задержаться на Перекопских и Юшунских позициях разлетелась, как мыльный пузырь. Полуодетые, голодные, уставшие участники, воевавшие бессменно во всех боях герои, красноармейцы и командиры разгромили не только превосходную живую силу, но разбили ее за десятками рядов проволочных заграждений, бесчисленными рядами окопов. Ничто не могло спасти банды Врангеля. Приказ пролетариата: «Крым должен быть Советский» выполнен честно. В ночь с 28 на 29 октября дивизия, снявшись с Каховского плацдарма, разгромив второй армкорпус и гвардейцев, утром 30 штурмовала Перекоп и Турецкий вал; последний занят не был, ибо фронтальная атака вала вышиною более восьми сажень с двенадцатью рядами проволочных заграждений без подготовки не могла быть удачна; за два дня дивизия совершила переход с боями Каховка — Перекоп, захватив массу пленных, пять орудий, миллион патронов, снаряды и прочие трофеи. С 8 на 9 ноября вторично началось наступление для овладения Турецким валом, и в три часа 10-го после

[1]) ЦАКА, д. № 37—780, л. 66.

трех беспримерных штурмов вал занят. Ни проволока, ни укрепления не спасли белых. Последовательно занимается Армянск, дивизия атакует Юшунские позиции, 10 ноября бросается с винтовкой и пулеметом на проволочные заграждения. Двадцать судов с моря, два бронепоезда, четыре танка, бронемашины, масса артиллерии, до двенадцати дюймов включительно, открывают адский огонь по нашим частям; таковые не пятятся, а, пренебрегая опасностью, штурмуют линию за линией окопов, и к 12 часам 11-го все кончено. Противник бежит в панике. Ряд штурмов укреплений, оборудованных французскими инженерами, без особой подготовки берется [1]). Огромные трофеи захватываются: за один бой 11 ноября захвачено восемнадцать пушек разных калибров, до двенадцати дюймов включительно, до пятнадцати миллионов патрон, десятки тысяч снарядов, двести вагонов с имуществом, танк, три бронемашины, бесчисленное множество обозов, тысячи пленных — вот трофеи наших боев. Много вышедших из Каховки осталось убитыми, масса выбыло из строя ранеными, всего потерь насчитываем несколько тысяч, но дух велик, как был, так и остался и увеличился; мы будем выполнять начатое дело с теми, кто остался в живых. Пролетариат Москвы через своего представителя в Каховке вручил нам знамя, на котором было напечатано «уничтожить Врангеля», так мы честно выполняем данную вами нам задачу: это знамя первое развевается над полями Крыма, в близком будущем за ним пойдут другие знамена, и Врангель будет уничтожен. Передайте московскому пролетариату, что мы, сыны рабочих и крестьян России, выполним порученную нам высокую задачу освобождения Крыма. Не зная усталости, мы будем итти до тех пор, пока лозунг, написанный на знамени, подаренном нам, не будет выполнен вполне, и надеемся, что в близком будущем радио оповестит Москву о великом событии: Крым советский.

Начдив 51 Московской: Блюхер. Начштадив: генштаба Датюк.

Армянск, 11 ноября 1920 г.

Телеграмма главкома от 12 ноября 1920 г., 367. [2]).

(О срочном выдвижении 1 и 2 конных армий и спешном усилении 6 армии для развития наступления в Крыму.)

С занятием почтовой ст. Юшунь и переправой частей 30 дивизии с Чонгарского полуострова на Крым является необходимым развить достигнутые успехи, ввиду чего вновь считаю долгом указать на самое срочное выдвижение 1 и 2 конных армий и вообще на спешное усиление 6 армии свежими дивизиями, дабы не дать противнику организовать не только оборону, но даже и планомерный отход в глубь полуострова, а также не подвергать наши передовые войска отдельным ударам.

Главком: Каменев. Военком: Васильев. Нашревсовет: Лебедев.

---

[1]) Так в подлиннике.
[2]) ЦАКА, д. № 417—686/а, л. 112.

Приказ РВС 1 конной армии от 12 ноября 1920 г. за № 95 [1]).

(О доблестных победах Красной армии и стоящей перед 1 конной армией задаче — уничтожении Врангеля и его банд.)

Войска барона Врангеля, не добитые нами в боях на левом берегу Днепра, укрылись на Крымском полуострове в полной уверенности, что им удастся отсидеться за естественными и искусственными укреплениями.

Царскому барону казалось, что его неудачи временного характера, а расстройство его армии и потери быстро ликвидируются с помощью мировой буржуазии. Так мечтал кровавый генералитет, сидя за неприступными позициями Сиваша и искусственными сильнейшими укреплениями.

Генералы и вручившая себя их попечению буржуазия просчитались. То, что невозможно для обманутых солдат барона, стало доступно беззаветной храбрости красных воинов.

Доблестные геройские полки 51 стрелковой дивизии под руководством беззаветно преданных революции и республике командиров и комиссаров, при содействии 52 стрелковой и лат. дивизии, под ураганным огнем противника с моря и суши, голодные и усталые, беспрерывными штурмами овладели этой крепостью. Во время боев с 3 ноября они, прорезывая несколько линий проволочного заграждения, устилая трупами своих лучших бойцов путь к победе, многочисленными атаками нанесли колоссальные потери противнику.

Сбитый пехотой, разложенный паникой, потерявший с падением этой единственной укрепленной полосы Крыма надежду в дальнейшем успехе своего черного дела, противник откатывается в глубь Крыма.

Среди кадрового и молодого офицерства идут раздоры и ссоры. Дисциплина и подчиненность отсутствуют.

Впереди у них гибель от вашей меткой пули и сабли, позади волны бездонного Черного моря, преграждающего путь к спасению.

Пехота блестяще выполнила возложенную на нее задачу.

Теперь дело за нами.

И вы также славно и блестяще выполните его, как выполняли свои задачи на Дону, Кубани, в Галиции и Польше.

Республика ждет от вас уничтожения Врангеля и его банд.

Реввоенсовет: Ворошилов, Буденный

Телеграмма М. В. Фрунзе В. И. Ленину от 12 ноября 1920 г. № 56/уд-с [2]).

(О прочном занятии южного побережья Сиваша и поставленной войскам задаче — молниеносным ударом довершить разгром Врангеля.)

Сейчас вернулся из поездки на фронт. Объехал почти все дивизии армий. Несмотря на величайшее лишение красноармейцев, связанное с теснотой размещения, недостатки обмундирования, вообще снабжения, что связано с полной оторванностью тылов не только армейских, но и дивизионных, всюду находил бодрое и уверенное настроение. На

[1]) ЦАКА, д. № 27—291/с, л. 151.
[2]) ЦАКА, д. № 222—174, л. 9.

этой почве явилось возможным приступить к форсированию перешейков, опираясь не на нашу технику, безнадежно отставшую, а на живую силу бойцов. Получив приказ о наступлении в Крым, полки ринулись неудержимым потоком и мощным ударом овладели рядом чрезвычайно сильно укрепленных позиций противника. В настоящее время мы прочно занимаем южное побережье Сиваша, и с утра завтрашнего дня наша конница, заканчивающая сегодня свое сосредоточение на указанных ей рубежах, бросается преследовать разбитого противника. Задачей войскам поставил — молниеносным ударом довершить разгром и ни в коем случае не допустить его посадки на суда. Надеюсь, что в 7-дневный срок, считая с 13 ноября, мы будем в Севастополе. Для помехи эвакуации морем отдал приказ выйти к Севастополю нашей единственной подводной лодке. Если бы не бездействие нашего азовского флота, якобы затертого льдом в Таганроге, то мог бы гарантировать занятие Керчи и Феодосии через 3—4 дня. При настоящих условиях не исключена возможность попыток противника задержаться на Керченском полуострове. Но это будут только попытки, и мы их, несомненно, не допустим. Свидетельствую о высочайшей доблести, проявленной геройской пехотой при штурмах Сиваша и Перекопа. Части шли по узким проходам под убийственным огнем на проволоку противника. Наши потери чрезвычайно тяжелы. Некоторые дивизии потеряли три четверти своего состава. Общая убыль убитыми и ранеными при штурмах перешейков не менее 10 тысяч человек. Армии фронта свой долг перед республикой выполнили. Последнее гнездо российской контрреволюции разорено, и Крым вновь станет советским.

Командюж: Фрунзе.

Приказ командюжа от 13 ноября 1920 г. № 361/сек. (1132)о. [1]).

(Не позднее 20 ноября овладеть всей территорией Крыма.)

Рядом сверхчеловеческих усилий наша героическая пехота 6 и 4 армий овладела укрепленными позициями противника и, разбив защищавшие их войска, ворвалась вместе с конницей в Крым. Взято большое количество орудий, миллионы патронов, броневики и танки и прочие трофеи. Противник спешно отходит по двум направлениям: на Евпаторию — Симферополь — Севастополь и на Феодосию — Керчь. Отход будет, повидимому, прикрываться сравнительно уцелевшей конницей противника. Не исключена возможность его попытки задержаться на линии Феодосия — Арабат, дабы обеспечить возможность переброски остатков войск на кавказское побережье. Армиям фронта ставлю задачу — не позднее 20 ноября овладеть всей территорией Крыма, уничтожив последние остатки живой силы врага. Для чего приказываю:

1) Командарму 6, обеспечив одной дивизией свой тыл в районе Перекопского перешейка, остальными силами армии энергично наступать в направлениях на Евпаторию — Симферополь — Севастополь и Ялту. Выделить особый отряд для очищения от противника выступа Крымского полуострова, что к сев.-западу от Евпатории.

2) Командарму 4, обеспечив одной дивизией свой тыл в районе Сальково — Джанкой — Геническ, остальными силами армии наступать в

[1]) ЦАКА, д. № 248—304, лл. 24—25.

направлении на Феодосию — Керчь. Кавкорпус тов. Каширина, бросить через Карасу-Базар на Феодосию.

3) Командарму 2 конной с Повстанческой армией, по выходе на жел. дорогу Джанкой—Феодосия в районе станции Сейтляр, стремительно преследовать противника в направлении на Феодосию — Керчь, ставя задачей ни в коем случае не допустить его посадки на суда в указанных пунктах и имея в виду овладеть гор. Керчь не позднее 22 ноября. 46 стр. дивизию после установления ею связи с частями 4 армии вернуть в распоряжение командарма.

4) Командарму 1 конной, после выхода на жел. дорогу Джанкой—Севастополь в районе станции Ташлы-Даир, со всей энергией гнать противника в общем направлении на Симферополь и Севастополь, имея в виду овладение последним не позднее 19 ноября. Главной задачей ставлю уничтожение живой силы врага и недопущение его посадки на суда.

5) Между 6 и 4 армиями устанавливаю разграничительную линию: Агайман—Джанкой—Карасу-Базар—Таук, все для 4 армии включительно.

6) Начвоздухфлота южфронта после занятия нами станции Джанкой срочно образовать в районе последней передовую авиобазу, откуда организовать ежедневные налеты на порты Евпатория, Севастополь, Ялта, Феодосия и другие с задачей бомбометания, не давая противнику производить планомерную эвакуацию.

7) Доносить о результатах наступления за истекший день и о своих предположениях на будущий день.

8) Передача настоящего приказа по всем адресам возлагается на скаюж [1]).

9) О получении и отданных распоряжениях донести.

Командюж: Фрунзе. Наштаюж: Паука.

Приказ командарма 4 от 15 ноября 3 ч. 30 мин. № 71/п. [2]).

(О дальнейшем продвижении частей 4 армии.)

Доблестная 30 дивизия, не позволяя коннице Каширина себя обогнать, наступает на Феодосию. 90 бригада движется через Бахчи-Эли и Гассан-Бей, имея цель — к утру стремительным ударом овладеть гор. Феодосией и портами всей транспортной флотилии. 89 бригаде приказано обеспечить правый фланг дивизии, двигаться от Верборюс на Карагаз и, в случае необходимости, помочь 90 бригаде атакой Феодосии с запада, от Карагаза выдвинуть боковой отряд для занятия ст. Крым для обеспечения дивизии от возможности появления с запада остатков конницы противника. 88 бригада наступает вдоль жел. дороги, имея целью занять Б. Камышино и содействуя коннице Каширина в овладении ст. Владиславовка. Непосредственно с дивизией следует два тяжелых дивизиона. В настоящее время части дивизии подходят к линии Карагаз—Владиславовка и будут безостановочно двигаться дальше на Феодосию. Конница Каширина направлена через Владиславовку на Керчь для овладения Керченским полуостровом. Противник

[1]) Скаюж—начальник службы связи южного фронта.
[2]) ЦАКА, д. № 69—862, лл. 14—17.

спешно отходит на Владиславовку и Феодосию и производит лихорадочную погрузку в Феодосийском и Керченском портах. Перед фронтом армии обнаружены части кубанской дивизии, донского корпуса, шестой и седьмой дивизии, остатки Марковской и Корниловской дивизий, двигающиеся на подводах. Общее направление отхода противника на Феодосию и на Керченский полуостров. Частей 2 конной армии в районе действия 30 дивизии не обнаружено. 7 кавдивизия присоединилась к корпусу Каширина. Я остаюсь до утра на ст. Грамматиково. 9 дивизия двигается вдоль жел. дороги и направляется на Керчь для овладения Керченским полуостровом. На ст. Сейтляр захвачено до 75 легковых, грузовых и броневых автомобилей. Но все испорчены и, кроме того, много другого троф. имущества, учет которого производится.

Командарм 4: Лазаревич. Член РВС: Анучин.

Телеграмма командюжа Президиуму Всеукраинской конференции Коммунистической партии от 15 ноября 1920 г. № 0084/п. ш. [1]).

(Привет от армий южного фронта.)

Армии южного фронта шлют свой привет в лице конференции всему коммунистическому пролстариату Украины. Рад сообщить, что беспримерный героизм, проявленный войсками фронта в минувших боях в Северной Таврии и в районе Крымских перешейков, ныне дает блестящие результаты. Вчера, 14 ноября, нами заняты Симферополь, Феодосия. Враг деморализован и бессилен оказывать сопротивление. Сегодня-завтра ожидаю взятия Севастополя. Еще несколько дней — и вся территория Крыма будет очищена от белогвардейщины. Красная армия фронта, гордая своими успехами, еще более горда от сознания того, что этими успехами открывается возможность начатия мирного культурно-хозяйственного строительства. Конференция коммунистов всей Украины, начинающая свои работы в этот переломный час нашей истории, несомненно наметит программу ближайшего будущего и откроет широкие перспективы хозяйственного возрождения советских республик. Еще раз наш сердечный привет всем товарищам.

Командюжфронта: Фрунзе. За члена РВС: Оськин.

Мелитополь, 15 ноября 1920 г.

Телеграмма М. В. Фрунзе В. И. Ленину от 16 ноября 1920 г. № 0097/п. ш. [2]).

(Сообщение о занятии Керчи и ликвидации южного фронта.)

Сегодня нашей конницей занята Керчь. Южный фронт ликвидирован.

Командюжфронта: Фрунзе.

Ст. Джанкой, 16 ноября 1920 г.

---

[1]) ЦАКА, д. № 52—973, л. 56.
[2]) ЦАКА, д. № 417—685/а, л. 86.

Приказ командюжа от 17 ноября 1920 г. № 226/00105/п. ш.[1]).

(О доблестных победах, совершенных войсками южного фронта.)

Несмотря на все богатства техники, щедро поставлявшейся союзниками, несмотря на ловкие маневры и изворотливость тактики, барон Врангель в своих попытках обосноваться в Приднепровье потерпел полное поражение. Доблестными частями 13 армии лавина донцев и кубанцев, двигающаяся на Донецкий бассейн, была разгромлена под Юзовкой и Волновахой. Выход противника на правый берег Днепра у Александровска и Никополя окончился поражением его первого корпуса и гибелью лучшей конницы, что явилось поворотным пунктом кампании и началом разгрома Врангеля. Последовательное наступление на правый фланг 6 армии под Каховским плацдармом дало противнику те же результаты: грозные танки и броневики были опрокинуты геройской артиллерией и пехотой 51 и латышской дивизий и остались трофеями у наших окопов. 29 октября армии южфронта перешли в решительное наступление на юг от Днепра и на мелитопольские позиции противника. Подошедшая 1 конная армия была двинута в тыл противнику на Сальково и Геническ. Чувствуя неизбежный конец, противник сопротивлялся отчаянно. С упорными боями наши доблестные войска настойчиво продвигались вперед, тесня и разбивая врага. Охватываемый со всех сторон, отрезанный с тыла, противник потерял много пленными, большую часть своей артиллерии, все продовольственные и боевые запасы и в беспорядке ушел на полуостров, пытаясь укрыться за естественной преградой Сиваша и укреплениями Перекопского и Чонгарского перешейков. Но никакие преграды и укрепления не могли остановить победного марша наших армий. Обойденный по Сивашу 15 и 52 дивизиями, Перекопский вал 9 ноября был взят штурмом геройскими частями 51 дивизии. Отчаянное сопротивление противника на Юшунских позициях было сломлено, и части 51, 15, 52 и латышской дивизий 12 ноября вышли в Крым.

Одновременно с этим, невзирая на мощь обороны Чонгарского перешейка, герои 30 и 23 стрелковых дивизий форсировали Сивашские переправы и 12 ноября с боем вышли к Джанкою. Последние попытки противника под Джанкоем прикрыть отход на Керчь были ликвидированы частями 2 конной армии. Ворота в Крым были открыты. Один за другим пали Симферополь, Феодосия, Севастополь и Керчь. К 16 ноября весь Крым был в наших руках. Победные красные знамена утвердились на берегах Черного моря. Авантюрист-барон бежал в Константинополь, бросив свои войска и предоставив каждому устраиваться кто как может. Связанная палочной дисциплиной и работавшая в чужих интересах, армия Врангеля распалась так же, как подобные ей полчища Колчака, Юденича и Деникина. Боевые товарищи — красноармейцы, командиры и комиссары, ценою ваших героических усилий, ценою дорогой крови рабочего и крестьянина взят Крым. Уничтожен последний оплот и надежда русских буржуа и их пособников, заграничных капиталистов. Отныне красное знамя — знамя борьбы и победы — реет в долинах и на высотах Крыма и грозным призраком преследует остатки врагов, ищущих спасения на кораблях. 50 дней прошло с мо-

[1]) ЦАКА, д. № 52—894, л. 17.

мента образования южфронта; за этот короткий срок благодаря вашей стойкости и энергии была ликвидирована угроза врага Донбассейну, очищено все Приднепровье и занят весь Крым. Честь и слава погибшим в борьбе за свободу, вечная слава творцам революции и освободителям трудового народа. Особо отмечаю исключительную доблесть 51 и 15 стрелковых дивизий в упорных боях под Юшунем, героическую атаку 30 стрелковой дивизии Чонгарских переправ, лихую работу 1-й и 2 конармий, выполнивших задачу вдвое скорее поставленного срока, и всех многих героев, давших новую великую победу нашей Советской республике.

Да здравствует доблестная Красная армия!

Да здравствует конечная мировая победа коммунизма!

Приказ прочесть во всех ротах, командах, эскадронах и батареях.

Командюж: М. Фрунзе.

Симферополь, 17 ноября 1920 г.

Из революционной деятельности М. В. Фрунзе

(1905—1912 гг.)

Михаил Васильевич Фрунзе приехал в Иваново-Вознесенск, будучи 20-летним студентом Петербургского политехнического института, в момент широкой и напряженной классовой борьбы, во время всеобщей летней забастовки ивановознесенских текстильщиков. Проявленная рабочими солидарность, героическая стойкость, самоотверженность в борьбе и размах ее произвели на него сильное впечатление и покорили его навсегда. Фрунзе сохранил глубокий интерес и горячую симпатию к Ивановскому району до могилы. Эта забастовка привлекала немало партийных работников из других городов, но обычно эти приезды были кратковременными. Фрунзе и после забастовки остался в Иваново-Вознесенске. Он всецело погрузился в партийную работу, выполняя обязанности и организатора и агитатора, входя в городской комитет. Он уже в то время отчетливо усвоил ленинские лозунги о вооруженном восстании, революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, аграрную программу большевиков и неуклонно проводил тактическую линию большевиков. Она вполне гармонировала с его боевой натурой и с его страстью к революционной борьбе. Несмотря на свою молодость, он и тогда поражал своей организационной инициативой, положительностью и деловитостью в практической работе. Все вопросы он рассматривал по существу, не осложняя их какими-либо личными соображениями и не увлекаясь чрезмерно полемикой. Всегда и над всем у него доминировали интересы дела, работы.

Но в Иваново-Вознесенске Фрунзе суждено было пережить предательское и гнусное нападение царского самодержавия на революцию и прежде всего на пролетариат. Бурно прокатившиеся по всей стране в октябре 1905 г. волны черносотенных погромов захлестнули и Иваново. Вынужденное под ударами революции пойти на уступки и обещать гражданские свободы населению, царское самодержавие вовсе не хотело отказываться от борьбы с революцией, организуя против нее все свои силы, в том числе — черную сотню. В Иванове почва для черносотенного движения была подготовлена предшествовавшими событиями. После прекращения всеобщей забастовки здесь создалась напряженная атмосфера. Местные власти, фабриканты и лавочники, были крайне озлоблены, ожесточены против рабочих, тем более, что частичные забастовки по отдельным фабрикам не прекращались, фабриканты требовали присылки в город казацких отрядов, а полиция, с благословения духовенства и высшего начальства, приступила к организации черной сотни, вербуя для нее торговцев, мастеров и просто хулиганов, которые повели агитацию среди наиболее отсталых слоев рабочих, измученных безработицей. Партийная организация не проявила должной бдительности в этом отношении, и погром захватил ее врасплох.

22 октября утром собрался против городской управы митинг, назначенный городским комитетом. После выступления двух ораторов помощник полицеймейстера потребовал, чтобы собравшиеся покинули площадь, заявив, что никакие беспорядки полицией не будут допущены. С площади демонстранты направились к

тюрьмам требовать освобождения политических заключенных, но путь к ним оказался прегражденным казаками. Тогда демонстрация, ряды которой значительно поредели (шел дождь), решила направиться на Талку, чтобы там устроить митинг. По дороге туда она встретилась с монархической демонстрацией, певшей «Спаси, господи, люди твоя», «Боже царя храни» и кричавшей «ура». Эту демонстрацию сопровождал отряд конных казаков. Произошло небольшое столкновение, часть демонстрантов рассеялась, и на Талку пришло несколько десятков человек. Вслед за ними сюда явились черносотенцы и казаки, остановившиеся на противоположном берегу. К ним для переговоров по собственной инициативе направились Ф. Афанасьев (отец) и Павел Павлыч. Черносотенцы набросились на них: первый был убит, а второй до полусмерти избит. Урок дан был наглядный, внушительный. Рабочие в полной мере поняли, что значат свободы, обещанные царским манифестом. М. В. Фрунзе был на Талке 22 октября, страшно волновался, когда казаки напали на товарищей, рвался к ним на помощь, но его не пустили.

На другой день (23 октября) в городе начался погром, продолжавшийся 24 и 25 октября. По улицам города потянулись монархические манифестации с попами во главе, с церковными хоругвями, с иконами, с портретами Николая II. Раздавалось пение церковных и патриотических гимнов, прерываемое диким воем и ревом громил. В то же время черносотенцы рыскали по квартирам, разыскивая рабочих депутатов, забастовщиков, евреев, подвергая их избиению, истязаниям, грабя имущество, разоряя квартиры, избивали даже тех, кого подозревали в сочувствии им. Толпы погромщиков, сопровождаемых казаками, врывались на фабрики и заводы, производя дикие расправы над рабочими. Последние, не имея оружия, растерялись и не могли защищаться. Партийная организация не была подготовлена к внезапному и коварному нападению неприятеля, не могла быстро ориентироваться в создавшемся положении и оказать сопротивление. Она была ослаблена, расшатана и загнана в глубокое подполье. Одни из ее руководителей, как Ф. Афанасьев, погибли, другие подверглись жестоким истязаниям, временно выбыв из строя, третьи, как например Дунаев, вынуждены были покинуть город, ввиду явной опасности быть растерзанными. Глубокое уныние и растерянность овладели широкими рабочими массами. Но разгул черной сотни не смутил Фрунзе. Он остался в городе и продолжал работу. На его долю вместе с А. С. Бубновым выпала нелегкая задача восстановить организацию. Об открытых собраниях, даже немногочисленных, на фабриках и заводах, вообще в городе, не могло быть и речи. На фабриках еще производились расправы с депутатами, революционерами, «крамольниками». Собрания устраивались за пределами города в окрестных деревнях, а часто и под открытым небом в густом лесу, куда не могли проникнуть конные казаки, рыскавшие по всем направлениям в погоне за красными.

Публикуемая ниже переписка чинов полиции с представителями судебной власти рисует картину дикого насилия и произвола, царившего в то время в Иваново-Вознесенске. М. В. Фрунзе не удалось избежать цепких рук врага. В ночь с 29 на 30 октября Фрунзе вместе с А. С. Бубновым и П. И. Волковым возвращались с партийного собрания и были задержаны около Витовской фабрики обходом городовых и казаков, причем были подвергнуты возмутительному истязанию: казаки привязали их к седлам и всю дорогу до тюрьмы заставили бежать за лошадьми. Когда их привели в тюрьму, то снова били нагайками, кулаками, топтали ногами.

Товарищ прокурора владимирского окружного суда в своем представлении прокурору владимирского окружного суда сообщает, что арестованные заявили ему об избиении, которому они подверглись в тюрьме со стороны городовых и казаков, подтверждая при этом, что «следы насилия имеются». Но губернское упра-

вление извещает прокурора, что жалоба арестованных об избиении не подтвердилась на дознании и оставлена без последствий. Итак, насильники остались безнаказанными.

К Фрунзе и Волкову был применена сравнительно легкая мера пресечения — взята подписка о «неотлучке», причем первый для местожительства избрал Казань, а второй — с. Преображенское, Шуйского уезда. По освобождению Фрунзе перешел на нелегальное положение и вынужден был на несколько месяцев покинуть Ивановский район. Сюда он вернулся летом 1906 г. К этому времени от черносотенного террора октябрьских дней не осталось и следа. Среди широких масс наблюдался огромный интерес к партии и политической жизни. Партийная организация существовала почти открыто. Фабричные собрания, митинги, конференции устраивались на глазах полиции. Прокламации, нелегальные газеты распространялись в таком большом количестве, что фабричная администрация и полиция оказались бессильны бороться «с этим злом».

Образовавшийся осенью 1906 г. Иваново-вознесенский союз РСДРП придал партийной работе еще более широкий размах и планомерность. Избирательная кампания во II Государственную думу, вызвавшая значительное оживление среди рабочих, была удачно проведена организацией, в уполномоченные по фабрикам и заводам прошли большевики, партийные кандидаты. От губернии был проведен депутатом во II Государственную думу иваново-вознесенский рабочий большевик Жиделев, при проводах которого в Петербург была устроена грандиозная демонстрация. Это был момент подъема и напряженной партийной работы. По возвращении в район Михаил Васильевич жил нелегально, работал в Шуе, как профессионал-партиец, отдавая все время и все силы партийной работе. Он руководил шуйской организацией, выполняя функции агитатора, пропагандиста, лектора, организатора, и работа здесь кипела. Он выступал на митингах, фабричных собраниях, которые устраивались чуть не ежедневно. Хотя постороннему человеку, не рабочему, трудно было проникать на фабрики, но он умел обходить все препятствия. Фрунзе приходил к рабочим не только как пропагандист и агитатор, но и в повседневной текущей жизни он был всегда среди рабочих, что давало ему возможность изучать их психологию, улавливать их настроения и делало его близким рабочим. Он обладал умением находить живые, наиболее восприимчивые элементы из рабочей среды и упорно работал над их воспитанием. Он пользовался громадной популярностью среди рабочих. Ивановские и шуйские текстильщики любили и ценили своего Арсения (его партийная кличка). Но и полиция зорко следила за ним. Состоявшийся в конце февраля 1907 г. союзный съезд решил, что в Шуе ему дольше оставаться нельзя. Бюро съезда постановило снять его с работы из шуйской организации и направить в Родники прямо со съезда. Фрунзе подчинился этому решению и поехал в Родники. Но недели через две опять приехал в Шую заканчивать дела по выборной кампании на Лондонский съезд. И здесь был арестован 24 марта, пытался при аресте бежать, выскочив в окно, но неудачно — попал в руки полицейских, избивших его.

Арест Михаила Васильевича Фрунзе вызвал всеобщее возмущение и волнение среди широких рабочих масс. Весть об аресте быстро облетела фабрики и заводы. Рабочие, как только узнали об этом, бросили работу и собрались к полицейскому управлению, требуя освобождения Арсения, отправили телеграмму депутату Жиделеву, прося его содействия и вмешательства, составлялись планы освобождения его и из тюрьмы и по пути следования из Шуи во Владимир. Переписка местных властей показывает, какие тревожные дни пережила Шуя 24—27 марта. Натиск рабочей массы был стремителен, но и враг не дремал. От шуйского исправника летит телеграмма за телеграммой губернатору. Он сообщает, что с 10 часов утра фабрики прекратили работу, рабочие атаковали полицейское управление, что

положение серьезно и возможны столкновения, требуя присылки казаков и пехоты. Губернатор Сазонов немедленно спешит на помощь исправнику, направляя из Коврова казаков, из Владимира солдат. 25 марта Фрунзе и Гусева неожиданно днем отправили во Владимир. Рабочие выразили свой протест тем, что на Ильинской площади устроили митинг, который продолжался 5 часов.

На этот раз Михаил Васильевич Фрунзе засел прочно, на долгие годы, просидев до суда 3 года, а потом по приговору отбывал 6 лет каторги, сначала во Владимирской каторжной тюрьме, а потом в Николаевской.

Но несмотря на эти тяжелые испытания, Фрунзе сохранил глубокую, беззаветную веру в рабочий класс, в его творческие силы—веру, которая осталась у него непоколебимой в течение всей его жизни. В самые черные годы реакции он не терял уверенности в торжество революции. Герою Перекопа были чужды сомнения и разочарования. [1]).

О. Варенцова.

Рапорт полицейского надзирателя м. Ямы прокурору владимирского окружного суда от 30 октября 1905 г., № 6075 [2]).

До сведения моего дошло, что рабочие делают сходки за фабрикой Витовых в лесу для обсуждения разных вопросов противоправительственного содержания. 29 сего октября я с городовыми м. Ямы Потаповым, Барышниковым, Косаткиным и др. и казаками Астраханских войск Ленниковым и Кожемякиным и др. отправился туда с целью проверить означенные сведения. Пройдя фабрику Витова по Дуниловскому тракту, в 12 часу ночи замечены были трое неизвестных мужчин, которые скрылись; вслед за ними шли еще трое неизвестных мужчин, которые мною были остановлены. При предварительном осмотре у двоих из них оказалось по револьверу с патронами пуль. Для выяснения личностей и составления протокола они доставлены в арестантское помещение м. Ямы. Один из них назвался студентом С.-петербургского политехнического института Михаил Васильев Фрунзе, 20 л., у которого, кроме револьвера и 25 пуль, оказались: записная книжка с разными заметками противоправительственного содержания, прокламация и черновик к оной: «К иваново-вознесенским рабочим», письмо «Развитие революционного движения в г. Иваново-Вознесенске» на двух листах, шесть прокламаций в виде черновиков, писанных рукою, обращение к крестьянам и их положению, письмо шифрованной азбуки, адрес литейщика Лосева, свидетельство за № 7400 на имя медицинского фельдшера Дьяченко на право ношения огнестрельного оружия, рукопись карандашом «Ход забастовки рабочих в типографии Лимонова в г. Шуе», книжка по вопросу о капитализме и крестьянстве. При обыске другого неизвестного, назвавшегося студентом Московского сельскохозяйственно-

---

[1]) Текст публикуемых документов, хранящихся в Владимирском отделении Ивановского областного архивного управления, подготовлен к печати научным сотрудником Ивановского облархива т. А. И. Ивановым. Помещаемые в этой публикации фотоснимки заимствованы из следующих дел Владимирского отделения: 1) регистрационная карточка из картотеки Владимирского губернского жандармского управления; 2) снимок с телеграммы от 25 марта 1907 г.— ф. канцел. владимирского губерн., 1906 г., д. № 5, л. 23; 3) «Статейный список» № 66 (стр. 1, 2, 3) и акт освидетельствования ссыльных — ф. Владимир. губернского правления, 1910 г., д. № 487, лл. 13, 14 и 5.

[2]) Владимирский окр. суд., 1905 г., д. № 134, лл. 7—8.

го института Андреем Сергеевым Бубновым, кроме револьвера с 5 пулями, оказались прокламации под заглавием «К иваново-вознесенским рабочим». При обыске третьего лица, назвавшегося иваново-вознесенским мещанином Петром Ивановым Волковым, 17 л., найдено 110 прокламаций противоправительственного содержания «К иваново-вознесенским рабочим». Все означенные прокламации и книжки, а также поднятые городовыми Потаповым и Косаткиным, которые были разбросаны по улицам в м. Ямы в количестве 22 шт.[1]), вместе с сим отосланы г. помощнику начальника владимирского губернского жандармского управления в гор. Иваново-Вознесенске.

О вышеизложенном имею честь донести вашему высокородию и присовокупить, что Фрунзе, Бубнов и Волков содержатся при иваново-вознесенском городском полицейском управлении впредь до распоряжения означенного начальника жандармской полиции.

И. д. полицейского надзирателя м. Ямы В. Лебедев.

Заявление М. В. Фрунзе, А. С. Бубнова и П. И. Волкова товарищу прокурора владимирского окружного суда по шуйскому участку от 2 ноября 1905 г.[2]).

29 октября с. г. вечером мы, нижеподписавшиеся, были задержаны нарядом полицейских с казаками и приведены на чембурах в ямскую арестантскую, где и подверглись истязанию со стороны ведших нас казаков и находившихся в арестантской городовых (не всех). Нас били перед входной в коридор дверью, в коридоре и в камере, причем били кулаками (всех), нагайками (всех), поленом (Фрунзе и Волкова), таскали за волосы (Бубнова), топтали и били ногами (Волкова и Бубнова).

Доводя все эти факты до вашего сведения, мы заявляем, что никакого сопротивления с нашей стороны не было, что г. надзиратель сидел в то время наверху и не мог не слышать криков истязуемых, но никаких мер для прекращения истязания не предпринял, и требуем расследовать это дело, подвергнуть виновных следуемому по закону наказанию.

Студент С.-петербургского политехнического института Михаил Фрунзе, студент Московского сельскохозяйственного института Андрей Бубнов, мещ. г. Иваново-Вознесенска рабочий Петр Волков.

Представление товарища прокурора владимирского окружного суда по шуйскому участку прокурору владимирского окружного суда от 1 ноября 1905 г.[3]).

Доношу вашему высокоблагородию, что 29 октября вечером полицейский обход под начальством надзирателя м. Ямы Лебедева на окраине г. Иваново-Вознесенска, по Дуниловскому тракту, задержал трех показавшихся подозрительными лиц, шедших по направлению из деревни Котельницы. По приказанию Лебедева задержанные были обыс-

[1]) Так в подлиннике.
[2]) Влад. губ. правление, д. № 18, 1905 г., л. 6.
[3]) Настоящий и последующие документы этого раздела заимствованы из фонда Владимирского окружного суда, 1905 г., д. № 134, лл. 10—11.

каны, у двух из них оказались револьверы и патроны, почему всех троих отправили в полицейскую арестантскую м. Ям, где, при более тщательном обыске, у одного из задержанных, как оказалось, мещанина Петра Иванова Волкова, 17 лет, была найдена в рукаве пачка из 110 прокламаций от имени Иваново-Вознесенского комитета С.-Д. У другого из задержанных — студента Петербургского императорского технического института, мещанина Михаила Васильевича Фрунзе, 21 года, была отобрана его записная книжка с заметками, касающимися рабочего движения г. Иваново-Вознесенка, и три рукописных черновика воззваний, в том числе черновик с редакционными исправлениями той прокламации, которая отобрана в печатном виде у Волкова. У третьего задержанного — студента Московского сельскохозяйственного института Андрея Сергеевича Бубнова, 21 года (сына члена Иваново-Вознесенской городской управы), был найден один печатный экземпляр той же прокламации. 23 экземпляра таких же прокламаций были подобраны в ночь на 30 октября чинами полиции неподалеку от места задержания Фрунзе, Волкова и Бубнова.

31 октября вечером помощник начальника губернского жандармского управления ротмистр Шлегель приступил к производству дознания о Фрунзе и других по признакам 108 и 129 ст. уг. ул. ввиду заключающегося в отобранных воззваниях призыва к ниспровержению самодержавия и оскорбительных для государя императора выражений. Фрунзе и Волков допрошены в моем присутствии в качестве обвиняемых по 103 и 129 ст. уг. ул. Волков объясняет, что нашел прокламации по дороге, Фрунзе — что возвращался из деревни, где был в гостях и случайно встретился с Волковым и что найденное у него рукописное воззвание представляет не черновик, по которому напечатано воззвание, а лишь копию, снятую с напечатанной прокламации.

Мерою пресечения избрано взятие подписки о неотлучке.

Бубнов за недостаточностью улик допрошен лишь в качестве свидетеля. Бубнов и Фрунзе по постановлению губернатора арестованы за ношение оружия на 14 дней каждый. Оба они, а равно и Волков, заявили мне, что они были по доставлении в арестантскую избиты городовыми и казаками. Следы насилия имеются.

Товарищ прокурора [подпись].

Отношение прокурора московской судебной палаты прокурору владимирского окружного суда от 8 ноября 1905 г., № 2985.

Вследствие представления от 4 сего ноября за № 2243 поручаю вашему высокородию сделать распоряжение о производстве предварительного следствия по делу о мещанах Петре Волкове и Михаиле Фрунзе и о ходе означенного дела периодически мне доносить.

Прокурор судебной палаты [подпись].

Отношение владимирского губернского правления прокурору владимирского окружного суда от 9 марта 1906 г., № 1051.

Губернское правление, рассмотрев жалобу студентов С.-петербургского политехнического института Михаила Фрунзе и Московского сельскохозяйственного института Андрея Бубнова и мещанина Петра Волкова, жалующихся на нанесение им побоев нижними полицейски-

ми чинами м. Ямы и конно-полицейскими стражниками, по постановлению своему от 4 сего марта, как не подтвердившуюся на дознании, оставило без последствия, о чем им послано объявление 8 марта.

Об этом губернское правление уведомляет ваше высокородие вследствие отношения за № 11968.

За советника [подпись].

Донесение товарища прокурора владимирского окружного суда по шуйскому участку прокурору владимирского окружного суда, ...августа 1906 г., № 5 [1]).

Вследствие предписания от 10 августа за № 2280 доношу вашему высокородию, что дело по обвинению Фрунзе и Волкова по 129 ст. ул. о нак. было 15 ноября минувшего года предложено судебному следователю 3 участка Шуйского уезда. Ранее по этому делу производилось дознание жандармской полицией, причем Волков и Фрунзе по допросе

Фотографія въ 1/4 натур. величины. Ретушированіе не допускается.

Волосы на головѣ и бородѣ привести въ обычный видъ, не допуская умышленной растрепанности. Всякія повязки по возможности удалить.

Одежда снимаемаго (безъ верхняго платья) должна быть на немъ въ порядкѣ, не допуская снимания воротничковъ и т. п. умышленной небрежности.

1) Профиль *съ правой* стороны оставляя открытымъ все ухо. (Эта фотографія въ профиль важнѣе всего!)

2) Спереди (en face) совершенно прямо, не наклоняя головы ни впередъ, ни назадъ, ни въ стороны. Оба плеча должны быть видны.

ОПИСАНІЕ ПРИМѢТЪ.

Возрастъ по нар. виду 28. Годъ и мѣс. рожденія Янв. 1885.
Ростъ 1 метръ 60 сант. Полнота ср. Тѣлосложеніе хор. Объемъ въ поясѣ 83 с.
1) Волосы: Цвѣтъ ... Волнистость ... Густота сред. Лысина
2) Борода и усы: Цвѣтъ ... Форма ... Густота сред. Особ.
3) Лицо: Цвѣтъ ... Полнокровіе ... Выраженіе ... Особ.
4) Лобъ: Высота ... Накл. ... Морщины ... Форма головы ...
5) Брови: Цвѣтъ ... Форма ... Густота ... Расположеніе ... Особ.
6) Глазныя впад. (орбиты): Величина сред. Глубина сред. Особ.
7) Глаза: Цвѣтъ райка ... Классъ ... Особ. Разст. между глазъ.
8) Носъ: Спинка ... Основаніе ... Выст. ... Длина 4.5 Шир. 2.5 Особ.
9) Ухо: Форма ... Оттопыренность сред. Велич. ... Особ.
Ушн. 10) борд.: Нач. ... Низ. 12) Противо-коз.: Накл. Проф. Вы...
11) мочка: Накл. ... Прирастаніе ... Внутр. скл.: Вып. Велич...
14) Губы: Форма ... Толщина ... Выступаніе ... Особ.
15) Подбородокъ: Длина ... Накл. ... Форма ... Полнота сред. Особ.
16) Плечи: Ширина 40. Накл. ... Шея ... Особен.
17) Руки: Величина ... Привычка держать ... Особен.
18) Ступни ногъ: Длина (№ обуви) ... Особенность формы ногъ
19) Осанка (выправка корпуса, Манера держаться): прямо
20) Походка: твердая
21) Особ. въ жестикуляціи, гримасы, мимика, и т. п.

Фотографія въ 1/4 натур. величины.

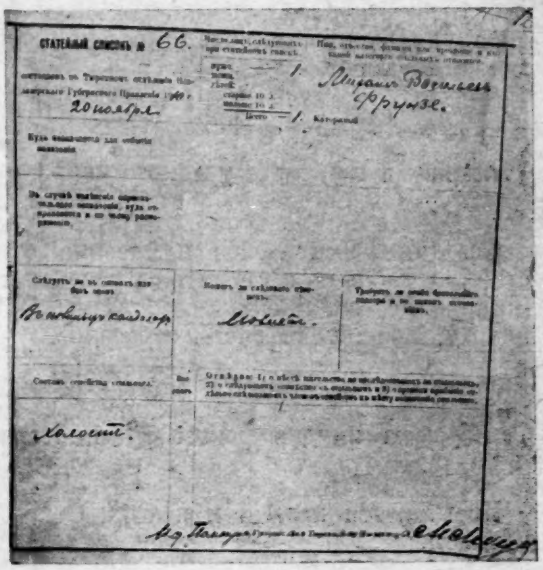
3) Во весь ростъ, стоя, въ 3/4 въ томъ самомъ головномъ уборѣ, верхн. платьѣ и обуви, въ котор. былъ задержанъ. Если носитъ очки, то одѣть.

их в качестве обвиняемых в силу принятой по отношению к ним меры пресечения — подписки о неотлучке, — избрали себе местожительство Фрунзе — Казань, а Волков — с. Преображенское Шуйского уезда.

На предварительном следствии показанием дежурного городового

[1]) День отправления донесения не проставлен.

при арестантской Ивана Платова, обыскивавшего обоих, установлено, что у Волкова в рукаве пиджака найдена пачка в 110 шт. прокламации, озаглавленной: «Товарищи рабочие», а у Фрунзе — текст этой же прокламации в черновике со многими исправлениями.


СТАТЕЙНЫЙ СПИСОК № 66.

20 ноября.

Михаил Васильев Фрунзе.

Прокламация заканчивается словами «долой проклятое самодержавие» и указанием на массу крови, проливаемой царем-палачом.

Следственный материал, заключавший в себе допросы полицейских казаков, задержавших Фрунзе и Волкова, заканчивается относящейся к маю и июню с. г. перепиской судебного следователя и прокурора с казанским полицеймейстером и казанским прокурором о розыске Фрунзе. По сообщению казанского полицеймейстера от 7 мая № 765 Фрунзе на жительстве в Казани не обнаружен.

К изложенному присовокупляю, что при допросе в качестве обвиняемых жандармской полицией Фрунзе и Волков виновными себя не признали, объяснив: Фрунзе — что найденный у него текст прокламации им только списан, и Волков — что сверток с прокламациями им найден.

Товарищ прокурора [подпись].

Постановление шуйского уездного исправника о задержании «Арсения» — Фрунзе от 24 марта 1907 г. [1]).

1907 года марта 24 дня шуйский уездный исправник, принимая во внимание, что доставленный приставом 1 стана неизвестного звания мужчина, именующий себя «Арсением», по имеющимся у полиции сведениям, проживает в г. Шуе с целью агитации среди фабричных рабочих, что при задержании в квартире его найдено оружие — два револьвера — один Маузера, а другой Браунинг и два карабина «винчестера», а также гектограф и напечатанный на гектографе организационный устав Шуйской организации Р. С.-Д. рабочей партии и разная нелегальная литература, на основании 21 ст. положения об усиленной охране, постановил: именующего себя «Арсением» задержать во владимирском исправительном арестантском отделении впредь до распоряжения г. начальника владимирского губернского жандармского управления

Исправник Лавров.

---

[1]) Этот и следующие документы заимствованы из фонда канцелярии владимирского губернатора, 1906 г., д. № 5, л. 27.

Телеграмма шуйского уездного исправника владимирскому губернатору от 24 марта 1907 г.

В Шуе арестован окружный агитатор Арсений. Все фабрики встали, требуют освобождения. Ожидаю столкновений, осаждают полицейское управление. Необходимо немедленное подкрепление в составе не менее двух рот.

Исправник Лавров.

Телеграмма шуйского уездного исправника владимирскому губернатору от 24 марта 1907 г.

Сегодня решительное намерение отразить нападение оружием заставило рабочих отступить и разойтись. Завтра собираются повторить (нападение) соединенными силами Кохмы и Иванова. Прошу выслать пехоту, положение очень серьезное.

Исправник Лавров.

Телеграмма владимирского губернатора шуйскому исправнику от 24 марта 1907 г.

Посылаются казаки и пехота. Открытый бунт не может быть допускаем.

Сазонов.

Телеграмма владимирского губернатора министру внутренних дел от 24 марта 1907 г.

В Шуе забастовали фабрики вследствие ареста агитатора.

Губернатор Сазонов.

Телеграмма владимирского губернатора в Ковров командиру казачьей сотни от 24 марта 1907 г.

Предлагаю немедленно выступить в Шую для оказания поддержки исправнику, осажденному толпою рабочих.

Губернатор Сазонов.

Телеграмма владимирского губернатора шуйскому исправнику от 24 марта 1907 г.

Приготовьте казакам помещение, действуйте согласно циркулярам, если же понадобится пехота, телеграфируйте.

Сазонов.

Телеграмма владимирского губернатора министру внутренних дел от 24 марта 1907 г.

Получил от членов Думы Жиделева, Алексинского и Романова требование немедленно выпустить арестованных в Шуе. Не считал себя

вправе отвечать им. Расследование будет произведено прокурорским надзором.

Губернатор Сазонов.

Телеграмма министра внутренних дел владимирскому губернатору от 24 марта 1907 г.

Члены Государственной думы не имеют никакого права обращаться к вам с требованиями. Вы совершенно правильно оставили их заявление без ответа.

Министр внутренних дел Столыпин.

Телеграмма из Коврова владимирскому губернатору от 24 марта 1907 г.

Казаки выступили в восемь часов тридцать минут.

Помощник Введенский.

Телеграмма из Коврова владимирскому губернатору от 24 марта 1907 г.

С полусотней выбыл помощник Гоголев.

Помощник Введенский.

Отношение начальника владимирского района владимирскому губернатору от 24 марта 1907 г., № 1386.

Командиру сотни казаков в г. Коврове послана телеграмма о содействии гражданским властям в прекращении беспорядков в г. Шуе и, кроме того, от 10 гренадерского Малороссийского полка будут командированы две роты пехоты.

Врид. начальника района полковник [подпись].

Рапорт шуйского уездного исправника владимирскому губернатору от 25 марта 1907 г., № 118.

Ночью на 24 марта месяца пристав 1 стана Декаполитов, получив спешное сведение о нахождении в г. Шуе в доме Соколова на Шуйской улице известного здесь агитатора и организатора Социал-Демократической рабочей партии «Арсения», в означенном доме произвел обыск и, задержав в нем означенного Арсения, нашел при нем два револьвера — Маузер и Браунинг и два карабина «Винчестера» с патронами, гектограф, несколько экземпляров напечатанного на гектографе устава Шуйской организации Р. С.-Д. Р. партии, разную нелегальную литературу, несколько экземпляров отчета Шуйской группы Р. С.-Д. Р. партии за январь 1907 г. и пачку в количестве 81 экз. напечатанного в январе месяце в типографии Лимонова при вооруженном нападении воззвания к избирателям в Государственную думу.

Донося о сем вашему превосходительству с представлением копии с постановления о задержании «Арсения», докладываю, что протокол обыска отослан начальнику владимирского губернского жандармского управления и что о сем сообщено прокурору и товарищу прокурора по шуйскому участку.

Исправник Лавров.

6*

Телеграмма владимирского губернатора шуйскому исправнику 24 марта 1907 г.

Предложите толпе разойтись. Объясните, что дело будет расследовано. Если не разойдутся, примите меры, указанные циркулярами

Сазонов.

Рапорт шуйского уездного исправника владимирскому губернатору от 25 марта 1907 г.

Доношу вашему превосходительству в дополнение к рапортам от сего числа за №№ 118 и 119 по поводу арестования ночью на 24 сего марта агитатора Арсения и крестьянина Павла Гусева: оба эти ареста произведены приставом 1 стана Декаполитовым вследствие полученных им этой же ночью агентурных сведений. Агитатор Арсений арестован в Ивановской улице в доме Соколова и при аресте намерен был скрыться и выбежал из квартиры во двор с двумя револьверами в руках. Кроме того, в квартире у него в корзине были найдены два винчестера. А Павел Гусев (арестован) по той же улице в доме Молова. У него найдена разная нелегальная переписка, причем урядник Перлов, на которого в феврале месяце было с целью покушения произведено несколько выстрелов, в этом Гусеве признал одного из стрелявших.

По арестовании Арсений утром заявил, что встанут все фабрики и придут на выручку его, и действительно в 10 часов утра одна за другой фабрики стали прекращать работу, и рабочие начали выходить на волю. Общей массой они затем двинулись к полицейскому управлению, где мною собрана уже была вся стража. Выйдя вперед, я потребовал от толпы, чтобы она к полицейскому управлению и к находящейся здесь страже ни в каком случае близко не подходила, и таким образом держал ее никак не ближе 50 саженей. Толпа сначала довольно дерзко потребовала освобождения товарища Арсения, и часть ее, видимо, была намерена приступить к каким-либо активным действиям, но получила от меня категорический ответ, что никто из арестованных освобожден быть не может и что всякое насильственное действие, если таковое проявит толпа, будет отбито силой оружия, причем страже было приказано винтовки взять к бою. Решительное приготовление стражи на толпу оказало влияние, и она как будто бы смутилась и начала осаживать назад. Из нее стали выбегать отдельные личности и начали уже уговаривать толпу отойти дальше. Толпа затем и отхлынула сажен на 200—300 и здесь держалась часа три. Так как мною было еще сначала объявлено, что я буду говорить только с уполномоченными не более 5 человек, а никак не с целою толпою, то из толпы несколько раз подходили ко мне означенные уполномоченные с разными просьбами, например, дать им повидаться с арестованным Арсением, показать его толпе и, наконец, обратились с просьбой не высылать товарища из Шуи до завтра, 25 марта, так как они посылают телеграмму члену Государственной думы Жиделеву; на последнее я им объявил, что до завтра арестованные будут оставаться здесь, и толпа после чего разошлась, что и было около 3 часов.

25 сего марта оба арестованные, несмотря на присутствие тоже значительной толпы, без всяких инцидентов и столкновений отправлены

в г. Владимир в исправительное арестантское отделение. Начнут ли фабрики работать завтра, определить затрудняюсь, но считаю необходимым доложить, что настроение среди рабочих крайне повышенное, так как задержание товарища Арсения, пользовавшегося у них особой популярностью и являвшегося организатором во всем Шуйско-Ивановском округе, произвело на них особое впечатление.

Товарищу прокурору Унтилову Арсений сегодня назвался сыном титулярного советника из города Верного Семиреченской области Борисом Константиновичем Точайским.

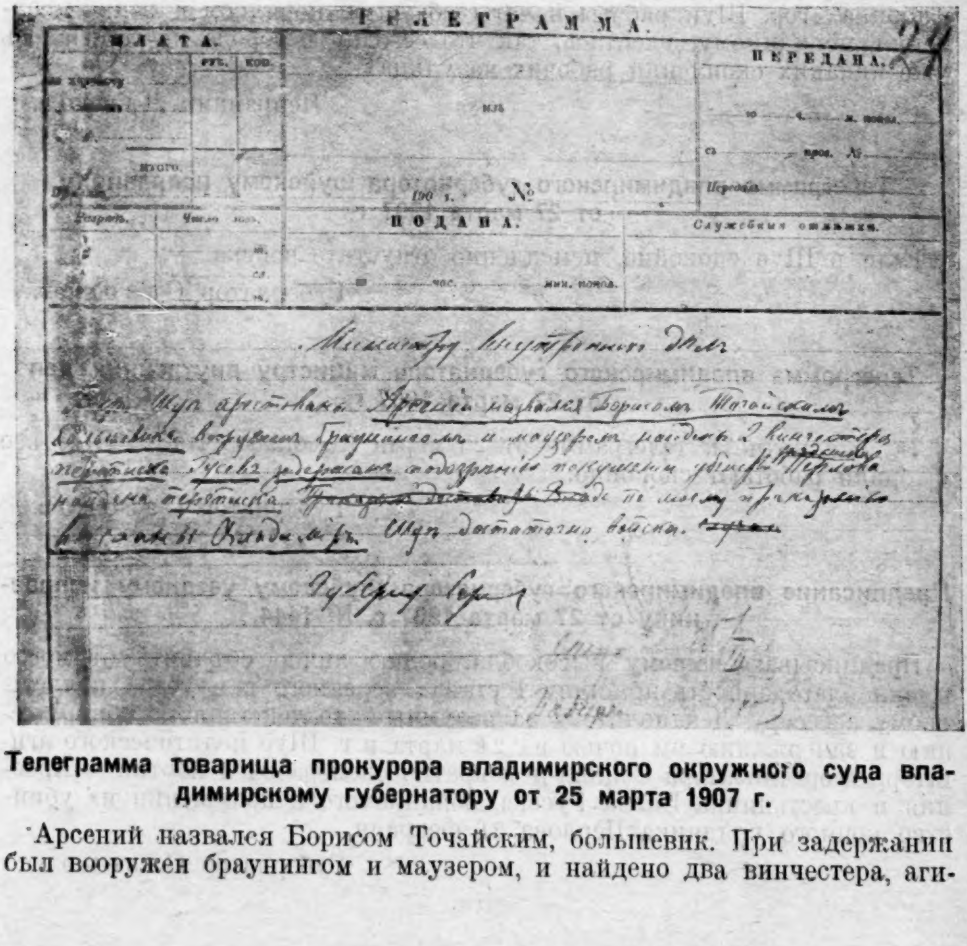
Исправник Лавров.

Рапорт начальника владимирского арестантского отделения владимирскому губернатору от 25 марта 1907 г., № 1315.

25 сего марта во вверенное мне отделение при копиях с постановлений шуйского уездного исправника от 24 сего марта прибыли: крестьянин Шуйского уезда, дер. Баламутова, Павел Дмитриев Гусев и неизвестного звания мужчина, именующий себя «Арсением».

О чем имею честь донести вашему превосходительству.

За начальника отделения старший помощник [подпись].


ТЕЛЕГРАММА.

ПЛАТА. руб. коп.

ПЕРЕДАНА.

ПОДАНА.

Служебныя отмѣтки.

Телеграмма товарища прокурора владимирского окружного суда владимирскому губернатору от 25 марта 1907 г.

Арсений назвался Борисом Точайским, большевик. При задержании был вооружен браунингом и маузером, и найдено два винчестера, аги-

тационная переписка. Гусев задержан по подозрению в покушении на убийство урядника Перлова, бывшем в феврале, найдена агитационная переписка.

Товарищ прокурора Унтилов.

Телеграмма владимирского губернатора министру внутренних дел от 26 марта 1907 г.

Вчера в Шуе арестован: Арсений [который] назвался Борисом Точайским, большевик, [был] вооружен браунингом и маузером, найдены 2 винчестера, переписка, и Гусев, [который] задержан по подозрению в покушении на убийство урядника Перлова, найдена переписка. По моему приказанию выслано из Владимира в Шую достаточно войска.

Губернатор Сазонов.

Рапорт шуйского уездного исправника владимирскому губернатору от 26 марта 1907 г., № 118.

Доношу вашему превосходительству, что сегодня с утра на всех фабриках гор. Шуи работы начаты обычным порядком и всякие волнения, повидимому, улеглись, так что сегодня в городе не замечалось уже никаких скоплений рабочих на улицах.

Исправник Лавров.

Телеграмма владимирского губернатора шуйскому исправнику от 27 марта 1907 г.

Если в Шуе спокойно, немедленно отпустите войска.

Губернатор Сазонов.

Телеграмма владимирского губернатора министру внутренних дел от 27 марта 1907 г.

В дополнение к телеграмме от 26 марта [сообщаю, что в] Шуе все фабрики работают спокойно.

Губернатор Сазонов.

Предписание владимирского губернатора шуйскому уездному исправнику от 27 марта 1907 г. № 1444.

Предписываю вашему высокоблагородию лично объявить от моего имени благодарность приставу 1 стана вверенного вам уезда коллежскому ассесору Декаполитову за разумные его действия по обнаружению и задержанию им ночью на 24 марта в г. Шуе политического агитатора и организатора Социал-демократической рабочей партии — Арсения и крестьянина Павла Гусева, обвиняемого в покушении на убийство конного урядника Перлова 21 февраля.

Губернатор Сазонов.

Отношение прокурора владимирского окружного суда владимирскому губернатору от 27 марта 1907 г., № 3412.

25 марта сего года, в г. Шуе, после отправления из полицейского управления на вокзал железной дороги арестованных Бориса Точайского, по прозвищу «Арсений», и Павла Гусева на Ильинской площади состоялся митинг, продолжавшийся с 1 часу до 3 часов дня, на котором присутствовало до тысячи человек. Между прочим, один из ораторов сообщил собравшимся, что было два плана освобождения Арсения: первый — освободить Арсения из полицейского управления, а второй — ночью, во время предполагаемого следования Арсения из Шуи во Владимир по железной дороге, остановить сигналом (красного фонаря) поезд и при помощи боевой дружины произвести нападение на поезд с целью освобождения Арсения, но оба плана не удались благодаря тому, что в город прибыло войско, а Арсений был отправлен совершенно неожиданно для них днем. Тот же оратор высказал собравшимся полную уверенность, в чем даже клялся, что в скором времени Арсений боевой дружиной будет освобожден и вернется в среду рабочих.

Об изложенном сообщаю вашему превосходительству.

Прокурор [подпись].

Рапорт шуйского уездного исправника владимирскому губернатору от 28 марта 1907 г., № 123.

Доношу вашему превосходительству, что 26 марта все фабрики уже работали, и лишь около 7 часов вечера, окончивши работу, денные рабочие столпились на Ильинской площади, но сейчас же разошлись...

Исправник Лавров.

Отношение начальника Владимирского губернского жандармского управления владимирскому губернатору от 5 сентября 1907 г., № 7763.

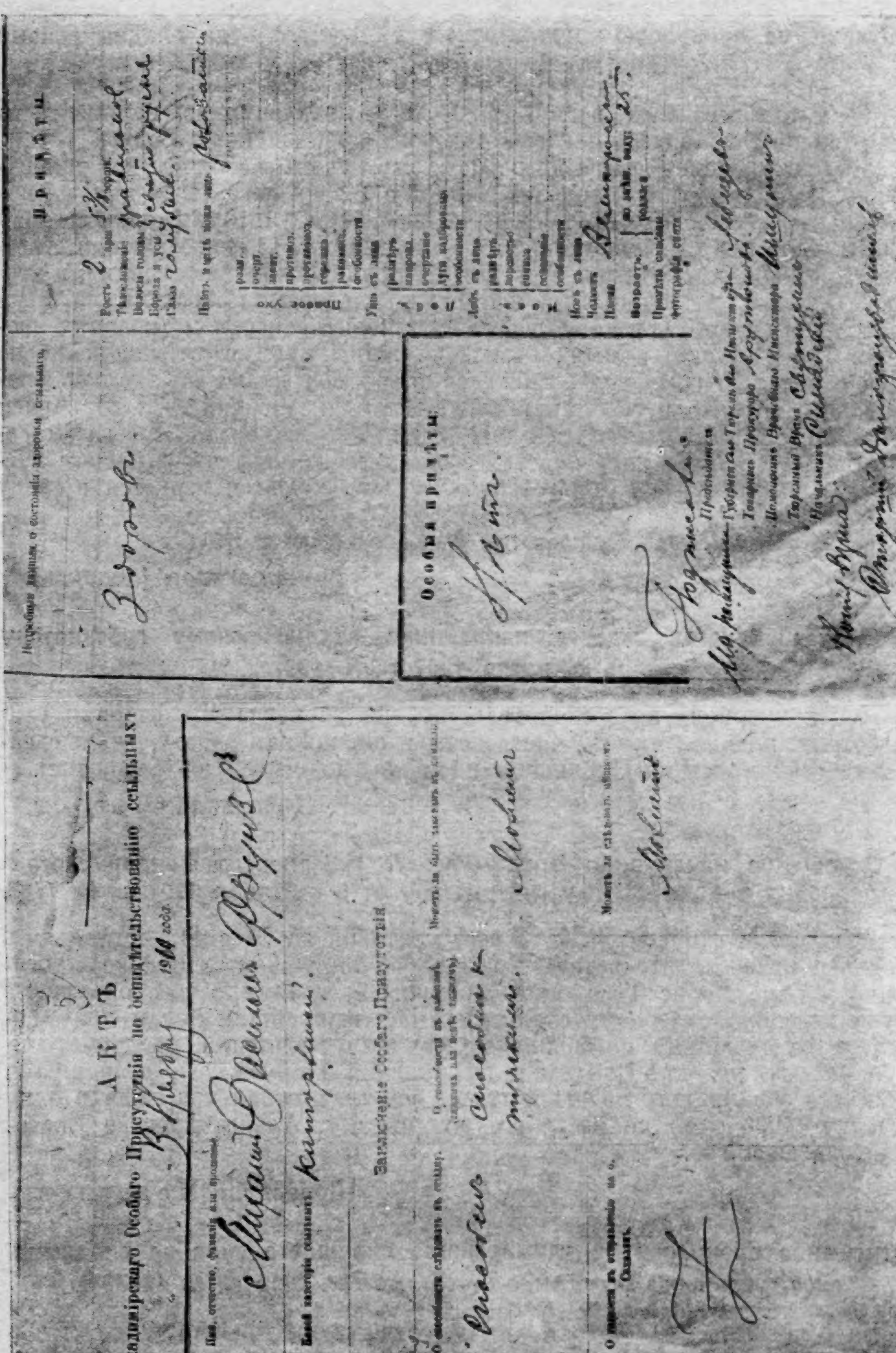
Вследствие отношения от 3 сего сентября за № 4341, докладываю вашему превосходительству, что дело об окружном агитаторе «Арсении», он же Борис Точайский, прокурором владимирского окружного суда передано судебному следователю по важнейшим делам для производства следствия по обвинению его в преступлении, предусмотренном 126 ст. уг. ул., Владимир Дробинский привлечен к дознанию в качестве обвиняемого по 121 и 129 ст. уг. ул. и отдан под залог в одну тысячу (1000 руб.) по месту его родины в г. Александровске Екатеринославской губ.

Полковник Медведев.

Отношение прокурора владимирского окружного суда во владимирское губернское правление от 15 октября 1910 г., № 12633 [1]).

На основании 949—951 ст. уст. уг. суд., препровождая при сем выписку из приговора московского военно-окружного суда, состоявше-

([1] Фонд Влад. губ. правл., тюремн. отд., 1910 г., д. № 743.



АКТЪ

Владимірскаго Особаго Присутствія по освидѣтельствованію ссыльныхъ

3 Ноября 19[illegible] года.

Имя, отчество, фамилія или прозвище: Михаилъ Васильевъ Фрунзе

Какой категоріи ссыльныхъ: каторжанинъ.

Заключеніе Особаго Присутствія

О способности слѣдовать въ этапу: Способенъ

О способности къ работамъ (тяжкимъ или легкимъ): Способенъ к тяжкимъ.

Можетъ ли быть закованъ въ кандалы: Может

О годности къ отправленію на о. Сахалинъ:

Можетъ ли слѣдовать пѣшкомъ: Может.

Подробныя данныя о состояніи здоровья ссыльнаго: Здоров.

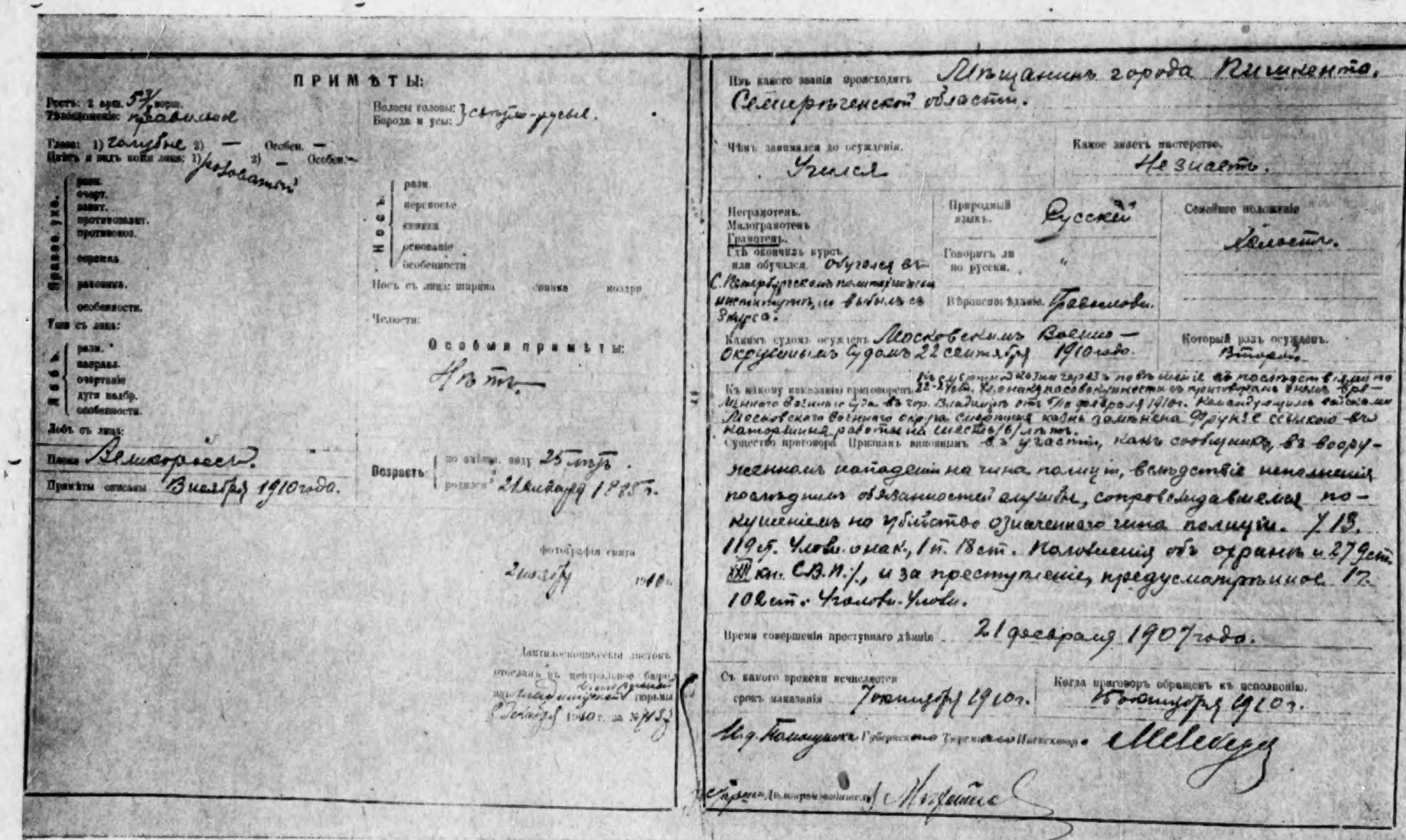
Особыя примѣты: Нет.

Примѣты

Ростъ 2 арш. 5 7/8 вершк.
Тѣлосложеніе: правильное.
Волосы головы: темно-русые
Борода и усы:
Глаза: голубые.
Цвѣтъ и видъ кожи лица: розоватый.

Правое ухо: разм., очерт., завит., противоз., противокоз., сережка, раковина, особенности
Уши съ лица
Лобъ: размѣръ, наклонъ, очертаніе, дуги надбровныя, особенности
Лобъ съ лица
Носъ: размѣръ, переносье, спинка, основаніе, особенности
Носъ съ лица
Челюсть
Нація: Великоросс.
Возрастъ: по заявл. ссыльн. 25. родился
Примѣты снимала фотографія снята

Подписали:
Предсѣдатель
И. д. начальника Губернскаго Тюремнаго Инспектора [illegible]
Товарищъ Прокурора [illegible]
Помощникъ Врачебнаго Инспектора [illegible]
Тюремный Врачъ [illegible]
Начальникъ [illegible]
Помощник Врача: [illegible]



ПРИМѢТЫ:

Ростъ: 2 арш. 5⅞ верш.
Тѣлосложеніе: правильное
Глаза: 1) голубые 2) — Особен. —
Цвѣтъ и видъ кожи лица: 1) розоватый 2) — Особен. —
Правое ухо: разм., очерт., завит., противозавит., противокоз., серединка, раковина, особенности.
Тип съ лица:
Лобъ: разм., направл., очертаніе, дуги надбр., особенности.
Лобъ съ лица:
Волосы головы: } свѣтло-русые.
Борода и усы: }
Носъ: разм., переносье, спинка, основаніе, особенности
Носъ съ лица: ширина, спинка, ноздри
Челюсти:

Особыя примѣты:
Нѣтъ.

Почеркъ: Великорусск.
Примѣты списаны: Января 1910 года.

Возрастъ: по наружн. виду 25 лѣтъ; родился: 21 Января 1885 г.

Фотографія снята: 2 января 1910 г.

Дактилоскопическій листокъ отосланъ въ центральное бюро изъ Владимірской губернской тюрьмы 8 Декабря 1910 г. за № 4131

Изъ какого званія происходитъ: Мѣщанинъ города Пишпекъ Семирѣченской области.
Чѣмъ занимался до осужденія: Учился
Какое знаетъ мастерство: Не знаетъ.
Неграмотенъ. Малограмотенъ. Грамотенъ. Гдѣ окончилъ курсъ или обучался: Обучался въ С.Петербургскомъ политехническомъ институтѣ, но выбылъ съ 3 курса.
Природный языкъ: Русскій
Говоритъ ли по русски: "
Вѣроисповѣданіе: Православ.
Семейное положеніе: Холостъ.
Какимъ судомъ осужденъ: Московскимъ Военно-Окружнымъ Судомъ 22 сентября 1910 года.
Который разъ осужденъ: Второй.
Къ какому наказанію приговоренъ: Къ смертной казни черезъ повѣшеніе, въ послѣдствіи 22-[illegible] ... приговорами ... Временного Военнаго Суда въ гор. Владимірѣ отъ 7 го февраля 1910 г. Командующимъ войсками Московскаго Военного округа смертная казнь замѣнена Фрунзе ссылкою въ каторжныя работы на шесть (6) лѣтъ.
Существо приговора: Признанъ виновнымъ въ участіи, какъ сообщникъ, въ вооруженномъ нападеніи на чина полиціи, вслѣдствіе исполненія послѣднимъ обязанностей службы, сопровождавшемся покушеніемъ на убійство означеннаго чина полиціи. 1/13. 119 ст. Улож. о нак., 1 п. 18 ст. Положенія объ охранѣ и 279 ст. XXII кн. С.В.П./, и за преступленіе, предусмотрѣнное 1 п. 102 ст. Уголов. Улож.
Время совершенія преступнаго дѣянія: 21 февраля 1907 года.
Съ какого времени исчисляется срокъ наказанія: 7 января 1910 г.
Когда приговоръ обращенъ къ исполненію: 5 января 1910 г.

И. д. Помощника Губернского Тюремного Инспектора: [signature]
Старшій Дѣлопроизводитель: [signature]

гося 22 сентября 1910 г. по делу о Фрунзе и Гусеве, прошу сделать зависящее распоряжение о приведении сего приговора в исполнение над Михаилом Фрунзе и Павлом Гусевым (в отношении ссылки в каторжные работы) и о последующем меня уведомить.

При этом присовокупляю, что начало срока содержания поименованных подсудимых, согласно 968 ст. уст. уг. суд., должно считать с 7 октября 1910 г., что осужденные содержатся во владимирской тюрьме.

За прокурора [подпись].

Декабрьские дни в Донбассе в 1905 г.

Печатаемые ниже документы, при некоторой их неполноте и разрозненности, представляют значительный интерес для истории революции 1905 г. Они восстанавливают многие конкретные детали тех памятных страниц в истории первой русской революции, которые рисуют картину развернувшихся боев пролетариата с самодержавием в б. Екатеринославской губ., особенно в октябре—декабре 1905 г.

Изучение первой русской революции, тридцатилетие которой празднует победивший пролетариат СССР, далеко не закончено. Предстоит еще большая работа, в особенности по восстановлению подлинного размаха революции в национальных районах и в отдельных провинциальных, особенно промышленных, центрах, где активность и боевая энергия пролетариата и крестьянства не уступали основным центрам революции — Петербургу и Москве. К таким очагам революционной борьбы пролетариата с самодержавием относилась и Екатеринославская губерния, в которую входили в 1905 г. значительная часть нынешней Днепропетровской области и Донецкий бассейн.

Екатеринославщина в 1905 г. представляла часть быстро растущего горнозаводского центра Украины и служила колонией царского самодержавия. По темпам роста южная металлургия не только опережала старый горнозаводский Урал, но и европейские страны того времени. Иностранные капиталисты вкладывали сюда капиталы чаще всего в виде технического оборудования предприятий, которое иногда ввозилось сюда в почти готовом виде. Благодаря притоку французских, бельгийских и английских капиталов уже к началу XX в. в этом крае выросли такие крупные металлургические заводы Донбасса и Криворожья, как Юзовский, Краматорский, Кадиевский, Макеевский, Дружковский и др., а в Екатеринославе Брянский завод, работавший на донецком топливе. Кроме металлургических, в этой «русской Америке» выросли и крупнейшие заводы машиностроения: Гартманский, Дебальцевский, Горловский и другие. Одновременно началась более энергичная эксплоатация угольных шахт и рудников.

Екатеринослав со своими заводами оказался центром этого бурными темпами растущего края угля и железа.

Особенности капиталистического развития этого края определяли и особенности складывавшегося здесь пролетариата. Этот край почти не знал крепостного права. Колонизированный самодержавием, поощрявшим переселенчество на юг России и наделявшим направлявшихся сюда русских помещиков и купцов большими кусками плодородного чернозема, весь юг Украины и Донбасса стал центром притяжения рабочей силы из разоряющихся русских крестьянских губерний. Но недостаток рабочих рук продолжал ощущаться и в промышленности и в сельском хозяйстве, почему южные помещики и промышленники и стали раньше и в значительно больших размерах применять машинный труд. Создание кадра постоянных рабочих было важнейшей задачей горнопромышленников, которые пытались даже предоставлять пришлым рабочим клочок земли или жилище, чтобы прикрепить их к предприятию.

Наличие рудников и заводов создавало два типа рабочих, различных по своей классовой сознательности и политической зрелости.

Губернатор Келлер в своей «Записке по рабочему вопросу в Екатеринославской губернии» писал об этом следующее:

«Элемент горнорабочих представляется менее опасным, чем заводские и фабричные, в смысле склонности к беспорядкам и восприимчивости к разной пропаганде. С точки зрения интеллигентности, грамотности, он значительно ниже последних».

Однако положение тех и других рабочих Екатеринославщины и Донбасса было настолько тяжело, что на борьбу поднимались не только заводские рабочие, но все чаще и чаще — самые темные и отсталые из шахтерской массы. Рабочий-металлист, работавший на заводе, становился более активно на путь борьбы с хищнической эксплоатацией со стороны капиталистов. Его пример поднимал на борьбу и шахтерскую массу, приходившую из деревни, еще недостаточно решительную, в своих более робких и еще стихийных протестах находившую поддержку и солидарную помощь в среде заводских рабочих.

Значительные изменения в положении рабочих Екатеринославщины и Донбасса внес экономический кризис начала 900-х годов.

В связи с окончанием железнодорожного строительства (была закончена постройка Сибирской жел. дороги) прекратилось изготовление рельс на екатеринославских заводах. Общий экономический кризис в стране принес резкое ухудшение условий труда рабочих, особенно горняков. Пытаясь отстоять свой резко упадавший жизненный уровень, рабочие втягивались в экономическую борьбу, почти повсюду кончавшуюся поражением рабочих. В 1899 г. вспыхнула стачка на Юзовском руднике на почве низкой заработной платы. Она окончилась высылкой на родину 700 стачечников без права получения паспорта в течение трех лет. Крупные стачки происходили в Макеевском и Прохоровском рудниках в 1900 г., в Горловке в 1901 г. и т. п. Под влиянием первых социал-демократических кружков происходили в этот период пока еще разрозненные и небольшие стачки в Екатеринославе. Большую роль в революционном воспитании рабочих сыграли демонстрации 15 и 16 декабря 1901 г., организованные социал-демократами в знак протеста против избиения рабочих и студентов в Харькове. Эти демонстрации вылились в столкновения и настоящее побоище рабочих, вооруженных палками и камнями, с полицией и казаками.

Но настоящей школой революционной борьбы, подготовившей екатеринославских рабочих к боям 1905 г., была всеобщая забастовка в Екатеринославе, начавшаяся в начале августа 1903 г. Забастовку начали рабочие железнодорожных мастерских и крупных металлургических заводов, предъявившие целый ряд демонстративно-политических и экономических требований. Бастовавшие рабочие пытались поднять и окрестных крестьян. В некоторых деревнях, как отмечает отчет Екатеринославского комитета соц.-дем. партии, распропагандированные крестьяне обещали по окончании уборки хлеба присоединиться к рабочим. Стачка 1903 г. носила впервые характер массового революционного действия рабочего класса и была предвестником первой революции. Металлисты и железнодорожники в этот период, как и позднее, в 1905 г., играли в этом движении ведущую роль. Весь 1904 г. в Екатеринославе было некоторое затишье перед новой, еще более сильной бурей. Непопулярная в массах русско-японская война вызывала озлобление. Революционная соц.-демократия вела усиленную подпольную работу. Кружки, небольшие массовки, распространение прокламаций на заводах, борьба с меньшевиками и эсерами, с остатками зубатовцев и появившимися максималистами — вот что составляло основу работы большевиков накануне революции 1905 г. Начиная со II съезда РСДРП Екатеринославской организацией руководил больше-

вистский комитет. Большевистски настроенной частью организации были заводские рабочие. Городская организация состояла в большей части из интеллигентов и склонялась к меньшевизму. В течение 1904 г., и особенно к концу его, меньшевики пытались овладеть комитетом. Январская стачка 1905 г., в силу ряда обстоятельств (отъезд и аресты большевистских руководителей комитета), была проведена под влиянием комитета, во главе которого стояли меньшевики. С начала 1905 г. в Екатеринославе существовали два комитета — большевистский и меньшевистский.

1905 год на Екатеринославщине был годом непрерывного забастовочного движения. Во главе забастовок шли металлисты, особенно Брянский завод, и железнодорожники (Екатерининская жел. дорога). Стачки после 9 января не носят характера мощной, одновременной всеобщей стачки, но следуют одна за другой. «Город теперь находится в периоде бесконечных стачек — прямо эпидемия: не успевает затихнуть в одном месте, как загорается в другом»,—говорится в одном из вскрытых охранкой писем.

Восстание на броненосце «Кн. Потемкин-Таврический» и кровавые события в Одессе всколыхнули и екатеринославских рабочих. Брянский и другие заводы объявили забастовку. 21—22 июля 1905 г. стачка в Екатеринославе переросла во всеобщую. Рабочие устраивали демонстрации и вступали в столкновения с казаками.

Но наибольшего размаха и силы движение достигло в период Октябрьской стачки, завершившейся баррикадными боями в рабочей слободе — Чечелевке и на Кудашевской. Публикуемые ниже донесения екатеринославского губернатора в министерство внутренних дел сообщают о тревожном положении во всем каменноугольном районе с начала сентября. Губернатор настойчиво требует воинских подкреплений и их расквартирования в пределах, охваченных восстанием. Горнозаводчики Донбасса также бомбардируют министерство финансов телеграммами с требованием об усилении военной охраны Донецкого каменноугольного района.

С первых чисел октября приходит в движение и весь рабочий Екатеринослав. Происходят непрерывные митинги и собрания сначала в закрытых помещениях, а когда там появляется полиция — собрания выливаются в уличные демонстрации. Политические демонстрации происходят почти ежедневно, нередко кончаясь столкновениями с полицией. Под влиянием начавшейся в Москве и Петербурге забастовки железнодорожников начались митинги с призывом ко всеобщей стачке. 10 октября началась забастовка в Екатеринославе, а 11-го на 1-й Чечелевке уже стали сооружать баррикады: копать канавы через улицу, запутывать проволокой, перебрасывать через улицу срубленные телеграфные столбы и т. п. Железнодорожники собрали митинг на Широкой улице, к ним подошли рабочие до 1 000 чел. и пошли организованно по направлению к Брянскому вокзалу. Вслед за демонстрацией, шагах в 50-ти, следовало полсотни казаков. Затем казаки, по приказу офицера, выехали вперед и дали залп в толпу. Часть демонстрантов, вырывая камни из мостовой, стала бросать их в казаков. На месте осталось 11 чел. раненых и убитых. Возмущенные екатеринославские рабочие устроили на Чечелевке бурный митинг. Прибывший казачий разъезд был встречен градом камней и выстрелами. Спешно заканчивались баррикады. Рабочие готовились к бою. Вновь подошедшая пехота была встречена бомбами и отступила. И только, получив новые подкрепления, войска могли перейти в наступление на рабочую Чечелевку, стреляя вдоль улиц, по окнам домов, по заборам и т. п. Было убито несколько десятков рабочих.

13 октября екатеринославские рабочие хоронили убитых. Похороны превратились в громадную революционную демонстрацию. Забастовку железнодорожников

решено было прекратить, но революционное настроение рабочих продолжало нарастать. Манифест 17 октября, которым самодержавие торопилось временно откупиться и сманеврировать для более серьезной борьбы с революцией, рабочими Екатеринослава был встречен, как и повсюду, с должным недоверием и протестом. 18 октября в городском саду был устроен митинг, на который брянцы пришли организованно, с красным знаменем. Постановлено было требовать освобождения политических заключенных. Напуганные огромным революционным натиском, власти освободили политических из тюрьмы.

Для отпора революции екатеринославские власти (как и в огромном большинстве городов России и особенно Украины) устроили громадный погром еврейской бедноты при помощи черносотенцев. Рабочие организовали боевые дружины и не дали погромщикам проникнуть в рабочие районы. После погрома возмущенные рабочие выносили самые резкие резолюции протеста и призывали рабочих вооружиться для решительных боев с самодержавием. В процессе этой подготовки и вырос Екатеринославский совет рабочих депутатов. Еще 17 октября на совещании делегатов предприятий г. Екатеринослава с представителями железнодорожников было решено продолжать экономические стачки, руководить которыми должно было делегатское собрание, состоявшее из представителей от рабочих предприятий. Общеделегатское собрание не было достаточно оформленным. Но уже с конца октября оно активно выступало с рядом политических заявлений и активных действий. 29 октября на заседание городской думы явилось 40 делегатов, которые огласили заявление с требованием разоружения полиции, удаления из города войск и казаков и учреждения милиции из рабочих. Рабочие разоблачали общность позиции думы и полиции и требовали переизбрания думы, а до тех пор требовали отказа платить налоги и выполнять постановления думы. В ноябре рабочие стихийно стали вооружаться. Но этот порыв рабочих не был организационно закреплен. Мешала этому, прежде всего, неоформленность Екатеринославского совета.

На заводах были созданы свои советы с небольшими боевыми дружинами. Между этими заводскими советами не было достаточной связи, координации действий и руководства. Кроме того, в Исполнительной комиссии Совета происходила ожесточенная борьба с эсерами, которые требовали включения своих представителей в состав Исполнительной комиссии.

Только в начале декабря Совет раб. деп., как стало называться делегатское собрание, заявил о своем существовании. Большевики начали борьбу за руководство Советом.

В начале декабря был организован коалиционный боевой стачечный комитет, в состав которого вошли следующие организации: семерка от Совета раб. деп., три представителя от провинциального бюро, два бундовца, два с.-р., три представителя ж.-д. союза, два представителя союза почты и телеграфа.

Уже этот состав (отразившийся и на названии комитета) должен был определить трудности работы нового органа.

6 декабря была получена телеграмма из Москвы об объявлении всеобщей забастовки.

Большевистский комитет постановил экстренно созвать Совет раб. деп. и с утра начать забастовку. Одновременно забастовали железнодорожники и промышленные предприятия. Боевой стачечный комитет постановил закрыть все общественные, правительственные и торговые учреждения. Началось стихийное массовое разоружение полицейских и жандармов. Полиция и казаки исчезли из рабочих районов. Продолжалась только работа на электрической станции, водокачке, на доменных печах, в аптеках, пекарнях и потребительских лавках, обслуживающих рабочих.

В рабочем районе Чечелевке создалась своеобразная «Чечелевская республика», которая была во власти рабочей дружины, занимавшей все посты. Ни один городовой или казак не осмеливался проникнуть туда.

Боевая решимость рабочих разлагающе действовала на солдат. Дисциплина падала. Брянский полк отказался выйти на парад. Бездействие войск и брожение среди полиции парализовали старую власть и вызывали панику среди ее представителей. Телеграммы губернатора Нейдгардта и ротмистра Шульца становятся все более и более паническими. Фактически они почти самоустранились на время всеобщей стачки, предоставив руководство общественной жизнью стачечному комитету. Совет раб. деп. вынес постановление о разрешении не вносить квартирной платы, налогов, патентов, сборов и недоимок. Депутаты ж.-д. мастерских организовали управление станцией и фактически дорогой. В городе были организованы бесплатные столовые, бесплатная медпомощь, бесплатная выдача лекарств. Но эта фактическая власть революционных рабочих продолжалась недолго. Она могла быть закреплена только победоносным вооруженным восстанием. Но для победоносного восстания Екатеринославский стачечный комитет и Совет раб. деп. не были подготовлены и не могли подготовить рабочих, в силу, прежде всего, своего коалиционного состава. Большевикам приходилось тратить драгоценное время на дискуссии и преодоление сопротивления меньшевиков и эсеров. Стачка продолжалась до 18 декабря, т. е. прибытия значительных воинских частей для усмирения восставших рабочих. Из Москвы приехал делегат, который сообщил о подавлении московского вооруженного восстания.

Боевой стачечный комитет созвал Совет раб. деп. с целью ликвидировать стачку. Настроение рабочих было боевое, и решение о ликвидации было проведено с трудом. Был избран строго законспирированный новый боевой стачечный комитет. Войска занимали город и стали понемногу появляться в Чечелевке. Начались повальные обыски. Полиция заполнила тюрьмы и участки арестованными.

29 декабря правительственные телеграммы сообщали о «наступившем успокоении».

Декабрьская борьба екатеринославских рабочих была сигналом для общей борьбы в Донбассе. По призыву Екатеринославского боевого стачечного комитета почти по всему Донбассу были созданы советы раб. деп. (Юзовка), боевые стачечные комитеты (Александровск), распорядительные комитеты (Горловка). На всех ж.-д. станциях Екатерининской дороги создались распорядительные комитеты. Они должны были стать новой властью на железных дорогах и во многих местах действительно являлись единственной властью.

Восстание в Донбассе опиралось на рабочих крупнейших заводов, выросших под руководством таких боевых командиров, как вождь луганских рабочих тов. Ворошилов, тогда уже прозванный рабочими «красным генералом», или как Г. И. Петровский, популярный в екатеринославских рабочих массах организатор-большевик Брянского завода. Восстание отличалось большей массовостью, чем в других районах. Но слабость руководства восстанием рабочих Донбасса и Екатеринославщины, в целом бывшая главной причиной подавления восстания в Москве, была столь же решающей причиной поражения в Донбассе. «Организации отстали от роста и размаха движения»[1]), — писал Ленин, характеризуя, что пролетариат и его большевистская партия в декабре 1905 г. еще не овладели искусством восстания. Восстание в Донбассе и Екатеринославщине (Днепропетровске) разлилось по ручейкам, не создав крепкой, налаженной связи между отдельными районами восстания. Слабой стороной восстания была его военно-техническая подготовка. На отряды в 4 тыс. человек в Горловке например прихо-

[1] В. И. Ленин, Соч., изд. 3-е, т. X, стр. 48.

дилось 100 винтовок, 500 револьверов. Свыше 2 тыс. дружинников были вооружены только холодным оружием, которое многие рабочие сами приготовили на своих заводах (саблями, пиками, ножами и т. п.).

Декабрьские события Донбасса — исключительно яркая и интересная страница пролетарской борьбы в 1905 г. В печатаемых документах она полного отражения не нашла. Наиболее известным эпизодом этой борьбы восставшего Донбасса является горловское вооруженное восстание. Несмотря на свою слабую техническую подготовку и недостаток оружия, в горловских боях с царскими войсками принимало участие несколько тысяч человек. Дружинники проявили в борьбе исключительный героизм. Они сдались после 6-часового боя, понеся большие потери. По донесениям властей, в Горловке было убито 300 дружинников. Поражение рабочих в горловском бою решило участь всего восстания в Донбассе.

Участников восстания и захвата Екатерининской железной дороги судили только через 3 года, по личному требованию Столыпина-вешателя. Грандиозный процесс превратился в кровавую расправу. После почти 3 лет виновных отыскивали, арестовывали, отвозили в тюрьмы и привозили в суд. Судили сразу 179 человек. Приговор был таким же образцом расправы, как и вся процедура суда: 32 человека были приговорены к смертной казни, 12 — к бессрочной пожизненной каторге, 50 чел. были осуждены на каторгу на различные сроки. Так кончилось восстание рабочих Донбасса. Оно было проведено более дружно и организованно, чем восстания в других местах России, но его постигла та же участь, что и все восстания 1905 г. В этих восстаниях не было координации действий с решающим центром борьбы.

Процесс технической подготовки рабочих к восстанию, а также и вооружение были еще очень недостаточны. Крестьянские массы не поддержали своевременно пролетарской борьбы, «восстание не было дружным, решительным, организованным, единовременным, наступательным» [1]), как это показал опыт екатеринославских событий, где коалиционный боевой стачечный комитет не перевел своевременно всеобщей стачки в вооруженное восстание не только в Екатеринославе, но и в Донбассе. Наконец, слабость партийных организаций большевиков и нерешительная борьба с меньшевиками и с.-р. в Екатеринославском совете и созданном им стачечном комитете должны были ослабить руководство подготовкой восстания.

Разумеется, не восставший Донбасс или Екатеринослав или какой-нибудь другой провинциальный центр решали исход борьбы всего российского пролетариата и судьбу революции. Их решали пролетарские столичные центры — Петербург и Москва. Естественно, что р е ш а ю щ е й причиной поражения всех местных восстаний было поражение революции в центре. Петербургский пролетариат, исчерпавший свои силы во многих стачечных боях 1905 г. и не мобилизовавшийся под давлением меньшевистских, пораженческих взглядов Троцкого, тогда возглавлявшего Петербургский совет, не поддержал московского восстания, а его разгром дал возможность царизму собрать силы и разбить по частям ряд восстаний в провинции (Донбасс, Сормово, Мотовилоха, Красноярск, Новороссийск и т. п.).

Но, несмотря на эти ошибки и недостатки, самоотверженная борьба рабочих нынешней Днепропетровщины и Донбасса является тем великим героическим опытом, который донецкие рабочие смогли успешно применить в годы новой гражданской войны 1917—1921 гг., и, закрепив достигнутую в эти годы победу, развернуть новые блестящие бои за социализм, путь к быстрейшим победам которого открыло руководимое партией Ленина — Сталина стахановское движение.

А. Панкратова.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XV, стр. 537.

Российская социал-демократическая рабочая партия

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЧАС НАСТАЕТ... [1])

Товарищи! Проснулся русский народ от векового гнета, от вековой спячки. Разогнул он, наконец, могучую спину. Пламя восстания перекидывается с одного места на другое; целый ряд мест объявлен на военном положении. Как один человек, восстал с оружием в руках рабочий люд Лодзи. Город превращен в военный лагерь, дома заколочены, жители не выходят из своих домов, а на улице происходят правильные сражения между рабочими и войсками царя. Правительство подсчитывает свои и вражьи потери. В Одессе строятся баррикады, матросы убивают своих начальников и отказываются повиноваться царскому правительству. Все фабрики и заводы стали, войска братаются с народом; на смену этим ведут войска из Екатеринослава. Но восстание перебросилось в Екатеринослав: восстали брянцы и подняли всех рабочих города. Озлобление страшное, происходят столкновения с войсками. Все больше и больше мест охватывает пламя восстания: Белосток, Варшава, Тифлис. Крестьяне повсеместно поднимаются и идут на подмогу рабочим. Товарищи! Это не бунт. Это не простые забастовки — это революция! Настанет час расплаты с врагами народа... Настанет час, когда этой шайке кровопийц придется предстать перед грозное народное судилище, понести жестокое наказание за все свои злодеяния. А вы, наши изверги, трепещите перед грозным народным восстанием, перед жестокой расплатой! Довольно вы упивались нашей кровью, настал час мести. Кровь павших в славном бою товарищей вопиет о мщении. Каждая капля пролитой вами, палачи народа, рабочей крови сторицею припомнится вам. Слышите, тираны! По всей России раздается многоголосый клич «смерть тиранам, свобода народу». Это близится конец вашему господству. Это жажда свободы ведет народ на кровавый бой. Недалек день, когда станут совершившимся фактом наши кличи:

Долой самодержавие!
Да здравствует временное революционное правительство!
Да здравствует демократическая республика!
И тогда еще громче раздастся наш клич:
Да здравствует международная социал-демократия!
Да здравствует социализм!

Телеграмма зам. начальника Екатеринославского охранного отделения директору департамента полиции от 29 сентября 1905 г., № 10688 [2]).

Толпа около 3000 человек неблагонадежного элемента, собравшись сегодня в 7 час. вечера около местного горного училища, где происходила сходка студентов, и не будучи впущена во двор училища, начала кричать: «Долой самодержавие», произведя залповые выстрелы вверх; от училища толпа направилась к проспекту, откуда стала расходиться. Полиция отсутствовала.

Поручик Яковлев.

---

[1]) Публикуемые ниже документы хранятся в Архиве революции и внешней политики и подготовлены к печати В. Бронштейн.—Отд. печати Арх. рев. и вн. пол., инв. № 8096.

[2]) ДП, о. о., 1905 г., л. № 1350, ч. 3, л. 59.

Донесение екатеринославского губернатора в департамент полиции от 29 сентября 1905 г., № 4797 [1]).

На отношение от 21 сего сентября за № 12280 уведомляю, что по вопросу о возможности возникновения беспорядков в каменноугольном районе и о необходимых, по моему мнению, мероприятиях мною подробно представлено товарищу министра внутренних дел, заведывающему полицией, 12 сего сентября за № 4451 и 20 того же сентября за № 8310.

Из числа указанных мною мероприятий я придаю особенно существенное значение возможно скорейшей организации двух летучих конно-полицейских команд, которые, находясь в полном ведении местной администрации, могли бы появляться на месте немедленно по обнаружении малейшей попытки к беспорядкам и удержать таковые впредь до прибытия войск.

Ходатайство мое о скорейшем сформировании этих команд я поддерживаю самым настойчивым образом, так как убежден в несомненной их пользе.

В настоящее время мною получено уведомление от штаба Одесского военного округа о командировании во вверенную мне губернию войск для содействия местным властям на случай возникновения беспорядков в Донецком каменноугольном районе, а именно: в г. Бахмут — батальона пехоты, в г. Мариуполь — тоже батальона пехоты и в с. Ясиноватое, Бахмутского уезда, двух эскадронов драгун. Войска эти в упомянутые пункты уже отправлены.

Не говоря уже о том, что войска эти высланы помимо моего ходатайства, я нахожу, что пункты для их квартирования выбраны неудачно и что, кроме затруднений по их размещению (в с. Ясиноватом, напр., нет никакой возможности поместить не только двух эскадронов, но и одного полуэскадрона), они не принесут существенной пользы.

Во всяком случае представляется совершенно необходимым, чтобы высланные войска были перемещены в те пункты, которые будут избраны мною в зависимости от местных обстоятельств, и чтобы они не были отозваны обратно впредь до полного успокоения в горнопромышленном районе, так как уход войск ранее сего, как показал опыт, может сам по себе послужить причиною осложнений.

Губернатор Нейдгардт.

Донесение зам. начальника Екатеринославского охранного отделения директору департамента полиции от 30 сентября 1905 г., № 3087 [2]).

28 текущего сентября вечером во время спектакля в аудитории народных чтений брошено было с балкона в партер неизвестно кем незначительное количество печатного преступного воззвания, озаглавленного «Царский мир» — издания екатеринославского комитета Российской социал-демократической рабочей партии; в 12 же час. ночи по окончании спектакля толпа еврейской молодежи, смешавшись с выходившей на улицу публикой, произвела не причинивших никому вреда несколько залпов револьверных выстрелов и затем спокойно

[1]) ДП, 1905 г., д. № 4, ч. 17, т. 4, л. 59.
[2]) ДП, о. о., 1905 г., д. № 1350, ч. 3, л. 63.

разошлась, причем никто из стрелявших задержан не был. Одновременно с этим было произведено неизвестно кем несколько безвредных револьверных выстрелов на проспекте около гостиницы «Пальмира» и между Казанской и Троицкой улицами.

О вышеизложенном в дополнение к телеграмме от 29 сентября имею честь донести вашему превосходительству, при этом докладываю, что о предполагавшемся разбрасывании 28 сентября в аудитории народных чтений преступных воззваний мною был заблаговременно поставлен в известность екатеринославский полицеймейстер.

За начальника отделения поручик Яковлев.

Отношение помощника начальника Екатеринославского губернского жандармского управления в департамент полиции от 2 октября 1905 г., № 935 [1]).

1 сего октября после спектакля в театре Мовчановского группа социал-демократов, человек так в триста, собралась на площади против Александровского полицейского управления и выкинули красный флаг, направились по главной улице города с пением революционных песен. Бывший в театре Мовчановского небольшой полицейский наряд во главе с полицейским надзирателем Харитоновым ничего предпринять не могли, так как встретили вооруженное сопротивление. В это время, то-есть около часу ночи, я находился с подведомственными мне унтер-офицерами, помощником исправника и полицейским надзирателем Трегубовым в другом конце города на обысках, при окончании которых, услышав революционное пение и стрельбу в центре города, повел беглым шагом всю свою команду и наряд полицейских на подкрепление полиции. Около собора удалось настигнуть демонстрантов, но так как по дороге от сильного переутомления отстали помощник исправника и надзиратель с частью городовых, то я, приняв командование над нарядом городовых и, встретив вооруженное сопротивление со стороны демонстрантов, произведших в нас на близком расстоянии около одиннадцати выстрелов из револьверов, приказал наряду обнажить шашки и рассеял толпу в несколько секунд ударами шашек плашмя. Задержать никого не удалось ввиду незначительности наряда, при малейшем колебании которого мы были бы смяты, так как толпа в это время достигала до 500 человек. Из унтер-офицеров и полицейского наряда никто не пострадал, из толпы должны быть раненые, но, по всей вероятности, таковые скроются.

О чем доношу департаменту полиции, присовокупляя, что мной о сем производится негласное расследование.

Ковалевский.

Отношение начальника Екатеринославского охранного отделения директору департамента полиции от 3 октября 1905 г., № 3119 [2]).

1 текущего октября, около 8 часов вечера, на проспекте между Казанской и Троицкой улицами собралась толпа около полуторы тысячи человек еврейской молодежи, среди которой неизвестными лицами

[1]) ДП, о. о., 1905 г., д. № 1350, ч. 3, л. 64.
[2]) Там же, л. 65.

произносились противоправительственные речи и разбрасывались преступные воззвания; затем толпа с криком «ура» разошлась. Спустя некоторое время часть той же толпы сгруппировалась на бульваре между Троицкой и Первозвановской улицами, где также произносились противоправительственные речи и разбрасывались преступные воззвания, после чего толпа мирно разошлась.

О вышеизложенном имею честь донести вашему превосходительству, при этом докладываю, что никто из ораторов и разбрасывателей преступных воззваний задержан не был.

Ротмистр Шульц.

Донесение помощника начальника Екатеринославского губернского жандармского управления директору департамента полиции от 8 октября 1905 г., № 8432 [1]).

Доношу, что 6 сего октября около 9 часов вечера на Екатерининском проспекте собралась толпа около 500 человек, преимущественно молодежи от 15 до 25-летнего возраста. В толпе раздавались крики: «Долой самодержавие», «ура» и были произведены выстрелы. На требование полиции разойтись из толпы кричали: «Долой полицию, будем стрелять», но по прибытии конных городовых толпа разделилась на две части, которые около 10 часов вечера были окончательно рассеяны конными городовыми.

Ковалевский.

Отношение из Юзовки начальника отдельного корпуса жандармов директору департамента полиции от 9 октября 1905 г., № 46 [2]).

В ночь с 7 на 8 октября, около 12 часов, по окончании концерта, данного артистом императорских театров Шульгиным в зале юзовского общественного собрания, толпа еврейской молодежи и русских рабочих, числом около 50 человек, стремительно бросилась к выходу из собрания, причем на выходной лестнице умышленно разбила лампу; пользуясь темнотой, толпа начала разбрасывать преступные воззвания, а одним из числа толпы была произнесена речь преступного содержания; толпа при этом выкрикивала: «Долой Государственную думу» [3]) и другие преступные возгласы. После изложенного толпа с

---

[1]) ДП, о. о., 1905 г., д. № 1350, ч. 3, л. 72.

[2]) Там же, л. 73.

[3]) В ответ на усилившиеся требования со стороны революционных масс о созыве учредительного собрания 18 февраля 1905 г. был издан царский рескрипт с предложением привлечь «избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждению законодательных предположений». Проект, составленный мин. внутр. дел Булыгиным, отличался крайней реакционностью. Рабочие к выборам совсем не допускались. 6 августа 1905 г. под напором нарастающего революционного движения был опубликован манифест об учреждении законосовещательной Государственной думы.

Большевики объявили бойкот «булыгинской» думе, ибо считали вредным отвлекать рабочий класс на борьбу за участие в думе в условиях подъема массового революционного движения, и продолжали работу по мобилизации революционных масс под лозунгом вооруженного восстания.

Меньшевики выдвинули проект организации революционного самоуправления путем учреждения рабочих комитетов, при помощи которых народ произвел бы выборы своих уполномоченных помимо Думы.

Нарастание революционного подъема оправдало тактику бойкота большевиками Думы, которая так и не была созвана.

красным флагом вышла на улицу и здесь начала стрельбу из револьверов, все время идя скученно по 2-й линии; пройдя таким образом шагов сто, к толпе приблизился городовой Пономаренко, который и пытался узнать, кто именно участвует в демонстрации; по подходящему городовому толпа произвела залп, причем Пономаренко был легко ранен двумя пулями в спину и в живот. После изложенного толпа начала расходиться по домам...

Штабс-ротмистр Вечеслов.

Телеграмма екатеринославского губернатора Д. Ф. Трепову от 10 октября 1905 г.[1]).

Седьмого-восьмого ночью в Юзовке были политические демонстрации, сопровождавшиеся стрельбой, разбрасыванием прокламаций; легко ранен городовой, меры приняты.

Губернатор Нейдгардт.

Телеграмма начальника Екатеринославского охранного отделения заведующему политической частью от 10 октября 1905 г. № 3570[2]).

Демонстрации происходят почти ежедневно, сильно возбуждая население, демонстранты беспрепятственно врываются в клубы, театры, учебные заведения, взламывая входы, последние, несмотря на предупреждения, не охраняются, толпы беспрепятственно ходят по городу с революционными возгласами; пример пагубный рабочим, без сомнения вызовет чрезвычайные последствия, констатируется ослабление мер поддержания порядка, необходимы решительные меры.

Ротмистр Шульц.

Телеграмма екатеринославского губернатора Д. Ф. Трепову от 11 октября 1905 г.[3]).

В Екатеринославе начались беспорядки. Город занят войсками. В некоторых местах применено оружие, число пострадавших не выяснено. Прибывают рабочие с ближайших станций на самовольно составляемых поездах. Положение серьезное.

Губернатор Нейдгардт.

Телеграмма Д. Ф. Трепова екатеринославскому губернатору от 11 октября 1905 г.[4]).

Для водворения порядка прошу принять самые решительные меры, отнюдь не останавливаясь перед применением вооруженной силы.

Товарищ министра Трепов.

---

[1]) ДП, о. о., 1905 г., д. № 1350, ч. 3, л. 72.
[2]) Там же, л. 77.
[3]) Там же, л. 78.
[4]) Там же, л. 79.

Телеграмма помощника начальника Екатеринославского жандармского управления Д. Ф. Трепову от 12 октября 1905 г., № 4408 [1]).

Вчера демонстранты устроили в рабочей части баррикады, бросили бомбы в солдат, убито два, ранено восемнадцать, из толпы убиты, ранены десятки, город в темноте, все городские рабочие бросили работы. Ротмистр Бабенко по возвращении из управления подвергся нападению толпы, офицеры приговорены смерти, выслеживают; войска расположены бивуаком, настроение толпы чрезвычайно возбужденное.

Ковалевский.

Телеграмма начальника Екатеринославского охранного отделения директору департамента полиции от 12 октября 1905 г. [2]).

Под вечер в районе 5-й части было устроено несколько баррикад, в войска из-за заборов брошено две бомбы — двое убитых нижних чинов, около пятнадцати раненых, значительное число убитых и раненых демонстрантов. В то же время в районе 4-й части толпа произвела несколько выстрелов по войскам — ранено два казака, ответным залпом убито и ранено несколько демонстрантов. Войска расположены бивуаком в разных частях города.

Ротмистр Шульц.

Телеграмма заведующего политической частью департамента полиции екатеринославскому губернатору от 12 октября 1905 г. [3]).

Товарищ министра, заведующий полицией, рекомендует вам принять самые решительные меры к безусловному подавлению беспорядка, не останавливаясь перед употреблением оружия, о последующем будет ожидать уведомлений.

Заведующий политической частью Рачковский.

Телеграмма екатеринославского губернатора Д. Ф. Трепову от 12 октября 1905 г. [4]).

К вечеру беспорядки затихли, утром ожидается возобновление, гарнизон города усиливается, в войска брошены две бомбы, убит один нижний чин, ранено двадцать шесть, контужен один офицер, другой ранен камнем в голову. Из толпы, по сведениям больниц, убито тринадцать, ранено двадцать семь, в городе устраивались баррикады.

Губернатор Нейдгардт.

Телеграмма начальника Екатеринославского охранного отделения директору департамента полиции от 13 октября 1905 г., № 4585 [5]).

В течение дня серьезных столкновений революционного насилия с войсками не было, произошло несколько единичных перестрелок без

---

[1]) ДП, о. о., 1905 г., д. № 1350, ч. 3, л. 82.
[2]) Там же, л. 83.
[3]) Там же, л. 84.
[4]) Там же, л. 85.
[5]) Там же, л. 86.

последствий, днем молодежь напала на разносившего почту городового, отняла пакеты, побила городового, рабочие поселка Амур-Нижнеднепровск пустили пустой поезд полным ходом на Днепровский мост, перед коим были сняты рельсы, паровоз опрокинулся, путь загроможден, испорчен, сейчас производятся взрывы телефонных столбов.

Ротмистр Шульц.

Телеграмма екатеринославского губернатора Д. Ф. Трепову от 13 октября 1905 г. [1]).

Вчера вечером в Екатеринославе в центре города под прикрытием абсолютной темноты посредством взрывов повреждены два телеграфных столба, сегодня столбы заменены, телеграфное сообщение с Одессой восстановлено. Сегодня столкновений с полицией и войсками не было, похороны убитых и умерших от ран состоялись при громадном стечении народа, разошедшегося потом спокойно. Близ станции Нижнеднепровск произошло крушение самовольно составленного рабочими поезда, пострадавших нет. Положение продолжает быть тревожным, забастовка продолжается. На заводе Днепровского общества забастовавшие рабочие большой толпой с красным флагом и пением революционных песен направились в село Каменское, откуда, встреченные казаками, отступили, открыв из палисадников стрельбу из револьверов в казаков, которые ответили залпом, убито из толпы трое, ранено пять человек. В Александровске прекратили занятия все учебные заведения, забастовали все фабрики, заводы, торговые заведения закрылись, толпа забастовщиков проникла в почтово-телеграфную контору и казначейство, требуя прекращения занятий, казначейство закрылось, других беспорядков не было. В Павлограде учащиеся предъявляют учебному начальству разные требования, настроение тревожное. Необходимые меры принимаются повсюду.

Губернатор Нейдгардт.

Письмо Д. Ф. Трепова военному министру А. Ф. Редигеру от 13 октября 1905 г., № 13250 [2]).

М. г. Александр Федорович,

После бакинских беспорядков, повлекших за собою сокращение добычи нефтяного топлива [3]), министр финансов, ввиду возможности возникновения беспорядков и в каменноугольных районах, просил о

[1]) ДП, о. о., 1905 г., д. № 1350, ч. 3, л. 87.

[2]) ДП, 1905 г., № 4, ч. 17, л. 4.

[3]) 6 февраля 1905 г. в Баку произошла армяно-татарская резня, которая была спровоцирована царским правительством, с целью дезорганизовать рабочее движение. Отвлекая революционные массы рабочих от борьбы с самодержавием, русский царизм применял тактику разжигания национальной вражды, натравливал одну нацию на другую и устраивал погромы.

Только вмешательство революционных организаций, в особенности во главе с Бакинским комитетом большевиков, проведшим большую агитационную работу и сорганизовавшим рабочие отряды, которые обезоруживали погромщиков, положило 9 февраля конец резне.

Рабочие массы всей России откликнулись на призыв Бакинского комитета большевиков к забастовке. 12—14 февраля бастовали все промыслы, фабрики и заводы. По всей России прошла волна протеста.

принятии мер к предупреждению таковых беспорядков и к охранению от истребления и повреждения местностей, где добывается каменный уголь, о чем и было сделано сношение с подлежащими губернаторами. Ныне екатеринославский губернатор сообщает, что им получено от штаба Одесского военного округа уведомление о командировании во вверенную ему губернию войск для содействия местным властям на случай возникновения беспорядков в Донецком каменноугольном районе, а именно: в г. Бахмут — батальона пехоты, в г. Мариуполь также батальона пехоты и в с. Ясиноватое, Бахмутского уезда, двух эскадронов драгун, но что пункты, избранные для расквартирования войск, назначены не вполне удачно, прежде всего ввиду затруднительности разместить там войска, а во-вторых, потому что войска, находясь в этих пунктах, не принесут существенной пользы. Вместе с тем губернатор ходатайствует, чтобы командированные войска не были отозваны впредь до полного успокоения в горнопромышленном районе, так как такое отозвание, как показал опыт, может, само по себе, послужить причиною осложнений.

Сообщая об изложенном и принимая во внимание, что в случае возникновения беспорядков на угольных копях при недостаточной теперь добыче нефти русская промышленность может понести неисчислимые потери, долгом считаю просить ваше превосходительство, не признаете ли вы возможным предоставить екатеринославскому губернатору, по соглашению с местным военным начальством, право разместить войска, высланные для содействия ему, по личному его усмотрению в зависимости от местных условий и не уводить этих войск из пределов губернии, пока не минет опасность возникновения беспорядков.

Трепов.

Телеграмма начальника Екатеринославского охранного отделения директиву департамента полиции от 13 октября 1905 г., № 6007 [1]).

В течение дня войсками оружие не употреблялось, серьезных столкновений не было, происходили торжественные похороны убитых демонстрантов, везли на катафалках, одновременно евреев и русских, возложены венки с красными лентами, громадная толпа провожала, говорились речи, подобные процессии имеют громадное агитационное влияние.

Ротмистр Шульц.

Телеграмма заведующего политической частью департамента полиции екатеринославскому губернатору от 14 октября 1905 г., № 2843 [2]).

Ввиду острого положения вещей в Екатеринославе и лежащей на вас ответственности за порядок, товарищ министра, заведующий полицией, приказал вновь подтвердить вам его требование охраны казенных и общественных помещений и применения самых решительных мер при подавлении беспорядков, не останавливаясь перед действием

[1]) ДП, о. о., 1905 г., д. № 1350, ч. 3, л. 91.
[2]) Там же, л. 92.

вооруженной силы. Если недостаточно войск, войдите в сношение с командующим войсками. Сколько войск надо, телеграфируйте товарищу министра.

Заведующий политической частью Рачковский.

Телеграмма екатеринославского губернатора Д. Ф. Трепову от 15 октября 1905 г., № 51 [1]).

Ввиду крайне серьезного положения в Екатеринославе и губернии и необходимости немедленного принятия повсеместно самых решительных мер к подавлению начавшихся и предупреждению возможных беспорядков, признаю безусловно необходимым для фабрично-заводского угольного района еще полк кавалерии, для остального района линии железных дорог полк пехоты. В Екатеринославе желательна артиллерия. По этому поводу вхожу в сношение с командующим войсками, одновременно аналогичным ходатайством начальника гарнизона прошу поддержать мое ходатайство.

Губернатор Нейдгардт.

Телеграмма и. д. екатеринославского прокурора министру юстиции от 15 октября 1905 г., № 19219 [2]).

13 октября в селе Каменском Екатеринославского уезда при забастовке завода толпа с революционными песнями стреляла в казаков, последние дали залп, в толпе убито 3, ранено 5. Предложено следствие по 263 статье уложения.

И. д. прокурора Смирнов.

Письмо Д. Ф. Трепова военному министру А. Ф. Редигеру от 16 октября 1905 г., № 13336 [3]).

Ввиду крайне серьезного положения в Екатеринославской губернии и необходимости безотлагательно принять самые решительные меры к подавлению возникших в разных местностях губернии беспорядков и предупреждению распространения таковых на более обширный район, екатеринославский губернатор обратился к командующему войсками Одесского округа с ходатайством о присылке ему подкреплений в составе одного полка кавалерии для обслуживания фабрично-заводского и угольного района, одного полка пехоты для охраны железнодорожных линий и артиллерии для г. Екатеринослава.

Сообщая об изложенном, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство ввиду весьма серьезного положения в Екатеринославе не отказать в распоряжении об удовлетворении приведенного ходатайства в звании камергера ст. сов. Нейдгардта в возможно непродолжительном времени и о последующем почтить меня уведомлением.

Д. Трепов.

---

[1]) ДП, о. о., 1905 г., д. № 1350, ч. 3, л. 93.
[2]) МЮ. 1 д-во, 1906 г. № 16988, л. 4.
[3]) ДП, о. о., 1905 г., д. № 1350, ч. 3, л. 98.

Телеграмма екатеринославского губернатора Д. Ф. Трепову от 17 октября 1905 г., № 51/95 [1]).

Командующий войсками посылает батальон, сообщает: более прислать ничего нельзя. Необходимо из другого округа направить в Бахмутский, Славяносербский уезды еще полк пехоты, полк кавалерии. В Екатеринославе распорядился отобранием из оружейных магазинов оружия, патронов, прошу это распоряжение подтвердить.

Губернатор Нейдгардт.

Телеграмма екатеринославского губернатора Д. Ф. Трепову от 17 октября 1905 г. [2]).

В Екатеринославе, хотя день прошел покойно, положение продолжает быть тревожным, типографии приступили к работам, завтра выйдут газеты. В Каменском рабочие вышли на работы, минувшая ночь прошла покойно; приступлено к розыскам награбленного имущества. В Мариуполе на главной улице города вчера собралась толпа еврейской молодежи заводских рабочих около 1 000 человек, усиленный наряд полиции встречен камнями, револьверной стрельбой; вызванный взвод казаков сделал по толпе два залпа, убитых нет, о поранении заявлений тоже нет. Несколько городовых ушиблены камнями, один ранен ножом, толпа рассеяна, арестовано 8 человек, население города встревожено, замечается возбуждение против евреев, на заводах день прошел покойно.

Губернатор Нейдгардт.

Телеграмма екатеринославского губернатора Д. Ф. Трепову от 18 октября 1905 г., № 104 [3]).

Сегодня в шести отдельных помещениях состоялись многотысячные митинги, депутаты от них явились и заявили мне требование — войти с представлением об освобождении всех заключенных по политическим и религиозным убеждениям. Наискорейшее распоряжение в этом направлении, являясь естественным последствием высочайшего манифеста семнадцатого октября, предотвратит открытый мятеж значительной части горожан. Телеграммы об этом посланы председателю совета министров и министрам внутренних дел и юстиции.

Губернатор Нейдгардт.

Телеграмма екатеринославского губернатора С. Ю. Витте от 18 октября 1905 г. [4]).

Собравшиеся в Екатеринославе на основании высочайшего манифеста 17 октября многотысячные собрания предъявили мне через своих делегатов требование о немедленном ходатайстве моем об освобождении из мест заключения всех содержащихся под стражей за поли-

[1]) ДП, о. о., 1905 г., д. № 1350, ч. 3, л. 103.
[2]) Там же, л. 104.
[3]) Там же, л. 108.
[4]) Там же, л. 111.

тические и религиозные убеждения; докладывая об изложенном, прошу ваше высокопревосходительство повергнуть это ходатайство на всемилостивейшее его императорского величества благовоззрение; с своей стороны выражаю убеждение, что немедленная амнистия лиц, привлеченных к ответственности и отбывающих наказания за деяния, ныне уже не заключающие состава преступления, является прямым последствием знаменательного акта о даровании населению незыблемых основ гражданской свободы и послужит к вящшей радости народа.

Губернатор Нейдгардт.

Письмо Д. Ф. Трепова военному министру А. Ф. Редигеру от 19 октября 1905 г., № 13402 [1]).

Екатеринославский губернатор сообщает по телеграфу, что командующий войсками Одесского военного округа, командировав в его распоряжение батальон пехоты, уведомил, что более войск в его ведение предоставить не может. Между тем ввиду усилившихся волнений в Бахмутском и Славяносербском уездах представляется настоятельно необходимым направить туда, хотя бы из другого округа, еще один полк пехоты и полк кавалерии.

Сообщая об изложенном, в дополнение к письму от 16 сего октября за № 13336, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство не отказать в распоряжении о скорейшем командировании в упомянутые уезды вышеуказанных войсковых частей и о последующем почтить меня уведомлением.

Д. Трепов.

Телеграмма начальника Екатеринославского охранного отделения директору департамента полиции от 19 октября 1905 г., № 7485 [2]).

В городе происходят многотысячные митинги. Несмотря на последний манифест, агитируется вооруженное восстание, по бульварам революционные шествия, открытый сбор пожертвований на динамит, бомбы, организуются покушения на меня. Ввиду полной афишировки, дальнейшее мое пребывание в Екатеринославе крайне опасно, прошу немедленного телеграммой разрешения выехать, указав, кому сдать отделение.

Ротмистр Шульц.

Телеграмма начальника Екатеринославского охранного отделения директору департамента полиции от 19 октября 1905 г., № 0756 [3]).

На происходивших многотысячных митингах открыто собирали пожертвования на динамит, речи агитаторов заканчивались советом требовать казни государя. Вышедшие газеты открыто возбуждают население мстить администрации. Настроение крайне возбужденное, значительная часть общества удручена, объята паникой.

Ротмистр Шульц.

---

[1]) ДП, о. о., 1905 г., д. № 1350, ч. 3, л. 98.
[2]) Там же, л. 116.
[3]) Там же, л. 118.

Телеграмма начальника Екатеринославского охранного отделения директору департамента полиции от 20 октября 1905 г. [1]).

Крупнейшие заводы в Екатеринославе приступили к работам, в поселке Нижнеднепровске продолжается общая забастовка, железнодорожные мастерские приступят к работам 24-го. В городе митинги, демонстрации. Забастовали городовые, часть околоточных надзирателей, пожарные...

Ротмистр Шульц.

Письмо Д. Ф. Трепова военному министру А. Ф. Редигеру от 23 октября 1905 г., № 13480.

Екатеринославский губернатор сообщает по телеграфу, что повсеместно во вверенной ему губернии происходят крупные беспорядки, для прекращения которых наличных войск недостаточно. Ввиду отказа командующего войсками Одесского военного округа предоставить в распоряжение названного губернатора дополнительные войсковые части за неимением таковых, губернатор ходатайствует о безотлагательной присылке ему сильных подкреплений, преимущественно кавалерии, из соседних военных округов.

О таковом ходатайстве екатеринославского губернатора имею честь сообщить в дополнение к предыдущей переписке на распоряжение вашего превосходительства, покорнейше прося о последующем не отказать уведомить.

Трепов.

Рапорт прокурора екатеринославского окружного суда министру юстиции [2]).

Утром 10 сего октября в городе Екатеринославе прекратили занятия воспитанники всех средних учебных заведений, а в три часа дня прекратилось движение на Екатерининской железной дороге и вместе с тем забастовали все находящиеся в городе и в поселках Амур и Нижнеднепровск заводы. В 10 часов утра 11 октября присяжные заседатели заявили мне, что один из них, идя в суд, был свидетелем, как полиция, разгоняя толпу воспитанниц какого-то учебного заведения, ударила одну из них, вследствие чего они, возмущенные таким фактом насилия, не могут отправлять своих судейских обязанностей; на такое заявление я объяснил им, что я, конечно, не имею возможности принудить их против их желания отправлять обязанности присяжных заседателей, но вместе с тем указал им на то, что отсрочка судебного заседания повлечет за собою весьма невыгодные для содержащихся под стражей подсудимых последствия, но тем не менее присяжные заседатели категорически заявили, что не считают возможным принять участие в судебном заседании, так как в данное время не обладают спокойствием, столь необходимым каждому судье. Ввиду такого категорического заявления присяжных заседателей, рассмотрение всех уголовных дел, назначенных на 11 октября, было отложено,

---

[1]) ДП, о. о., 1905 г., д. № 1350, ч. 3, л. 124.
[2]) МЮ, 1 д-во, 1906 г., д. № 17015, л. 2.

причем я предложил присяжным заседателям прибыть в суд на следующий день для отправления их обязанностей, не предполагая, что готовящаяся манифестация может иметь какие-либо важные последствия.

В это время на дворе первого реального училища, находящегося рядом с зданием суда, по левой его стороне, собралась толпа учащихся разных средних учебных заведений, причем один из гимназистов произнес какую-то речь, а затем неизвестный студент, придя к заведующему зданием, предъявил ему требование о немедленном закрытии суда, заявляя, что в противном случае он явится вновь в сопровождении целой толпы, которая заставит суд прекратить занятия. Узнав о такой угрозе, я по телефону сообщил полицеймейстеру об охранении здания суда, а занятия продолжались своим обычным порядком.

Почти одновременно с сим толпа манифестантов, численностью приблизительно в 3 000 человек, собралась на проспекте и напротив дома Розенберга, находящегося рядом со зданием суда, по правой его стороне, устроила баррикаду, состоящую из каменьев, перил от бульвара и выломанной от означенного выше дома железной решетки. К этой толпе присоединилась бо́льшая часть воспитанников средних учебных заведений, бывших на сходке во дворе реального училища, а другая часть, вооружившись каменьями и кирпичами, осталась на означенном выше дворе; толпе этой преграждали дальнейший путь прибывшие казаки и войска. Убедившись из всего вышеизложенного, что вооруженное столкновение между войском и манифестантами неизбежно и что столкновение это произойдет около самого здания суда и опасаясь, что толпа может проникнуть в это последнее и уничтожить дела, или какое-либо казенное имущество, я сделал распоряжение о немедленном прекращении всех занятий. Будучи занят наблюдением за порядком в суде, я не был свидетелем происшедшего между войском и манифестантами столкновения, но, по словам очевидцев, нападающей стороной были манифестанты, которые из-за баррикады стали стрелять из револьверов и бросать в войско камни и кирпичи, и лишь после того, как офицер был ранен камнем в голову, последовал залп из ружей, коим несколько лиц было убито и несколько других ранено, после чего толпа манифестантов немедленно рассеялась. Когда на улицах водворилось сравнительное спокойствие, я распустил по домам всех служащих и оставшуюся в здании суда публику.

В тот же день между войском и рабочими разных заводов было вооруженное столкновение около Озерного базара, причем этими последними в войско были брошены бомбы, а утром 12 октября по городу было расклеено следующее объявление екатеринославского губернатора: «Ввиду происходящих в Екатеринославе событий, вызвавших необходимость действия войск оружием, приглашаю жителей города не отлучаться из дома и не выпускать детей на улицу». Ввиду такого объявления и полученных мною сведений о том, что некоторые правительственные учреждения не открыты, а также опасаясь, что толпа манифестантов проникнет в здание суда, так как, по дошедшим до меня еще 11 октября сведениям, толпа имеет намерение устроить в этом здании политический митинг, каковое опасение находит себе подтверждение в том обстоятельстве, что толпа уже два раза насильно врывалась в помещение Английского клуба для устройства тако-

вого митинга, — я признал необходимым прекратить занятия впредь до водворения бо́льшего спокойствия в городе, причем присяжные заседатели были освобождены от занятий на всю сессию, оканчивающуюся 15 октября, ввиду заявления всех их, что они вследствие опасного положения в городе не могут спокойно обсуждать дела. 13 октября настроение в городе было еще более беспокойное ввиду бывших в тот день похорон лиц, убитых при вооруженном столкновении, по городу ходили целые толпы неизвестных личностей, заставлявших закрывать магазины, прекращать работу и уводивших из частных квартир прислугу, и ввиду такого тревожного настроения, я не счел возможным возобновить занятия, которые были возобновлены 14 октября.

Прекращение занятий в суде в течение трех дней вызвано было настоятельною необходимостью в целях безопасности служащих, а также здания суда и находящегося в нем казенного имущества; главной же причиной, препятствующею открыть занятия 12 и 13 октября, послужило то обстоятельство, что около здания суда постоянно собирался народ на месте вооруженного столкновения, причем вид крови приводил в возбужденное состояние, которое легко могло повлечь за собой новые беспорядки. Доказательством, насколько еврейское население было возбуждено, служит факт остановки евреями 11 октября около 2 часов дня шедшего в суд члена суда И. Т. Беккера, которого они привели к луже крови и пристали к нему с требованием, чтобы он запретил стрельбу, причем он был отпущен лишь по уговору некоторых лиц из толпы, повидимому, знавших его. Даже и в настоящее время настроение в городе настолько тревожное, что, несмотря на возобновление занятий, публики и тяжущихся в суде нет, и в течение 14 и 15 октября подано было всего лишь несколько прошений присяжными поверенными.

Всех дел, подлежащих рассмотрению с участием присяжных заседателей, было отложено 18, но большинство из них во всяком случае не могли бы быть разрешены за неявкою подлежащих вызову в суд лиц; равным образом и гражданские дела не могли бы быть разрешены, так как 11 октября, еще до начала вооруженного столкновения, все явившиеся тяжущиеся лица и их поверенные заявили ходатайство об исключении из очереди их дел. Что же касается до выездных сессий уголовных отделений, то сессия в г. Верхнеднепровске, где не было никаких волнений, окончилась благополучно, отложено было всего лишь 6 дел, так как в большинстве случаев свидетели вызывались из местностей, не лежащих на линии железной дороги. Заседания сессии в г. Александровске открыты, так как состав суда прибыл в этот город до прекращения движения на железной дороге. Члены суда, командированные на сессию в г. Бахмуте, выехав 8 октября из г. Екатеринослава, прибыли в этот город благополучно, но сессия не могла состояться за неприбытием вследствие прекращения железнодорожного движения товарища прокурора, намеревавшегося выехать 9 октября.

О всем вышеизложенном считаю долгом доложить вашему высокопревосходительству.

Прокурор екатеринославского окружного суда О ш а н и н.

Представление прокурора екатеринославского окружного суда прокурору харьковской судебной палаты от 8 ноября 1905 г. [1]).

Ночью под 10 октября сего года внезапно было прекращено движение поездов в пункте соприкосновения Екатерининской и Курско-Харьково-Севастопольской железных дорог. В одиннадцатом часу ночи на указанное число на станцию Синельниково, Екатерининской дороги, с отстоящей от нее в 2 верстах станции того же наименования Севастопольской железной дороги явилось несколько сот забастовавших железнодорожных рабочих, ворвались на станцию, прекратили действие телеграфа и телефона, попортив аппараты, приостановили действие машин электрического освещения, сняли со стрелок и унесли лампы, выпустили пары из всех паровозов, а прислугу с них удалили насильственным путем; прибывший на станцию почтовый поезд № 3 остановили у входного семафора, выпустив из паровоза при поезде пар. Хотя поезд этот, когда толпа забастовавших отхлынула от станции, и удалось довести до станции Синельниково Севастопольской дороги, но прерванное движение не возобновилось. На следующий день в городе Екатеринославе с утра вследствие волнений и требований о том учащихся были прекращены занятия в 1-м реальном училище. Выпущенные из училища ученики с присоединившимися к ним посторонними лицами стали бегать по городу, врываться в другие учебные заведения и требовать прекращения занятий, сопровождая в некоторых случаях эти требования угрозами насильственно прервать занятия; вызванные этим тревога и волнения среди учащихся заставили прекратить занятия в мужской и женской гимназиях, 2-м реальном и коммерческом училищах и всех других учебных заведениях; выпущенные из заведений ученики образовали на проспекте у здания духовного училища толпу, которая с криком и шумом пыталась проникнуть в училище, ломала входные двери в училище и ворота во двор, но, не достигнув этого, разошлась без принятия против нее со стороны полиции каких бы то ни было насильственных мер. Прекращение учебных занятий при описанной обстановке одновременно произошло в школах при заводах Брянском, Трубопрокатном и других и прилегающих к городу селениях Новых Кайдаках. Вслед за прекращением занятий в учебных заведениях, забастовали служащие всех служб управления Екатерининской железной дороги; забастовавшие толпою направились на станцию Екатеринослав, выгнали всех служащих на станции, мастеровых и рабочих из депо и Екатеринославских главных паровозных железнодорожных мастерских. На путях станции образовалась громадная, в несколько тысяч человек, толпа, в которой произносились речи; поднимаясь на паровозы и вагоны, ораторы говорили о тяжком положении рабочих, побуждая их предъявить экономические требования и требования политических прав. Отсутствие войск дало возможность забастовавшим овладеть железной дорогой. Составив самовольно поезд, часть толпы, более 500 человек, отправилась на станции Амур и Нижнеднепровск, находящиеся на другом берегу реки Днепра; в поселке при станции Амур толпа прекратила работы на заводах Шодуар, Ланге, Бетхольда и других и, встречая полицейских чинов, кричала им: «бастуйте, идите с нами», и

[1]) МЮ, 1 д-во, 1906 г., д. № 17015, л. 5.

пыталась их увлечь с собой. На станции Нижнеднепровск толпа остановила действие водокачки и работы в железнодорожных вагонных мастерских, а также в расположенных близ станции заводах: эстампажном и печном, а затем с присоединившимися к ней служащими на железной дороге и рабочими ворвалась в станцию, разрушила телефоны и телеграф и, завладев подвижным составом, составила новый поезд, на котором с красными флагами отправилась по направлению к станции Синельниково, но почему-то за железнодорожным мостом через реку Самару остановила поезд и потушила в паровозе огонь. В то же время со станции Екатеринослав в противоположную сторону, к заводам Брянскому, Трубопрокатному, гвоздильному и другим забастовавшими самовольно отправлен был другой поезд, высадившись из которого, рабочие с криками: «Долой самодержавие, да здравствует свобода» ворвались в заводы и заставили в последних прекратить работы: рабочие заводов, оставив работы, разошлись по домам. На станции же Екатеринослав многочисленная толпа бушевала до вечера, пока не прибыли войска, которые ее и рассеяли без употребления оружия.

11 октября с 6 часов утра на станции Нижнеднепровск собралась многотысячная толпа железнодорожных и заводских рабочих, растопила самовольно паровозы, и несколько тысяч человек двумя поездами двинулись на станцию Екатеринослав; один поезд прибыл на эту станцию, и рабочие направились в город и в депо станции, а второй поезд, с которого рабочие заметили прибывшие войска, возвратился обратно в Нижнеднепровск. После чего, дабы прекратить движение толпы из Нижнеднепровска в город, по распоряжению администрации мост для движения экипажей и пешеходов был закрыт, а с железнодорожного пути перед мостом со стороны Нижнеднепровска сняты рельсы. Ввиду отсутствия в Нижнеднепровске войск, малочисленности полицейских чинов и полного бездействия устрашенного толпой железнодорожного начальства бушующая толпа, захватив подвижной состав, с красными флагами и революционным пением, разъезжала на паровозах по путям станции, и прицепив паровоз к составу прибывшего перед тем скорого поезда, пустила его на Днепровский мост; вследствие разобранного пути, поезд этот, взойдя на мост, потерпел крушение и повредил самый мост; часть толпы, человек около 500, направились в поезде на станцию Илларионово, набрала угля и дров, ворвавшись в контору начальника станции, похитила ящик с набором букв для компостера, а некоторые из забастовщиков, войдя в квартиру дорожного мастера Решетникова, расхитили у него съестные припасы, после чего поезд с забастовщиками направился обратно в Нижнеднепровск.

В то же время часов в 8 утра в депо станции Екатеринослав собралась тысячная толпа рабочих, а также посторонних лиц, среди которых были женщины с детьми и какие-то барышни. Несмотря на присутствие войск, толпа на требование жандармского унтер-офицера Соколова разойтись ответила отказом, в толпе кричали: «Долой жандарма, долой войска», а некоторые, выдвинувшись из толпы, кричали: «Товарищи, не расходись, пусть стреляют». Когда же с требованием разойтись к толпе обратился офицер, командовавший войсками, подпоручик Баженов, по адресу офицера послышалась площадная

брань, а затем из толпы раздались выстрелы, вследствие чего, после установленных сигналов, взвод солдат дал залп, после которого толпа рассеялась; в толпе оказался раненым пулей обтирщик депо крестьянин Федор Попка, который тогда же был отправлен в железнодорожную больницу, где 13 октября умер.

В то же время в городе забастовка приняла обширные размеры: забастовали рабочие всех мастерских, типографий, трамвая, городской станции электрического освещения, служащие аптек и многих торгово-промышленных заведений. Настроение в городе стало чрезвычайно тревожным: магазины, лавки и другие торговые заведения спешно закрылись; на улицах во многих местах стали образовываться более или менее значительные группы народа, возбужденно о чем-то толковавшего. Около 11 часов утра на углу проспекта у Городского дома собралась многочисленная толпа учащихся, обсуждался вопрос о выборе для сборища помещения. К толпе учащихся присоединилось много посторонней публики, из коей некоторые начали произносить речи. Собравшейся толпе было предложено полицией разойтись, а учащимся отправиться в отведенное им помещение — училище памяти Гоголя, на Кирпичной улице, но толпа разойтись отказалась, а ученики итти в указанное училище не пожелали, после чего все сборище было рассеяно конными городовыми. Вскоре однако учащиеся и публика вновь собрались на противоположном углу проспекта у дома Розенберга. Директор коммерческого училища Синявский, приблизившись к толпе, стал убеждать учащихся отойти от посторонней публики, и учащиеся, поддавшись убеждениям Синявского, оставили толпу и частью разошлись, частью прошли вверх по проспекту и остановились у здания 1-го реального училища.

Скопившаяся же у дома Розенберга, рядом со зданием окружного суда, толпа вела себя демонстративно; в толпе появились ораторы, которые, приподнимаемые другими и поднимаясь на тумбы тротуаров и решетки, произносили противоправительственные речи; в толпе этой выставлены были красные флаги. Вскоре толпа стала ломать изгородь бульвара, выламывать из каменных плит чугунную решетку у дома Розенберга, а также притащила откуда-то колья и доски и устроила поперек улицы близ здания окружного суда баррикаду, с которой произносились речи. На требование полицейских чинов разойтись толпа отвечала отказом и, угрожая револьверами, кричала, что будет при приближении к ней полиции стрелять. К толпе была двинута 7 рота Симферопольского пехотного полка, командир которой капитан Сериков вновь обратился к толпе с требованием разойтись, но толпа, окружив войска, стала стрелять в солдат из револьверов, вследствие чего Сериков отвел роту от толпы и, когда войска стали строиться в боевой порядок, толпа начала осыпать их градом камней, коими ушибла Серикова и двух солдат; тогда по данному сигналу солдаты дали по толпе два залпа, после коих сборище рассеялось, оставив на улице убитых и раненых; в числе убитых оказалась незадолго перед беспорядками приехавшая в г. Екатеринослав дочь генерал-майора курсистка Емельянова; убитые и часть раненых были отправлены в земскую больницу, а часть раненых была подобрана толпой и унесена по домам; некоторые из раненых были доставлены в здание окружного суда, и здесь им сделана перевязка. Во время этих беспорядков в окружном суде

в уголовном и гражданском отделениях слушались дела. Присяжные заседатели просили председателя суда ввиду происходящих в городе событий, не дающих возможности спокойно рассматривать дела, освободить их от исполнения возложенных на них обязанностей впредь до восстановления спокойствия в городе; вследствие чего сессия окружного суда была закрыта; в гражданском отделении суда, по ходатайству сторон, также были отложены рассмотрением дела, и занятия в канцеляриях суда прекращены.

В то же время в другой части города, на Широкой улице, собралась толпа, численностью до 10 тысяч человек, которая, имея во главе железнодорожных служащих, двинулась к Гимназической улице, намереваясь пройти к заводам Брянскому и другим, соединиться там с толпой рабочих и общей массой двинуться в центр города. Для рассеяния этой толпы и чтобы не допустить соединения ее с рабочими завода, направлены были чины полиции и отряд казаков в 44 человека, под командой подъесаула Полякова. Нагнав эту толпу, казаки вынуждены были ехать сзади толпы, которая так запрудила улицу, что объехать толпу не представлялось никакой возможности; в медленно двигавшейся толпе все время на руках поднимали ораторов, произносивших к толпе речи. Когда же толпа вышла на Военную улицу, казаки обогнали и загородили ей дорогу. Пристав 5-й части Греков, подъесаул Поляков и сами казаки много раз обращались к толпе с просьбами разойтись, предупреждая, что в противном случае по толпе будет открыт огонь, но толпа с угрожающими криками продолжала двигаться вперед, а затем бросилась на казаков, вследствие чего последние, по команде офицера, дали последовательно один за другим несколько залпов по толпе боевыми патронами; толпа рассеялась, раненые и убитые были подобраны, на подготовленные, повидимому, заранее толпой носилки и доставлены в еврейскую и железнодорожную больницы.

В тот же день в части города, прилегающей к заводам и называемой Чечелевкой и Брянской площадью, с утра собралась многотысячная толпа заводских и железнодорожных рабочих и городских жителей, начала строить баррикады, употребляя для сего спиленные телеграфные, телефонные столбы и столбы строящейся новой линии трамвая, а также камни, рельсы, снятые с полотна железной дороги и отобранные у рабочих тачки, на коих возилась при устройстве трамвая земля, водрузила на баррикадах красные флаги с революционными надписями и намеревалась итти в город. Вследствие чего, дабы не пропустить толпы в город и вывести из опасного положения оставшуюся на площади у Брянского завода, окруженную бушующей толпой роту солдат, войскам в составе нескольких рот и полусотни казаков отдан был приказ пройти по 1-й Чечелевской улице и соединиться со стоявшей на площади ротой. Когда войска двинулись по 1-й Чечелевской улице, на таковой были обнаружены два ряда проволочных заграждений, шедших через всю улицу от одного телефонного столба к другому. Заграждения эти были уничтожены казаками; на углу же улицы и Брянской площади оказалась из камней, столбов, песку и земли устроенная (бруствер) баррикада, высотою по грудь человека; на баррикаде стоял какой-то человек и махал красным флагом, а за баррикадой находилась огромная толпа, шумевшая и кричавшая, причем

из криков ее можно было расслышать возгласы: «Долой самодержавие» и обращенный в войскам призыв не стрелять, бросить оружие и присоединиться к толпе. Когда войска стали приближаться к баррикаде, из-за нее раздался целый ряд револьверных выстрелов, направленных в солдат, вследствие чего последние сделали ряд залпов по баррикаде; человек, махавший красным флагом, упал, а затем толпа, оставив баррикаду, отступила, запрудив собою соседние улицы; когда же войска подошли к баррикаде и стали разрушать ее, чтобы очистить себе путь, с крыши дома в них брошена была бомба, взрывом которой один солдат был убит на месте и 18 ранено; вслед за первой из-за забора в войска была брошена вторая бомба, убившая двух лошадей и ранившая 6 казаков, а затем и третья, которая, однако, не разорвалась; в то же время из-за заборов, из окон домов и с крыш в воинские части производили многочисленные выстрелы из револьверов, ранившие двух солдат; войска открыли огонь по всем находившимся по улице и, давая непрерывные залпы и стреляя пачками, в рассыпную бросились по улице вперед, вышли на площадь и соединились со стоявшей у Брянского завода ротой. Рассеяв толпу и преградив доступ ей в город, войска были расставлены на 1-й Чечелевской улице и дальше; в другие улицы Чечелевки, где также были проволочные заграждения и виднелись красные флаги, не пошли, так как следование воинских частей по тесным улицам Чечелевки представляло явную для них опасность ввиду метания в войска разрывных снарядов и не вызывалось необходимостью.

Убитые и раненые в толпе были уложены на заранее, повидимому, приготовленные во многих дворах Чечелевки носилки и лицами, находившимися в толпе и имевшими на руке повязку красного креста, пронесены мимо войск и доставлены в больницу Брянского завода; туда же были помещены и раненые солдаты. Других столкновений вооруженной толпы с войсками в тот день не было, но в городе в разных частях, в особенности в местах, где были подняты убитые и раненые, продолжали собираться более или менее значительные группы народа, которые при приближении воинских частей и разъездов рассеивались.

В тот же день, около 5 часов вечера, когда прикомандированный к местному губернскому жандармскому управлению ротмистр Бабенко возвращался на извозчике из управления домой, на Харьковскую улицу, в дом бывший Штейна, за ним бросилась толпа, стала стрелять в него из револьверов и бросать палки и камни, один из коих попал Бабенко в голову и сбил с него фуражку. Спасаясь от разъяренной толпы, Бабенко соскочил с извозчика и, вбежав в квартиру, запер дверь за собой на засов, а затем по совету квартирохозяина укрылся в погребе. Преследовавшая Бабенко толпа стреляла в дверь и, ворвавшись в дом, где скрылся ротмистр, более часа обыскивала его комнаты, требуя от квартирохозяина выдачи жандармского офицера и грозя в противном случае взорвать дом; лишь убежденная хозяином дома, что Бабенко перепрыгнул через забор в соседний двор, где помещается офицерское собрание 134 пехотного Феодосийского полка, толпа с угрозами оставила дом и ушла.

Всю ночь войска оставались на улицах, окутанных полнейшей тем-

нотой, так как электрического освещения не было, и в разных местах города раздавались одиночные револьверные выстрелы, но нападений на воинские части не было.

12 октября с утра по городу разъезжали патрули, все магазины, лавки, торговые и промышленные заведения были закрыты; присутственные места, банки, дом губернатора охранялись войсками; окружный суд был закрыт, и на дверях его было вывешено объявление о закрытии суда впредь до особого распоряжения. На станциях Екатеринослав и Нижнеднепровск толпа забастовщиков продолжала разъезжать на паровозах с красными флагами и революционными песнями, а из-за насыпи и заборов временами производились одиночные выстрелы из револьверов в охранявшие станцию Екатеринослав и железнодорожный мост войска.

Ночью под 13 октября в городе толпа напала на полицейского городового Волкова, избила его и отняла у него револьвер; в ту же ночь, пользуясь отсутствием освещения, неизвестные злоумышленники в двух местах города, на Стародворянской и Александровской улицах, подложили динамитные патроны и взорвали ими два телеграфных столба. В ту же ночь на станции Екатеринослав злоумышленниками был произведен ряд выстрелов в дозорных Бердянского и Симферопольского полков, охранявших станцию и путепровод на ней, причем дозорные, в свою очередь, на выстрелы отвечали выстрелами из ружей, причем ранили проходившего с кондукторами близ станции раздатчика-кондуктора Викентия Шлыка в правую руку, повредив ему на ней три пальца.

13 октября на станции Нижнеднепровск с прибытием туда войск беспорядки ослабли, но некоторые из забастовщиков успели растопить паровоз и спустить его с рельс; по сведениям начальника екатеринославского отделения кременчугского жандармского полицейского управления железных дорог, за дни беспорядков забастовщиками было испорчено до 40 паровозов, в коих были сожжены котлы.

На станции Екатеринослав в течение всего дня 13 октября раздавались револьверные выстрелы, причем злоумышленники стреляли в состав воинского поезда при уборке его от семафора старшими агентами депо, а вечером — в солдат, поставленных на постах у строящегося путепровода.

В городе 13 октября большинство магазинов и промышленных заведений оставались закрытыми, по улицам разъезжали патрули. В этот и следующий день по осмотре судебным следователем трупов убитых при беспорядках были совершены их похороны. Собравшаяся при этом многочисленная толпа вела себя демонстративно — обила гробы материей красного цвета, несли в процессии венки с лентами красного цвета, на коих были надписи: «Борцам за свободу», «От комитета социал-демократической рабочей партии», «От социалистов-революционеров»; в толпе выставлялись красные флаги, на многих из которых виднелись надписи: «смерть палачам», «долой тиранов» и т. п., на кладбище при предании тел земле произносились революционные речи, восхвалявшие подвиги убитых и призывающие к отмщению пролитой крови. Войска и чины полиции издали следовали за толпой, которая после похорон разошлась в разные стороны, не учиняя серьезных нарушений порядка.

Во время происшедших беспорядков число убитых определилось в 28 человек, число же раненых, даже приблизительно, не могло быть определено, так как многие раненые были подобраны толпой и скрыты в домах, а легко раненые разбежались и скрылись.

Предварительное следствие по сему делу производится судебным следователем по важнейшим делам, согласно полученного разрешения вашего превосходительства, по признакам преступления, предусмотренного 123 ст. уголовного уложения.

Прокурор екатеринославского окружного суда Ошанин.

Телеграмма управляющего министерством внутренних дел командующему войсками Одесского военного округа от 10 декабря 1905 г., № 3614 [1]).

Положение Екатеринославской губернии крайне угрожающе. Губернатор настоятельно просит прислать немедленно полк кавалерии или надежной пехоты и машинистов железнодорожного батальона. Необходимо немедленное возвращение в Екатеринослав Симферопольского полка из Севастополя. Благоволите ваше высокопревосходительство оказать Екатеринославской губернии просимую военную помощь.

Управляющий министерством Дурново.

Телеграмма екатеринославского губернатора управляющему министерством внутренних дел от 13 декабря 1905 г., № 69 [2]).

Аресты главарей железнодорожной забастовки пока не произведены. Начальник жандармского управления еще не обнаружил их. Захватившие станцию Екатеринослав удалены. Начато судебное следствие. Восстановления движения Екатерининской дороги трудно ждать ранее Курско-Севастопольской. Необходимо энергичное воздействие на главарей стачки в Москве; необходимы аресты разных организаций; судебных улик нет. Прошу инструкции жандармскому управлению, возможна ли высылка. Корпусный командир отказал в возвращении в Екатеринослав Симферопольского полка, посланного в Севастополь. Нужда в войсках усиливается; подтверждаю необходимость присылки полка из северных округов. Настоятельно прошу ускорить: последствия от разгрома многих иностранных заводов будут ужасны.

Губернатор Нейдгардт.

Телеграмма начальника Екатеринославского охранного отделения директору департамента полиции от 13 декабря 1905 г., № 123 [3]).

В городе образовался боевой стачечный комитет, состоящий из объединительных революционных организаций, требующий себе выпущенными объявлениями повиновения граждан, общественных учреждений, заводов, фабрик, промышленных и торговых заведений. Комитет заявляет себя руководителем всеобщей забастовки. Забастовщики врываются в правительственные учреждения, выгоняя на глазах по-

[1]) ДП, о. о., 1905 г., д. № 1350, ч. 3, л. 165.
[2]) Там же, л. 178.
[3]) Там же, л. 179.

лиции служащих. Ощущается недостаток надежных войск, происходят почти ежедневные нападения на полицию с отнятием оружия. Бюллетени революционных событий продаются открыто. Благомыслящее население убеждено в успехе революции и терроризовано.

Ротмистр Шульц.

Телеграмма начальника Екатеринославского охранного отделения директору департамента полиции от 15 декабря 1905 г., № 177 [1]).

Руководители коалиционным боевым комитетом и все виднейшие революционные деятели перебрались из города в заводский район, где царит полная анархия, во главе с революционным комитетом, куда администрация проникнуть за недостатком надежных войск не решается. Необходима немедленная присылка в Екатеринослав надежных войск, объявление военного положения, без чего порядок не восстановится; ежедневно революционеры нападают на должностных лиц, отнимая оружие; вчера представил губернатору по его требованию список 19 лиц, подлежащих аресту, из состава боевого стачечного комитета, арест коих за недостатком надежных войск осуществить власти не решаются.

Ротмистр Шульц.

Телеграмма управляющего министерством внутренних дел екатеринославскому губернатору от 16 декабря 1905 г., № 3755 [2]).

Объявите Екатеринослав на военном положении, запретите собрания, приостановите революционные газеты, во что бы то ни стало, возьмите под стражу боевой комитет и другие революционные организации, действуя без малейшего снисхождения оружием, не входя ни в какие соглашения и не принимая никаких условий от мятежников.

Управляющий министерством Дурново.

Письмо П. Н. Дурново военному министру А. Ф. Редигеру от 16 декабря 1905 г., № 16099 [3]).

Препровождая при сем копию поступившей ко мне от министра путей сообщения телеграммы начальника Екатерининской железной дороги о положении дел в г. Екатеринославе, долгом считаю еще раз покорнейше просить ваше превосходительство не отказать в содействии к командированию в Екатеринослав необходимого числа военной силы, так как иначе невозможно даже предвидеть чрезвычайно опасных последствий, которые могут возникнуть в данной местности от недостатка гарнизона. Вместе с тем позволяю себе высказать, что, при усмирении беспорядков, войска должны действовать самым решительным образом и без всякого снисхождения.

П. Дурново.

---

[1]) ДП, о. о., 1905 г. д. № 1350, ч. 3, л. 182.
[2]) Там же, л. 183.
[3]) Там же, л. 184.

Телеграмма начальника Екатеринославского губернского жандармского управления директору департамента полиции от 17 декабря 1905 г., № 332 [1].

Екатеринослав с окрестностью, Александровск, Бахмутский, Славяносербский и Верхнеднепровский уезды объявлены на военном положении, остальная губерния — на положении чрезвычайной охраны; сообщение города с уездами только телеграфное; проезд прекращен разбойничьими нападениями мятежников; о событиях в Верхнеднепровском уезде, арестах, следствиях губернатор, прокурор, я сведений не имеем; заводские части города Чечелевка, Брянка, Кайдаки, Диевка, Шляховка, Амур, Нижнеднепровск вруках мятежников [2].

Ковалевский.

Телеграмма командующего войсками Одесского военного округа военному министру от 19 декабря 1905 г., № 559 [3].

Бахмутский исправник доносит, что при усмирении мятежа в Горловке войсками убито около 300 мятежников, нападало на войско свыше 4000. Солдат убито 3, ранено 12. Около 500 мятежников сдались, по приведении к присяге отпущены. Отнято: до 7000 патронов, свыше 300 пик, много ружей, винтовок, револьверов, динамита и две бомбы. Бой длился шесть часов. Станция Лозовая занята ротой, станция обслуживается статскими служащими. По получении подробностей предполагаю ходатайствовать о награждении отличившихся.

Генерал Каульбарс.

Телеграмма командующего войсками Одесского военного округа П. Н. Дурново от 19 декабря 1905 г., № 889 [4].

Воинская. Вследствие телеграммы вашего превосходительства, сообщаю копию телеграммы екатеринославского генерал-губернатора: «Восстановив порядок в Екатеринославе, я по возвращении Симферопольского полка из Севастополя решил прежде всего восстановить порядок по линии железной дороги. Исполнив это, издал в ночь на 27 число объявление, предлагающее жителям, но не стачечному комитету, рабочих предместьев Чечелевки, Брянской колонии, фабричной слободки Шляховки, Кайдак и Диевки — сдать в течение 27 декабря все оружие и взрывчатые вещества с тем, что все несдавшие в течение этого дня будут привлечены к ответственности, а те дома, откуда будет произведен хотя бы один выстрел или брошена бомба, будут разрушены артиллерийским огнем; а 28-го числа направил под начальством генерала Баташова весь гарнизон для производства обысков во всех домах этих предместий, затем — для занятия их и восстановления законной власти, причем приказал всех агитаторов и сопротивляющихся расстреливать; вообще действовать беспощадно. 28-го числа Чечелевка, фабричная слободка и Брянская колония заняты; найден динамит, бомбы, отобрано оружие; несколько человек арестовано. Сегодня будут заняты остальные предместья».

Генерал Каульбарс.

---

[1]) ДП, о. о., 1905 г., д. № 1350, ч. 3, л. 187.
[2]) Конец телеграммы искажен в передаче.
[3]) Там же, л. 195.
[4]) Там же, л. 202.

Из доклада начальника Екатеринославского охранного отделения в департамент полиции от 1 октября 1905 г.[1]).

С первых чисел октября в гор. Екатеринославе деятельность всех революционных групп была направлена к подготовке общего вооруженного восстания и дезорганизации местных правительственных органов.

На происходивших повсеместно митингах и собраниях произносились зажигательные речи, собирались деньги на оружие и все население призывалось к вооруженному восстанию.

Начало активной деятельности революционеров относится к 4 октября, когда был убит бомбой неизвестными злоумышленниками в своем кабинете директор машиностроительного завода в поселке Амур Макс Максимович Герман. Убийство Германа совершено членами местной группы анархистов-коммунистов, поставивших своей задачей террористические акты над начальствующими лицами фабрик и заводов Екатеринославской губернии.

С 10 октября подготовленная устной пропагандой на митингах группа воспитанников музыкальной школы и реального училища, в сопровождении большого числа еврейской молодежи, начала обходить все учебные заведения с требованием примкнуть к общей забастовке, причем некоторые из присутствующих говорили речи и раздали значительное число преступных воззваний.

Вслед за сим, под влиянием полученных телеграфных сведений о прекращении движения поездов на многих железных дорогах, произведенного разгрома 9 октября рабочими станции Синельниково, забастовали машинисты местного депо, и прибывший в Екатеринослав 10 числа пассажирский поезд был поставлен на запасный путь. Одновременно с машинистами забастовали служащие в управлении Екатерининской железной дороги, предъявив те же требования, которые предъявлялись минувшей весной.

Отсюда большая толпа служащих направилась на станцию Екатеринослав и, остановив там все работы и испортив телефоны, направилась в железнодорожные мастерские, где рабочие примкнули к забастовщикам, давая беспрерывно тревожные свистки.

На дворе мастерских было устроено собрание рабочих, на котором было решено из солидарности к петербургским и московским рабочим примкнуть к забастовке служащих других дорог.

В то же время самими же рабочими были выведены из депо паровозы, составлены поезда, и забастовщики на них поехали снимать с работ рабочих заводов — Брянского, Эзау, Трубопрокатного и всех заводов поселка Амур—Нижнеднепровск; к 5 часам вечера все заводы прекратили работы, и рабочие толпой в несколько тысяч человек собрались на вокзале, где говорились противоправительственные речи и раскидывались прокламации.

К 7 часам вечера на вокзал прибыла рота пехоты, но рабочие еще до ее прихода разошлись по домам.

10-го, часов около 9 утра, на Екатерининском проспекте начали было собираться учащиеся средних учебных заведений, но вскоре рассеялись, и на их место собралась толпа еврейской молодежи, начавшая

[1] ДП, о. о., 1906 г., д. № 7, ч. 34, лл. 1—16.

строить близ угла Кудашевской улицы, напротив городского полицейского управления, баррикаду из ограды бульвара и притащенных с соседних дворов досок. К постройке баррикады приступили мальчики в возрасте от 14—16 лет. Когда уже баррикада была построена, и более получаса агитаторами произносились революционные возмутительные речи, вышла на улицу находившаяся во дворе городской полиции рота пехоты; по ней из толпы было произведено несколько револьверных выстрелов; рота же дала два залпа вверх, и толпа разбежалась, но сейчас же вновь собралась на следующем углу, причем некоторые из присутствовавших начали говорить речи и разбрасывать воззвания. Та же рота пехоты была подведена к этому углу с целью разогнать собравшихся. На просьбы разойтись толпа ответила револьверными выстрелами, бросанием камней и ругательствами. После двух предупредительных залпов был дан залп по толпе, коим несколько человек убито и ранено (около 8). После чего толпа разошлась. В тот же день, около 6 часов утра, рабочие Нижнеднепровских мастерских самовольно составили поезд и в большом числе прибыли на станцию Екатеринослав.

В 9 часов утра большая толпа рабочих собралась на станцию Екатеринослав, среди толпы оказались ораторы, начавшие произносить противоправительственные речи и, несмотря на убеждения и требования бывшего там жандармского унтер-офицера разойтись, этого не исполнили. То же требование было предъявлено толпе находившимся там командиром 2-й роты Бердянского полка, в ответ на что толпа начала ругаться, и в солдат был произведен безвредный револьверный выстрел, после чего один взвод произвел два залпа и пулей ранен в ногу рабочий Федор Попка, и лишь тогда толпа рассеялась.

Под вечер того же числа в районе 4-й части близ тюрьмы на Военной улице собралась значительная толпа еврейской молодежи и начала бросать камни и стрелять из револьверов в находившихся здесь казаков; два казака ранены, ответным залпом убито и ранено несколько демонстрантов, после чего толпа рассеялась.

В то же время в районе 5-й части на Чечелевке собравшаяся толпа евреев при участии заводских рабочих устроила по улицам несколько проволочных заграждений и баррикад, за коими и засели. Подошедшие казаки и пехотная часть были осыпаны градом камней и револьверных выстрелов, затем была брошена из-за забора бомба, каковая упала среди нижних чинов, убив двух и ранив более пятнадцати, убито и ранено также несколько лошадей.

Бушевавшая толпа на станции Нижнеднепровск Екатерининской железной дороги снарядила громадный поезд из вагонов, находившихся в вагонных железнодорожных мастерских, и с красными флагами проехала до станции Илларионово и обратно, а другая часть проехала на паровозе далее на восток. Скопление на этой станции продолжалось весь день и возобновилось 12 октября с утра, когда забастовщиками опять снаряжены были паровозы, на которых они с красными флагами и революционными песнями раскатывали по станции, а в 6 часов вечера поездом из 15 вагонов отправились на восток, чтобы возбудить к восстанию крестьян. Отсутствие на станции войск ободряло тысячную толпу, угрожавшую администрации.

Того же числа остановился находившийся вблизи станции Тритузная

Днепровский металлургический завод, беспорядки в коем угрожали станции Тритузная и Запорожье.

12 октября были получены сведения о намерении фабрично-заводских рабочих ворваться в город, почему часть города с рабочим населением была оцеплена войсками.

Рабочие поселка Амур—Нижнеднепровск пустили поезд полным ходом на Днепропетровский мост, перед коим заблаговременно были сняты рельсы: паровоз опрокинулся, испортив часть моста и загромоздив путь. Вечером толпа еврейской молодежи напала на городового, отняв у него шашку и револьвер.

За последние дни организация революционеров приобрела несколько магазинных винтовок, подобранных после взрыва бомбы 11 октября. Часов около 12 ночи неизвестными лицами были сделаны попытки прервать телефонное сообщение, и два телефонных столба были попорчены взрывами динамитных патронов.

13 октября серьезных столкновений революционной молодежи с войсками не было; местами собирались лишь толпы еврейской молодежи, врывались в дома и магазины, заставляя прекращать торговлю и снимая с работ прислугу; отдельные лица и собиравшиеся толпы производили выстрелы вверх, но при появлении казаков или конных городовых разбегались.

С утра толпа готовилась к похоронам убитых рабочих и евреев, доставленных в еврейскую больницу. Около трех часов дня к еврейской больнице собралась громадная (в несколько тысяч) толпа и к этому же времени туда были доставлены два катафалка, на которых и были положены десять красных гробов, покрытых белой марлей, вымоченной в крови; на гробы были возложены венки с красными лентами и революционными надписями, пели студенты и еврейский хор; участвовавшие в процессии несли длинные красные ленты. Во время следования собирались пожертвования в пользу семейств погибших и на оружие. По доставлении покойников на русское кладбище вся процессия остановилась, были выкинуты красные знамена с революционными надписями «Смерть Николаю II» и другое «Смерть палачам». Произнесено много противоправительственных речей и по зарытии гробов процессия двинулась дальше за город к еврейскому кладбищу, где происходило то же самое, и после похорон толпа запела революционные песни и с криком «ура» направилась к городу, но, увидев заготовленные войсковые части, разошлась. Эта процессия значительно подняла революционное настроение массы.

В течение ночи 13 октября на станции Екатеринослав дозор 3-й роты 133 пехотного Симферопольского полка произвел шесть выстрелов в ответ на револьверные выстрелы злоумышленников. Во втором часу ночи, под то же число, двумя часовыми 1-й роты Бердянского полка, находившимися на путепроводе со стороны Лесопильной улицы, было произведено пять выстрелов в трех лиц, не слушавших предупреждения часовых и, по показанию последних, два раза выстреливших в них.

13 октября бесчинства на станции Нижнеднепровск с прибытием войск немного ослабли, но вечером злоумышленники все-таки успели растопить паровоз и спустить его с рельс.

Того же числа на станции Екатеринослав в железнодорожной больнице умер рабочий екатеринославских мастерских Федор Попка,

19 лет, раненый на сборище в депо 11 октября. Злоумышленники производили в течение дня ряд перестрелок.

14 октября боевое настроение революционного населения продолжалось в прежней степени и даже подогрелось происходившими похоронами одного из умерших от полученной раны демонстранта. Эти похороны прошли при той же обстановке, что и прежние.

16 октября забастовка продолжалась попрежнему, но к вечеру под охраной войск уже работало электричество, и улицы города были освещены.

Настроение рабочих немного упало, и благомыслящая часть начала высказываться против продолжения забастовки. В городе происходило несколько неразогнанных собраний рабочих, на коих агитировали революционеры, подогревая настроение. Еврейское население города держалось вызывающе. В Горном училище состоялся большой митинг, на котором было произнесено много противоправительственных речей.

17 октября забастовка всех заводов, железнодорожных мастерских и управления Екатерининской железной дороги продолжалась. К работам приступили лишь городские рабочие мелких производств. В фабричном районе происходил ряд сходок рабочих, но столкновений с войсками и полицией не было.

18 октября забастовка заводских рабочих продолжалась, но число высказывающихся против продолжения забастовки постепенно увеличивалось. Повсюду в разных частях города происходили беспрепятственные митинги.

19 октября в городском саду происходил многотысячный митинг, собрались в отдельных пунктах сада все существующие местные противоправительственные организации с революционными знаменами. Выступало много ораторов. Везде на столбах был наклеен смертный приговор губернатору и чинам полиции. На бульварах повсюду производился открытый сбор пожертвований на динамит и бомбы для уничтожения губернатора и всей администрации, на гроб Николаю II, а речи ораторов сводились к возбуждению недоверия к высочайшему манифесту и действиям правительства и в большинстве заканчивались призывом требовать казни государя и к вооруженному восстанию.

Вышедшие местные газеты открыто возбуждали революционное население к мести администрации.

20 октября крупнейшие заводы в Екатеринославе приступили к работам. В поселке Амур—Нижнеднепровск продолжалась общая забастовка.

После продолжительной задержки вышли первые поезда.

Забастовали частью городовые и околоточные, курьеры правительственных учреждений и часть пожарных. Под вечер начиналась было патриотическая манифестация, но так как не была хорошо организована, число манифестантов, вышедших с портретом государя и национальными флагами на проспект, было незначительно, а затем подверглась нападению со стороны революционных организаций, и демонстранты рассеялись, но предварительно между ними и революционерами произошла перестрелка.

Затем деятельность революционных групп как бы прекратилась, и лишь в средних числах ноября были получены сведения о брожении среди нижних чинов Феодосийского полка, которое окончилось общей

сходкой нижних чинов 19 ноября, на которой были предъявлены некоторые требования, причем местные революционные элементы, воспользовавшись приподнятым настроением нижних чинов, начали вести преступную пропаганду.

15 ноября началась забастовка телеграфистов, а 17-го — почтово-телеграфных чиновников, но последние 18 ноября забастовку прекратили.

С 28 ноября вновь забастовали все почтово-телеграфные чиновники, присоединившись к общей всероссийской забастовке, причем были случаи отцепки почтовых вагонов на станции Екатеринослав.

6 декабря нижние чины Бердянского полка отказались итти на парад и занимать караулы, причем заявили, что вообще никакой службы нести не будут, но принятыми со стороны начальства полка мерами дальнейшее брожение постепенно затихло.

С первых чисел декабря началось развитие революционного движения на Екатерининской железной дороге, причем революционный элемент окончательно терроризировал разбросанных по станциям жандармских унтер-офицеров. Устраивая открыто революционные митинги, неблагонадежный элемент производил денежные сборы на приобретение оружия и склонял служащих к общей забастовке.

8 декабря, сорганизовавшийся из членов разных преступных организаций, железнодорожный комитет объявил на дороге временное правительство, устранил всех начальствующих лиц и принял управление дорогой в свое ведение.

В это же время началась забастовка на всех заводах и в городе ежедневно устраивались революционные митинги. Руководителем забастовки явился «коалиционный боевой стачечный комитет», состоявший из членов различных местных противоправительственных организаций.

Взяв на себя инициативу революционной программы действий, боевой стачечный комитет ставил себе задачей немедленную организацию народного вооруженного восстания, свержение местной администрации, захват всех правительственных учреждений и эксплоатацию линии железной дороги в свои руки.

Одновременно с занятием революционерами Екатеринославского вокзала был занят также вокзал и станция Нижнеднепровск.

По сформировании коалиционного боевого стачечного комитета одним из первых вопросов был поднят комитетом вопрос по поводу сбора денег на нужды комитета. С этой целью была сформирована комиссия. Параллельно со сбором денег коалиционный стачечный комитет занялся организацией народной боевой дружины, задачей коей ставилось оказание вооруженного сопротивления правительственным войскам, если бы администрация проявила намерение водворить законную власть в рабочих пригородах, захваченных революционерами.

Оперируя исключительно в рабочих пригородах и, из опасения быть задержанными, не появляясь лично в город, члены боевого стачечного комитета имели в городе передаточные квартиры, куда и посылали своих курьеров. Организуя боевую дружину, стачечный комитет вместе с тем озаботился изготовлением значительного количества метательных бомб.

Названный комитет выпустил объявление с требованием повиновения граждан, общественных учреждений, заводов, фабрик, промышленных и торговых заведений и кроме того выпускал особые бюллетени.

В этот период времени в городе царила полнейшая анархия, и полиция совершенно бездействовала по 16 декабря, т. е. до момента объявления гор. Екатеринослава на военном положении.

К этому времени руководители «коалиционного боевого стачечного комитета» и все революционные деятели перебрались из центра города в заводской район, и администрация, не надеясь на военные силы, не решалась туда проникнуть, вследствие чего толпа вооруженных рабочих Брянского завода ворвалась в квартиру пристава Брянской части Сергеева и убила охранявшего квартиру городового Селищева.

С 17 декабря начало замечаться утомление рабочих забастовкой, и мелкие производства приступили к работам; на заводах, хотя забастовка и продолжалась, но подавляющее большинство рабочих было против забастовки, хотя в то же время наблюдались факты вооруженных нападений на полицейских чинов и отобрания у них оружия.

Затем, благодаря введению военного положения, деятельность революционных организаций в городе совершенно прекратилась, и жизнь вошла в обычную колею.

28 декабря рабочий пригород и окрестные заводы были заняты войсками, причем при производстве обыска в одном из погребов взят склад динамита в количестве 18 ящиков и четыре бомбы.

14 января в поселке Нижнеднепровск обнаружено несколько тысяч патронов, три бомбы, динамит и револьверы.

15 января в помещении столовой для рабочих на лесном складе купца Розенберга были арестованы на сходке лучшие силы местной организации социал-демократов.

Крестьянское движение в центральной полосе в 1905 г.

(По материалам Курской, Орловской, Воронежской и Черниговской губерний)

Январские расстрелы 1905 г. в Петербурге пробудили огромные народные массы царской России к активной политической жизни и революционной борьбе. Кровавой чертой они разделили два этапа, друг от друга резко отличающихся, в революционной борьбе пролетариата и всех трудящихся России. После 9 января положение дел в России круто изменилось. «Пролетарская борьба, — писал Ленин, — вызвала большое брожение, частью и революционное движение, в глубинах пятидесяти-стамиллионной крестьянской массы, крестьянское движение нашло отзвук в армии и повело к солдатским восстаниям, к вооруженным столкновениям одной части армии с другою. Таким образом колоссальная страна со 130 миллионами жителей вступила в революцию, таким образом дремлющая Россия превратилась в Россию революционного пролетариата и революционного народа» [1].

Волна массового движения захватила не только пролетарские центры страны, но и огромные массы крестьянства. Несомненно, крестьянское движение 1905 г., вызванное крайним обострением классовой борьбы в самой деревне, вместе с тем явилось отзвуком того огромного движения, которое началось в пролетарских центрах всей России в ответ на расстрелы 9 января 1905 г. в Петербурге. Уже в эти ранние месяцы революции (февраль—март) борьба крестьянства за землю входила составной частью в общую борьбу трудящихся масс, в которой роль гегемона принадлежала городскому пролетариату. Разумеется, что массовые крестьянские выступления в феврале—марте 1905 г., происходившие в Курской, Орловской, Воронежской и Черниговской губ., не являлись исключением. Наоборот, они дают возможность еще резче подчеркнуть эту сторону крестьянского движения начала 1905 г.

Экономическое положение крестьянства Курской, Орловской, Воронежской и Черниговской губ. мало чем отличалось от общего нищенского положения крестьянства России.

Карликовые крестьянские хозяйства и крупнейшие помещичьи латифундии были характерны как для всего землевладения в России, так и для этих районов крестьянских «беспорядков». Следующие данные дают нам представление об общем землевладении в 1905 г. в губерниях центрально-черноземной полосы (см. табл. на стр. 127).

Надельная земля таким образом составляла лишь 57,6% общей земельной площади. Но интересна и другая цифра: из общего количества 6 716 000 десятин частновладельческой земли крестьянам принадлежало лишь 1 517 000 десятин, т. е. 22,4% по отношению к общей площади частновладельческого землевладения

---

[1]) В. И. Ленин. Соч., изд. 3-е, т. XIX, стр. 345.

	В тыс. десят.	%%
Надельной земли	11,059	57,6
Частновладельческой	6,716	34,8
Казны и уделов	1 021,3	5,3
Проч. учреждений	477,9	2,3
Итого	19 274,2	100

и 7,8% к общей земельной площади этих губерний. Между тем в этих же районах тысяча крупных помещиков владели огромными земельными площадями в три миллиона десятин земли.

Эти общие данные о землевладении в центрально-черноземной полосе еще больше уточняются отдельными данными об экономическом положении отдельных сел и деревень, расположенных в районах крестьянских выступлений[1]):

Название сел и деревень	Число дворов	Число домохозяев	Число жителей обоего пола	Количество надельной земли	В среднем на душу
Ольховская вол., Дмитриевского уезда, Курской губ.					
Дер. Михалевка	50	50	300 ч.	238 д.	0,89 д.
» Куренка	119	119	852 »	787 »	0,92 »
Село Сучкино	89	89	584 »	525 »	0,9 »
Сковородневская вол., Дмитриевского уезда, Курской губ.					
Село 2-е Кожановское	61	62	409 ч.	275 д.	0,65 д.
» 1-е Матвеевское	28	31	204 »	149 »	0,73 »
Успенская вол., Бирюченского уезда, Воронежской губ.					
Слоб. Шеншиновка	91	91	731 ч.	600 д.	0,82 д.
Долбенкинская вол., Дмитровского уезда, Орловской губ.					
Село Долбенкино	172	172	1 098 ч.	837 д.	0,76 д.
Дер. Трубачина	96	96	649 »	462 »	0,71 »
Село Харламово	133	133	958 »	756 »	0,79 »

По официальным сведениям, в среднем приходилось «на душу» от 0,7 до 0,9 десятины земли. На каждый крестьянский двор приходилось в среднем по 4 десятины земли, в том числе и под усадьбу. Следовательно, пахотной земли приходилось на двор не более 3,5 десятины. И если отсюда вычесть одну треть земли, которая остается без обработки при трехпольной системе земледелия, то под посев в действительности приходилось до 2¼ десятин земли на крестьянский двор, — таков был нищенский надел крестьянского двора в богатейших землями районах крестьянских выступлений центрально-черноземной полосы в 1905 г.

А рядом с карликовыми крестьянскими хозяйствами находились крупнейшие помещичьи латифундии. Имение Орловых-Давыдовых в Бобровском уезде, Воронежской губ., занимало 25 000 десятин. Имение вел. кн. Сергея Александровича в Долбенкинской волости, Дмитровского уезда, Орловской губ. — 18 000 десятин. Имение вдовы ген.-майора О. А. Шауфус в Гламаздинской волости, Дмитриевского уезда, Курской губ., имело 3 179 десятин, там же имение П. П. Волкова — 2 020 десятин земли. Бароны Мейендорфы владели землей в Прилепповской волости, Дмитриевского уезда, Курской губ.: в с. Прилепах — 1 643 десятины, в

1) ЛОЦИА. Архив внутр. политики, культуры и быта, ф. земского отдела мин. внутр. дел, 1905 г., д. № 34, ч. 1, лл. 229, 232, 237, 240.

с. Дубовицах — 2 400 десятин, в дер. Добром Поле — 1 035 десятин и т. д. [1]).

Классовые противоречия и их обострение, рост нищеты на одном полюсе и накопление богатства на другом резко выступали в этих районах центрально-черноземной полосы.

Нищенское положение крестьянства отягчалось еще и тем, что в силу огромного земельного голода арендные цены все повышались и повышались. Помещики сдавали землю в аренду не крестьянам, а крупным арендаторам. Крестьяне таким образом были поставлены в необходимость арендовать землю не непосредственно у помещиков, а у посредников-арендаторов, а при этом и без того высокие арендные цены вырастали в несколько раз. Так, например, в Бобровском уезде, Воронежской губ. помещики Орловы-Давыдовы сдавали свою землю в аренду купцам по 5 р. 50 к. за десятину. Последние сдавали крестьянам по 25 руб. за десятину [2]).

Нередко сроки арендных платежей устанавливались таким образом, что значительную их часть крестьяне были вынуждены платить весною (март—апрель), а не во время сбора хлебов. Так, например, в Павловском уезде, Воронежской губ. купец Ф. Петров, повысив арендную плату за десятину до 16 руб., требовал от крестьян уплаты к марту по 6 р. за десятину. И приходилось продавать последний домашний скарб, чтобы заплатить во-время арендную плату [3]).

Валовой доход крестьянской семьи, получаемый от надельной земли, составлял в среднем 75—80 рублей в год. Эта сумма покрывала лишь незначительную часть ее нищенского бюджета. Остальное приходилось пополнять заработками от отхожих промыслов.

Между тем заработная плата сельскохозяйственных рабочих в этих районах была весьма низкая. Вот данные о заработной плате сельскохозяйственных рабочих по Дмитриевскому уезду Курской губ. [4]):

З а р а б. п л а т а в д е н ь. (Н а с в о и х х а р ч а х).

Рабочему — 25 коп., работнице — 20 коп., косцу — 60 коп., жнице — 40 коп.

Летом: рабочему — 4 руб., работнице — 3 руб. Зимой: рабочему — 3 руб., работнице—2 руб. (помесячно). З а л е т о: сроковые рабочие: рабочему—30 руб., работнице — 20 руб.

Годовые рабочие: рабочему — 43 р., работнице — 31 р.

Низкая заработная плата сельскохозяйственных рабочих и невозможность, даже при этих низких ценах, применить свою рабочую силу, вследствие большого предложения рабочих рук, создали в этих районах, особенно в Курской губ., значительные кадры рабочих: каменщиков, плотников, рудокопов и др., постоянно уходивших на заработки в Екатеринослав, Одессу, Кишинев, юзовские шахты и т. д. Их на родине называли «шахтерами», «одесситами» и т. п. Уходила, разумеется, в первую очередь деревенская беднота. Так, например, по данным статистика Ф. И. Щербины, в Воронежской губ. бедняцкие хозяйства (безземельные и имевшие до 5 дес. земли на двор) отпускали на заработки от 68,2 до 85,5% своих трудоспособных работников [5]). Так образовались в этих районах большие кадры бедноты, кровно связанной с промышленностью и рабочим классом постоянной работой на фабриках, заводах, в рудниках.

В городе они принадлежали к тем категориям рабочих, которые в большей или меньшей степени связаны с деревней — к отсталой части рабочего класса.

---

[1]) ЛОЦИА, Архив внутр. политики, культуры и быта, ф. земского отдела мин. внутр. дел, 1905 г., д. № 34а, ч. 1, лл. 228—239.

[2]) Там же, 1905 г., д. № 4-а, л. 107.

[3]) Там же, 1905 г., лл. 103—104.

[4]) Там же, 1905 г., д. № 34-а, ч. II, л. 193.

[5]) В. Алексеев, Революционное движение в ЦЧО, Воронеж, 1930 г., ч. 1, стр. 109.

Зато в деревне они уже являлись передовыми людьми. В городе они видели сплоченную борьбу десятков тысяч пролетариев и, вернувшись в деревню, они уже не могли покорно переносить издевательства помещика, управителя, стражника и т. д. Подвергаясь фабричной переработке, они постепенно изживали ограниченность мелкого товаропроизводителя, порожденную разобщенностью крестьянского хозяйства, «идиотизмом деревенской жизни», который столетиями культивировали самодержавие и весь феодально-крепостнический строй России.

В прошлом безземельный крестьянин, или полупролетарий с наделом, вчерашний шахтер, каменщик, плотник, сегодня опять безземельный крестьянин, вернувшись в деревню, становился организующей силой среди крестьянства. Он приносил в деревню опыт пролетарской борьбы, он связывал борьбу крестьянства за землю с общей борьбой пролетариата.

«Слово «забастовщик», — писал Ленин, — приобрело у крестьян совершенно новое значение: оно обозначало что-то вроде бунтовщика, революционера, что раньше выражалось словом «студент». Но поскольку «студент» принадлежал к среднему сословию, к «ученым», к «господам», он был чужд народу. Наоборот, «забастовщик» сам выше лиз народа, сам принадлежал к числу эксплуатируемых; будучи выслан из Петербурга, он очень часто возвращался в деревню и рассказывал своим деревенским товарищам о пожаре, который охватывал города и должен был уничтожить как капиталистов, так и дворян. В русской деревне появился новый тип — сознательный молодой крестьянин. Он общался с «забастовщиками», он читал газеты, он рассказывал крестьянам о событиях в городах, он разъяснял деревенским товарищам значение политических требований, он призывал их к борьбе против крупных землевладельцев-дворян, против попов и чиновников.

Крестьяне собирались группами, обсуждали свое положение и мало-по-малу втягивались в борьбу: толпами шли они против крупных землевладельцев, жгли их дворцы и усадьбы или отбирали их запасы, захватывали хлеб и другие жизненные припасы, убивали полицейских, требовали передачи народу земли громадных дворянских поместий» [1]).

Крестьянское движение начала 1905 г. в этих губерниях (Курская, Орловская, Воронежская и Черниговская) является яркой иллюстрацией к только-что приведенному положению Владимира Ильича.

В Дмитриевском уезде, Курской губ., имелись целые деревни (Сальное, Ветвь, Гламаздино), откуда, кроме стариков и детей, все мужское население уходило на заработки.

«Отсюда идут, — писал царский чиновник Я. Я. Литвинов, — плотники, каменщики, рудокопы в крупные центры, как Одесса, Екатеринослав, Кишинев и т. д. Юзовские шахты и все Черноморье от Одессы чуть ли не до Батума служит местом работ здешних крестьян, которые потом у себя на родине слывут под названием «шахтеров», «одесситов».

Все эти отхожие рабочие легко воспринимают отрицательные стороны городской и фабричной жизни, подпадают под влияние широко распространенной в этих местах революционно-социалистической пропаганды и являются вольными и невольными участниками всяческих беспорядков и забастовок, которые за последние годы хронически вспыхивают в южных губерниях» [2]).

Они приносили в деревню социалистические идеи, пролетарскую организованность и горячий призыв к борьбе. Они являлись носителями новой культуры, пропагандистами атеизма и т. д.

---

[1]) В. И. Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XIX, стр. 349.
[2]) Земский отдел мин. внутр. дел, 1905 г., д. № 34-б, л. 162.

«Под влиянием фабричной жизни, — писал тот же чиновник, — в некоторых деревнях (Гламаздино) Дмитриевского уезда, принимавших участие в беспорядках, развивался и достиг, как это видно из данных следственной власти, чрезвычайных размеров атеизм с политической окраской; например, выяснено, что один из привлеченных к следствию кощунственно бил палкой иконы, заявляя, что это — главные «супостаты» крестьян» [1]).

К их голосу прислушивались в деревне, они там пользовались известным весом и авторитетом. Царский чиновник в своей докладной записке пишет: «Характерно в этом отношении поведение крестьянина Петра Кузмичева (арестованного ныне за подстрекательство), который с нетерпением всегда ожидал появления у себя в деревне (с. Сальном) возвращающегося с заработков рабочего, зазывал его к себе и подолгу расспрашивал, что происходит в тех местностях, откуда он вернулся. Два сына Кузмичева, побывшие сами на юге, действовали в этом же направлении» [2]).

Так складывались в самой деревне группы сознательных крестьян, помогавших распространению среди широких крестьянских масс социал-демократических идей, аграрной программы большевизма.

«В некоторых селах, — продолжает тот же автор, — появились из среды самого крестьянства более деятельные агитаторы, и в этом отношении особого внимания заслуживает крестьянин села Ветви Оводов. Названный крестьянин в молодости ходил в отхожие промыслы, шесть лет прожил в Одессе, слушал лекции в существующем там так называемом народном университете. Будучи от природы неглупым человеком, Оводов пристрастился к политико-экономическим наукам и мало-по-малу из него выработался убежденный социал-демократ» [3]).

Бывший одесский рабочий Оводов, вернувшись в деревню, занялся революционной пропагандой среди крестьян. Он собирал нелегальные крестьянские сходы, на которых бывало до 800 человек. Он призывал их к борьбе с самодержавием, к захвату помещичьих земель. Кроме таких многолюдных сходов, он собирал небольшие нелегальные собрания по отдельным деревням. Это — яркий пример того, как союз пролетариата с крестьянством под гегемонией пролетариата осуществлялся в реальной действительности, в величайших классовых схватках первой русской революции.

Владимир Ильич в спорах с эсерами, утверждавшими, что союз пролетариата и крестьянства существовал «лишь в идее», писал:

«Это — насквозь путаная и лживая фраза. Союз сил пролетариата и крестьянства не «в идее существовал» и не «едва начал воплощаться в жизни», а характеризовал весь первый период русской революции, все крупные события 1905—1907 годов... Этот союз был стихиен, неоформлен, часто несознан. Эти силы были неорганизованы достаточно, были раздроблены, были лишены действительно руководящего центрального руководства и т. д., но факт «союза сил» пролетариата и крестьянства, как главных сил, проломивших брешь в старом самодержавии, бесспорен. Не поняв этого роста, нельзя ничего понять в «итогах» русской революции» [4]).

Острое малоземелье, нищенское экономическое положение, земельный голод при наличии крупнейших земельных богатств, да плюс к этому организующее пролетарское влияние не могли не придать огромный размах начавшемуся движению. В разгромах помещичьих имений в феврале—марте 1905 года участво-

---

1) Земский отдел мин. внутр. дел, 1905 г., д. № 34-б, л. 163.
2) Там же.
3) Там же.
4) В. И. Ленин. Соч., изд. 3-е, т. XIV, стр. 15—16.

вало в Курской, Орловской, Воронежской и Черниговской губерниях 116 сел и деревень всем составом населения. По отдельным уездам: в Дмитриевском уезде Курской губ. участвовало 65 селений, в Севском уезде Орловской губ. — 16 селений, Дмитровском уезде — 7 селений, в Трубчевском уезде — 9 селений, в Бирюченском уезде Воронежской губ. — 3 селения и в Глуховском уезде Черниговской губ. — 16 селений [1]).

Еще более яркую картину размаха движения рисуют данные о количестве участников разгромов. По Дмитриевскому уезду Курской губ. в разгроме помещичьих имений участвовало до 9 720 человек [2]): в Севском уезде Орловской губ. — до 3 020 человек [3]); в Бирюченском уезде Воронежской губ. — до 4 000 человек [4]); в Глуховском уезде Черниговской губ. — до 4 000 человек [5]).

И эти данные свидетельствуют о том, что наибольшего размаха движение достигло в Дмитриевском уезде Курской губернии, где наиболее сильны и многочисленны были слои пролетаризировавшейся части крестьянства.

В движение была втянута вся масса крестьянства вплоть до глубоких стариков. Так, например, в Дмитриевском уезде Курской губернии были арестованы за участие в разгроме помещичьих имений: Данскин, Михаил Васильевич — 80 лет Березников, Козьма Степанович — 75 лет, Ходыкин, Матвей Егорович — 75 лет, Лобов, Алексей Егорович — 70 лет, Перелыгин, Степан Иванович — 70 лет и т. д. [6]).

Вообще данные о возрастном составе активных участников движения представляют несомненный интерес:

Активные участники крестьянского движения Дмитриевского уезда, Курской губ. по возрастному составу [7]):

	До 20 лет	20 — 30	30 — 40	40 — 50	50 — 60	60 и выше	Итого
Количество . . .	43 чел.	125 чел.	107 чел.	74 чел.	35 чел.	16 чел.	400 чел.
%	10,7	31,3	26,7	18,5	8,8	4	100

Основной массой активных участников движения являлись крестьяне в возрасте от 20 до 40 лет. Они составляли 58% по отношению к общему количеству арестованных в Дмитриевском уезде Курской губернии.

Громили помещичьи экономии целыми селами и деревнями, «скопом», как об этом гласят официальные рапорты и донесения. Еще с вечера готовились в поход. Запрягали лошадей, собирались и обсуждали, куда итти. Сигнал к выступлению подавался руководителями.

Вот как об этом пишет Я. Литвинов: «В каждом селении крестьяне с вечера запрягали лошадей и ждали сигнала, который подавался им грабителями в виде пука зажженной соломы. Тогда село на подводах с криком и шумом и ружейными выстрелами бросалось в ближайшую экономию» [8]).

---

[1]) Земский отдел мин. внутр. дел, 1905 г., д. № 34-а.
[2]) Там же, лл. 163—165.
[3]) Там же, лл. 177—178.
[4]) Там же, л. 175.
[5]) Там же, л. 170.
[6]) Там же, д. № 34-а, ч. II, лл. 83—105.
[7]) Таблица составлена нами по данным об арестованных «за участие в беспорядках и грабежах в Дмитриевском уезде Курской губ.» (Земский отдел мин. внутр. дел, 1905 г., д. № 34-а, ч. II, лл. 72—81.
[8]) Земский отдел мин. внутр. дел, 1905 г., д. № 34-б, л. 168.

За февраль—март 1905 года в этих губерниях было разгромлено: в Дмитриевском уезде Курской губ. — 21 имение, в Севском уезде Орловской губ. — 9 имений, в Дмитровском уезде — 1 имение, в Трубчевском уезде — 7 имений, в Бирюченском уезде Воронежской губ. — 1 имение и в Глуховском уезде Черниговской губ. — 1 имение. Всего было разгромлено 40 имений [1]).

Приведенные данные свидетельствуют об огромном размахе движения в начале 1905 г. в Курской, Орловской, Воронежской и Черниговской губ. Из деревни в деревню, из уезда в уезд, из губернии в губернию перекатывалась волна массового крестьянского восстания. Начавшись в Дмитриевском уезде, Курской губ., движение молниеносно перебросилось в ближайшие уезды соседней Орловской губ., оттуда в Воронежскую и Черниговскую губ. Наибольшего размаха движение достигло там, где наиболее сильна и многочисленна была пролетаризировавшаяся часть крестьянства. Это еще и еще раз свидетельствует о том, что силу движению придавали сельскохозяйственные рабочие и пролетаризировавшаяся часть крестьянства, и что самое крестьянское движение входило составной частью в общую революционную борьбу трудящихся масс, возглавляемую рабочим классом.

Огромную роль в организации движения, в пробуждении крестьянских масс к активной политической жизни и политической борьбе сыграла революционная пропаганда городских большевистских организаций. Они наводнили деревню прокламациями, литературой и т. д. Царский чиновник Я. Литвинов был вынужден признать, что усилению крестьянского движения «особенно способствовала усилившаяся пропаганда извне, прямо наводнившая губернию прокламациями; по заявлению местных земских начальников в волостных правлениях прокламации самого возмутительного содержания получались и ныне получаются с каждой почтой целыми пачками. Эти прокламации в некоторых селах охотно принимались и распространялись далее самими крестьянами» [2]).

Влияние пролетаризировавшейся части крестьянства, действовавшей в значительной степени под руководством большевистских организаций городов, не могло не сказаться на характере движения.

В стихийную борьбу десятков тысяч обнищавших и обездоленных, бывших еще до вчерашнего дня покорными рабами, а сегодня поднявшихся для смертельной борьбы со своими извечными врагами, были внесены элементы пролетарской организованности и дисциплины.

Даже правительственные сановники признавали за крестьянским движением этих районов «беспорядков» некую частицу организованности и дисциплины. Так, например, тайный советник И. А. Звегинцев, писал: «Беспорядки производились, повидимому, по заранее выработанному плану совершенно одинаково при всех погромах. Крестьяне, иногда несколько деревень, собирались в определенное место на подводах по данному или выстрелом из ружья или зажженной соломой сигналу и затем, большей частью уже ночью, выезжали на намеченную усадьбу, где и производили разгром, не затрагивая никого из жителей и иногда не расхищая даже имущества, а только стараясь совершенно его истребить, или сделать по возможности негодным. В числе грабивших часто можно было заметить лиц, как бы всеми распоряжавшихся» [3]).

По этому вопросу Ленин применительно к осенним выступлениям крестьянства писал:

«Крестьянское движение осенью 1905 года достигло еще больших размеров. Больше трети уездов во всей стране было тогда охвачено «крестьянскими беспорядками» и настоящими крестьянскими восстаниями. Крестьяне сожгли до

---

[1]) Земский отдел мин. внутр. дел, 1905 г., д. № 34-а, ч. I, л. 246.
[2]) Там же, 1905 г., д. № 34-б, л. 163.
[3]) Там же, 1905 г., д. № 116, л. 8.

2 тысяч усадеб и распределили между собой жизненные средства, награбленные дворянскими хищниками у народа.

К сожалению, эта работа была слишком мало основательна! К сожалению, крестьяне уничтожили тогда только пятнадцатую долю общего количества дворянских усадеб, только пятнадцатую часть того, что они *должны* были уничтожить, чтобы до конца стереть с лица русской земли позор феодального крупного землевладения» [1]).

Вместе с тем в этом массовом движении, протекавшем под руководством пролетариата, *мы наблюдаем массу черт, характерных для стихийного крестьянского движения*. Так например, движение маскировалось лозунгом: «царь приказал отобрать землю от помещиков». Причем тут же при разгромах крестьяне указывали, что сейчас, мол, время очень подходящее, чтобы уничтожить помещичье землевладение, так как все войско находится на Дальнем Востоке и защищать помещиков некому, если бы даже действия крестьян оказались незаконными.

«Нередко, — пишет Я. Литвинов, — крестьяне действия свои оправдывали, будто бы, царским повелением, но чрезмерная наивность, с какою крестьяне верили слухам о такой царской воле и засим раскаивались в своих поступках, повидимому, приводит к заключению, что сами крестьяне не придавали им серьезного значения и лишь прикрывались ими» [2]).

Громя помещичьи имения, крестьяне уничтожали долговые записи, конторские книги, документы, прогоняли управителей и приказчиков и т. д., очевидно, предполагая, что этим они освобождают себя от каких бы то ни было обязательств по отношению к помещикам и помещичьему государству. Иллюзии мелкого товаропроизводителя боролись с организующим пролетарским влиянием. Но все это ни на йоту не уменьшает значение крестьянских выступлений начала 1905 г. в этих губерниях, превратившихся в доподлинную крестьянскую революцию под руководством пролетариата.

Продолжавшееся больше месяца крестьянское восстание было подавлено. Для подавления движения потребовались значительные военные силы. Жестоко мстило помещичье государство за разгром барских гнезд. Массовыми арестами, телесными наказаниями и т. п. ответило самодержавие на крестьянский «бунт».

В разгроме помещичьих имений были признаны виновными: по Дмитриевскому уезду Курской губ. — 1 368 человек, по Севскому уезду Орловской губ. — 881 человек, по Трубчевскому уезду — 416 человек, по Дмитровскому уезду — 144 человека, по Бирюченскому уезду Воронежской губ. — 308 человек и по Глуховскому уезду Черниговской губ. — 1 000 человек. Всего по этим 4 губерниям было признано виновными в разгроме помещичьих имений 4 117 человек [3]).

Движение было подавлено. Сотни активных участников крестьянских выступлений были «изъяты» из деревни. Кровавые раны от полицейских плетей еще долго сочились кровью. Но успокоения не наступило.

Сразу же после подавления восстания курский губернатор возбудил ходатайство перед министром внутренних дел об оставлении в пределах губернии войск, присланных для подавления крестьянских «беспорядков».

«О необходимости оставления расквартированных кавалерийских частей в губернии, — писал курский губернатор министру внутренних дел, — мною сообщено командующему войсками Киевского военного округа и представлено ему ходатайство о командировании на постоянное пребывание в Курской губернии не

---

[1]) В. И. Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XIX, стр. 353—354.
[2]) Земский отдел мин. внутр. дел, 1905 г., д. № 34-б.
[3]) Там же, 1905 г., д. № 34-б, л. 160.

менее одного полка драгун или казаков. Наличность такой кавалерийской части представляется, по моему мнению, единственным обеспечением против беспорядков» [1]).

Прошло лишь несколько месяцев, и крестьянство этих губерний вновь поднялось. Это было еще более грандиозное массовое движение сотен тысяч тружеников деревни за землю, хлеб и свободу.

В потоках крови были подавлены и эти выступления крестьянства. «Не тяжелые уроки — писал Ленин, — не пропадут даром. Русский народ не тот, что был до 1905 года. Пролетариат обучил его борьбе. Пролетариат приведет его к победе» [2]). И победа осуществилась в гигантской борьбе миллионов, в жесточайших классовых боях под руководством большевистской партии и ее вождей Ленина и Сталина в великие Октябрьские дни 1917 года.

***

Публикуемые нами материалы являются извлечением из многотомного дела о крестьянских выступлениях февраля—марта 1905 г. в Курской, Орловской, Воронежской и Черниговской губерниях. Они хранятся в фонде земского отдела министерства внутр. дел (Архив внутр. политики, культуры и быта Ленинградского отделения Центрального исторического архива).

М. Лурье.

Докладная записка т. сов. И. А. Звегинцева [1] министру внутренних дел о крестьянских волнениях в Курской, Орловской и Черниговской губерниях от 14 марта 1905 г. *).

КУРСКАЯ ГУБЕРНИЯ

Дмитриевский уезд

Происшедшие в феврале и марте текущего года крестьянские волнения, охватившие отчасти район трех губерний, начались в Дмитриевском уезде, Курской губернии, в местности значительно отдаленной от железных дорог, и выразились в массовой порубке в ночь на 6 февраля крестьянами села Сального [2]), произведенной в лесу близлежащего хутора купца Попова. Несмотря на значительность этой порубки, а именно было увезено 415 деревьев, таковая не возбудила опасений местного начальства, и серьезность случившегося обратила на себя внимание лишь после того, как теми же крестьянами 8 и 10 февраля **) было оказано сопротивление явившимся для розыска лесу уряднику и стражнику, а затем и нанесено оскорбление действием приехавшему с той же целью становому приставу. Тогда только о происшедшем было доведено до сведения губернатора местным участковым товарищем прокурора окружного суда ***), следствием чего были потребованы гу-

---

[1]) Земский отдел мин. внутр. дел, 1905 г., д. № 34-а, ч. II, л. 34.

[2]) В. И. Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XIV, стр. 373.

*) Земский отдел мин. внутр. дел, 1905 г., д. № 116, лл. 6—15, печатается по копии.

**) На полях помета министра внутренних дел: «4 дня исправник ничего не делал».

***) Против этого помета министра внутренних дел: «Совершенно ненормально, что губернатор узнал от товарища прокурора, а не от полиции».

бернатором из г. Москвы и Курска войска и командирован на место происшествия вице-губернатор. До прибытия сего последнего и войск крестьянские беспорядки с поразительной быстротой приняли большие размеры и широко разлились почти по всему пространству уезда, перейдя затем в соседнюю Орловскую губернию. Через пять дней после оказанного выше сопротивления властям крестьянами была разграблена экономия купца Черничина, сожжены два кирпичных сарая экономии баронов Мейендорф при селе Прилепах и сделана у них же в лесу урочища Лески порубка.

Затем произведены нападения: в ночь на 17 февраля — на Ярославский хутор Прилепской экономии тех же баронов Мейендорф с разграблением овса и разного экономического имущества, и сожжены в той же экономии при селе Дубовицах ометы овсяной и гречневой соломы; в ночь на 18 февраля — на экономию землевладелицы дворянки Мейер, с разграблением хлеба и экономического имущества; днем того же 18 февраля — на Дмитриевский хутор Хомутовской экономии вдовы генерал-майора Шауфус, с разграблением хлеба и имущества; в ночь на 19 февраля — а) на экономию баронов Мейендорф при селе Дубовицах, с разграблением хлебных запасов и имущества, б) на экономию дворянина Александра Васильевича Мытаревского при селе Романове, в) на Калиновский хутор вдовы генерал-майора Шауфус — разграблен разный хлеб и имущество; днем 19 февраля — на Елизаветовский хутор той же землевладелицы Шауфус, с разграблением экономического овса; в ночь на 20 февраля — а) на мануфактурную лавку крестьянина Михаила Андреева Кондукова при селе Романове, б) на дом и постройки священника села Романова — Воинова, в) на постройки дворянина Василия Михайловича Щеголева при селе Романове, причем побиты в доме окна и двери, а также разбита кухня, г) на экономию землевладельца статского советника Волкова при селе Гламаздине, причем сожжен дом владельца и винокуренный завод; в ту же ночь разграблен хутор Мокренький, того же владельца, и сожжена рига; в ночь на 21 февраля сожжены все постройки в Гламаздинской экономии, того же владельца, и сожжены постройки в хуторе Мокреньком, и д) на экономию барона Феофила Егоровича Мейендорфа при деревне Добром Поле, — ограблены разный хлеб и имущество; 20 февраля днем—а) на Алексеевский хутор Хомутовской экономии вдовы генерал-майора Шауфус: б) на экономию той же Шауфус при селе Хомутовке, с разграблением разного хлеба и имущества; в) на экономию дворянина Дмитрия Никифоровича Лазаревича при селе Романове, арендуемую крестьянином Василием Тимофеевым Васюковым,— ограблены рожь, овес и ячмень; г) на казенную винную лавку с двором, принадлежащим землевладельцу Волкову; д) на экономию дворянки Анны Павловны Щербаковой в селе Гламаздине, причем разграблен хлеб и разное хозяйственное имущество, а также сожжены постройки и е) на экономию землевладельца Михаила Афанасьевича Васильченко при селе Сучкине, разграблены хлеб и имущество и сожжен дом владельца; в ночь на 21 февраля — на экономию дворянки Софии Ивановны Спаковской при деревне Богословке; 21 февраля утром*) — на экономию наследников дворянки Сагаревой при селе Сучкине, с

*) На полях помета министра внутренних дел: «Итого, значит, 16 дней ничего не сделано для прекращения беспорядков».

разграблением хлеба и разного имущества и сожжены экономические хаты и двор. Независимо от сего 22 февраля днем крестьянами сожжены сарай и контора на лесном хуторе вышеназванной землевладелицы Шауфус.

После совершения описанных погромов часть участвовавших в них крестьян перешла в Севский уезд, Орловской губернии.

Прибывшие затем войска — пешие и конные части — были распределены вице-губернатором по более опасным местам [3]), причем отдельные отряды войск отправлялись в волнующиеся села для демонстраций. Затем было предъявлено принимавшим участие в разгроме селам требование возвратить похищенное, причем двое оказавших особое упорство крестьян было подвергнуто телесному наказанию, после чего крестьяне подчинились, оказалось возможным приступить к обыскам и арестам, и беспорядки в Курской губернии прекратились.

Характер беспорядков. Беспорядки производились, повидимому, по заранее выработанному плану совершенно одинаково при всех погромах. Крестьяне, иногда нескольких деревень, собирались в определенное место на подводах по данному или выстрелом из ружья или зажженной соломой сигналу и затем, большей частью уже ночью, наезжали на намеченную усадьбу, где и производили разгром, не затрогивая никого из жителей и иногда не расхищая даже имущества, а только стараясь совершенно его истребить или сделать по возможности негодным. В числе грабивших часто можно было заметить лиц, как бы всеми распоряжавшихся, и были деревни не проявлявшие никаких враждебных отношений к соседним усадьбам до появления подстрекателей. Те или другие отношения к помещикам не играли роли, и можно было только заметить, что большей частью подвергались нападению те усадьбы, в коих владельцы не проживали или отсутствовали в данное время. Предварительным же следствием ныне установлено, что перед погромами устройство таковых обсуждалось на сходах, причем из среды крестьян выбирались распорядители по 8 человек от общества. Брожение, по словам землевладельцев Дмитриевского уезда, возникло среди крестьян уже давно *), и виновниками его, повидимому, были крестьяне, отправлявшиеся на заработки в Одессу, Ростов-на-Дону и Ялту, где они знакомились с революционной пропагандой. В особенности много было таких крестьян в вышеназванных селах Сальном и Гламаздине. В первом из них во время беспорядков были найдены наклеенными на столбах две прокламации возмутительного содержания, причем, когда полиция их срывала, крестьяне пытались оказать противодействие, говоря, что трогать их не надо, потому что это — «правильный закон».

ОРЛОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

Севский уезд.

Затем беспорядки переходят в Севский уезд, Орловской губернии. В ночь на 19 февраля крестьяне разграбляют имение Погребы, барона Мейендорфа, и в ту же ночь с полей имения Подлинева Поздышевки увозят два стога сена. 19 февраля управляющий губернией по телеграфу вызвал из г. Брянска на место погрома две роты пехоты, но на-

*) На полях помета: «А власти спали».

чальником брянского гарнизона была отправлена только одна и, несмотря на указание в требовании о высылке ее через ст. Комаричи в распоряжение севского исправника к месту беспорядков, командир роты, дойдя до Комаричей, заявил *), что он получил приказание довести ее только до этой станции и дальше не пойдет. Это обстоятельство потребовало вторичного сношения с брянскими военными властями, и в течение этого времени крестьяне произвели разгром названной выше Позднышевки и Георгиевского хутора землевладельца Петровского.

В ночь на 22 числе погромы продолжаются. Разграбляются хутор Линтварево, дд. Бордоковка и Бобылевка, винный завод и имение Хинель Терещенко. В последнем были сожжены все склады, несколько жилых строений, скотный двор, скот и громадные стога клеверной соломы, имущество же расхищено.

Между тем вызванные из Брянска и Орла войска пришли в Севский уезд и были распределены в северной части по большим экономиям для предупреждения возможности их разграбления. Прибывший же из Москвы эскадрон Сумского полка был направлен в Хинель Затем вице-губернатором было предъявлено участвовавшим в грабежах крестьянам требование возвращать похищенное, чему большинство подчинялось; кроме того, были произведены повальные обыски, давшие также значительные результаты.

Беспорядки однако не прекратились, и ночью 22 февраля были расхищены хлебные запасы экономии генерал-майора Бобылева, а следующей ночью разграблены хлебные запасы двух экономий Зайцевых при селе Доброводке. В Витической волости в ночь на 24 сожжен оставшийся целым после погрома Хинельский водочный завод, и только с прибытием еще двух эскадронов Сумского полка в Севском уезде наступило успокоение *).

Дмитровский уезд.

28 февраля была разграблена и сожжена днем экономия его высочества великого князя Сергея Александровича, находящаяся в селе Долбенкине, Лобаново тож, Дмитровского уезда. Еще в ночь под этот день лобановские крестьяне, собравшись около 100 человек, в крайне возбужденном состоянии явились в экономию и предъявили управляющему егермейстеру А. Н. Филатьеву ряд требований, грозя, в случае отказа исполнить их, разнести заводы и всю экономию. Требования эти, главным образом, заключались в повышении заработной платы, удалении некоторых нежелательных для крестьян служащих, в раздаче им из запасов экономии хлеба под работы по цене не выше 75 коп. и в отмене штрафов, каковые широко практиковались в экономии и составляли для последней даже особую доходную статью. Филатьев, видя возбужденное состояние явившихся к нему крестьян и желая выиграть время, обещал исполнить все их требования и в знак примирения с ними приказал выдать им из склада ректификационного завода два ведра спирта. Крестьяне, получив последний, ушли к себе в деревню, где затем пьянствовали всю ночь. В то же время об угрозах крестьян разгромить экономию и завод Филатьевым была

*) На полях помета: «Надо выяснить причину».

послана телеграмма орловскому губернатору, который в это время был в г. Севске. На другой день, 28 февраля, около 11 часов утра, те же крестьяне, к которым присоединились уже многие из ближайших деревень: Погарища, Трубичиной, Фиризевой, Студенка и Харланова, громадной толпой с шумом и криком вновь двинулись к экономии. Филатьев, в сопровождении долбенкинского волостного старшины Сидорова, вышел навстречу к крестьянам и начал их успокаивать, обещая вновь им исполнить все их требования. И на этот раз Филатьеву удалось уговорить крестьян, и они, получив от него два ведра водки, пошли пить ее к дому местного торговца Орлова, куда с ними по их приглашению пошел и Филатьев. Здесь крестьяне пили за упокой души великого князя, за здоровье государя императора и Филатьева, последний пил за их здоровье, и они, крича «ура», качали его. Филатьев, видя, что дело приняло совершенно мирный оборот, оставил крестьян допивать водку и отправился к себе в усадьбу. В это время в Лобаново из окрестных деревень все более и более стекалось крестьян, и некоторые из них, как, например, харлановские, приезжали на подводах с веретьями, рассчитывая, что погром экономии уже начался и они могут свободно грабить добро экономии. Эти-то прибывшие из других деревень крестьяне возбудили успокоившуюся было после разговора с Филатьевым пьяную толпу лобановских и других крестьян, и все они, сперва разгромив лавку и дом торговца Орлова, с которым у них были свои счеты, громадной толпой, более 300 человек, бросились в экономию и заводы и начали там все бить, ломать, а затем жечь. Выбежавший из своего дома Филатьев пытался было их остановить, но один из крестьян дер. Погарища Евдоким Гернов*) ударил его колом по голове, и он упал, потеряв сознание, а после был отведен одним из служащих экономии в парк, а оттуда на лошади отправлен в г. Дмитровск. То же случилось и с помощником уездного исправника Филипповым, который, только что перед тем прибыв из Дмитровска, пытался с тремя урядниками и стражником остановить начавшиеся беспорядки. Ему крестьянином дер. Погарища Павлом Колосовым был нанесен также удар в голову.

Всего сожжено и разграблено 14 зданий: 1) дом, где жил управляющий Филатьев, 2) контора, 3) винокуренный завод, 4) конюшня, 5) помещение для рабочих, 6) скотный двор, 7) помещение для служащих в конторе, 8, 9 и 10) амбары, 11) баня, 12) сарай, где помещались земледельческие орудия, 13) продовольственный склад и 14) склад винный. Кроме того, в ректификационном заводе и новом, строящемся доме, которые не сожжены, все разбито и поковеркано: окна, двери, печи, аппараты, лестницы и решетки, остались только нетронутыми полы, стены и крыши. В конторе находился несгораемый шкаф, в коем хранилось до двух тысяч денег и около 18 тысяч процентными бумагами. Шкаф этот оказался разбитым и пустым, лишь на дне его найдено небольшое количество пепла от сгоревших бумаг и часть обгорелой деревянной шкатулки, в коей хранились деньги, принадлежащие лично Филатьеву. Во всех амбарах находилось 12 000 пудов ржи, 25 000 пудов овса и до 1 000 пудов вики. Весь этот хлеб частью расхищен, частью сожжен вместе с амбарами. Сгорело

*) На полях помета министра внутренних дел: «Выписку передать в департамент полиции для обсуждения вопроса о военном суде».

также три стога сена и несколько ометов соломы. В винном складе хранилось казенного спирта на 35 000 рублей и экономического — на 15 000 рублей.

Всего убытка, по определению служащих экономии, причинено до 200 000 рублей.

В ночь на 1 марта были сожжены и разграблены принадлежащие Долбенкинской экономии хутора: Фирезевский, Авиловский и Лобановский [5]).

Трубчевский уезд.

В ночь на 4 марта беспорядки возникли в Трубчевском уезде, начавшись с разграбления экономии купца Житкова в селе Плоскове. Затем была разграблена усадьба Высокая Давидовича-Нащинского и 7 марта хутор землевладельца Месяцева при селе Алешенке. Наконец, 8 марта стало замечаться брожение среди крестьян Урючьенской волости на границе Черниговской губернии, но двинутые начальником последней войска предупредили возможность погромов.

Характер разгромов. Разгром в Севском уезде всюду в общих чертах производился одинаково. Часам к семи вечера появлялись в какой-либо деревне сигнальные огни, в виде зажженных пучков соломы. По этому сигналу крестьяне окрестных селений на заранее запряженных подводах собирались и с песнями, криками «ура», шумом отправлялись в экономию, предназначенную к разграблению, и часам к девяти приблизительно стремительно въезжали в усадьбу прямо к хозяйственным постройкам. Сделав несколько выстрелов в воздух, принимались взламывать амбары и грабить все, что попадалось под руки. Служащие в экономии обыкновенно разбегались или же прятались, хотя в некоторых случаях попадались на глаза. Тогда крестьяне начинали требовать ключи от амбаров, но, получив отказ, оставляли в покое, рекомендуя уйти прочь. Насильственных действий в большинстве случаев ни над кем не чинили, кроме нанесения побоев урядннку Пронину, пытавшемуся задержать одну из подвод с награбленным имуществом, и избиения рабочего в Хинели, что объясняется огромным количеством выпитого спирта. Здесь крестьяне дошли до зверства по отношению к скоту. Когда рабочий начал выводить скот из сарая, пьяная толпа накинулась на него, избила, загнала обратно весь скот в сарай и, обложивши соломой, подожгла со всех сторон.

Совершенно иного характера было разграбление имения Лобаново великого князя Сергея Александровича. Производящимся в настоящее время предварительным следствием в достаточной мере уже установлено, что с 20 еще февраля, когда до села Лобанова дошли слухи о крестьянских беспорядках в Дмитриевском уезде Курской губернии, между местными крестьянами началось брожение, которое вследствие неприязненных отношений, существовавших между ними и администрацией экономии, главным образом, из-за штрафов, налагавшихся иногда по самым ничтожным поводам, разрасталось все более и более и к концу масленицы приняло уже угрожающий характер. Недовольство администрацией экономии было не только у крестьян лобановских, но также и у всех окрестных деревень, почему последние, узнав, что среди первых началось волнение, не только не старались остановить его, но, наоборот, разжигали, а 28 февраля, услыша, что лобановские крестьяне ночью уже начали беспорядки, с утра стали

сбегаться и съезжаться в Лобаново, чтобы принять участие в погроме экономии. Ни дознанием, ни следствием пока не добыто никаких указаний, чтобы движение среди крестьян с. Лобанова и других окрестных деревень началось благодаря агитации каких-либо посторонних лиц, напротив, есть полное основание предполагать, что это движение было чисто местное, возникшее на почве экономических отношений.

Причина распространения беспорядков. Возможности столь широкого распространения беспорядков много способствовала крайняя медленность движения войск. Кроме уже приведенного случая с вызванной из Брянска ротой, нельзя не обратить внимание на следующие факты:

1) Батальон пехоты, вызванный из Орла 21 февраля, прибыл в Севск лишь в ночь на 22 февраля, пробыв в пути 20 часов и из них шесть простояв на станции Хотинец.

2) Отправленные из Москвы эскадроны кавалерии были в пути до станции Комаричи двое суток. Расстояние это проходится пассажирским поездом в течение 14 часов.

ЧЕРНИГОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

Глуховский уезд.

Разграбив в ночь на 22 февраля Хинельский завод Терещенко в Севском уезде, толпа крестьян перешла границу Орловской губернии и направилась на сахарный завод того же Терещенко, помещавшийся в Михайловском хуторе, Глуховского уезда, Черниговской губернии, куда и прибыла в начале седьмого часа вечера 22 числа и немедленно приступила к погрому и начала жечь квартиры служащих завода. От квартир толпа перешла к заводу и зажгла его, вслед же за этим, рассеявшись по всему двору экономии, начала отбивать в складах сахара и пр. имущества замки и предлагать всем присутствующим брать все, что кому нужно. Слух о погроме и грабеже распространился по окрестности очень быстро, и, как только показалось зарево пожара, из ближайших селений крестьяне целыми группами на подводах ехали на место погрома с целью грабежа, и не более как через час от начала погрома массы грабителей появились в хут. Михайловском, и с этого начался общий грабеж разного имущества. В течение 4—5 дней сгорели почти все квартиры служащих, склады сахара и другое имущество, каменный рафинадный завод, земская школа и лавка местного общества потребителей, а также разграблены и сгорели сотни тысяч пудов сахара и хлеба. В погроме участвовали, повидимому, и некоторые из рабочих, которых до начала такового убеждало одно из лиц администрации завода охранять последний, предлагая за это единовременную выдачу месячного жалованья, но рабочие отказались.

Дальнейшее движение однако крестьян по губернии было остановлено прибытием на место происшествия губернатора с войсками, расположенными им в виде заслонов в селах Свессе и Воронеже и пороховом заводе в Шостке. Арестовав несколько лиц и подвергнув троих телесному наказанию, губернатор приступил к обыскам, а вместе с тем потребовал от крестьян добровольного возвращения разграбленного, что многими и было исполнено. Войска оставлены на местах, и беспорядки в Черниговской губернии прекратились.

Характер разгрома. Характер разгрома указывает на существование известной организации. Организация эта может более всего выясниться при сличении данных следствий, производящихся во всех трех губерниях; пока лишь нельзя не указать на общие данные, достаточно определившиеся: пожары начались с вечера, население оповещалось незадолго перед тем, некоторые лица как бы руководили поджогами, не участвуя в грабежах и преследуя как бы особые цели; установлено, что первоначально на Михайловский завод приехало не более лишь 100 подвод, очевидно, являющихся как бы организаторами. Подозрительное поведение некоторых лиц при погроме, их разговоры, угроза поджечь деревню Чуйковку при отказе следовать за ними, оставление несожженными и неразграбленными казарм рабочих и имущества мелких мастеровых (оставление при этом на крыльце старика, предупреждавшего не трогать дома, ибо место это «запрещено»), направление разгрома исключительно на имущества владельцев и крупных лиц из администрации завода, — все это ясно характеризует наличность определенного плана с уверенностью, что окружающее население не устоит об соблазна, бросится на разграбление того самого завода, который служит ему большой экономической поддержкой.

Распоряжения военного начальства. В данном случае распоряжения военного начальства могли принести значительный вред, который был устранен лишь принятыми губернскими властями мерами, а именно:

1) Высланные из Киевского военного округа войска были все направлены в г. Глухов, и, когда губернатор потребовал командирования части их для охраны Шосткинского порохового завода, коему угрожала серьезная опасность, начальник отряда отказался исполнить таковое требование и был вынужден к тому лишь после сношения действительного статского советника Хвостова с начальником названного военного округа, отчего произошло значительное замедление, оставшееся без последствий лишь благодаря остановке крестьян на Михайловском хуторе.

2) Два эскадрона кавалерии, предназначенные для охраны Глуховского уезда, военное начальство приказало отправить со станции Ворожбы в г. Глухов — 50 верст — походным порядком, хотя там и имеется железная дорога, и только благодаря вмешательству непременного члена черниговского губернского присутствия Шрамченко эскадроны были доставлены поездом, и могли во-время предупредить разгром соседних с Михайловским хутором экономий, из коих разгром Свессы уже был вполне подготовлен.

Тайный советник И. Звегинцев.

Докладная записка помощника управляющего земским отделом министерства внутренних дел министру внутренних дел о крестьянском движении в Орловской, Курской Черниговской и Воронежской губерниях в феврале — марте 1905 г.[6]) от 12 июля 1905 г. *).

КУРСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

Дмитриевский уезд.

Происшедшие в феврале и марте месяцах текущего года и охватившие части Курской, Орловской, Черниговской и Воронежской губерний крестьянские беспорядки начались в Дмитриевском уезде Курской губернии, где они и достигли наибольшего напряжения. К движениям этим почва в Дмитриевском уезде подготовлялась давно и исподволь. Хотя в этой местности в земельном отношении крестьяне должны считаться сравнительно обеспеченными, так как они получили полные наделы, а некоторые общества имеют немалое количество купленной земли (например, в Гламаздинской волости), тем не менее население нуждается в промыслах, и так как фабрик в округе почти нет, а существующие винокуренные и сахаро-рафинадные заводы даже и при крупных размерах производства требуют сравнительно мало рабочих, то население с давних пор привыкло искать себе работы в дальних южных местностях. В иных местах однако крестьяне крепче сидят на земле и в отхожий промысел идут сравнительно немногие, но есть зато села, как, например, многолюдные Сальное, Ветвь, Гламаздино, откуда, за исключением стариков и детей, почти все мужское население поголовно с началом весны уходит на чужую сторону. Отсюда идут плотники, каменщики, рудокопы в крупные центры, как Одесса, Екатеринослав, Кишинев и т. д. Юзовские шахты и все Черноморье от Одессы чуть ли не до Батума служит местом работ здешних крестьян[7]), которые потом у себя на родине слывут под названием «шахтеров» и «одесситов». Все эти отхожие рабочие легко воспринимают отрицательные стороны городской и фабричной жизни, подпадают под влияние широко распространенной в этих местах революционно-социалистической пропаганды и являются вольными и невольными участниками всяческих беспорядков и забастовок, которые за последние годы хронически вспыхивают в южных губерниях. Возвращаются такие рабочие домой оторванными от земли и крестьянского хозяйства с совершенно извращенными взглядами, принося с собой в глухую деревню дикие слухи и идеи, которые, благодаря невежественности массы крестьянства, легко ею воспринимаются. Крестьянская среда, как оказывается, жадно ловит всякие слухи о социально-экономических движениях, совершающихся за последние годы в разных местностях Российской империи, набрасываясь на всякий источник (например, газеты), который может ей их доставить. Характерно в этом отношении поведение крестьянина Петра Кузьмичева (арестованного ныне за подстрекательство), который с нетерпением всегда ожидал появления у себя в деревне (с. Сальном) возвращающегося с заработков рабочего, зазывал его к себе и подолгу расспрашивал, что происходит в тех

*) Земский отдел мин. внутр. дел, 1905 г., д. № 34-б, лл. 162—190 (печатается по подлиннику).

местностях, откуда он вернулся. Два сына Кузьмичева, побывавшие сами на юге, действовали в том же направлении. Развращающее влияние дальних заработков оказывалось и в другом отношении. Под влиянием фабричной жизни в некоторых деревнях (Гламаздине) Дмитриевского уезда, принимавших участие в беспорядках, развивался и достиг, как это видно из данных следственной власти, чрезвычайных размеров атеизм с политической окраской; например, выяснено, что один из привлеченных к следствию кощунственно бил палкой иконы, заявляя, что это — главные «супостаты» крестьян.

Указанный процесс разложения патриархальной крестьянской жизни, конечно, шел постепенно и медленно, но с прошлого года, когда, в связи с военными событиями и событиями внутренней государственной жизни, крестьяне вообще стали крайне нервно относиться к доходящим до них слухам и сведениям, он стал проявляться весьма явственно, чему особенно содействовала усилившаяся пропаганда извне, прямо наводнившая губернию прокламациями; по заявлению местных земских начальников, в волостных правлениях прокламации самого возмутительного содержания получались и ныне получаются с каждой почтой целыми пачками. Эти прокламации в некоторых селах (Сальном, Гламаздине) охотно принимались и распространялись далее самими крестьянами (например, помянутым Кузьмичевым и его родственниками). Наконец, в некоторых селах появились из среды самого крестьянства более деятельные агитаторы, и в этом отношении особого внимания заслуживает крестьянин села Ветви Оводов. Названный крестьянин в молодости ходил в отхожие промыслы и шесть лет прожил в Одессе, слушая лекции в существующем там так называемом народном университете. Будучи от природы неглупым человеком, Оводов пристрастился к политико-экономическим наукам, и мало-помалу из него выработался убежденный социал-демократ. По собственному заявлению, он знаком с учением Толстого, читал Глеба Успенского и признает его теорию общины вполне правильной. Все эти теории, конечно, получали в неподготовленном к их правильному воспринятию уме Оводова ложное освещение, и мысль его работала в направлении о необходимости хотя бы насильственного отобрания земли у людей состоятельных. Вернувшись на родину, он занялся деятельной агитацией: «будил крестьян», по его собственному выражению. Среди своих односельцев и соседей он нашел не только подготовленных, как сказано, слушателей, но и деятельных пособников, как, например, в лице крестьян Гламаздина Михаила Мартынова, ольховского волостного старшины Бернацкого, помянутого Кузьмичева, волостного писаря Доровского и других. В ноябре и декабре месяцах 1904 года эти лица собирали на Ницком болоте (низине, расположенной между тремя селами: Гламаздино, Веть и Романово) сходки, на которые сходились окрестные крестьяне в числе до 800 человек. На этих сходках с особо устроенной из саней кафедры говорил речи Оводов. Указывая на экономическую необеспеченность крестьян, он взывал сбросить чиновников и панов и объяснял в желательном для крестьян смысле положение известной школы политической экономии, что земля должна принадлежать тому, кто ее обрабатывает личным трудом. Подобные же тайные сходы происходили в сел. Сальном и Гламаздине, в уединенных избах, куда приезжали Оводов и Мартынов. Сходы заканчивались пением революционных песен.

Если, конечно, далеко не все крестьяне готовы были следовать за этими призывами, то благодаря своему невежеству и непониманию самых основных законов общественности они не находили в себе никакого нравственного стимула бороться с этой агитацией своих же односельчан, которая еще усиливалась пропагандой постоянных агентов революционной партии, влияние которой не могло быть точно выяснено, но, несомненно, существовало.

Весьма важным свидетельством сего может служить перехваченное шифрованное письмо с Дальнего Востока рядового 6 роты 30-Восточно-Сибирского стрелкового полка местного крестьянина Ивана Северьянова Желтова к крестьянину Сергею Кудрявцеву. В этом письме (оно было расшифровано) Желтов, описывая, как идет пропаганда в войсках, передавал, между прочим, что в Иркутске есть революционная партия и, с интересом расспрашивая, как идет пропаганда на родине, несомненно обнаруживает свою связь с членами социально-революционной партии.

Под влиянием этих фактов среди крестьянства стала усиленно циркулировать мысль о необходимости увеличения его земельного обеспечения, чему в данной местности еще благоприятствовали совершенно особые обстоятельства. Как уже сказано, крестьяне местностей, где произошли беспорядки, землей обеспечены более чем где-либо, чему, между прочим, способствовал уход части населения на переселение. Оставшаяся в пользовании обществ земля была распределена между домохозяевами по старым ревизским душам, но несколько лет тому назад многосемейные крестьяне добились переделов земли (ранее здесь, несмотря на общинный строй, не практиковавшихся) на наличные души. Эти переделы, по словам местных людей, породили большие споры в обществах и рознь «старо- и новодушников». Крестьяне, получившие по переделу значительно меньше земли, чем владели раньше, были крайне озлоблены, а их жалобы на малоземелье передавались и тем, которые, получив новые наделы, в сущности основания жаловаться не имели.

С другой стороны, эти споры о земле и переделы с их поправками и исправлениями распределения земель до окончательного утверждения приговора лишали уверенности в устойчивости прав на земли тех крестьян, которые получили по переделу больше земли.

Порядки общинного строя, вообще не способствующие к укреплению в населении твердых понятий о праве частной собственности, в данном случае оказали наиболее сильно свое отрицательное влияние, толкая мысль крестьян в сторону заманчивого призыва отобрать в свою пользу помещичьи земли.

Все это создавало такую обстановку, что крестьянское население Дмитриевского уезда пришло в глухое брожение, которое усилилось под влиянием общей смуты, охватившей в декабре и январе государство, причем среди крестьян стали циркулировать и принимались на веру самые нелепые слухи, принимавшие обычную форму, что царь приказал отобрать землю от помещиков. В то же время среди крестьян распространялось убеждение, что защищать помещиков, даже если бы нападение на них было незаконно, теперь некому, так как все войска находятся в Манчжурии. Какие слухи рождались в этой темной толпе и как все действия правительства в ней перетолковываются, — доказывается хотя бы тем, что когда пришло известие о приеме

государем императором депутации рабочих после 9 января и о милостивом прощении им вины их, то среди крестьян это было понято в том смысле, что действительно сам царь не запрещает грабить господ...

При таком настроении крестьянства достаточно было одной вспышки, чтобы вся масса темного народа от слов и затаенных желаний перешла к делу, тем более, что даже должностные лица крестьянского управления открыто высказывались, что пришло время, когда вся земля будет крестьянская. Так, ольховский волостной старшина разъезжал по волости, говоря, что настала пора бунтовать; тех же взглядов придерживался председатель волостного суда Лазарев, а крестьянин Козьма Колупаев объяснял, что для истребления помещичьих экономий в Дмитриевском уезде имеются 8 человек, которые присланы для управления всем делом разграбления и скрываются теперь в одежде стражников. Колупаев добавлял, что ему известен и план разграбления экономий, для выполнения коего должно быть уничтожено движимое имущество и инвентарь, а затем должны быть сожжены и самые усадьбы, чтобы таким образом лишить землевладельцев возможности обрабатывать землю и вынудить их разделить ее между крестьянами.

Все описанное движение в крестьянской среде осталось почти незамеченным со стороны местных властей. Правда, земский начальник Кусаков объясняет, что до него доходили в ноябре месяце 1904 года слухи о сходках в Гламаздинской волости, и он знал о рассылке прокламаций, но особого значения этим слухам не придал до такой степени, что не заметил, что самые близкие ему лица, как старшина, волостной писарь и председатель суда, заняты возбуждением крестьян к беспорядкам. К тому же, как объяснил Кусаков, в ноябре месяце он уехал в продолжительный отпуск.

Раз описанное настроение крестьян окрепло, погром должен был произойти вне всякой зависимости от отношений их к той или другой экономии. В Дмитриевском уезде эти отношения, по общему правилу, сложились весьма хорошие, и крестьяне не могли жаловаться на притеснения со стороны экономий, исключая разве Гламаздинской экономии Волкова, где управляющий несколько пользовался затруднительным положением крестьян ввиду их чресполосного владения с экономической землей, да одно время в Прилеповской экономии барона Мейендорфа новый управляющий Менде, вскоре, однако, уволенный, возбудил острое неудовольствие среди рабочих, но это были единичные случаи, в некоторых же экономиях отношения были в высшей степени хорошие, например, в Хомутовской, генеральши Шауфус, где, по распоряжению владелицы экономией, между прочим, оказывалась в широких размерах помощь семьям ушедших на Дальний Восток солдат.

Нельзя, однако, здесь же не отметить, что при беспорядках почти не пострадали экономии, в которых постоянно живут сами помещики, — разграблены были усадьбы, где жили купцы-землевладельцы или приказчики и управляющие.

Вспышка, от которой началось общее движение, не заставила себя ждать: в ночь на 6 февраля крестьяне с. Сального и дер. Холзовки произвели массовую порубку (до 415 деревьев) у купца Попова, который уже несколько лет подряд терпит от порубок крестьян и у которого на этой почве сложились дурные отношения с крестьянами.

Но порубка 6 февраля имела некоторые особенности: одновременно с ней в селе появились прокламации — «золотые грамоты»; когда же полиция, не придавая этой порубке серьезного значения, 8 февраля явилась совместно с Поповым произвести обыск, то крестьяне не допустили до этого и избили как самого Попова, так и местных урядника и стражников, а затем 10 февраля был выгнан из села и явившийся туда становой пристав Виноградский, которому крестьяне также воспрепятствовали сорвать приклеенную к столбу колодца противоправительственную прокламацию возмутительного содержания.

О происшедшем было сообщено местному земскому начальнику 4 участка Кусакову, который немедленно (10 февраля) направился в Сальное и, встретив по дороге возвращавшегося пристава Виноградского, взял его с собой в сани и поехал в село, где, однако, не оказалось сельских должностных лиц, а все население было пьяно и толпами бродило по улицам. При таких условиях земский начальник счел нужным поехать в с. Дубовицкое, оставив сальнинскому старосте приказание явиться туда же утром 11 февраля вместе с 8 крестьянами, оказавшими, главным образом, сопротивление Виноградскому. Однако, 11 февраля к земскому начальнику явился один староста Демидов без должностного знака, объясняя, что знак с него сорвали крестьяне и забросили, а также, что 8 вызванных земским начальником крестьян отказались явиться, говоря, что «если земский начальник хочет нас видеть, так пусть приезжает к нам в Сальное». Все эти обстоятельства указали земскому начальнику, что в данном деле является уже не простая кража леса и не сопротивление пьяных полиции, а нечто более серьезное, с чем нельзя было бороться, по мнению земского начальника, местными силами. Ввиду сего он составил на имя курского губернатора телеграмму такого содержания: «В селе Сальном возникли беспорядки, чины полиции побиты, восстановить порядок местными средствами нельзя, прошу войска», — и передал ее для отправки приставу Виноградскому, ехавшему в Дмитриев для доклада исправнику, которому прочитал и показал эту телеграмму. Исправник, рассчитывая на свой авторитет, задержал и не отправил сказанной депеши, а послал губернатору от себя краткую телеграмму с извещением о происшедшей порубке и сопротивлении крестьян и с указанием, что им будут приняты все меры к прекращению самоуправства. Такого же содержания было посланное им вслед подробное донесение, полученное в Курске 14 февраля. Сам же исправник, собрав 15 стражников, с 2 приставами и судебным следователем лично явился 13 февраля в с. Дубовицкое, где остановился земский начальник и откуда последним было послано распоряжение о созыве на 14 февраля утром сельского схода в с. Сальном. Однако, когда 14 февраля утром земский начальник приехал в Сальное, то схода собрано не было, и земскому начальнику пришлось лично распоряжаться его созывом.

Собранный сход слушал земского начальника очень почтительно и, с своей стороны, всю вину сваливал на урядников и стражников, уверяя, что никаких дальнейших беспорядков в селе не будет. Те же уверения крестьяне повторили и приехавшему засим судебному следователю и исправнику с полицией, которую допустили к производству обысков. Таким образом, казалось, все настолько успокоенным, что исправник тут же заметил земскому начальнику, что он хорошо сделал, не послав его телеграммы. Засим власти, кроме судебного следо-

вателя, отправились в гор. Дмитриев, где 15 февраля было заседание уездного съезда, но 15 февраля земский начальник Кусаков узнал от исправника, что в ночь с 14 на 15 февраля те же самые крестьяне села Сального разграбили хутор купца Чернихина. Тогда (15 февраля) земским начальником лично была отправлена телеграмма губернатору о присылке войск. Однако, губернатор, в силу того, что вся предшествовавшая служебная деятельность земского начальника Кусакова не внушала ему доверия, и он по заключению губернского присутствия предназначался к увольнению, не придал должного значения телеграмме его, а лишь распорядился командированием на место беспорядков до 15 конных урядников из соседних уездов и по телеграфу запросил заключения исправника, доверие к коему было основано на мнении, что он является лучшим исправником в губернии.

Только 18 февраля, в 5 часов дня, было получено губернатором от исправника требование о высылке войск, и лишь тогда в уезд был двинут эскадрон драгун и командирован вице-губернатор Курлов, прибывший в гор. Дмитриев 19 февраля, около 2 часов дня.

Между тем движение стало разрастаться с поразительной быстротой, причем нельзя было не усмотреть, что оно шло по заранее выработанному плану. Так, в каждом селении крестьяне с вечера запрягали лошадей и ждали сигнала, который подавался им грабителями в виде пука зажженной соломы. Тогда село на подводах с криком и шумом и ружейными выстрелами бросалось в ближайшую экономию. Так, почти одновременно с нападением на хутор купца Чернихина сожжены два кирпичных сарая экономии барона Мейендорфа в селе Прилепах и сделана порубка у него же в урочище Лески.

Затем произведены нападения в ночь на 17 февраля — на Ярославский хутор прилеповской экономии барона Мейендорфа, с разграблением овса и разного экономического имущества; в ночь на 18 февраля — на экономию землевладелицы дворянки Мейер, с разграблением хлеба и экономического имущества; в ночь на 19 февраля — на экономию барона Мейендорфа при селе Дубовицах, с разграблением хлебных запасов и имущества, причем это нападение было произведено в то время, когда в экономии находился уездный исправник с следователем и несколькими стражниками. Нижние чины полиции, доказавшие во время этих погромов полное свое бессилие, немедленно рассеялись, а исправник со следователем из дому наблюдали за погромом. В ту же ночь движение перебросилось и в соседний, Севский уезд (см. ниже). Видимо крестьяне убедились в полной своей безнаказанности и окончательно уверовали в отсутствие возможности появления войск и подавления беспорядков силой. 19 же прибыл из своего имения в Дубовицы земский начальник Кусаков, которому донесли, что идет разгром Дмитриевского хутора Хомутовской экономии вдовы генерал-майора Шауфус. Земский наачльник, взяв с собой несколько конных урядников, немедленно поехал в этот хутор и энергично потребовал прекращения беспорядков: однако, крестьяне бросились с кольями на земского начальника, бывшие при нем урядники разбежались, и ему пришлось отстреливаться от толпы из взятой с собой магазинки. Произведенные несколько выстрелов, — причем был ранен один крестьянин, убита одна и ранены две лошади, — разогнали толпу, которая, побросав награбленное, бежала по своим селам. Приведенный случай лучше всего доказывает, что, если бы своевременно были при-

няты энергичные меры, беспорядки были бы сразу и без труда подавлены, и распространение их на сколько-нибудь значительный район стало бы невозможным. Но низший полицейский орган был непригоден для какой-либо борьбы с беспорядками, войска же в район беспорядков прибыли лишь 20 февраля, а между тем в ночь с 19 на 20 февраля было произведено нападение на экономию дворянина Мытаревского, при селе Романове, на Калиновский и Елисаветовский хутора Шауфус и в селе Романове — на мануфактурную лавку крестьянина Кандукова, на дом священника Воинова и на постройку дворянина Щеголева, и, наконец, в ту же ночь сожжен дом и винокуренный завод при селе Гламаздине шталмейстера Волкова; остальные постройки этой экономии и ее хутора Мокренького сожжены на следующую ночь. Во время этого погрома толпа окончательно озверела, бросилась в дом и, изломав обстановку, сожгла его, разбила стекла винокуренного завода, перебила лошадей на конюшне, облила керосином и сожгла экипажи. В ту же ночь на 20 февраля был ограблен хлеб и разное имущество в экономии барона Мейендорфа при Добром Поле. Наконец, 20 февраля прибыл эскадрон драгун и немедленно двинулся на Хомутовскую экономию Шауфус, где застал полный погром.

При этом грабители так были уверены в невозможности появления войска, что, когда из деревни Хомутовки прибежали бабы, крича, что войска идут, то грабившие крестьяне отвечали смехом и разбежались, лишь когда драгуны на рысях въехали в экономический двор. К сожалению, один эскадрон был недостаточен, чтобы охватить сразу всю местность беспорядков, да к тому же признавалось, — повидимому, вследствие неосновательного опасения встретить сопротивление, — нежелательным дробить его на мелкие отряды, почему его появление, равно, как и прибытие 20 февраля второго эскадрона не сразу остановило беспорядки; войскам удалось лишь предупредить 20 февраля вечером погром Прилеповского сахарного завода барона Мейендорфа. Во всяком случае в течение того же 20 февраля были ограблены: экономия дворянина Лазаревича при селе Романове, арендуемая крестьянином Васюковым, казенная винная лавка на дворе землевладельца Волкова, экономия Щербаковой при селе Гламаздине и Васильченко при сел. Сучкине, причем в обеих этих экономиях, кроме разграбления хлеба, сожжены и разные постройки; в ночь на 21 февраля подверглась нападению экономия дворянки Софии Ивановны Спаковской при дер. Богословке; 21 февраля утром — экономия наследников Сагаревой при сел. Сучкине, причем был сожжен двор и хата, а 22 февраля днем крестьянами сожжены сарай и контора в лесном хуторе вышеназванной генеральши Шауфус. Этим беспорядки в Дмитриевском уезде закончились, и прибывшие войска приступили к повальным обыскам и к объездам деревень, принимавших участие в погромах, причем непосредственное участие в этих действиях войск принимали как местный исправник, так и земский начальник. Первоначально крестьяне выказывали упорство и нежелание подчиниться производству обысков, но когда двое из наиболее дерзких (в с. Добром Поле и Сальном) были подвергнуты телесному наказанию, то упорство крестьян сменилось покорностью, и многие села стали составлять приговоры с указанием участников погромов и добровольно возвращать награбленное.

В описанных беспорядках Дмитриевского уезда приняло участие

свыше 40 сельских обществ [8]); таким образом, начавшиеся беспорядки, во-время не прекращенные, почти немедленно приняли стихийный характер, увлекая за собою все окрестные селения, которые даже, может быть, не сочувствуя погромщикам (в большинстве сел, за исключением Сального, Доброго Поля, Лобки и некоторых других, участвовали в грабеже лишь отдельные домохозяева), не находили, однако, в себе достаточно сил, чтобы удержать от соучастия в беспорядках своих односельчан. В этом отношении как сельские власти, так и духовные выказали полное свое бессилие. Последние старались держать себя в стороне от беспорядков и народа и около лишь своего имущества, не делая даже попыток воздействовать на свою паству. Как на отрадное исключение следует обратить внимание на священника села Демина и сельского старосту того же села. Когда начались кругом грабежи, означенный староста, по совету местного священника, учредил караулы в деревне и распорядился, чтобы никто без письменного его разрешения не отлучался из села. Когда же крестьяне на подводах собрались все ехать на разгром соседних экономий, то староста задержал их на околице, а священник, став на пути с крестом в руках, не пропустил крестьян и уговорил их отказаться от дурного дела. Крестьяне теперь душевно благодарят и священника и старосту. Но это — исключительный факт, во всех же остальных местах сельские власти и духовенство были бессильны, и довольно было малейшего повода, чтобы село по первому сигналу оказывалось готовым к погрому. Поводом служило обыкновенно появление нескольких громил, которые приглашали с собою остальных крестьян. Так, в дер. Стрекаловой, Гламаздинской волости, явились крестьяне Козьма Токарев и Илларион Бордаков и, называя себя «студентами», собрали, несмотря на протесты старосты, сход, которому, в удостоверение того, что сам царь велит грабить помещиков, прочли слова государя императора, обращенные к депутации рабочих после событий 9—10 января, а именно слова, где говорится, что он прощает рабочим вину их. Этого оказалось достаточным, чтобы сход бросился на ближайшую Хомутовскую экономию. Всего в Дмитриевском уезде было разграблено 15 владельцев, причем убыток первоначально был ими заявлен в сумме 284 000 рублей; арестовано же следственною властью за участие в погромах всего 409 человек [9]). Комиссия признала участвовавшими в погромах 1 368 человек и убытки определила в сумме 163 769 рублей [10]).

ОРЛОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

1. Севский уезд.

Как выше уже было указано, часть крестьян, участвовавших в беспорядках по Дмитриевскому уезду Курской губернии, около 19 февраля перешла в смежный Севский уезд Орловской губернии.

Разница в положении крестьян Севского уезда по сравнению с крестьянами Дмитриевского уезда заключается, главным образом, в том, что севские крестьяне значительно менее обеспечены землей и находятся в худших экономических условиях, нежели курские. Кроме того, в Севском уезде проявилось заметнее отрицательное влияние на экономическое положение крестьян перехода владельческих крупных экономий к интенсивной культуре. С введением многопольной системы в хозяйствах помещиков крестьяне лишились выгонов и толок

по полям и, таким образом, невольно сокращали скотоводство, ибо сами перейти к интенсивному хозяйству, дающему возможность иметь большее количество кормовых средств, они не могли вследствие порядков общинного землевладения. С падением же скотоводства падало все хозяйство крестьян, и они видимо обеднели. Такое экономическое положение*) крестьян Орловской губернии, при отсутствии у них достаточного развития чувства уважения к чужой собственности, создавало среди них более благоприятные условия для пропаганды социально-революционных учений, нежели среди крестьян Курской губернии, которая, несомненно, здесь действовала с давнего времени, и во время беспорядков текущего года здесь были даже арестованы лица из состава местной интеллигенции. Еще во время харьковских и полтавских беспорядков в 1902 году окрестные к Хинельской экономии Терещенко деревни побуждались подстрекателями к ограблению экономии, и, по словам местных людей, были назначаемы дни погрома имений и отобрания у помещиков земли. С тех пор мысль о завладении имуществом помещиков, по свидетельству местных людей, не оставляла крестьян. Понятно поэтому, какое впечатление должны были произвести слухи о погромах в соседнем уезде, которые проникли в южную часть Севского уезда с 8 февраля. В то же время в уезде стали появляться отдельные курские крестьяне, призывавшие севских последовать их примеру. Непринятие со стороны курской администрации своевременных мер к подавлению беспорядков также не могло не повлиять на настроение окрестных крестьян.

Между тем курская администрация не только не приняла сама этих мер, но не предупредила о происходившем на подведомственной ей территории орловские власти, которые находились в полном неведении того, что совершается в соседней губернии. О курских беспорядках управляющий Орловской губернией вице-губернатор узнал 18 февраля из телеграммы к нему графа Орлова-Давыдова, в которой граф просил оградить от разгрома имение его родственника барона Мейендорфа в Севском уезде. Немедленно было предписано севскому исправнику, который, ничего не подозревая о надвигающейся грозе, был на противоположном конце Севского уезда (на границе с Дмитровским), в имении великого князя Михаила Александровича Брасово, где производил дознание о возникших между экономией и крестьянами недоразумениях, — принять меры к охранению пограничных с Дмитриевским уездом владений, куда, именно в имение Погребы бар. Мейендорфа, исправник и выехал.

Между-тем в ночь на 19 февраля крестьяне, главным образом с. Клевцов и Алексино Дмитриевского уезда, в то время как их соседи грабили Дубовицкую экономию бар. Мейендорфа, перешли уездную границу и произвели погром вышеназванного имения Погребы при дер. Витиче, причем были взломаны амбары, расхищен хлеб, испорчены сельскохозяйственные машины и разграблен инвентарь. К этому погрому крестьяне собственно Севского уезда, если не считать нескольких человек из Витичской волости, еще не пристали, но слух о безнаказанности погромов в Курской губернии и первых погромах в Севском уезде должен был произвести огромное впечатление. В тем-

*) «При сем прилагаются ведомости об экономическом положении селений участвовавших в беспорядках» (прим. в подлиннике; в деле этих ведомостей не оказалось.—*М. Л.*).

ном уме крестьянина легко складывалась и крепла мысль, что если грабежи проходят безнаказанно, то лучше воспользоваться их плодами самим, нежели давать грабить чужим. И вот грабежи начинаются и в Севском уезде: не производя разгрома, крестьяне в ту же ночь увозят с полей Подлинева в имении Познышевке два стога сена и производят порубку леса у землевладельца Геневич при сел. Некестице, причем ранят топором пытавшегося их остановить урядника Пронина и стражника Дукачева.

Прибывший из Брасова исправник донес о происшедшем губернатору с просьбой о высылке войск. Тогда 19 февраля вице-губернатор по телеграфу потребовал из Брянска войска, но, к сожалению, высланная пехота в составе всего одной роты была направлена на ст. Комаричи, где оставалась целый день, несмотря на требование помощника исправника двинуться в г. Севск, куда она направилась только после телеграфного сношения вице-губернатора с начальником брянского гарнизона, и лишь 21 февраля утром могла быть направлена на подводах в имение Познышевку Подлинева. В то же время был вызван еще батальон пехоты от орловского гарнизона, а 20 февраля выехал в Севск и вице-губернатор. Сам губернатор в это время находился в С.-Петербурге и, получив сведения о происходящем, 21 февраля вечером по телефону затребовал из Москвы высылки в уезд кавалерийской части, вследствие чего 25 февраля в пределах Севского уезда находились уже драгуны. Между тем движение разрасталось. После погрома Погребов главари беспорядков начали действовать смелее: в дер. Познышевку явились три крестьянина из Холзовки, Дмитриевского уезда, привезли с собою награбленное; двое из них называли себя «Куропаткиным» и «Стесселем» и показывали свои ордена и ленты. Одновременно с этим появились и другие подозрительные лица, и когда урядник Зубков пытался задержать одного из них, то был избит за это не допустившими ареста местными крестьянами. В той же Познышевке 20-го числа местный земский начальник собрал полный сход и пытался своими уговорами и убеждениями воздействовать на крестьян и удержать их от насильственных действий. Крестьяне покорно выслушали слова земского начальника Новикова и обещали ему ни в каких беспорядках не участвовать, а между тем под влиянием явившихся после его отъезда «Стесселя» и «Куропаткина» в ту же ночь, т. е. на 21 февраля, крестьяне этого селения, совместно с окрестными селениями, при деятельном участии крестьян сел. Холзовки, Доброго Поля и Сального, Дмитриевского уезда, разграбили экономию Подлинева при селении Познышевке, причем сожгли стога сена и соломы, разобрали запасы хлеба и сельскохозяйственный инвентарь и разбили амбары, а на следующий день, в ночь, те же крестьяне, но исключительно севские, разграбили хутор Георгиевский землевладельца Петровского, расположенный в 25 верстах от имения Подлинева. В это время выдающимся руководителем движения в Севском уезде является крестьянин с. Троебортного Косых, называвший себя «Стесселем». Прибывшие войска не могли сразу остановить движение, так как передвижение пехоты на подводах во время наступившей распутицы шло весьма медленно, и в ночь на 22 февраля были произведены нападения на экономии: Нестеровой при сел. Троебортном Лемяшевской волости, разграблен хлеб, и Линтварево Михайловско-Цыблинской при дер. Бордоковке, также разграблен хлоб. При этом погроме произошел

следующий случай: владелица, встревоженная слухами о готовящемся погроме, вызвала соседних крестьян и просила их увезти из экономии хлеб; таких крестьян явилось около 10 человек, которые и взяли на сохранение часть хлеба, но вечером вслед за ними явились их односельцы и разграбили остальное. В ту же ночь было разграблено имение генерала Бобылева при дер. Бордоковке, причем кроме того, что был разобран хлеб, был произведен погром помещений господского дома.

22 февраля толпы громил двинулись к Хинелю, где помещается экономия и винокуренный завод Терещенко. Не доходя 1½ версты до экономии, эти толпы, остановившись, расположились на поляне и видимо совещались, причем было заметно, что среди них находятся лица, руководившие движением, которые через некоторое время зажгли находившийся здесь стог сена — обычный сигнал к погрому. Тогда толпа бросилась в экономию, и начался погром, в котором принимали участие и местные крестьяне с. Хинель. По свидетельству местного волостного старшины, он не знал ничего о готовившемся погроме до самого дня погрома. В этот день он узнал, что крестьяне с. Хинель собираются итти в экономию просить лесу и толок. Так как старшина ранее не слышал о нужде крестьян в лесе и толоках и о том, чтобы они собирались просить таковых, то помянутый случай показался ему подозрительным, и он, догадываясь, что крестьянами затевается что-то недоброе, поехал предупредить управляющего заводом. Когда старшина возвратился с завода, то местный священник сообщил ему о разграблении Познышевки и других имений в округе, а выйдя на улицу, он заметил, что о том же говорят и крестьяне. Тогда он распорядился закрыть винную лавку и нарядил запрягать подводы для посылки за войсками. Крестьяне, однако, не послушали его, и по его адресу стали раздаваться угрозы, а как только начало вечереть и стемнело, то кто-то закричал, вероятно, увидев сигнал — зажженный стог: «вот идет эскадра», народ заволновался и подводы, очевидно, уже подготовленные, стали выезжать в экономию на грабеж*). Первоначально разбирался хлеб и громились экономические постройки, но затем (очевидцы говорят, что по особому сигналу, сопровождавшемуся словами: «пора могарыч пить») они добрались до винокуренного завода и бросились на спирт. Поголовное пьянство, от которого тут же двое умерло, завершилось сожжением почти всех построек, уцелел только самый завод и квартира винокура. Крестьяне под влиянием грабежа и водки совершенно озверели, и когда рабочие затем хотели вывести и угнать скот, то загнали его обратно во двор и спалили. Возвращающуюся с погрома толпу встретил вице-губернатор, спешивший на погром. Тут же многие были задержаны. Посетив Хинель, вице-губернатор вернулся обратно в пункты намеченного им расположения войск и потому ли, что полагал погром Хинеля оконченным, или по другим причинам, но только в Хинель войска не были командированы, и это дало возможность окрестным крестьянам в ночь на 24-е разграбить остатки Хинеля и спалить самый завод. Одновременно с погромом главной Хи-

*) «Нельзя при этом не заметить, что с 21 февраля пехотная часть уже была в Познышевке, в расстоянии 10—12 верст от Хинеля, и поэтому, казалось бы, возможно было 22 февраля к вечеру, ко времени погрома Хинеля, привести в Хинель часть войска и тем предотвратить разграбление не только Хинельского завода, но также и Михайловского (см. ниже)». (Примеч. в подлиннике.)

нельской экономии 23 февраля были сожжены и два лесных ее хутора. Наконец, в ночь же на 23 февраля разграблены были две экономии наследников Зайцева при дер. Доброводье.

Прибывшие в это время пехотные части были уже распределены по всему уезду и приостановили дальнейшее движение беспорядков, но не могли воспрепятствовать тому, чтобы толпы крестьян, грабивших Хинель, не перешли в соседний Глуховской уезд Черниговской губернии (см. ниже).

К вечеру 24 февраля прибыли в уезд и драгуны, с которыми вице-губернатор и начал объезд погромленных имений и производство обысков и арестов. Обыски шли успешно, и во многих имениях большая часть награбленного (а в имении Нестеровой и все) была возвращена 26 февраля в Севск прибыл и губернатор.

Из изложенного видно, что погромы в Севском уезде продолжались сравнительно очень недолгое время и, конечно, при большей осведомленности местных властей о движении крестьян в соседнем Дмитриевском уезде, могли бы быть предотвращены. Движение это захватило в Севском уезде всего 16 отдельных сел с населением в 16 тысяч душ обоего пола. Пострадало всего 9 экономий, но убытки ввиду сожжения завода Хинель заявлены весьма крупные, именно около 700 тыс. рублей. Всего арестовано было за участие в грабежах 223 человека, по постановлению же комиссии признаны виновными 881 человек [11].

2. Дмитровский уезд.

Описанные крестьянские беспорядки в Севском уезде вскоре повторились в Дмитровском и Трубчевском уездах той же Орловской губернии.

Слухи об этих беспорядках в соседних местностях доходили до крестьян Дмитровского уезда и, несомненно, волновали их. Но и здесь это движение крестьян не обратило на себя во-время должного внимания местных властей. В Дмитровском уезде этому способствовала в значительной мере смена уездных исправников. Так, в течение последних двух лет здесь было сменено четыре исправника, почему эти должностные лица не только не могли иметь всестороннего знакомства с уездом, но не имели возможности посетить все волостные правления, и в Долбенкинской волости ни нынешний исправник (до беспорядков), ни его предшественники ни разу не были. В то же время надзор земского начальника, который нередко уезжал по своим семейным делам из пределов участка, ограничивался посещением волостей да разбором судебных и административных дел; отдельные селения участка земским начальником не посещались.

Таким образом оставался надзор станового пристава. Но и он также редко посещал отдельные селения, между прочим, может быть, ввиду того, что полиция в Севском уезде вместо разъездных лошадей от земства пользуется деньгами и потому не склонна производить частые разъезды; в том же положении находится и волостной старшина, так как волость не содержит лошадей для разъездов, и старшина разъезды свои оплачивает из получаемого им содержания.

При таких условиях, настроение крестьянской среды легко оставалось неизвестным правительственным органам, и ничто, казалось, не давало оснований предполагать возможности беспорядков; лишь про-

исходившие в Севском уезде беспорядки заставили сосредоточить полицейское наблюдение по границам этого уезда.

При этом следует отметить, что население, окружающее Долбенкинскую экономию великого князя Сергея Александровича, было крайне неприязненно настроено к этой экономии. Отношения эти вызывались чрезвычайно строгой системой штрафов, установленных управляющим имением егермейстером Филатьевым, налагавшим их по разным поводам, особенно же часто за появление крестьянского скота и птиц на лугу возле речки, протекающей в селении, к которой, однако, не было другого пути [12]). Немало недоразумений вызывала также продажа г. Филатьевым постороннему лицу земли, расположенной среди селения и крайне необходимой крестьянам для поселения.

При таких условиях возникшие разговоры о происходящих крутом беспорядках не могли не действовать особо возбуждающим образом на крестьян окрестных к этой экономии деревень. По характерному заявлению местного священника, при распространении этих слухов «парни спать ночи перестали», а после 20 февраля начались даже определенные разговоры о возможности погрома Долбенкинской экономии. Подобный разговор обратил на себя внимание сиделеца казенной винной лавки, доведшего об этом до сведения своего начальства. Вследствие сего 22 и 23 февраля уездный исправник и местный земский начальник Шамшев приезжали в Лобаново и путем негласного дознания выясняли настроение крестьян. Однако, местный староста уверил земского начальника, что никаких слухов и ожиданий беспорядков у них нет, а управляющий экономией Филатьев категорически заявил исправнику, что, проживая в данной местности 20 лет, он знает крестьян и вполне уверен в их спокойствии и в то же время отказался от всякой охраны.

Ввиду сего как земский начальник, так и исправник покинули экономию, а исправник, оставив урядника и 2 стражников для наблюдения, сам выехал на границу Севского уезда, где, по его сведениям крестьяне дер. Столбовой угрожали экономии Воейковой Радогощи.

Повидимому, однако, такое отношение местных властей нельзя признать правильным, ибо им, а в особенности исправнику, было хорошо известно враждебное отношение крестьян к экономии и управляющему ее Филатьеву; исправник и в настоящее время утверждает, что пребывание Филатьева в Долбенкинской экономии не безопасно для него, следовательно, он и в феврале месяце должен был иметь в виду возможность возникновения погрома. Действительно, 27 февраля вечером, когда экономический приказчик задержал проезжавшего мимо экономии пьяного крестьянина, крестьяне с. Лобанова собрались толпой на экономический двор и предъявили егермейстеру Филатьеву ряд требований: о сложении штрафов и невзимании их впредь, об удалении некоторых служащих из экономии и выдворении из деревни Орлова, коему продана была усадебная земля в селении. Обещанием исполнить эти требования, а также выдачею крестьянам двух ведер спирта Филатьеву удалось успокоить крестьян, которые вернулись в деревню и там шумели целую ночь, а на утро, часов около десяти, вновь явились в экономию требовать письменного обязательства исполнения обещаний.

Попытки волостного старшины, а также урядника остановить толпу не имели успеха, однако, самому Филатьеву удалось уговорить ее

последовать с ним обратно в село, к казенной винной лавке, где крестьянам было выдано по записке Филатьева два ведра вина; все было выпито в присутствии Филатьева, пившего за здоровье крестьян, которые кричали «ура» и делали попытки качать его, после чего он вернулся обратно в экономию, а крестьяне начали ломать забор вокруг винной лавки, а также громить и самую лавку. В это время из Дмитровска, куда было ночью дано знать о волнении крестьян, прибыл в экономию помощник исправника и, кроме него, из чинов полиции туда же собрались 3 урядника, 1 городовой и 2 стражника, а также волостной старшина и сельский староста.

Между тем слухи о происходящем в Лобанове быстро распространялись по окрестным деревням, расположенным верстах в 1½—2 вокруг экономии, и оттуда стали стекаться на подводах толпы крестьян. Одну такую толпу Филатьеву и полиции удалось задержать, но появившиеся крестьяне села Погарища успели проникнуть во двор и приступили к разгрому строений. Тогда же в экономию нахлынули и лобановские крестьяне, среди которых было много крестьян и других деревень (напр., Трубичина). Выйдя к громилам, Филатьев с полицией пытался образумить их, но получил удар в голову и лишился сознания, помощнику исправника были также нанесены побои, и он уехал в дер. Харланову, а остальные чины полиции рассеялись, и тогда (часов около 3 дня) начался полный погром экономии, в котором приняли участие крестьяне всех ближайших деревень, закончившийся сожжением почти всех построек, а также и соседних экономических хуторов. 1 марта рано утром прибыл в Лобаново из Радогощ дмитровский исправник, а затем и командированный губернатором из Севска 28 февраля (когда губернатором было получено извещение о происходящем погроме) вице-губернатор; около 2 часов явились войска, и было приступлено к тушению пожара, обыскам и арестам крестьян; в то же время приехал из своего имения (расположенного за 20 верст) и местный земский начальник. Но нельзя не заметить, что как тушение пожара, так и обыски велись крайне медленно и неэнергично, что, несомненно, должно было оказать неблагоприятное влияние на местное население. Всего приняли участие в погроме крестьяне 7 деревень, причем было арестовано 46 человек, а причиненный убыток был заявлен в сумме свыше 211 т. руб. Судебным следствием привлечено к ответственности 73 чел., а по дознанию комиссии число участников в погроме определено в 144 чел., размер же убытков — 193 249 рублей.

3. Трубчевский уезд.

Последним и притом сравнительно весьма слабым проявлением крестьянских беспорядков в Орловской губернии было движение, охватившее некоторые сельские общества Трубчевского уезда. И здесь, как в Дмитровском и Севском уездах, доходившие до крестьян слухи о погромах, особенно в случаях, когда между крестьянским населением и экономиями по тем или иным причинам были ненормальные отношения, возбуждали и волновали крестьян. В Трубчевском уезде имеется целый ряд мелких экономий и хуторов, принадлежащих новым землевладельцам из разночинцев, не сумевшим установить добрых соседских отношений с сельским людом. Жертвой крестьянских беспорядков по преимуществу и оказались подобные экономии, причем поводом к началу погрома в каждом отдельном случае послужили самые разно-

образные обстоятельства. Начались беспорядки с Плюсковского сельского общества, Юровской волости. Здесь около 1 марта распространились слухи о бывших в других местах погромах, а 3 марта в дер. Шуклине были пойманы две бабы, крывшие коноплю; сельский сход стал судить этих баб и требовать от них водки. Когда водка была выставлена и выпита, то сход перешел к уравнению земельных наделов, и каждый домохозяин, с которого складывали тягло, для сохранения за собою земли должен был угощать сход вином. В конце концов крестьяне совершенно опьянели, и в это время двое из них отправились в смежную экономию купца Житкова просить хлеба. Названный купец, по отзывам некоторых местных людей, ссужает крестьянам деньги (из 10%), и отношения у него с крестьянами вообще недружелюбные, что подтверждается многочисленными судебными делами, возникающими между ним и крестьянами. В день самого разгрома Житков был в Шуклине и, по словам крестьян, насмехался над ними, что они опять проиграли дело против него. Когда к Житкову явились помянутые два крестьянина за хлебом, то их из экономии выгнали, и этого было достаточно, чтобы пьяный сход бросился на усадьбу. Крестьяне перебили окна в доме, ворвались в самый дом, изломали мебель, уничтожили и изорвали долговые расписки, кроме того, разбили амбары и похитили хлеб и часть хозяйственного инвентаря. Засим беспорядки принимают уже стадный характер. Крестьяне, к которым присоединились два других Плюсковских общества — Лапинское и Тарасовское, — забрав силой из винной лавки 3 ведра водки, произвели нападение на смежную с экономией Житкова экономию купца Хотунцова, где расхитили около 150 пудов хлеба. Засим они напали на находящуюся в 3 верстах экономию купца Соколова, где расхитили хлеб и уничтожили конторские книги. В ночь на 5 марта крестьяне Лапинского сельского общества пытались напасть на дома духовенства и крестьян Поповского общества, не принимавших участия в грабежах, вследствие чего произошла драка, в которой погромщики были побеждены. 6 марта прибывший исправник остановил движение, и крестьяне по его настоянию стали возвращать похищенное. Но еще до этого беспорядки вспыхнули в дер. Сдесловке, где крестьяне напали на хутора Забытый*), принадлежащие двум крестьянам Михалеву и Григорьеву, постоянно судившимся с сдесловскими крестьянами по поводу спорного леса. Кроме того, несколько времени тому назад Михалев продал часть своей земли крестьянам и, согласившись в цене, позволил им даже засеять эту землю, причем для совершения купчей крепости было поставлено условием вручение ему покупной суммы в известный срок. Когда этот срок настал, то Михалев уклонился от получения денег и хотя крестьяне передали их нотариусу, но и последнему не удалось вручить их Михалеву в назначенный день (хотя он искал, как говорят, Михалева по всему Трубчевску), и тогда последний отказался от сделки, не вернув крестьянам посевы. Крестьяне объясняют, что они явились отобрать от Михалева только тот хлеб, который дал ему урожай их посева. Как бы то ни было, на хуторах Михалева и Григорьева был произведен полный погром жилых помещений и разграблены хлебные амбары. В ночь на 5 марта произведен был погром также Левшинского хутора того же Григорьева. Когда Григорьев узнал, что

*) Так в подлиннике.

сдесловские крестьяне идут громить этот хутор, то успел позвать на защиту крестьян соседнего села Юрова, обещая известную за это плату. Юровцы действительно встретили с кольями грабителей, причем во время драки были двое убитых, но когда Григорьев отказался тотчас выдать обещанную награду, то сами разграбили его хутор.

5 марта крестьяне дер. Мансуровой произвели нападение на усадьбу Высокое Давидовича-Нащинского. Этому погрому предшествовали разговоры о том, что кто-то приедет и будет грабить; приедут будто бы студенты, т. е. люди, по характеристике одного обвиняемого крестьянина, «которых учат, учат, а местов им не выходит, они и грабят». Были также и здесь постоянные недоразумения крестьян с управляющим имения. В экономии были разграблены значительное количество хлебных запасов (свыше 3 тысяч пудов) и часть хозяйственного инвентаря. При этом грабеж носил совершенно своеобразный характер: крестьяне составили список, кому сколько причитается хлеба по числу душ в семье, и согласно сему списку распределили между собою награбленный хлеб.

Наконец, 7 марта крестьяне с. Алешенки ограбили хутор Пономарева и Месяцева близ названного села. Предварительно грабежа состоялся сельский сход, на котором обсуждался вопрос о необходимости получить от владельцев известное количество хлеба под работу; с этою целью весь сход явился на хутор, но когда в выдаче хлеба было отказано, то благоразумная часть крестьян удалилась, оставшиеся же расхитили до 1 500 пудов хлеба. Этому грабежу предшествовали также разговоры среди крестьян о беспорядках в других местах, причем толчок к грабежу дал рассказ явившегося из Курской губернии нищего, который присутствовал там при разгромах и даже сам получил несколько пудов хлеба, о безнаказанности происшедших там погромов. Из этого крестьяне заключили, что расхищение хлеба и имущества владельцев им ныне дозволено.

Одновременно крестьяне села Урупья явились в экономию Бабанина и Ананових, где, получив 11 р. и 8 руб., удалились, не произведя грабежа, а крестьяне села Полужья составили приговор о порубке ближайшего экономического леса, который издавна считают своим и порубили 70 дерев, который засим возвратили владельцу. Беспорядки в Трубчевском уезде повсюду тотчас прекращались по приезде полиции, и крестьяне добровольно возвращали награбленное. После же 7 марта под влиянием прихода войск совершенно прекратились, и крестьяне как-то сразу образумились, а крестьяне Плюсковского общества д. Шуклина постановили приговор, в коем переименовали участников грабежа.

При этом следует заметить, что благодарной почвой для возникновения беспорядков у крестьян Трубчевского уезда послужили испытываемые ими в течение сего года продовольственные затруднения вследствие бывшего перед тем неурожая, а главное — прекращение казенным ведомством лесных работ, дающих обыкновенно населению значительный заработок. Число привлеченных к следствию по Трубчевскому уезду к началу июня не было известно, так как следствие еще не было закончено. Комиссия же признала участниками погромов 416 чел. Убытков было заявлено потерпевшими на сумму свыше 20 000 р., комиссия же определила таковые в сумме 3 006 рублей.

ЧЕРНИГОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

Глуховский уезд.

Крестьянские беспорядки в Черниговской губернии представляются непосредственным продолжением тех бесчинств, которые толпы крестьян произвели в Севском уезде Орловской губернии. Эти толпы, разгромив Хинельский винокуренный завод и опьянев от разграбленного спирта и водки, бросились в смежную Черниговскую губернию, где сожгли и уничтожили на Михайловском хуторе громадный сахарный завод, выпускающий на 6 млн. сахару в год, Терещенко, причем разграбили имевшийся налицо сахар и разное имущество служащих. Уцелели лишь больница, казарма рабочих, здания, в коих помещались казенные учреждения, как-то: почтовая контора, железнодорожная станция и амбар с сахаром, который, очевидно, был принят грабителями за железнодорожные постройки. Толпа грабителей, прибывшая из Севского уезда, несомненно, имела руководителей: не доехав до хутора версты $1^1/_2$, она остановилась и кинулась на разгромление завода лишь по сигналу, — был зажжен кирпичный сарай.

Насколько были подготовлены к такому погрому местные окрестные селения, — не установлено, но, несомненно, и здесь велась до этого революционная пропаганда, а непосредственно перед погромом стало известно, что по соседству безнаказанно грабят имения и заводы. Утром 22 февраля на заводе уже было известно, что завод будет разграблен, и потому служащие на заводе начали выезжать с Михайловского хутора. Действительно, того же 22 февраля озверевшие при погроме Хинельского винокуренного завода толпы севских крестьян (по дознанию севского земского начальника около 400 человек) нахлынули на Глуховский уезд и на первое расположенное на пути их частное владение — Михайловский завод, увлекая за собой по дороге те селения Глуховского уезда, мимо которых они проходили. Около 2 часов дня 22 февраля местному земскому начальнику Дорошенке было дано знать, что на завод двигаются толпы крестьян. Прибыв в завод около 6 час. вечера, он застал его еще работающим, но на дороге собрались крестьяне, ожидающие погрома, а от села Чуйковки направлялась к заводу громадная толпа на подводах, которая, достигнув завода, приступила к его погрому. Земский начальник, равно как и все служащие и рабочие завода, покинул его и послал следить за погромом своего приказчика Фому Пиаповалова, который, однако, сам принял участие в грабеже и на лошади земского начальника стал возить к себе награбленное имущество. Местные крестьяне, повидимому, не имели никаких поводов враждебно относиться к заводу, дававшему населению значительный заработок, и его администрации, но, увлеченные толпой севских крестьян, действовавшей не только примером, но также угрозами, они также примкнули к грабежу. Некоторые крестьяне соседних деревень, расположенных за заводом, явились, увидав зарево пожара, но засим также примкнули к грабившей толпе. В грабеже также принимали участие и некоторые рабочие завода. В течение ночи громадный завод и почти все окружающие его постройки, равно как и расположенный рядом незначительный хутор Терещенко, выгорели до тла. Зарево пожара, как указано, привлекло к грабежу не только окрестных крестьян, но и некоторых крестьян ближайших деревень (Юриновка и Копенка) соседнего Новгород-Северского уезда. Главное участие в по-

громе приняли крестьяне трех соседних деревень: Чуйковки, Журавки и Юрасовки, а также отдельные крестьяне из Дорошевки, Марчихиной Буды и других окрестных деревень. При этом в Марчихиной Буде, когда волостной старшина, осведомившись о погроме, собрал крестьян и пытался задерживать грабителей, то семеро из них нанесли ему побои и угрозами убить заставили старшину отказаться от своей попытки.

До 21 февраля черниговское губернское начальство не имело никаких сведений о крестьянских беспорядках ни внутри губернии, ни в соседних, и лишь означенного числа губернатором была получена от севского исправника телеграмма весьма неопределенного содержания о том, что крестьяне Севского уезда совместно с курскими грабят и жгут экономии. Не имея возможности определить место погромов, губернатор предупредил, однако, военное начальство о возможности вызова войска и распорядился принятием мер исправниками соседних с Севским уездом к охранению границ их уездов. Засим того же числа вечером и 22 утром были получены сведения, что движение угрожает Михайловскому заводу и с. Собыч (отстоящему в 50 верстах от завода в сторону), куда и выехал глуховский исправник, а в самый Глухов, как ближайший пункт к Михайловскому заводу, были двинуты войска. 22 февраля вечером губернатор лично выехал на завод, но по дороге 23 числа получил сведения о совершившемся погроме. Направив войска в наиболее угрожаемые места (Свесса, Лавра, Шостка, Воронеж), губернатор с отрядом солдат сам приехал 23 вечером на Михайловский завод, а 24 было приступлено к производству предварительного следствия, причем губернатор объезжал селения, участвовавшие в погроме, собирал сходы и выяснял крестьянам преступность их действий, причем в Журавке ввиду дерзкого и вызывающего поведения схода двое крестьян были подвергнуты телесному наказанию.

28 февраля на месте спаленного завода были собраны сельские сходы дер. Чуйковки, Юрасовки и Журавки, а также крестьяне с. Марчихиной Буды, изъявившие особую дерзость своими угрозами волостному старшине. В этот день все сходы приготовились встретить губернатора с хлебом и солью, но он не принял его и, обходя крестьян, обращался к каждому сходу отдельно с речью, в которой упрекал за совершенное преступление, указывал, что разрушением завода крестьяне сами себя лишили заработка, и высказывал, что он не принимает хлеба-соли, ибо не уверен, что в поднесении его не участвуют и те, которые принимали участие в грабежах. На требование губернатора возвратить похищенное крестьяне обещали сами все вернуть, а жители села Журавки составили об этом особый приговор.

Всех убытков от погрома заявлено управлением завода на сумму свыше 1 миллиона рублей, причем главная часть этой суммы падает на самый завод и строения, застрахованные в частных страховых обществах. Последние тотчас по получении сведений о пожаре выслали своих доверенных для определения размера убытков и наличности оставшегося имущества, которые работали на заводе более месяца и в заключение пришли к соглашению с управлением завода относительно размера подлежащего выдаче страхового вознаграждения. Но в это время черниговский вице-губернатор, исправлявший должность губернатора, выдал страховому обществу удостоверение, гласившее, что пожар произошел при народном беспорядке, после чего страховые

общества, пользуясь текстом своих уставов, отказались от выдачи вознаграждения за сгоревшие при погромах здания.

Виновных в разграблении завода, согласно произведенным обследованиям Глуховского, Новгород-Северского и Севского уездов, свыше 1000 человек.

ВОРОНЕЖСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

Бирюченский уезд.

Беспорядки в Воронежской губернии сосредоточились в Бирюченском уезде, в коем крестьяне наименее обеспечены землей по сравнению с другими местностями губернии. Не говоря уже о том, что крестьянское землевладение в этом уезде занимает менее 10% всей площади земли, свыше 90% которой находится в частном владении, нельзя не указать, что именно в этом уезде весьма многие сельские общества получили так называемый даровой «нищенский» надел. Очевидно, что такое незначительное количество земли не может прокормить крестьян, которые, по средним данным статистики, около 40% бюджета должны изыскивать отхожими промыслами. В особо тяжелых условиях находятся крестьяне слоб. Веселой и окрестных деревень, которые имеют помянутый даровой надел и где недостаток земли давно уже ощущается всеми обществами; крестьяне неоднократно делали попытки к приобретению ее, но по разным причинам сделки с продавцами земли не состоялись. Тем не менее мысль о приобретении земли тем или иным путем не покидала крестьян, и по временам в с. Веселой возникали толки о необходимости отобрать землю у соседней экономии хотя бы насильственным путем. При этом отступали на второй план хорошие отношения с экономией. Владелица экономии кн. Юсупова, сочувствуя положению крестьян, всегда оказывала им по возможности поддержку: так, она распорядилась сдавать им в аренду 1 600 дес. по 4 руб. за десятину, тогда как арендная плата в данной местности доходит до 17 руб., по каковой цене главная площадь и сдается в аренду; кроме того, княгиня пожертвовала крестьянам 10 десятин усадебной земли и место под школу. С своей стороны крестьяне выбрали княгиню попечительницею школы и торжественно выражали ей благодарность за ее сердечное отношение. Отношения, даже между экономическими служащими и окрестным населением, не оставляли желать лучшего. И, несмотря на это, все эти добрососедские отношения не могли устранить затаенную надежду крестьян получить в свое распоряжение экономическую землю, а в 1902 г. действительное настроение крестьян вырвалось наружу, и они постановили приговор об избрании своего односельца некоего Лукьянова уполномоченцым для отобрания у княгини ее земли. Тогда это движение своевременно принятыми мерами был остановлено, но оно характеризует настроение крестьян. Вполне понятно, какое впечатление, при таких условиях, должно было производить на них как неслыханное проявление смуты внутри государства, так и достигшие до них слухи о крестьянских беспорядках в других местностях. Этих слухов, помимо всякой пропаганды и агитации (наличность коей в уезде совершенно не установлена), было вполне достаточно, чтобы возбудить волнение и беспокойство среди крестьян, которые, казалось, только ждали фактического подтверждения доходивших до них известий о погромах имений в других местностях. И действительно, когда 15 марта крестьянин слоб.

Веселой Антон Загоруйченко привез к себе в деревню случайно попавшийся к нему номер «Биржевых ведомостей», где описывались беспорядки в Курской губернии, то этой газетной статейки оказалось достаточно, чтобы вызвать взрыв. С жадностью читая эту статью, крестьяне особенно останавливались на том ее месте, где проводились объяснения крестьян, учинивших беспорядки, сводившиеся к тому, что будто бы царь просит крестьян притти к нему на помощь и отобрать у помещиков землю.

Все утро 16 марта в слоб. Веселой стояло большое волнение, и крестьяне, собираясь группами, оживленно обсуждали полученные известия, а на вопросы местного урядника отвечали, что у них есть новый закон, дающий им право отобрать в свою пользу экономическую землю, причем показывали ему номер газеты, в которой этот закон напечатан. Затем толпою до двухсот человек крестьяне направились к экономии. Предупрежденный управляющий отослал семьи служащих в г. Новый Оскол, а сам вышел к крестьянам, которые около 4—5 час. дня достигли ворот усадьбы. На вопрос управляющего, зачем они явились, крестьяне потребовали немедленного выезда из экономии всех служащих и выдачи им ключей и всего имущества, предупредив, что они никого не тронут и разрешают служащим увезти свое имущество. Просьбы и увещания, а равно угрозы управляющего вызвать войска, не остановили крестьян, которые ссылались на новый закон и показали управляющему газету. Просмотрев напечатанную в ней статью, управляющий попытался выяснить крестьянам их заблуждение, указывая, что статью надо прочесть до конца, но крестьяне кричали в ответ: «с нас довольно и того, уже пора делить землю», и стали в более настойчивой форме требовать ключи от конторы, причем некоторые тут же приступили к погрому ее, разбив в ней окна и ворвавшись в нее, стали выносить мебель, книги и документы; из всего этого был сложен на дворе костер и сожжен.

К этому времени в экономию прибыли веселовские старшина и староста, но на их уговоры прекратить бесчинства крестьяне не обратили никакого внимания. Видя, что дальнейшее упорство ни к чему не поведет, управляющий передал экономические ключи старшине, от которого они были тотчас же отобраны крестьянами, причем старшина получил удар колом по голове. Ударивший старшину бросился с колом и на управляющего, однако, остальные крестьяне удержали его, после чего управляющий покинул экономию, а крестьяне приступили к погрому. Хлеб в амбарах и скот они поручили наблюдению отдельных лиц, разбили ледник, кладовую, подожгли погреб и разграбили квартиру управляющего. На ночь крестьяне вернулись к себе в деревню, а утром 17 марта снова, и уже в значительно большем количестве, явились в экономию, причем к громилам примкнули и некоторые крестьяне ближайших деревень (напр., Шеншиновки) и продолжали расхищение имущества до 12 час. дня, когда прибыл бирюченский уездный исправник и сообщением о том, что приближаются войска, сумел остановить грабеж. В то же утро был разграблен и расположенный в шести верстах от экономии хутор ее, причем в разграблении его приняли участие главным образом сами рабочие, а также некоторые крестьяне соседнего Новооскольского уезда Курской губернии.

Прибывший исправник установил с помощью бывшей при нем полицейской стражи — 50 человек — охрану экономии и не допускал являв-

шихся небольшими толпами крестьян к разгрому как 17, так и в течение всего 18 марта, когда вечером приехал губернатор с пехотною частью, движение коей было чрезвычайно затруднено наступившей распутицей. Прибытие войск не только совершенно прекратило беспорядки, но и предотвратило новые, которые весьма явственно назревали в деревне Шеншиновке против экономии Шидловской, где крестьяне были крайне раздражены арендатором ее, купцом Сотниковым, и требовали его удаления. 18 марта означенные крестьяне уже по сему предмету постановили приговор следующего содержания: «Попросить арендатора Сотникова удалиться из экономии Шидловской, так как мы не имеем возможности пропитаться посевом своей общественной земли, нанять у Сотникова невозможно, сколько нам требуется по силе на каждого домохозяина; нанимаем 1/5 часть; сколько нам требуется на общество и то нехлебородная и за большие цены за десятину, по которым расход с приходом равняется, пользы не получаем; во-вторых, в самых малых проступках крестьян не признает, наказывает штрафами за каждую скотину и птицу, позволяет себе стрелять гусей с ружья, на жнивью, после сеновозки, принуждает гусей перевесть в нашем обществе; не согласен по нашему крестьянскому приговору, в противном случае вытесним поневоле с иконами». Направленные туда губернатором войска, а также личный его приезд в Шеншиновку не дали возможности вспыхнуть здесь, равно как и в других местах, беспорядкам.

В слоб. же Веселой 19 марта был собран сельский сход, встретивший губернатора на коленях. Указав крестьянам на преступность их действий, губернатор потребовал выдачи главных зачинщиков и возвращения награбленного. Слова губернатора были встречены толпой выражением покорности. Главари движения были выданы, и крестьяне начали возвращать похищенное. Тогда же судебные власти приступили к производству судебного следствия, причем арестованы были 31 человек. Убыток первоначально был заявлен в сумме 22 тыс. рублей, постановлением же комиссии определен в сумме 21 450 рублей. Той же комиссией лиц, участвующих в погроме, признано 308 [13]).

Заключение.

Из приведенных выше данных о развитии в феврале и марте месяцах текущего года беспорядков в Курской, Орловской, Черниговской и Воронежской губерниях нельзя не заключить, что в возникновении этих беспорядков играла существенную роль социально-революционная пропаганда. Первые погромы имели место в Дмитриевском уезде Курской губернии, где связь этих погромов с названной пропагандой установлена с несомненностью: обнаружены и лица, явившиеся главными при этом деятелями. Социально-революционная пропаганда уже давно, еще с 70-х годов, ведется в деревнях, но долго она здесь не встречала сочувствия в крестьянах, разбиваясь об старинный уклад их семейной и общественной жизни. В настоящее время, как это обнаруживается данными расследования курских беспорядков, пропаганда в губернии Курской свила в деревнях прочные гнезда. Появление таких лиц в деревнях, как Оводов и Кузьмичев и других его сподвижников, поименованных выше, повидимому, отнимает всякую надежду на то, чтобы пропаганда в этих местностях могла прекратиться или заглохнуть. К этому следует добавить, что, несмотря на арестование всех поимено-

ванных лиц, революционные прокламации, как это свидетельствуют местные исправники и земские начальники, получаются в уездах Дмитриевском и Севском (вероятно, и в других) массами и распространяются в народе. Необходимо, однако, отметить, что к беспорядкам примыкали значительные массы крестьянского населения, не имея представления о социально-революционных учениях. Исследование условий и причин участия в беспорядках этих масс населения представляет особенно важный практический интерес, ибо сюда, в эту сторону должны быть направлены мероприятия к устранению на будущее время повторения курских беспорядков.

Несомненно, нищета имела в известных случаях большое значение в развитии беспорядков, которые в сущности представлялись простыми грабежами, лишь отчасти прикрываемыми стремлением завладеть землею помещиков, лишив их уничтожением построек, инвентаря и другого имущества возможности вести хозяйство.

Нередко крестьяне действия свои оправдывали будто бы царским повелением, но чрезмерная наивность, с какою крестьяне верили слухам о такой царской воле и засим раскаивались в своих поступках, повидимому, приводит к заключению, что сами крестьяне не придавали им серьезного значения и лишь прикрывались ими. В некоторых случаях грабежи нашли себе почву в недостатке продовольственных средств, вследствие неурожая в предыдущем году и прекращения работ в казенных лесах, дававших населению обыкновенно крупные заработки (Трубчевский уезд). Чрезвычайно поучительна в этом отношении история возникновения беспорядков в дер. Алешенках Трубчевского уезда, где нищий, показав хлеб, полученный им при грабежах в Курской губернии, побудил тем мирное до того население взять насильственно хлеб из амбаров владельца имения. Отсутствие выгонов для скота и прекращение толок на помещичьих землях, вследствие развития многопольного интенсивного хозяйства в помещичьих имениях, привело во многих местностях Севского уезда к падению крестьянского хозяйства и крайнему обеднению населения. Крестьяне таких селений естественно расположены были присоединиться к грабежам. Крестьяне, получившие так называемый дарственный надел, представляют также элемент, весьма пригодный для беспорядков, ибо полное падение их хозяйств, часто невозможность выпустить курицу без того, чтобы она не попала на чужую землю, приводит таких крестьян в состояние отчаяния, при котором человек легко решается на все, лишь бы сделать попытку изменить существующее положение. Нельзя при этом не указать, что, как видно из прилагаемых при сем сведений об экономическом положении селений, принимавших участие в погромах, значительные повсюду окладные, в том числе и мирские сборы ложатся особою тяжестью на крестьян, получивших малые наделы. Так, в то время как крестьяне при полном наделе платят с десятины всех сборов, в том числе и выкупных платежей, от 1 руб. до 2 руб. с десятины, получившие дарственные наделы без выкупных платежей уплачивают до 3 рублей с десятины (с. Веселая, Бирюченского уезда, Воронежской губернии). Разорительность таких сборов сама собою очевидна.

Немалую роль сыграли в развитии беспорядков в некоторых местностях дурные отношения экономий (почти исключительно новых владельцев из купцов, мещан и разбогатевших крестьян, либо экономий, управляемых приказчиками и управляющими), причем особо важное

значение имели не столько чрезмерно высокие арендные цены, установленные владельцами за земли, сколько ограждение имений от потрав, пользования ягодами и т. п. чрезмерно строгими, придирчивыми мерами.

Но все перечисленные поводы представляются в беспорядках, имевших место прошедшею весною, лишь случайными причинами, — погромы начались в селениях Курской губернии, богатых как надельной, так и купленной при посредстве Крестьянского банка землей, притом нередко при самых лучших отношениях между крестьянами и владельцами имений.

Разумеется, все только-что указанные причины не вызвали бы беспорядков, если бы для крестьянского движения в поименованных выше губерниях не было больше общих благоприятных для него условий. Условия эти представляют то духовно-нравственное состояние крестьянства, в коем оно пребывает в данных местностях. Крестьяне в этих губерниях в громадном большинстве неграмотны, следовательно, школа, которая здесь очень дурно обставлена (есть школы, где учителя получают 14—20 рублей в месяц), почти не коснулась населения. Духовенство, как это ясно обнаружили беспорядки, не имело, за немногими исключениями, ровно никакого влияния на народ в делах общественной жизни. Помещики очень часто не живут в имениях, следовательно, и они не могли оказывать на крестьян культурного влияния. Наконец, встретилось одно имение, где уже 20 лет как введена в систему раздача населению, в том числе и малолетним, вина и спирта в счет платы за работы. В результате имеется население невежественное, грубое и склонное к пьянству. В этом населении притом очень слабо развито уважение к чужой собственности, и совершенно не существует ясного представления о том, что без уважения к частной собственности не может спокойно протекать общественная жизнь. Факты из сельской жизни, подтверждающие сказанное, слишком известны, чтобы требовали перечисления. Это неуважение к чужой собственности распространяется у крестьян и на земельное имущество. Уже с давнего времени, и во всяком случае со времени освобождения от крепостной зависимости, крестьяне мечтают о получении помещичьих земель в свое распоряжение и по временам проявляют попытки к осуществлению этой мечты. Противодействовать распространению среди крестьян сказанного отношения к земле и способствовать развитию в них уважения к земельному, как и всякому другому, имуществу соседа могла бы крестьянская земельная собственность, т. е. умножение числа крестьян-собственников земли. Но крестьяне-земледельцы благодаря условиям общинного землевладения хотя и носят на официальном языке наименование собственников, таковыми, однако, не могут считаться. Действительно, право общества, т. е. нередко случайно подобранного большинства $^2/_3$ голосов, взять у домохозяина его землю и дать ему таковую в меньшем количестве и в другом месте, совершенно отучает крестьянина смотреть на себя как на собственника земли, причем вместе с тем укрепляет в крестьянах представление о праве их на наделение землею сообразно их потребностям. Все это постепенно приводит крестьян к отрицанию земельной собственности вообще, а в частности и частновладельческой, помещичьей. Отсюда недалеко до перехода к отрицанию прав собственности на продукты, даваемые землею, а засим и на всякое другое имущество.

Дурные стороны земельной общины и ее влияние на крестьян при существовании строгой власти, опирающейся на круговую поруку, сдерживались и стушевывались, и потому до некоторой степени поклонники сельской общины имели право ожидать, что из уклада ее хозяйственной жизни могут выработаться формы общежития, которые разрешат жгучие вопросы, выдвинутые все усложняющимися условиями жизни, все более тяжелой борьбой за существование и развитые социальными учениями и западноевропейскою общественной жизнью. Но в настоящее время, когда всякая власть до крайности парализована и на восстановление ее в скором времени нет оснований рассчитывать, — дурные стороны земельной общины и влияния ее на членов своих ясно обнаруживаются. Такого мнения держатся все местные деятели, с коими мне приходилось разговаривать во время поездок по исполнению возложенного на меня поручения. Влияние общинного владения землей на беспорядки наглядно сказалось в Дмитриевском уезде, где местами переделы земли подали ближайший повод к бесчинствам толпы (см. выше).

Нельзя при этом не отметить, что все селения Орловской, Курской и Воронежской губерний, принимавшие участие в разграблении экономий, пользуются землею на общинном праве, селения же Черниговской губернии, имеющие подворное владение, хотя и участвовали в разграблении Михайловского хутора Терещенко, но они только присоединились к грабежу, причем многие крестьяне явились, лишь увидев пожар.

Немалое влияние на слабое развитие среди крестьян понятия о неприкосновенности чужой собственности имеет закон, ограждающий все принадлежности крестьянского хозяйства, надельные земли и инвентарь от распродажи за долги. Крестьянин, хорошо зная, что у него продать почти нечего, свободно нарушает свои обязательства и постепенно приучается к нарушению чужой собственности.

Наконец, несомненно, возникновение и развитие беспорядков в сельских местностях в настоящем году стоят в зависимости от общего положения государственной жизни. События неудачной войны, доходящие до крестьян обвинения всего строя, т. е. в глазах крестьян «господ», в злоупотреблениях доверием государя, неравномерный призыв запасных солдат, — все это возбуждает и волнует крестьянскую массу в высокой степени и дает почву для развития всяких беспорядков. Ко всему этому крестьяне были убеждены, что войска все на Востоке и на месте нет силы, которую можно было бы им противопоставить. Между тем местные административные власти оказались не на высоте своего положения и не оказали противодействия той волне, которая охватила крестьян. Так, местная администрация, оказалось, не имела сведений о совершающемся среди населения движении. Земский начальник Кусаков, энергично затем принимавший участие в подавлении беспорядков и трудах временной комиссии, до такой степени оказался далек от внутренней жизни участка, что просмотрел, как в пропаганде беспорядков и грабежей приняли участие его ближайшие подчиненные — волостной старшина, волостной писарь и волостной судья. По крайней мере, склад мировоззрения этих лиц был ему совершенно неизвестен. По собственному признанию, г. Кусаков еще в ноябре слышал о каких-то сходах в Гламаздине, но он, не обратив внимания на этот слух, уехал в продолжительный отпуск. Единственным оправданием в этом случае могло бы служить г. Кусакову то

обстоятельство, что земские начальники, не имея вообще со стороны губернской власти должного руководства, в период времени, предшествовавший беспорядкам, под влиянием газетных толков и некоторых правительственных мероприятий утратили веру в свое назначение и боялись каких-либо решительных мер. Тою же боязнью решительных действий следует объяснить самовольное задержание исправником телеграммы земского начальника Кусакова на имя губернатора о высылке войск, продолжительные сношения губернатора с исправником после получения им телеграммы земского начальника от 14 февраля и распоряжение о высылке войск лишь 18 февраля и, наконец, предоставление орловским вице-губернатором Хинельского завода на разграбление. Эта нерешительность вместе с полною неподготовленностью низших полицейских органов — урядников и стражников — к борьбе с беспорядками, несомненно, дали возможность развиться грабежам и насилиям до тех размеров, кои они приняли в Орловской и Курской губерниях.

Из всего вышесказанного явствует, что в целях предотвращения на будущее время таких грабежей скопищами крестьян, кои производились в феврале и марте месяцах текущего года, помимо таких общих мер, какими представляются поднятие уровня развития крестьян и улучшение их хозяйственного быта, причем особое внимание должны бы обратить на себя крестьяне, получившие дарственный надел, ибо действительно этот разряд крестьян по справедливости уподобляется местными людьми горючему материалу, способному воспламениться при малейшей искре, помимо реформ крестьянского и вообще местного управления и приведения в больший порядок организации сельской полиции и вообще полицейской части в губерниях, а также установления более живого и энергичного руководства на местах деятельностью крестьянских учреждений, — надлежит принять энергичные меры к скорейшему развитию в крестьянах уважения к чужой собственности вообще, и к земельной в частности. Надежною мерой в этом отношении было бы развитие взамен общинного землевладения такой формы владения землею, которая делала бы каждого домохозяина действительно собственником своей земли, каковая мера необходима в то же время и для поднятия сельскохозяйственной культуры среди сельского населения.

Но такие мероприятия не могут быть осуществлены в короткий срок. Посему в настоящее время остается воздействовать на крестьян такими мерами, которые вселяли бы в них убеждение, что всякое нарушение чужой собственности должно быть возмещено за счет виновных и всего их имущества. Лишь возможность продажи в этих случаях всего, в том числе и надельного, имущества будет вселять в народе убеждение, что грабители лишаются особой попечительной охраны закона и, следовательно, деяния их признаются преступными верховною властью и влекут за собою действительную ответственность посягавшего на чужое имущество. Такую меру и устанавливает высочайший указ 10 апреля текущего года, определяющий взыскание причиненных погромами убытков со всех виновных в сих погромах, причем взыскание это подлежит обращению как на вненадельное, так равно и надельное имущество крестьян. Необходимо, однако, как это свидетельствуют местные люди, чтобы в дальнейшем было, с одной стороны, обеспечено решительное применение сего указа к некоторым наиболее виновным

в беспорядках крестьянам, с другой же стороны, была предоставлена возможность в остальных случаях применения льготных условий уплаты причиненных владельцам убытков.

Помощник управляющего Земельным отделом Литвинов.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) Звегинцев, Иван Александрович, т. сов., был командирован «по высочайшему повелению» в начале марта 1905 г. в Орловскую, Курскую и Черниговскую губернии для расследования причин крестьянских волнений в означенных губерниях.

О характере этого «расследования» можно судить по объявлению, им разосланному 9 марта 1905 г.: «За последнее время в некоторых уездах Орловской и соседних с нею Курской и Черниговской губерний крестьяне дерзнули скопищем разграбить и сжечь несколько заводов и помещичьих усадеб. Ввиду сего объявляю во всеобщее сведение, что для подавления беспорядков принимаются и будут приниматься самые быстрые и решительные меры вооруженной силой, и все виновные в таких беспорядках немедленно подвергнулись судебному преследованию по 2691 ст. ул. о нак., по силе которой наказание положено в законе до восьми лет каторжных работ».

2) Село Сальное, Прилепповской волости, Дмитриевского уезда, Курской губернии. Ввиду того, что село Сальное играло ведущую роль в крестьянском выступлении начала 1905 г., здесь приводятся некоторые данные, дающие представление об экономическом положении крестьян этого села.

Число дворов — 141; жителей обоего пола — 1 033 чел.; общее количество надельной земли — 1 255 дес.; количество земли в среднем на душу — 1,21 дес.; безлошадных дворов — 32; крестьян, уходивших на заработки, — 100 чел.; сумма окладных сборов — 3 692 р. 61 коп., в среднем на 1 платежную единицу приходилось 26 р. 71 коп.

3) До 2 марта 1905 г. в районе крестьянских выступлений в Курской губернии находилось 4½ роты пехоты и 5 эскадронов кавалерии. Они были расположены в следующих деревнях:

Дубовицы — 1 рота и 2 эскадрона, Селино — ½ роты, Прилепы — ½ роты, Дмитров — 1 взвод, Дерюгино — ½ роты, Михайловка — 1 взвод, Сковороднево — ½ эскадрона, Крупец — ½ роты и 1 эскадрон, Шалыгино — ½ эскадрона, Бурынь — ½ роты, Теткино — ½ эскадрона, Льгов — ½ эскадрона и Марьинский завод — ½ роты.

4) О размахе движения в Севском уезде Орловской губернии можно судить по следующим данным, взятым из донесения земского начальника 4-го участка (см. табл. 1 на стр. 168).

Из каждого третьего двора были подвергнуты аресту по одному человеку, как активные участники крестьянских выступлений.

5) О размахе движения в Дмитровском уезде Орловской губ. можно судить по следующим данным, взятым из донесения земского начальника 2 участка (см. табл. 2 на стр. 168).

6) Указом от 10 апреля 1905 г. были созданы временные уездные комиссии во всех губерниях, где произошли крупные крестьянские выступления. Временные комиссии должны были установить сумму убытков, понесенных помещиками от разгрома имений, а также составить список лиц, участвовавших в разгромах имений. По решению этих комиссий убытки от разгрома имений взыскивались с крестьян путем распродажи всего движимого и недвижимого имущества последних, включая и надельную землю.

21 апреля 1905 г., по распоряжению министра внутренних дел, для открытия действий временных комиссий и руководства деятельностью сих комиссий был командирован в Орловскую, Курскую, Воронежскую и Черниговскую губернии помощник управляющего земским отделом мин. внутр. дел Я. Я. Литвинов.

7) В сборнике «1905 год в Курской губернии» (г. Курск, изд. «Советская деревня», 1925 г.) приводятся некоторые данные об отходничестве в Курской губернии: с 1 сентября 1904 г. по 1 сентября 1905 г. было выдано 246 410 паспортов. Из них мужчинам — 79,9%, женщинам — 15,4% и целым семьям—4,7%.

В Курской губ. числилось мужчин работников 542 000 человек и женщин 588 000 человек. Таким образом, из общего количества работоспособного мужского населения уходило на заработки 41,6%, а женщин — 10,3%.

Таблица 1

Название деревни и волости.	Число домохозяев	Число жителей обоего пола	Колич. крест., привлеченных к ответственности
Лемяшевской вол.			
с. Хинель	305	1 810	287
« Фащебка	206	1 422	110
« Барановка	201	1 154	1
« Лемяшовка	242	1 628	1
« Троебортное	79	516	6
« Никеселица	128	687	1
Подывотской вол.			
с. Подывотье	220	1 676	15
« Никитское	23	124	14
« Сетное	166	1 222	79
« Сарангино	125	809	40
« Подлесные Новоселки	182	1 345	71
Витичской вол.			
с, Витич	139	892	74
д. Курганка	39	370	3
д. Бордоковка	84	683	64
с. Познышевка	195	1 233	114
Орлинской вол.			
д. Безготково	80	596	1
Итого	2 394	16 169	881

8) По данным земского начальника 4-го участка Дмитровского уезда Курской губ. в разгроме помещичьих имений в Дмитриевском уезде участвовало около 10 000 человек.

9) Списки арестованных по Дмитриевскому уезду Курской губ. имеются в д. № 34-а, ч. II, лл. 72—81 земского отдела мин. внутр. дел (Архив внутр. политики, культуры и быта ЛОЦИА).

Таблица 2

Название волости и деревни	Число хозяев	Число жителей обоего пола	Колич. крест. привлеченных к ответственности
Долбенкинской вол.			
с. Долбенкино	178	1 136	73
д. Трубичино	97	649	25
« Погарище	75	558	7
« Харланово	133	958	26
« Студенка	95	645	2
« Апойково	62	445	3
« Фиризево	104	741	2
Итого	744	5 132	138

10) По данным курского губернатора, общая сумма убытков от разгрома помещичьих имений в Дмитриевском уезде Курской губ. выразилась в 401 551 р. 26 к.

11) См. также корреспонденцию о крестьянских волнениях в Севском уезде Орловской губ., помещенную в большевистской газете «Вперед» № 11, 23(10) марта 1905 г. под заголовком «Крестьянское восстание».

12) Экономическая зависимость крестьян от Долбенкинской экономии была настолько велика, что даже прокурор был вынужден в обвинительном акте писать: «При расследовании причин, вызвавших указанные беспорядки, установлено, что крестьяне села Долбенкина и окрестных деревень Погарище, Трубичиной, Фиризевой, Студенко, Харланова, имея незначительный земельный надел, около 3 десятин на ревизскую душу, и проживая среди окружающих их со всех сторон обширных земельных угодий, принадлежащих Лобановской экономии, находились от последней в полной экономической зависимости, будучи вынуждены арендовать у нее землю и покосы, работать и брать у ней хлеб и другие сельскохозяйственные продукты на условиях, иногда для себя обременительных.

Указанная зависимость, естественно, вызвала у крестьян чувство недовольства своим положением и порождала между ними и администрацией экономии ненормальные отношения».

13) По постановлению временной уездной комиссии в одной лишь слободе Веселой, Бирючинского уезда, Воронежской губ., были привлечены к имущественной ответственности за участие в крестьянских волнениях начала 1905 г. 297 человек из общего числа домохозяев в 433 человека. Таким образом, больше 60% домохозяев слободы Веселой были привлечены к ответственности.

Из дневника Л. Тихомирова[1])

(Период столыпинщины)

1908 г.

31 августа. Получил от Нольде довольно любопытное письмо насчет кампании, ведущейся против Столыпина.

Что же именно эта коалиция может сделать Столыпину, какая у ней может быть дальнейшая программа?

Собственно говоря, и у Столыпина нет серьезной программы. Он начинает кучу реформ, но все они вырабатываются кое-как, скорее в виде вывески, чем дела. И какое может быть дело, систематическое, глубоко проникающее, если на верху государства идет спор за верховную власть?

Вот он все не вызывает меня. А мне все хочется просить его об аудиенции у государя, причем я бы желал и самому Столыпину объяснить то, о чем хочу подать записку государю. Однако, вероятнее всего, что, даже вызвавши меня, Столыпин не станет говорить ни о чем постороннем моему докладу. Да если бы и дал высказаться, то не войдет он в мою мысль. Он не видит опасности нашего положения, преувеличивает значение временного затишья.

2 сентября. Несколько дней сижу дома. Сначала простудился, потом прислали из управления поручение сделать характеристику спиритуалистически-оккультных журналов. Из приложений вижу, что этим интересуется Столыпин, и вероятно потому, что по сведениям Гершельмана, около этой литературы орудуют масоны.

Я еще в Москве слыхал о сильном развитии масонства. Впрочем уж были и в заграничных газетах масонские же заявления, что они не ожидали найти в Москве такое множество сторонников.

Ах Россия, Россия! Urbem mature perituram! Вот уж точно, как древняя дева Израиля, — не может пропустить ни одного куста, чтобы не соблудить с кем-нибудь...

Руки опускаются с этим несчастным народом.

Между прочим, холера сильно развивается здесь, в Петербурге, а не в Москве. Петербург совершенно загажен, и его самоуправление — верх гадости. В Москве много умнее и заботливее. Да и на простой глаз теперь Москва кажется чище Петербурга, который местами целыми верстами превращен в клоаку (Лиговка, Обводный канал, даже половина наших Песков).

В Ростове-на-Дону уже был «холерный бунт».

При таком страшном расстройстве всего управления по всей стране, при всеобщем разорении, бедности и безобразной жизни, конечно, холера везде имеет самую подготовленную почву.

---

[1]) См. «Красный архив, т. LXXII», 120—159.

Интересно знать, будет ли конец нашим бедствиям?

Ну, а Столыпин так-таки не вызывает меня. Видно не интересуется... Я для него, вероятно, «непрактичен»... Вопрос только в том, насколько практична «petite habilité politique» в такие страшные времена политическо-социально-нравственного разгрома. Тут нужны «grands moyens», а не проволакивание дня за днем мелочной «практичностью»: там сунул, там смазал, там пригрозил, день да ночь — сутки прочь.

Зато, кажется, в большом фаворе у него Алексей Валерианович. Он, действительно, большой практик по части политики «в раздробь», что в конце концов и поддерживает политику «в разброд».

Что-то недоброе чуется мне в будущем, и еще раз носится вопрос: «зачем я посажен в это болото?» Да будет воля божия, лишь бы это была его воля... Но все же я не понимаю, в каких именно видах посажен я в чиновники? Разве для кормления. Конечно, нужно кормиться, и благодарение господу, посылающему хлеб насущный. Но только ли это составляет причину моих приключений?

3 сентября. А холера-то как страшно быстро развилась в Петербурге! Нет недели, а уж по 250 чел. в день... Тяжелое, беспокойное время переживаем. Теперь во всей России нет такого опасного по эпидемии места, и, кажется, во всей России, вместе взятой, не заболевает столько, как в одном Петербурге. Город страшно загажен, власти городские и правительственные ничего не делали и теперь в какой-то растерянности, и среди самих исполнителей, повидимому, нередка демо ализация.

5 сентября. Холера увеличивается в самой страшной прогрессии. Уже 308 заболеваний в сутки, около 150 умерших. Что только будет? Господи помилуй.

Крайне нелепая штука заварилась из-за Айвазова: его «Что такое Лев Толстой» напечатано в «Русском знамени», «Колоколе», «Миссионерском обозрении» и «Церковных ведомостях» (синодских). СПБ комитет арестовал «Русское знамя» за «богохуление». В статье Айвазова хулится Толстой, но приводятся богохульные выражения Толстого, и вот за эту хулу, произносимую Толстым, должен судиться Дубровин. Логика заставила далее арестовать и «Колокол», а затем и самую брошюру Айвазова. Остается еще арестовать синодальный орган! Прямо чорт знает что! И уже конечно, Катенин заварил эту кашу не от себя, а по внушению свыше, т. е., не иначе как Столыпина? Приходится так думать!

Но куда же идет Столыпин, если так? Выходит произвол невероятный, и — во имя защиты таких нелепых еретиков, как «великий старец».

Неужели я так страшно ошибся в Столыпине? Я не говорю с религиозной точки зрения, хотя Столыпину, верующему, не пристало бы защищать такими противозаконными мерами злобного и грубого ругателя церкви. Но — passons! Я бы желал одного—знать, какой политический смысл ссорить правительство со всей мало-мальски верующей православной Россией? Наши чиновники — в огромном % совершенные безбожники. Они способны одобрять эти «Kulturkampf'ы» и Комбовщину. Но ведь дело не в чиновниках, а в народе. Какой смысл отождествлять правительство с еретиками и атеистами? Какой смысл вооружать против себя новые силы? Или одних революционеров недостаточно?

Абсолютно не понимаю целей и смысла таких мер.

Теперь ходят слухи об отставке Роговича. Еще этого недоставало! Дело в том, что циркуляр синода против участия православных в чествовании Толстого пропущен Роговичем, который не предупредил о готовящемся шаге Столыпина. Говорят, что на вопрос Столыпина, почему Рогович его не предупредил, Рогович ответил: «Да ведь вы бы возражали и не согласились»...

И вот, Рогович, крайне покладистый, по слухам, готовится попасть в «мученики». Это будет поступок архиошибочный. Не говоря о том, что разыгрывать роль повелителя церкви — совершенно не пристало председателю совета министров и по закону не присвоено. Затем, какой смысл, какая цель? Неужели создать у нас еще и «религиозные войны»? И это при «свободе вероисповедания» и т. д. и т. д.

По-моему — умопомрачение!

7 сентября. Вчера я имел длинный разговор с Бельгардом насчет нелепости, поднятой управлением по поводу статьи Айвазова. Оказывается, что он сам сделал этот промах, т. е. Катенин спросил его, можно ли арестовать «Русское знамя», и он согласился... Ну, а дальше уж пошла логика событий. Столыпин тоже согласился (Бельгард его спросил). Короче, Катенин, по глупости возбудил шум, а эти дали санкцию.

Столкновение и разговор с Роговичем по поводу циркуляра синода — действительный факт. И хотя не предполагается прогнать Роговича теперь же именно за это дерзновение, но через несколько времени его спустят. Вот изволь тут возлагать надежды на Петра Аркадьевича! Этаким вздором занимается, который не стоит и минуты внимания, а между тем из-за этого вздора Столыпин рискует прослыть «Комбом» и гонителем православия.

Lasciate ogni speranza!

Никакого толка немыслимо ожидать. И когда же, наконец, и откуда прийдет «настоящий», серьезный государственный деятель?

Между прочим, сегодня переписал мой доклад (Бельгарду) об оккультно-спиритуалистической печати в Москве. Это гнуснейшее явление... Словесно я ему вчера докладывал, и он заинтересовался. Но, кажется, он склонен подозревать, что у оккультистов есть дворцовые пособники. Конечно, — ведь был же Филипп.

Тоска. Ну что тут можно путное сделать? Все формы разложения, а здорового зерна не прорастает. А тут еще холера свирепствует. Безотрадность. Где бог Илии? Да и где Елисей, который способен это воскликнуть?

8 сентября. Сегодня был доклад мой у Столыпина, протянувшийся от 10 ч. до 12½ ночи. Он, т. е. Столыпин, может схватывать идею, но страшно мало осведомлен по рабочему вопросу (что сам прекрасно знает), и уж не знаю, выйдет ли у нас толк. Я хорошо сделал, что составил для него подробный обзор составных частей рабочего вопроса. Это ему может помочь разобраться в предмете, а тогда он, может быть, много лучше меня придумает практические меры.

Сказал ему также, что желал бы иметь аудиенцию у государя, чтобы поговорить о церковных. Он полон сомнений о церковных делах. Хотя и сказал, что готов испросить аудиенцию, но хочет со мной и сам переговорить.

Государь останется в Шхерах еще долго, с месяц, так что время есть.

12 сентября. Столыпин понаслал кучу законопроектов (вероисповедные и о страховании рабочих). Оно, конечно, любопытно, а только пользы не предвидится. Дел — полон рот, и все без толку. Сделал Бельгарду заключение о спиритических журналах, — и без пользы, конечно. Тиханович-Савицкий прислал материалы по любопытнейшему делу Руднева, обвиняемого по 281-й ст. уложения о наказаниях (порицание властей за неправильное составление основных законов 1906 г.). Просит меня поднять журнальную агитацию, чтобы повлиять на сенат, теперь рассматривающий это дело. Вот уж истинно «черная сотня». Я, член совета, буду агитировать в газетах по делу, возбужденному нашим же инспектором. Ни малейшего понимания служебного долга!

Это — дорогая тема для запроса в Думе, но глупый человек и в мыслях не имеет обращаться к депутатам.

Я доложил Бельгарду, который думал поговорить с министром юстиции. Ну, конечно, ничего не выйдет. Пожалуй, Щегловитов нарочно подобьет сенат на истолкование в смысле ограничения царской власти. Со Столыпиным — и то неловко говорить помимо Бельгарда: ведь дело касается управления по делам печати. А Бельгард не захотел говорить со Столыпиным: дескать, не касается министра внутренних дел.

Да, вероятно, и говорить не стоит. Они ограничили царя и, кажется, вполне на этом успокоились.

Не знаешь, что и делать: сам царь ограничивает царскую власть, подписывает закон. Народ «безмолвствует», — что тут поделаешь?

Хоть бы церкви-то сколько-нибудь помочь, да и то мечта.

Хотел спросить, правда ли сообщение «Нового времени»:

«Нам передают, что св. синодом в заседании 10 сентября избраны следующие иерархи для присутствования в зимней сесии св. синода, открывающейся в будущем месяце: архиепископ варшавский и привислинский Николай (Зиоров); архиепископ волынский и житомирский Антоний (Храповицкий); присутствующий в летней сессии архиепископ финляндский и выборгский Сергий (Старогородский); епископ холмский и люблинский Евлогий, член Государственной думы, и епископ тамбовский и шацкий Иннокентий. Названные архипастыри явятся заместителями ранее присутствовавших в св. синоде: Макария, архиепископа томского, Никона, епископа вологодского, Алексия, епископа таврического, Митрофана — пензенского, Гермогена — саратовского и Серафима — орловского».

Если это правда, то значит прошлогодний демарш Серафима, Гермогена и о. Восторгова благополучно «ликвидирован». Кто устраивает эти камуфлеты? Архипастыри между собой грызутся почище чиновников. Помогай тут церкви! Развал идет. Антоний Храповицкий спит и видит патриаршество и не хочет собора. Вероятно, и он останется «с носом». Провалить собор поможет, а патриаршества не получит. Так только уничтожают друг друга.

Но куда девался митрофорный Восторгов, минутный фаворит? Где-то в Крыму отдыхает! Это, вероятно, просто опала или преддверие ее.

Да, старая Россия, кажется, бесповоротно умирает. Novum nascitur ordo. Замыкается круг времен.

15 сентября. Очень любопытное письмо Киреева... Отвечал, конечно, что буду очень рад поговорить.

Но что значит оборот, какой придает делу Столыпин? Ведь в действительности он мне ничего такого не поручал *). Он лишь согласился передать мою записку государю и даже испросить мне аудиенцию (что само собой подразумевает изготовление записки). Теперь же оказывается, что он мне поручил составить записку. Выходит, что записка будет его? Значит ли. это, что он намерен принять мою (которой в точности еще и не знает), или помешать мне остаться самим собою?

Без сомнения, если бы он взял на себя действительно мою записку, то это было бы гораздо лучше, ибо он бы ее имел в тысячу раз более шансов осуществить. Но я что-то сомневаюсь в возможности с ним вполне столковаться.

И зачем он рассказывает об этом? Он этим распространяет слух (волей неволей) о нашей единомышленности. Для чего? Или он действительно находит такую родственность взглядов? Или какая иная мысль?

Доживем — увидим! Скажу только, что пока — Столыпин и мои отношения с ним, и его отношения ко мне — все это для меня загадка, т. е. во многом. Конечно, если бы господь направил его на добрый путь, смело, ясно, то чего и желать. Тогда я бы понял смысл своего пребывания здесь и охотно бы на него работал.

Ну, коли доживем, то увидим.

16 сентября. А я читаю вероисповедные законопроекты, и просто сердце разрывается от негодования. Какой мерзкий, гнусный дух, какая подлая эксплоатация царских манифестов: просто подделка. Но что же это за человек—этот Петр Аркадьевич? Неужто он совсем не читал того, что подписывал, или не чувствует отвращения к этому канцелярскому запаху подлого чиновничьего атеизма?

Отчаяние берет! Нет, должно быть наша монархия осуждена на гибель, и не спасешь ее. Все прогнило. Везде изменники богу и царю.

21 сентября. Ниоткуда ничего хорошего не видать. Только холера как будто уменьшается. С максимума (408) постепенно дошла до 163 в день. Но это все же очень много, и общее число больных в больницах уменьшилось всего на 2 человека, т. е. завтра же может превзойти даже и прежнее число.

Убедился, что Гурлянд — большая сила у Столыпина. Немудрено, потому что превосходный работник, в смысле техники, знания и трудоспособности. Но направление, в котором он может влиять, — самое печальное: абсолютистическое, централизаторское, чуждое социального творчества. Недаром он доктор полицейского права...

Но уж, конечно, в смысле работы, исполнения практического желаний такого министра, я Гурлянду и в подметки не гожусь. Что касается общих идей, то они хороши у министра, а не у подчиненных. Будь я министром, тот же Гурлянд разработал бы мои планы в практической форме в сто раз лучше, чем мог бы сделать я. Но я не министр.

Вообще, кажется, из меня будет немного проку. Я собственно не чужд творческого настроения, но осуществлять не умею. Да и творческое мое настроение так чуждо современной мысли русских, что могло

*) В упоминаемом письме Киреева Тихомирову имеется следующая фраза: «Столыпин сказал мне, что он поручил вам составить записку о соборе российской церкви».

бы пригодиться разве через 20 лет. Это я давно замечаю. Идейно я выше своего времени, понять меня оно вообще не может, а убедить людей и тем паче заставить — силенки нехватает. Вот и выходишь — человек «ни к чему». Ни богу молиться, ни горшки накрывать... Хуже суздальской иконы, о которой говорят: «Не пригодится богу молиться, так пригодится горшки накрывать».

23 сентября. Завтракал в Павловске у великого князя Константина Константиновича. Семья очень симпатичная, простая. Очень понравилась мне великая княгиня Елизавета Маврикиевна. Жаль, что плохо говорит по-русски. Мешали мы русский с французским, я сидел около нее за завтраком. Дети на вид — симпатичны, а молоденький Олег (16 лет), сидевший около меня, кое-что болтал со мной. Сам в. кн. Константин Константинович мне показался несколько мрачен. Он много говорил, и в частности со мною, но я ни разу не подметил на его лице улыбки.

И — правду сказать — трудно им быть веселыми ныне.

Ladinastie s'en va. ...Павловский дворец еще живет, но уже смахивает на «воспоминание». То же ощущение чего-то «прошлого» было у меня и в Царскосельском дворце. Только в нем прошлое в церемониальном виде, в Павловске — в семейном.

Что-то будет в обоих через 10 лет?

Великая княгиня, напротив, очень оживлена, но зато ей скучно. Она жаловалась Кирееву: «С моими так скучно, познакомьте меня с Тихомировым, если вы говорите, что он — умный». Ну, если кругом скучно, то, значит улей замирает!

Неужто же и у нас дворцы превратятся в Версаль? Кто бы мог подумать об этом при императоре Александре III? Боже, боже, что может сделать на свете один монарх и неужели национального монархизма нехватит на поддержание монархии еще хоть на 15—20 лет, до нового ее деятеля?

27 сентября. Киреев по телефону сообщает, что в. кн. Елизавета Маврикиевна поручила своему шталмейстеру поговорить со мной, чтобы я похлопотал у Столыпина о получении субсидии ее Синему Кресту! Что за чепуха? Откуда эти нелепые слухи о моем влиянии на Столыпина? Кто и зачем это сочиняет? Уж, конечно, неспроста, а с подвохом. Уж не интригу ли заводит и мой Илья Яковлевич?

Я просил Киреева расстроить этот план великой княгини.

В действительности я почти жду ссоры со Столыпиным на церковном вопросе. Уже моя критика его вероисповедных законопроектов написана в самом резком духе, и иначе нельзя писать о такой гадости. Тут — va banque! Либо пан, либо пропал: или потряс у Столыпина его мнение о достоинстве законопроектов, или не стоило и начинать дела. Теперь пишу записку о церковном соборе, и столь же резко. А он против собора. Опять приходится оставить всякое миндальничание, и говорить на чистоту, «с открытым забралом», по его же любимому выражению.

Между тем Нейдгардт считает абсолютно несомненным, что на церковном деле со Столыпиным нельзя сойтись, считает с моей стороны основной ошибкой всякую мысль об этом. Он говорит, что все, чего я должен постараться добиться у Столыпина, — это получить разрешение представить записку государю. Он думает, что Столыпин, по бла-

городству и рыцарству, может это допустить, оставаясь противником моей мысли.

Я же избрал именно этот «абсолютно невозможный» и «ошибочный» путь. Почему? Может быть, это и глупо, но мне кажется, что без содействия Столыпина все равно ничего не выйдет. Будет у государя одной запиской больше — вот и все. Нейдгардт говорит: «Вы исполните свой долг, а остальное — как бог даст». Но какой же это «долг», какое «исполнение долга», если я сделаю то, что, по моему мнению, ни к чему не приведет? Это «отписка», а не исполнение долга.

И вот я пошел по новому пути, где может быть: 1) или ссора и расхождение со Столыпиным, 2) или шансы на успех дела. Может быть, это и глупо, очень даже возможно. Но я иначе ничего не умею придумать, а нейдгардтовский путь мне представляется для меня неподходящим. Это значит просить Столыпина: «позвольте подложить вам свинью»! Странно как-то...

28 сентября. Был у меня Гурлянд. Ну, не вижу из его слов, чтобы Столыпин особенно проникся моими идеями по рабочему вопросу.

Кончаю записку о созыве поместного собора. Посмотрим, кто доживет, что из этого выйдет?

Надо сознаться, что доселе, за год я не провел в СПБ ни на один волос чего-нибудь путного, и вообще какой бы то ни было частицы своей идеи. А сколько работал, какие массы бумаги исписал!

29 сентября. Записка кончена. Послал (через Садовского) письмо Столыпину: прикажет ли прислать или лично доложить.

Странное дело, Гурлянд, бывши у меня, заговорил с негодованием о вероисповедных законопроектах, о том, какой дурак Владимиров, о том, как эти дураки компрометируют министра, и воскликнул: «Неужели не найдется никого, кто раскрыл бы глаза Столыпину на эти законопроекты?»

Уж не разнюхал ли о моей записке? Ну значит столыпинские тайны не очень-то скрыты!

Я, конечно, промолчал.

Этот Гурлянд — способнейший человек, знающий, энергичный работник, и смел, т. е. с оттенком нахальства. Государственные горизонты его не широки, но зато складка ума замечательно практичная.

Я бы не прочь сойтись с ним и только боюсь, чтобы он не устроил мне какого-нибудь «камуфлета». А если бы сойтись на честном компромиссе, то он мог бы много мне пользы сделать именно практичностью и юридическими знаниями. Вот беда только, что он не внушает доверия.

У Столыпина он имеет много докладов, как вижу теперь, и притом ясно, что умеет ему внушать свои взгляды. Очень бы мог быть хорошим компаньоном, если бы... не сомнения в его «лойяльности». Репутация мерзейшая, сам называет себя другом Липинского, находится в постоянном закулисном сотрудничестве с Гурьевым. Одним словом, сомнителен до крайности.

3 октября. Получил назначение доклада у Столыпина на завтра в 11½ часов утра. С тем же курьером известил, что не в состоянии. Столыпину отправил писаную записку о соборе с письмом о болезни.

7 октября. Я как-то «вышел в тираж». И знакомые забыли. Новоселов — до демонстративности: не ответил даже на письмо. Восторгов был здесь, в СПБ (по газетам), и не заглянул, хоть я ему передавал

через Нольде просьбу повидаться. Что это может значить? Недоумеваю. Он вообще меня давненько избегает.

Балашов в своем «Голосе русского» ругает Восторгова до наглости, называет его «служителем охранки», обвиняет в продажности и т. п. Все это вздор, конечно, но тем паче, почему же не повидаться и объяснить свое поведение. Или это потому, что я не участвую ни в какой их политике? Или он считает меня таким интимным другом Столыпина, что боится в чем-нибудь «провраться»? Ну, уж он, кажется, такой артист насчет вранья, что бояться не может.

Балашов делает просто чорт знает что: пишет, что Восторгов повсюду хвастал, что будет царским духовником. Можно ли язвительнее вредить человеку?

Вот эти «правые», «патриоты»: друг друга готовы перетопить в ложке воды, уничтожить. Какое может итти дело с подобными личностями?

13 о к т я б р я. Вчера был и Шечков и, весьма неожиданно, Рогович. Их рассказы почти диаметрально противоположны.

С Шечковым Столыпин говорил не о вероисповедных законопроектах, но о церковных (консисторских) и совершенно признал, что представление их в Думу неправильно (что это—дело ц е р к о в н о й власти), сказал, что их не должно представлять из комиссии на общее собрание Думы, что это дело нужно затянуть, но что это не беда, ибо «мы еще имеем все время».

Это кажется намеком на церковный собор, ибо до ч е г о ж е именно нужно «оттянуть»? И на что «мы имеем все время»?

Совсем иные рассказы Роговича.

У Столыпина идут с Извольским (обером) переговоры о частичном исправлении вероисповедных законов, чтобы сделать их поприличнее... Может быть, конечно, виноват Извольский, ибо он сам сказал: «Ведь вы не считаете возможным в з я т ь законопроекты». «О нет, никак», ответил Столыпин. «В таком случае»... и начался торг о мелочах.

Губят и церковь и Россию этакие слизняки, как Извольский. Но во всяком случае мой доклад оказался un coup manqué

Взять законопроекты — не хочет. А теперь директором департамента иностранных исповеданий назначается Харузин, умный ловкач, который сумеет глупые законы покойного Владимирова переделать в той же мерзостности, но у м н о, так что иголочки не подточишь.

Ах ты несчастный глупец, Лев Тихомиров, из чего ты бьешься? Тут сам сатана предводительствует неприятельской армией, а ты, глупое существо, воображаешь что-нибудь сделать! «Дай боже нашему телятков вовка зъисти».

Ну-с, этого мало. Теперь загорелось преследование против преосвященного Гермогена. Губернатор (Татищев) требует его убрать с епархии, а Столыпин поддерживает требование и притом рвет и мечет. Извольский уже соглашается убрать архиерея и только торгуется «для чести», чтобы был убран и губернатор. И Столыпин губернатора не дает, а требует изгнания епископа.

Гермоген прислал государю телеграмму (от имени епархиального съезда), прося защиты церкви.

Еще неизвестно, что из этого выйдет, но стоит только сопоставить: с одной стороны слизняк Извольский, с другой—пышущий энергией Столыпин. Кто же победит? Да впрочем Извольский едва ли даже хочет

побеждать. Ему, конечно, хочется устроить так, чтобы ему тепло было, и чтобы угодить Столыпину, не слишком вооружая против себя епископов.

15 октября. Сегодня открылись заседания Государственного совета и Государственной думы. Последняя сразу открыла огонь. Маклаков произнес речь в славянофильском духе, требуя запроса по поводу того, что на лекции Погодина полиция не дозволила прений. Запрос огромным большинством признан спешным.

Хитрецы эти «кадеты»: на всякой почве сумеют отыскать способы борьбы против правительства. Действительно ловко выбрано: одни негодуют на иностранную политику, предающую славян, другие негодуют за нарушение свободы собраний. И соединяют большинство против правительства.

17 октября. Октябристское рожденье,
День безумья, день позора,
День прошедшему укора,
День грядущему паденья...

Впрочем, кажется, празднеств, по крайней мере, не происходило.

Был у меня Шечков, говорил, что Вязигин хочет со мной познакомиться. Что же, очень бы рад, хотя, конечно ничего особенно интересного из этого не может быть.

А вот дело еп. Гермогена с гр. Татищевым разгорается. В Саратов посылается ревизия: два сенатора, Рогович и Макаров. При чем тут «сенаторы»? Рогович — тов. обера, Макаров — тов. мин. внутр. дел. Ведомства не верят друг другу, а каждое посылает своего человека. Общегосударственной власти, стало быть, не существует, сенатору, как хранителю законности, не верят. Правду сказать, «законности» нет, хранить нечего, значит и верить нечему. Но тогда для чего выбирать непременно сенаторов?

Этот Татищев, недавний гвардейский офицер, считается «правым». Еп. Гермоген — тоже «черносотенный» и Рогович с Макаровым тоже слывут «черносотенцами» и «правыми». И вот какая каша заварилась между «правыми». Теперь, если Гермогена съедят и его переводом, по требованию губернатора, оскорбят церковь, то все это «комбовское» дело будет совершено «черносотенными» руками... Умницы!

22 октября. Погода скверная, не решился выйти. Ширинский сообщил, что Роговича вызвал Столыпин поговорить о саратовской ревизии, причем упоминал о тысячелетнем союзе государства и церкви, о том, что государство предпримет «коренную переработку» своих законопроектов, и разное прочее, доказывающее, что мои записки прочтены и некоторое воздействие возымели. Я позвонил после этого Роговичу и спросил: «нет ли чего нового», и этот бюрократический дипломат ответил: «ничего нового». Вот и не нравится мне эта скрытность в деле, для меня столь важном. Вообще он едва ли «доброжелательный» человек в личных отношениях. Впрочем, если он перестал видеться с Ширинским, когда тот впал в опалу, то что и толковать! Но церковному делу он во всяком случае служит искренно, не забывая, конечно, карьеры и своих интересов. Ширинский — иной породы. Я думаю, что эти два врага — Столыпин и Ширинский — здесь единственно безусловно хорошие люди. И ведь надо же им быть врагами?

23 октября. Сегодня вышел после месячного сидения дома. Ру-

ка впрочем все-таки болит. Был в Государственной думе. Старые сцены: шум, оживление, толку же нет. Депутаты все вырастают в сознании своего величия. Особенно противна развязность «батюшек».

Познакомился в Думе с Вязигиным.

Ширинский сообщает, что передал Щегловитову листки Тихоновича, Савицкого, и Щегловитов ответил, что ему это дело уже известно (вероятно от Бельгарда) и что сенат, как он полагает, не найдет признаков преступного деяния. Это будет хороший щелчок по носу астраханскому вице-губернатору и саратовскому прокурору.

26 октября. Получил от Столыпина с курьером свое письмо с его припиской:

«Л. А. Тихомирову. Обождите немного. Я теперь занят день и ночь. Когда прояснится, — вызову вас. П. С. 25 ок.».

29 октября. Пишет старик Нейдгардт. Как твердо пессимистичен он в отношении Столыпина! И, вероятно, он прав. Но что же мне делать? Да и вообще где, на какой почве действовать, если Столыпин не годится? Ведь другого все равно нет!

Насчет войны я, правду сказать, сомневаюсь. У нас все так трусят, так убеждены в разгроме при какой бы то ни было войне, что, конечно, пойдут на все уступки... Разве если у Германии есть partti pris... ну, тогда, конечно, не отвертишься.

1 ноября. Сегодня я был в управлении у Бельгарда.

В политическом мире — сегодня произошло вторичное избрание всего думского «президиума». Ожидалось, что произойдут перевороты и ссоры фракций, но все сошло гладко. Я впрочем не был сам в Думе.

Еще «событие». Шварц, как известно, изгнал вольнослушательниц из университета и не убоялся даже забастовки, принудив учебные заведения заниматься! И вот, когда правительство выдержало этот кризис, так энергично заявив, что вольнослушательниц не допустит, вдруг является высочайшее повеление, разрешающее вольнослушательницам не только «слушать лекции», но докончить курс, т. е. чрезвычайно расширяющее их права. Это сделано неизвестно по чьей инициативе. Говорят, писалось Будбергом. Государь же, очевидно, давая повеление, не знал в точности, в чем положение вопроса. Ибо «докончить курс»— это значит быть допущенными и к экзаменам, чего у вольнослушательниц вовсе не было до сих пор. Каково же положение Шварца, который не был даже спрошен государем, и узнал о высочайшем повелении из осведомительного бюро?

Сегодня шли толки, что он подает в отставку. Да в сущности и нельзя иначе.

Но какой странный у нас режим! Ведь по ст. 24 Осн. Зак. указы и повеления «скрепляются» премьером или министром (т. е. Шварцем)...

12 ноября. Был в новом помещении Государственного совета. Очень красиво, приятно, удобно. Речи слышны недурно. Слышал Мишу Стаховича. Говорит недурно, но крайне поверхностно: очевидно, природная пустельга, и ничего из него не может быть. Его — тихо, спокойно, вежливо — выпорол, как щенка, Щегловитов (министр юстиции) в своем объяснении. По всему видно, что Щегловитов умный чиновник, то, что называется «юрист», т. е. ни богу свечка, ни чорту кочерга в политическом смысле, но ловкий и тонкий защитник всякого «существующего порядка». Он и по наружности такой «октябрист»: небольшой, с

небольшой растительностью, неглупое деловитое лицо без всяких крупных выдающихся черт.

Ничего крупного, ничего основного, ничего гениального,—одно можно сказать: конституция. Содержания нет. Бедная, бедная страна! Вот уж оскудение. Неужели «выпахалась» безнадежно, и нет ей уже будущего? А кажется, что так. И как это глупо: архиереи толстые, как боровы, а государственные люди тщедушные. Даже генералы...

Кончил «К вопросу о законах о печати». Вышло скверно. Мне все надоело до нельзя. Можно ли говорить о построении частностей без построения общего?

14 ноября. Вчера приходил Назаревский Владимир Владимирович, вызванный для объяснений (по случаю ревизии Муромцева). Просил ему помочь. Впрочем я был у Бельгарда, долго сидел, он мне рассказал все дело Назаревского. Дела его — отчасти скверные, отчасти совершенно не согласны с порядком службы. Конечно, ему нужно подать в отставку, без скандала, вредного для всех. Подозревая политические причины неудовольствия против него (которые, я думаю, все-таки есть), я сказал Бельгарду, что важный вопрос представляет, кто явится преемником черносотенного председателя. Если человек другого направления, то будут толки о тенденциозности изгнания Назаревского. Бельгард безусловно конфиденциально сообщил, что предполагается назначить тифлисского Колобова, именно во избежание таких толков. Ну, если это состоится, то хорошо. Колобов—русский, патриот, монархист и человек порядка.

Я всячески искал Назаревского, чтобы посоветовать ему подать в отставку (его могли бы отдать и под суд, ибо имеются подлоги бумаг). Но нигде не нашел. А сам он не пришел. Бельгард сказал ему, что я был у него и узнал подробности дела: может быть, поэтому Назаревский и стесняется зайти или считает бесполезным.

Во всяком случае Москва страшно очищается от «черносотенных» сил, хороших и плохих. Нет Грингмута, Оловянникова, Юрия Бартенева, нет «Московских ведомостей», Ваничка Торопов осужден чуть ли не на каторгу, Назаревский прогоняется с места. В монархических союзах раздоры, ругань... Один Восторгов процветает, хотя и ругают его на чем свет стоит. Sic transit gloria mundi...

15 ноября. Был Назаревский, я ему всячески доказывал необходимость подать в отставку.

Уж не знаю, как он рассудил.

Из «России» получил полный набор статьи «О законах о печати», строк 1400. Послал Бельгарду. Он сам напросился на просмотр. Вот чиновничье положение! Попал под цензуру. Отбивает всякую охоту писать. Вот она ст. 727 Устава о службе. И какая мне польза из высочайшего признания «необходимости» продолжать мою литературную деятельность, когда всякий ближайший начальник вмешивается?

17 ноября. Вчера долго был у Бельгарда, рассматривали мою статью. Пришлось кое-что изменить в том смысле, чтобы статья не имела вида программы правительственных намерений (чего, конечно, я не имел в виду, ибо знаю, что правительственный проект совсем иной).

«Никто более меня не уважает свободы слова, говорит Бельгард, но ведь вы сами — член правительства. Ваша мысль приписывается правительству». Это, к несчастью, правда, но это в то же время — очень

вредно. Это дает правительству характер партии, и связывает чиновника так же, как связывают партии. Это извращение идеи внепартийного правительства. Но, как ни рассуждай, а факт есть факт, и из него выходит одно такое заключение,—что служить и быть честным писателем несовместимо. Выходит, что правительство является гасильником мысли в полное разноречие с верховной властью, которая желает, чтобы я, поступив на службу, продолжал быть честным мыслителем и писателем.

Как же быть? Прятаться под псевдонимом? Или вовсе бросить писать, что, может быть, и желательно для чиновчиков?

Оно, конечно, нелегко было и в «свободной» публицистике! Под конец я уже почти не мог быть дальше у Грингмута. А теперь я все-таки писал о рабочих не по-правительственному, писал о магах не по-ихнему, писал о Толстом не по-ихнему. Но за Думу получил нагоняй, и глотку мне заткнули. И вот теперь о печати тоже помехи. Ну, увидим.

А к царю-то меня Столыпин не пускает, несмотря на обещание. Да и что толку? Ведь они фактически сильнее царя, и в сущности, только служа в министерстве двора, я мог бы иметь от царя действительную свободу публицистики. Да и то — как знать? Может быть, Фредерикс не позволил бы писать о немцах, какая-нибудь вел. княгиня—о магах, Янышев — о православии и т. д. Ах, должно быть везде «в борьбе обретешь свое право»,—насколько хватит силы, настолько и свободы.

19 ноября. Опять возился целых часа полтора с Бельгардом над своей несчастной статьей. Его бюрократизм доходит до религиозного преклонения перед идеей служебной обезличенности во имя дисциплинарного единения. Знаю я это по Грингмуту, и там пришлось перестать писать.

Бельгард рассказал, что говорил о моей статье Столыпин и, очевидно, очень много и настойчиво критиковал не статью, а тот факт, что я пишу не в унисон с «правительственными» (т. е. самого Бельгарда) проектами. Не мог я добиться ясного ответа на мои вопросы «а что же сказал Петр Аркадьевич», на это он отвечал кратко и неясно. Но, значит, факт в том, что мой начальник докладывал министру о несоответствии моих поступков с правоверным долгом службы. Это недурной мне «камуфлет».

Отдавая статью Сыромятникову, я, конечно, должен был предупредить его об этом, и вот посмотрим, что сделает Столыпин, и сделает ли что? Сам Сыромятников объясняет начальственную критику очень прозаичным предложением, что, дескать, боится, как бы «чиновник» «не сел на мое место». Ну, уж не знаю. Но статью мою он крайне испортил, обесцветил и лишил интереса, так что я в ней все же стал на много процентов глупее.

21 ноября. Статья моя идет в «России», и Столыпин ничем не проявляет влияния бельгардовской жалобы.

Сегодня Восторгов был у государя. Не знаю, что они там разговаривали, но Кнолль по телефону сообщил, что отец возвратился очень довольный.

Доволен-то он может быть, но ведь это довольство может быть и от чистого личного успеха, а вовсе не в смысле пользы России.

Впрочем, пользы для России моей ни от чего не может быть. Не

воскреснуть ей без чуда Лазаря, ибо «уже смердит». А воскресений Лазаря и в евангелии всего один случай...

Господи, хоть бы ты меня на покой уволил с возможностью существовать. На что я тут толкусь зря?

23 ноября. У меня был в первый раз С. Н. Сыромятников. Надо будет мне у него побывать, интересно познакомиться. У него, между прочим, есть идея издавать журнал «Запад и Восток», посвященный преимущественно Дальнему Востоку. Я бы охотно пристал к такому изданию.

Сейчас передавали, что сегодня в «Вечере»—ругательнейшая статья против меня. Нужно взглянуть. Вероятно, по поводу «Законов о печати», и уж наверное вытаскивают на сцену мое революционное прошлое. В сущности, неприятно, тем более, что, вероятно, это только начало травли. Какая ни есть сволочь эти «писатели», но вредят ужасно, да, конечно, для того и пишут, чтобы повредить...

Ничего не поделаешь. Приходится терпеть. Эти мерзавцы меня было оставили в покое, и немножко потрезвонили по поводу моего «статского советника»... Вот теперь снова... В сущности, конечно, я им не сладок, хотя они и ошибаются в возможности для меня какой-нибудь роли. Однако, на всякий случай, почему не повредить человеку. Писать-то все равно о чем-нибудь нужно.

25 ноября. Статья «Вечера» — вздор; лично против меня, правительства не задевает, так что никакого вреда мне нет.

Ничего особенного. Все вяло, серо, скучно, погода гнилая... Какое мерзкое, ничтожное время всеобщего упадка. И это у нас называется «великою революцией». Ни людей, ни идей, ни чувств. Тощища.

26 ноября. Был сегодня у Ширинского, порасспросить об аудиенции о. Иоанна. То, что сказал, — негусто. Ничего толкового. Лично о. Иоанну, конечно, все эти аудиенции придают престиж у архиереев. Ну, а вообще для человечества ничего, кажется, не получается.

Вообще могу только завидовать Петру Аркадьевичу, который может находить, что «мы выплываем, выгребаем» из пучины. Мне больше сдается, что все мы сидим по уши в болоте и никуда не «выгребаем». И революции этой грош цена, да и «основам» нашим не больше. Пропащий народ. Какое-то кручение, верчение, ужасно похоже на агонию Польши или Византии при крестоносцах. Есть люди, любящие родину, есть желающие работать на ее спасение, и почва такая гниль, что «не с чего взяться», так что все только суетятся, опьяняют себя беготней, чтобы забыться и хоть вообразить себе, будто и они что-то делают. Тяжко это писать, а что другого сказать. Прямо — ни искры органической силы, идеи, возрождения. Минутами обманываю себя и я, и работаю, как-будто вправду что-то совершаю... но ничего из этого не выходит, а когда заговорит голос рассудка, то видишь очень хорошо, что не только нет ничего, а и быть не может.

Россия великая, способная быть великою, погибла вместе с монархией своей и не умеет возродить монархию, как умела когда-то, когда сама была живая, а без монархии не способна действовать.

Довольно приятная мелочь: в Саратове оставляют и Гермогена и Татищева. Это решено на совместном соглашении Столыпина и Извольского у государя. Значит, скандала избежали. Но «мелкотой» обе власти жертвуют, о. Илиодор и полицеймейстер Бочаров изгоняются: грех

пополам. И то спасибо. Мелкому народу не привыкать стать к съедению под всеми соусами...

Впрочем, кажется, Бочаров действительно полицейская свинья, а о. Илиодор — злополучный фанатик, запоздалый Савонаролла и, конечно, с «юридической» точки зрения, наверное во многом «виновен».

29 ноября. С Тороповым история. Его тянут в суд по пустому делу печати, относящемуся к 1905 году. Это не беда, но беда в том, что в том же №-ре газеты он, за полной подписью, заявлял о своей принадлежности к партии народной свободы («кадеты»). Бельгард считает, что с обнаружением такого факта состоять на службе государственной в главном управлении по делам печати невозможно.

Это мне сказал сам Бельгард, и прибавляет, что Торопов в отчаянии, и что ему его очень жаль. Какая глупая, однако, история! И как мог Торопов попасть в «кадеты»? Он высказывает мнения почти «черносотенные». В сущности можно было бы пренебречь. Ну, в 1905 был «кадетом», а в 1908 стал октябристом — что мудреного?

Какая нынче стала ядовитая штука государственная служба. Не на шутку взялись «подтянуть» чиновников. Оно, конечно, не мешает, но жаль, что подтягивают только мелкие сошки, а крупные «кадеты» (Муромцев с К°) служат себе да благоденствуют.

2 декабря. Сегодня Бельгард рассказывал, что он сильно возражал Столыпину против отдачи «Московских ведомостей» Будиловичу, но Столыпин сказал: «Устраивайте это скорее. Будилович уже имеет согласие государя. А если затягивать, то все попадет в руки тех» (т. е. «самаринцев»). Столыпин больше всего трепетал этого, из-за общины. В сущности, крайне мелкие соображения и опасения. И вот зарезали прочно стоявшую газету, помешали образованию умной редакции и вообще сочинили чепуху.

Надо оговориться насчет «умной» редакции, что это в сущности вопрос. У самаринцев был кандидатом Клавдий Степанов. Дмитрий Хомяков верит его обожанию и воображает, будто Клавдий—послушное орудие великой личности. Но Клавдий, хотя вообще уважает его,—послушен только потому, что не имеет денег и держится Хомяковым. Если же бы ему дали издание «Московских ведомостей» с объявлениями на 250,000 р., то его послушание исчезло бы моментально. Вообще это человек очень «себе на уме» и совсем не таков, чтобы кого-либо слушаться, тем более, что о себе очень высокого мнения.

Но что такое Столыпин? Я не могу думать, что он меня вытащил на службу из-за тех же видов, из которых старался провалить самаринцев, ибо он меня пригласил еще при жизни Гримгмута, когда не мог и думать о его не только смерти, но даже болезни.

Что же в нем говорило? Вероятнее всего, что он ожидал новой неукротимой Думы, и на этот случай замышлял переделку основных законов 1906 года. Когда же Дума вышла «серенькая», с которой можно ладить разными ресурсами, то я ему стал ни на что не нужен, и он сквитался со мной тем, что все же меня «обеспечил».

Кстати сказать: он-таки и позабыл о моем существовании. Не вызывает.

4 декабря. Был у Сыромятникова. «Россия» получает от правительства 240 000 р. в год, да имеет от подписки 25 000 рублей. Сумма недурная.

Был в управлении. Бельгард сообщил строго конфиденциально, что

Столыпин вполне одобряет статьи «Нового времени» о «правых революционерах». Бельгард, было, выразил мнение, что «Новое время» полевело, и сослался, между прочим, на эти статьи. Но оказалось, что министр находит их вполне прекрасными. Вишь какое дело! Выходит, что министр, пожалуй, полевел.

Будилович поправляется.

Узнал, что министр не имеет ни малейшего доверия к Гурлянду, но не может для замены его найти человека «хотя бы в пять раз менее умного и работоспособного».

9 декабря. Имел долгое совещание с Бельгардом о судьбах «России» и «Моск. ведомостей». Вижу, что он хочет низвергнуть Сыромятникова. Что касается «Московских ведомостей» — их положение крайне скверное. Будилович на ладан дышит. Если откажется или умрет, нужно снова искать арендатора — и на что? На издание разрушенное. Имущество недвижимое отнято. Подписчиков Будилович разогнал, осталась какая-то 1000. Репутация уронена. Объявления... но ряд ведомств желают их отнять, и контракт Будиловича таков, что это можно сделать даже при его аренде, а уж, в случае смерти его, новому арендатору ни за что их не дадут.

Что же арендовать? Пустое слово. Вижу я, как-будто Бельгард хочет иметь в виду меня, в случае если Будилович так или иначе уйдет. Может быть, я и ошибаюсь, но есть такое впечатление. И вот невольно рождаются размышления и у меня. Конечно, я сам чуть влачу свое тело, и весьма возможно, что Будилович переживет меня. Ну, а если не переживет? Конечно, такое погубленное издание не может взять ни один дурак. Разве только о. Восторгов может взять специально для фирмы, ну и конечно даром, а не за деньги. Но Бельгард размышляет о том, нельзя ли найти каких-либо обеспечений для «Моск. вед.», так что они могли бы явиться снова сколько-нибудь годной «арендной статьей». Задача мудреная! И об этом он хочет еще говорить со мной.

12 декабря. ...Ширинский сообщил по телефону, что Будилович приглашал сегодня священника — очень плох. Вот история! Храни бог, помрет, и опять «Московские ведомости» выступят на сцену. И для меня искушение: пытаться или не пытаться получить аренду? Между прочим, дело совершенно испорченное материально, да и хлопоты сверх сил. И для чего? Сказать правду, и здесь я ничего в общественном смысле уже не могу сделать, так как потерял веру, да и в газете ничего не сделаю... Если бы основать просто умную газету, да ведь никому теперь это не нужно. Притом же все-таки не своя.

13 декабря. Будилович умер. С утра звонки. Бельгард по телефону прямо предложил мне кандидатуру. Пришлось поехать к нему на квартиру переговорить. Теперь все кончено об аренде. Из правых Ширинский имеет своих кандидатов и комбинации. Конечно, возникло немало и других хлопот.

Завтра Ширинский и Восторгов хотели съехаться у меня, чтобы переговорить.

Я собрал справки, из которых видно, что дело далеко не блестяще, на котором можно иметь не только убытки, но совершенно погибнуть. Бельгарду я сказал в принципе, что я не прочь, но нужно создать новые условия аренды, дополнительные к Будиловичской, а именно: 1) аванс на ведение дела и 2) в случае отнятия объявлений — право

отказа от аренды, с сохранением возмещения. Иначе немыслимо лезть в петлю.

14 декабря. У Бельгарда не действует телефон. Тщетно старался с ним созвониться, а без сговора не захотел итти. Совершенно не знаю, какие у него мысли насчет меня и всего этого дела.

Вечером были у меня о. Восторгов и кн. Ширинский, толковали о кандидатах. Оба они находят меня лучшим. Восторгов находит такую постепенность желательности: 1) я, 2) Мих. Алек. Остроумов, 3) Алекс. Алекс. Тихомиров, 4) А. И. Введенский, 5) Н. Ч. Зайончковский. Себя ставит, как pis aller.

Вообще не тянет меня... Самое бы лучшее, если бы господь устроил по своей воле.

16 декабря. Был в управлении повидаться с Нольде и зашел также к Бельгарду. Последний, подтвердив, что я должен быть завтра у Столыпина, немножко «объяснил» что-то такое, что меня совсем спутало: что будто Столыпин удивился, когда он обо мне сказал, и заметил: «Разве он пойдет?» Потом стал мне, как будто инсинуировать ответ, вроде оправдания моего легкомыслия, с которым я то иду на службу, то покидаю ее. Что за чепуха? Неужели он вправду от себя затеял это дело, без желания Столыпина? Значит, он меня хочет выжить со службы? Ну, и трудно разобраться на свете!

17 декабря. Был у Столыпина. Он прямо заявил, что очень желал бы, чтобы я, именно я, взял аренду «Московских ведомостей». Я изложил свои условия: 1) полную самостоятельность, никаких обязательств, 2) доверие ко мне власти и доступ к ней для всяких разъяснений недоразумений, 3) обеспечение объявлений какой-либо неустойкой власти, в случае их отнятия, с правом моим отказаться немедленно от аренды и сохранением этой неустойки, 4) сохранение мною службы.

На все это он согласился, заявив, что он ни за что не допустит отнятия объявлений. Я отвечал, что это — он, а другой может и нарочно отнять в виде репрессии, почему обеспечение остается необходимым.

Говорил очень кордиально. Теперь дело пойдет на совещание министров. Кандидаты — Хомяков, Д. А., Герье, Павлов (Ник. Алексеевич), Восторгов. Последнего он не желает допустить, да и вообще никого из них. Затем, когда совещание согласится на ком-либо, его заключение пойдет к государю.

Все это Столыпин хочет покончить к Новому году.

19 декабря. Я вчера читал управленское «Дело об издании «Московских ведомостей», и оно навело на меня дрожь теми ужасами, которые пришлось пережить Будиловичу. Эти знаменитые казенные объявления платят так, что он получил первые деньги в августе, да и то всего пять тысяч из 75 000, которые должен был получить. Достаточно сказать, что теперь, в 1908 г., из платежей за 1905, 1906 и 1907 гг., составляющих 202 000 р., получено только 61 000. Остальные 140 000 состоят в недоимке. Все ведомства соперничают в недоимочности, и первое — министерство юстиции. Будиловичу с 1 января по 15 октября 1908 г. не выплатили 90 000 р., и более всего должно мин. юстиции (79 000 р.). Чем вести дело? Чем жить? Прямо разбойники...

Я имел вчера и сегодня два разговора с Бельгардом, показывая ему, что лишь при громадных авансах я могу, не осуждая себя на смерть и редакторский позор, взять эту оригинальную аренду. Но он всеми силами своего красноречия (он очень ловкий, талантливый диалектик)

старается уговорить меня взять. Почему им это хочется? Не пойму. Просто ли сплавить меня, или Столыпин ждет какой-то пользы от газеты в моих руках? Не могу проникнуть в политику петербургских деятелей. На вид Столыпин — сама сердечность. Бельгард — прямо мой друг. И толкает меня в пропасть.

Вызвал на воскресенье Нольде, прося привести данные об остальных видах дохода Будиловича. Нужно посоветоваться. Конечно, и Нольде заинтересован в том, чтобы я взял (если нельзя ему), но все же цифры суть цифры.

Во всяком случае нельзя итти без огромных гарантий. Судьба Будиловича — это настоящее memento mori.

Завтра 20-е. Я отдал на хозяйство последнюю трехрублевку, а между тем сегодня в управлении говорили, что, кажется, завтра не выдадут жалованья... Что значит это? Или уж и мы идем по стопам Турции?

Любопытное дело: не знаю, кто поет с чьего голоса, но Столыпин и Бельгард произносят почти одинаковые фразы. Алексей Валерианович — человек огромного искусства действовать среди властей и на властей. Неужели он внушает Столыпину идеи и планы?

21 декабря. Сегодня дал Бельгарду согласие принять «Московские ведомости» на самых отвратительных условиях. Они упорядочивают получение за казенные объявления прямо с казны, и этим хороши. Но за всем тем я рискую не только ничего не получить, но даже остаться с каким-то минусом.

Собственно Бельгард умеет угождать начальству, но меня он вправил в чистую кабалу.

Если не изменит ни одна статья дохода, то можно иметь прибыли 30 тысяч рублей. Но подписка была 24 т. р., а теперь только 6 т. р., и если дойдет до 10—12, то это хорошо. Из объявлений в кредит (90 000) легко может не получиться 1/3, и тогда я буквально погиб.

22 декабря. Господи, как мне это надоело, и как это меня убивает. Был с Бельгардом на совещании министров (Столыпин, Коковцов, Харитонов, Шварц). Мучился с 3 до почти 8 часов. Вьюга, ветер, весь промок. Там (в Зимнем дворце) сидели 3 часа, ожидая окончания совета министров. О «Моск. вед.» совещание длилось 1/4 часа, и ничего не вышло. Я предложил свои условия. Коковцов решительно отказался, и с тем разошлись, не постановив никакого решения.

23 декабря. Теперь ночь. Никаких известий нет. Стало быть, совет министров меня отверг. Ну, я не виноват.

Мое предложение было самое скромное и безобидное. Рассмотрение бюджета «Московских ведомостей» приводит к заключению: 1) что можно на 1909 г. ждать дефицита около 7 тысяч, если предположить, что казенные объявления будут действительно оплачены. Но это последнее невероятно, потому что они из года в год не оплачиваются.

Из этого следует, что необходимо устроить правильное получение казенных долгов. Иначе грозит полное банкротство.

В то же время видно:

2) что, за отнятием типографии и недвижимости, единственное прочное средство иметь оборотный капитал могли бы дать казенные объявления, соответственно уплачиваемые.

Отсюда я предложил:

1) Ассигновать Главному управлению в Госуд. банке кредит на 150 000 рублей (средняя стоимость казенных объявлений), с тем, чтобы

оно мне выдавало по 12 500 г. в месяц, или 25 000 р. за каждые два месяца вперед. Засим я представляю счет напечатанных объявлений; если напечатано меньше, чем на 25 т., то из следующего аванса перебор вычитается, а если больше, то недобор прибавляется. Так к концу года мы подойдем в расчете. А засим пусть управление взыскивает долги учреждений хоть 10 тысяч лет, это мне все равно. Но понятно, что при такой системе правительство взыщет их в следующем же году, ибо может просто-напросто удержать недоимку из сумм, высылаемых им своим учреждениям.

2) В виду чрезмерности суммы аренды при данных условиях, уменьшить ее на 6 тысяч (т. е. на сумму угрожающего дефицита).

Последнее совет министров давал охотно, и мог бы сократить аренду на сколько угодно. Но по первому пункту Коковцов заявил категорически, что это невозможно. Он сказал, что все ведомства должны водворить порядок и понудить ко взносу недоимок.

Я ответил, что невозможно ожидать водворения порядка, и если бы его даже водворили на один год, то нельзя поверить прочности этого на следующие годы.

Столыпин заикнулся о пособии. Я сказал, что субсидия прочности бюджета не поможет, а репутацию газеты подорвет.

На том мы и расстались.

24 декабря. Днем телеграфировал Бельгард. Оказывается, что эта комедия еще не кончена: его вызвали к директору Госуд. банка — что-то такое торговаться и выдумывать. А теперь каждый пропавший день губит м. б. тысячу рублей подписки. Эти негодяи министерства финансов, вероятно, имеют что-либо против меня, а может быть, своего кандидата, и хотят взять обычным бюрократическим средством — изморм. Одной затяжкой времени они могут погубить издание.

Столыпин меня выпячивает, а поддержать не умеет.

25 декабря. Бельгард известил о вчерашних переговорах, вернее — торгованьи с директором Госуд. банка. Сущность сводится к комбинации, при которой можно получить по 15 т. (вместо 25), да и то еще нужно доложить, — согласится ли министр финансов?

Я ответил по телефону Бельгарду, и послал ему письмо к Столыпину, что я не согласен. Я ничего не запрашивал, мне и спускать нечего. Я указал на то, что мне необходимо, и изменить ничего не могу. Незачем бесполезно тянуть время.

В ответ на это Столыпин устроил нам генеральный разнос. Мне моментально возвратил мое письмо с пометками, которые заклеиваю. Бельгарда разнес по телефону, и, кажется, основательно. Может быть разнес и министерство финансов, потому что министр, говоривший прежде: «невозможно» устроить, теперь (сегодня же) сказал Бельгарду по телефону, что «возможно», но иными способами.

Мне, конечно, все равно, какими способами, лишь было бы «возможно». Но в пояснениях Столыпина крайне подозрительная фраза: «чтобы вам обеспечен был периодический аванс в течение года, в размере причитающейся вам платы за казенные объявления». Что значит «в течение года»? Одного только года или каждого года? Это очень большая разница.

26 декабря. От 2 до 6 часов мы с Бельгардом и Серг. Фед. Вебером (мин. фин.) вырабатывали условия аренды. Кое-как сошлись Вместо 150 000 р., подлежащих выдаче двухмесячными авансами (за

казенные объявления), дал 120 000, но зато сбавил арендную плату с 41 000 р. до 18 000 р. (т. е. на 23 т. р.), т. е. я отчасти потерял, но отчасти и выиграл. Эти авансы могут быть с 1910 г. уменьшены до стоимости объявлений, оплачиваемых за счет казны, если только главное управление получит возможность выдавать стоимость объявлений, оплачиваемых за счет частных лиц правильно, т. е. в те же двухмесячные сроки. Ну, это еще можно допустить.

Свободно вздохнув на секунду, достигши соглашения, я выдвинул последний пункт (о котором в совещании не дали упомянуть), именно: что если будут отняты казенные объявления, то я имею право: 1) или в течение года получать аванс 20 т. в два месяца, 2) или оставить аренду, с возложением на казну моих обязательств по изданию и выдачей мне 30 тысяч рублей, или же 3) если захочу, могу продолжать аренду до конца срока, ничего не беря от казны и ничего ей не платя.

Вебер очень уныло крутил носом, записывая это для доклада Коковцову. Вероятно, на этом будет страшная баталия и, может быть, полный разрыв. Во всяком случае новая безнадежная затяжка.

27 декабря. Был у кн. Ширинского. Он признает выгодною первую часть условий (о способах выплаты за объявления), и также предложенное мною условие на случай отнятия казенных объявлений.

Но сам он наводит на меня тоску тем, что уже собирается эксплоатировать меня политически. А между тем, все их «политические» помышления — такая сеть фантазий, что мне странно видеть умных людей в этих фантазиях. Какой тяжкий крест мне готовится с этой газетой. Ото всех придется отбояриваться, и все будут ругать.

30 декабря. Часов в 12 дня Бельгард сообщил, что совещание (а именно Коковцов и Харитонов) отвергло категорически всякую неустойку. Значит, я снят со счетов. Однако, Бельгард начал выдумывать новые комбинации. Не соглашусь ли я вместо 50 т. неустойки по контракту взять 30 т. от управления ценой обещания не возбуждать иска к убыткам в случае отнятия казенных объявлений.

Вот черти пристали! Я сказал, что пусть придумает формулировку.

Но так как дело провалено, и с 1 января газета переходит на руки главному управлению, то приходится что-нибудь делать. Бельгард поручил мне, как члену совета, написать Нольде от его имени, чтобы он пока выпускал газету с подписью «за редактора-издателя», о чем градоначальник уведомляет, а деньги взял бы от подписки...

Уже по отправлении этой телеграммы я получил письмо Нольде на мои прежние запросы; из письма видно, что подписка на 1908 год находится у г-жи Будилович, и часть растрачена, а новому арендатору будет сдана «в январе — феврале»...

Значит, Нольде негде взять денег. Что выйдет изо всей этой ерунды, трудно сказать...

Ну, Петр Аркадьевич показал мне, что его «кабинет» в грош не ставит его условий и требований. Видно, он умеет нажимать только подчиненных чиновников. Ведь вот втравил меня в историю!

31 декабря. Сегодня ночью в 2 часа Бельгард разбудил меня телефоном и сообщил, что, вероятно, будет иметь возможность попасть к Столыпину сегодня утром. Посему прочел мне формулу своего нового предложения. Она мне показалась путаной и плохой.

Посему рано утром я послал ему свою формулу:

«Я, нижеподписанный, получил от главного управления по делам

печати сполна сумму тридцать тысяч рублей в возмещение риска, связанного для меня с заключением на издание «Московских ведомостей» контракта, не обеспеченного никакой неустойкой».

Он ответил по телефону, что постарается провести эту формулу.

Таким образом, сегодня все должно решиться — aut — aut.

Забыл записать: на-днях узнал, что началась жестокая борьба между Дедюлиным и Столыпиным. Дедюлин сделал своим орудием Дубровина и «Русское знамя». Вот оно — «сверхправительственное покровительство»!

Три часа дня. Дело все хуже. Бельгард телефонирует, что нужно будет о чем-то толковать, что Столыпин по телефону отнесся с неудовольствием к его сообщению, но впрочем о чем-то хочет говорить с мин. финансов. Я сказал Бельгарду, что занят был составлением моего о т к а з а от аренды (и действительно, он у меня вчерне готов). Он сказал, что нельзя писать отказа, не узнавши, что там скажут, и просил ждать его телефона.

Ну, правду сказать, — Столыпин выясняется крайне подозрительным. О чем ему говорить с министром финансов? По последней моей комбинации Столыпин может взять какие угодно деньги, хоть из тех, которыми распоряжается дискреционно. Мне не стеснительно, ибо я прямо подписуюсь, что беру деньги не для того, чтобы исполнять его волю, а чтобы иметь возможность, если захочу, не слушаться его.

На кой же ему чорт министр финансов?

Сдается, что министр финансов и раньше только прикрывал е г о самого, и что С т о л ы п и н, а не кто другой, хочет поставить дело так, чтобы я при послушании осыпан был всеми благами, а при непослушании — был раздавлен без всякой возможности сопротивления, без возможности даже убежать (последняя комбинация). Вот открытие-то! А ведь очень похоже на него. Ну, отказаться нетрудно. Но ведь он обозлится и будет мне мстить... Это более чем вероятно. Даже просто невнимание, отстранение меня от себя уже низвергает меня...

А он может всыпать и больше. Вот сатанинское искушение. Вот и «борьба за душу».

Видно придется мне пострадать. Самому-то ничего бы. А семья — самый ужас. А что делать?

Вот какую мерзость приносит мне конец 1908 года и наступающий новый год, да и подносят как канальски, завернувши яд в розовую бумажку, посулив радость, любимое дело, обеспечение семьи, роль восстановителя «Моск. вед.» и т. д. Одним словом, возвел на высокую гору, показал все царства земные и всю славу их, а затем:

«...если, падши, поклонишься мне...»

В 5 часов вызвал Бельгард в управление и 2 часа уламывал меня согласиться. Предложил новую комбинацию, в сущности чепуху, и я ушел и сел писать Столыпину мотивированный отказ.

Но Бельгард почему-то сказал: «Ну, посоветуйтесь с Ширинским, он умный и вам добра желает». Хотя я отказался советоваться, но, придя домой, вздумал позвонить ему и сказать. Дело в том, что хотя мне ужасно не хочется втягиваться в авантюру, но после отказа Столыпин съест меня...

Ширинский нашел комбинацию приемлемой. Я ему говорю: «ну, скажите Бельгарду сами, что вы мне советуете». А Ширинский вместо того сказал, что Тихомиров согласен.

Чепуха какая-то. Так и должен я был согласиться. Без меня меня женили...

Правду сказать, в сущности нельзя не согласиться, не портя всего существования своего, хотя и впереди ужасная сложность и тягость.

Таким образом, вышло неожиданно, что я согласился.

Комбинация Бельгарда вот какая: у них найдутся через ½ года какие-то свободные 20 000 р., которые мне и выдадут, а пока это гарантируется личным письмом мне Столыпина. Сумма ничтожна и гарантия ненадежная, ибо что будет через ½ года со Столыпиным? Кто это знает?

Но, как бы то ни было, теперь все зависит от Столыпина. Если он согласится, то и мне нельзя уж отказаться.

К истории освоения Северного морского пути[1])

В данной из адмиралтейской же колегии капитану Шпанберху февраля 28 дня 1733 году инструкции написано:

1.

По учиненным в адмиралтейской колегии со общаго с капитаном командором Берингом, також и с вами совету и по опробованным в правительствующем сенате сметам, в каком числе принадлежащую к той экспедиции артилерию и артилериские и протчие припасы и матриалы в сибирских городех и на тамошних заводах и сверх того для удовольствия будущих во оной экспедиции служителей правианты и прочае тамо заготовить и магазейны для содержания оных правиантов построить надлежит, о том вам известие определено сообщить господину капитану командору Берингу, и понеже о изготовлени и о исправлении того ис правительствующего сената указами к сибирскому губернатору и к другим тамошним командиром (л. 122 об.) определено и сверх того во всем вспоможение и по требованиям вашим людми и лошадми правиантом и протчим, что до исправления оной экспедиции ко интересам ея императорского величества касаетца удовольствие, не упуская времяни чинить велено, а для лутчаго поспешения по указу ис правительствующаго сената определено вам ныне ехать туда напередь и в приуготовлени всего, что до той экспедиции принадлежит, иметь с тамошними командирами доброе старание, чего ради с порученными вам здесь в команду служители ехать в сибирские городы с поспешением и тамо во всем, что принадлежит до изготовления артилерии и артилериских и других припасов, матриалов, правиантов и протчаго и во отправлении оных в подлежащие места поступать по тому ис правительствующаго сената указу також и сверх того, как от господина капитана командора определитца, то исполнять з добрым старанием неотменно, (л. 123) дабы все то было к потребному времени во всякой готовности и ни в чем бы учинитца не могло во исправлении показаной экспедиции недоститку и остановки.

Что по оной инструкции исполнено и чего не исполнено:

На 1.

По силе оного пункта капитан Шпанберх отправлен напередь в сибирския городы и при том отправлении, что принадлежит до изготовления артилерии и артилериских и других припасов, матриалов, правиантов и протчаго, дана от капитана командора Беринга в 733 году февраля от 23 дня инструкция, а что по той инструкции во время следствия ево чрез сибирския городы исполнено, о том в приобщенной

---

[1]) См. «Красный архив», тт. LXXI и LXXII.

при сем же на данную ему капитану Шпанберху от капитана командора инструкцию в сочиненной (л. 122 об.) ведомости всеподданейше предложено. (л. 123)

2.

На проезд отсюда до Таболска выдано вам здесь от канторы генерала криге-камисара сто рублев, которыя, записывая по регламенту в книгу, держать на платеж отсюда прогонов и на другия приключившияся в пути нужды, без чего по крайней мере обойтица будет неможно, а ежели из оных будет что в остатке, о тех по прибытия в сибирские городы капитана командора Беринга репортовать ему Берингу.

На 2.

Принято капитаном Шпанберхом от канторы генерала криге-камисара на платеж прогонов и на всякия приключающия в пути нужды сто тридцать пять рублев, которыя и употреблены в росход з запискою в прошнурованную книгу, все без остатку, о чем от него, капитана Шпанберха, и репортом, писанным маия 30 дня 733 году, объявлено.

3.

Понеже ис порученных вам в команду служителей шлюпочного дела один мастер да другой подмастерья отправлены отсюда (л. 123 об.) для того, что ея императорское величество указала ради подлинного известия, ест ли соединение Камчацкой земли с Америкою, також имеетца ль проход Северным морем построить дубель шлюпки о дватцати четырех веслах каждую с палубою, а имянно при Таболске на реке Иртыше одну да в Якуцку на Лене реке две, чего ради помянутым мастеру и подмастерью о препорции оных шлюпок даны отсюда чертежи, и когда вы с ними в показанные места прибудете, тогда к строению тех шлюпок пока надлежащие матриалы приготовлены будут, по та мест велеть им заготовлять и окладывать на те шлюпки надлежащия леса и накрепко смотреть, дабы оныя леса ис тамошних родов были самые лутние, в которых прочность и крепость болше усмотрена, и употреблять оные в строение просуша, так как ординарно здесь (л. 124) делаетца, а к заготовлению тех лесов работных, також и к строению мастеровых людей подлежащаго числа требовать от тамошних командиров, в чем им доволствовать велено, точию заготовление оных лесов и строение судов чинить так, как от капитана командора Беринга будет определено для того, хотя вышеимянованные суды, называемые дубель шлюпки, и определено делать, однакож по прибытии в Таболск ево, Беринга, велено ему о положении оных мест, где следование им в пути иметь надлежит, по крайней возможности разведаты и со общаго со всеми обер афицерами консилиуму какия способнее и безопаснее в те посылки суды за лучшее быть разсудятца, такие и зделать в вышеписанных местах или где пристойнее. (л. 124 об.)

На 3.

На дело при Таболском дубель шлюпки к заготовлению лесов по требованию ево (л. 123 об.) капитана Шпанберха работныя и мастеровыя люди от сибирской губернской канцелярии определены, которого ради строения оставлен от него, капитана, подмастерья и построено то судно в 734 году. А на строение при Якуцку одного бота и дубель

шлюпки леса заготовлены по Лене реке и в Якуцк приплавлены определенными в команду его, капитана Шпанберха, от сибирских городов мастеровыми и работными людми, которыя суда ис того лесу и построены в 735 году. (л. 124 об.)

4.

Ея императорское величество указала ради обсервации и изыскания пути до Японии построить на Камчатке реке один бот с палубою и две дубель шлюпки о дватцати четырех веслах каждую с палубою и следовать в показанной вояж вам. Буде же оставшей от прежней экспедиции бот найдетца в таком состоянии, что на оном в вояж итти будет можно и безопасно, то вновь показанного боту не делать, токмо построить к прежнему вышепомянутые шлюпки, на которых тамо и леса заранее обретающимся в Охоцке ботовому мастеру и шлюпочному подмастерью заготовлять и ежели время приспеет, то и строить определено, о чем капитану командору Берингу во инструкции изъяснено и велено, когда в Охоцк с камандою прибудет, тогда ему, також и капитану Чирикову обще с вами учинить (л. 125) разсуждение, какия для того вояжу суды способнее и безопаснее иметь подлежит, и хотя вышеименованные суды к строению и назначены, однакож буде заспособнее иныя разсудятца, такие и зделать в тех местах, где запотребнее и доволнее быть может по общему разсуждению, и вооружить оные артилериею и в протчем исправить как надлежит с лутчаго разсуждения ж. А на те суды под команду вам морских служителей и мастеровых людей велено помянутому господину капитану командору Берингу ис командированных при нем отсюда по положенному компле[к]ту или по лутчему с протчими афицеры разсуждению в надлежащем числе кого подлежит определить и в протчем во всем удоволствовать вас, дабы ко отправлению означенной экспедиции ни в чем недостатку и затем остановки приключитца не могло, чего ради требовать вам всего до удоволствия к тому вояжу надлежащиго от него господина капитана командора Беринга. (л. 125 об.).

На 4.

Для оного вояжу капитаном Шпанберхом в Охоцку заложены и строить начеты в 735 году два судна, первое называемое, как по репорту ево капитана показано, бригантин июля 4, а дубель шлюпка октября 21 чисел, а бота с палубою не строено того для, что по свидетелству его капитана и ботоваго дела мастера оставшей от прежней экспедиции бот явился в показанной вояж годен. И оныя суда строением окончились в 737 году, точию отправления в вояж до 738 году июня до 18 числа не было, а за каким препятствием, о том выше сего в сочиненной на данную капитану командору от адмиралтейской колегии инструкцию в ведомости на 11 пункт (л. 125) показано да и сверх того об отправлении оного капитана в вояж в прошлом 740 году сочиненною ведомостию чрез нарочно присыланого к нам куриэра Друкорта в кабинет вашего императорского величества августа от 29 дня всеподданнейше донесено. (л. 125 об.)

5.

На тех судах, удовольствовався против вышеписанного во всем, в первых итти вам к тем островам, кои пошли от Камчацкого полуденного

носу ко Японии и из них несколко уже были во владении российском и з народу, живущаго на тех островах, бран ясак на Камчатку; ко за малолюдством оное, как обноситца, будто упущено, также в прошлых годех посыланной навигатор Эвреев описывал и видел других шеснадцать островов, о тех о всех и что сверх того явитца островов жилых и пустых учинить опись и осмотр, сколко возможность допустит, а ежели далее к самой Японии острова ж или земли найдутца, подвласныя хана японского или иных азиадских владетелей, такие осмотрит[ь] же и, ежели людей найдете, то с ними поступать (л. 126) ласково и ничем не озлоблять и нападения никакого и недружбы не показывать, а наведатца, коль велики такие острова или земли и куда они пошли и чем доволствуюца и притом, усматривая случая для лутчаго приласкания, давать малыя подарки, какия по тамошнему обычаю при таких первых случаях даютца, и на те подарки требовать вам подлежащих вещей от капитана командора Беринга, а ему оные отпускать вам велено, а сколко чего и куда и в каких случаях в росходе будет, тому иметь вам особливыя росходныя книги; буде же самоизволно пожелают кто итти (л. 126 об.) в подданство, тех принимать и в подданство, которых наипаче приласкивать и в потребном случае охранение чинить, а ничем не отягощать, разве какой сами меж себя разположат и станут давать ясак, однакож за тем отнюдь много не мешкать, а отходить в свой путь, дабы умедлением не потерять удобного к своему ходу времяни, и следовать до самых японских берегов. (т. 128)

На 5.

По оному пункту, какое капитаном Шпанберхом учинено исполнение, о том при доношении в кабинет вашего императорского величества чрез нарочно присыланого к нам куриэра Друкорта прошлого 740 году августа от 29 дня ведомостью всеподданнейше донесено, а именно репортом капитан Шпанберх, посланным из Якуцка генваря 21 дня 740 году капитану командору объявляет, что в прошлом 738 году от Камчацкого южного угла пошел он в путь ево 15 июля, а шел до сорок пятого градуса и обошел в том пути лежащих на море с тритцать два острова, о коих имянно описано оной компании в юрнале и карте, а есть ли на оных жителство и какия люди не ведомо (кроме трех или четырех островов ближних х Камчатке, из которых уже три острова давно в подданстве), понеже на те острова выезжать судами неможно было, ибо на тех островах имеютца берега каменныя и утесы великия и крутыя. А между ими течение и волнение моря великое и от вышеписанного места в том 738 году возвратился х Камчатке и зимовал в Болшарецком. А лейтенант Валтон (л. 126) словесно объявляет, что ходил он тогож 738 году на дубель шлюпке «Надежде» от Камчацкого южного угла между зюйдом и вестом до сорока трех градусов и дватцати минут и видел доволное число островов, о которых явствует в поданной ево карте капитану командору, числом двадцать шесть. А людей на оных островах нигде не видал и возвратился зимовать в Болшую реку. А в 739 году маия 21 дня от Камчатки из Болшей реки капитан Шпанберх вторично с камандою своею отправился на четырех судах в путь свой на море, на которых судах были определены командирами лейтенант Валтон, мичман Шхелтенг, боцманмат Эрт, и, прибыв х Курильским островам, взяли трех толмачей и пошли во определенной вояж июня 1 дня. А 16 числа усмотрели японской земли бере-

га, к которой земле приближаясь, лавировали, чтоб подлиннее могли ту землю видеть, у которой земли видели японских судов множество и ходили близ той земли до 20 июня и дошли до ширины тритцати осми градусов и трех минут северной, и возвратился он, Шпанберх, от японской земли 22 числа июня, а июля 3 числа дошли до ширины северной сорока четырех (л. 126 об.) градусов дватцати четырех минут к лежащим от японской земли островам, ис которых прозвал он один «Фигурной», другой «Трех сестр», третей «Цытрон», и 6 числа тогож июля посылал он капитан штюрмана для осмотру и описания упомянутого «Фигурного» острова губы. И оной штюрман репортом к нему, Шпанберху, объявил, что близ той губы найдено пять барабар, в которых по тамошнему обыкновению живут люди, токмо людей в них не застали, и знатно, что ис тех барабар люди вверх по реке убежали, а видели одну сабаку да одну лисицу сиводушку, а по видимому месту может быть людей множество, ибо в тех барабарах имелось оставшего от убехших людей всякие домашныя вещи — чашки, берды, чем ткут чирелы (травяные епанчи), коими покрываютца от дождя, и посыланныя от него люди ис тех барабар ничего не взяли, дабы не показать им тем обиды. И оттуда пошел к западной стороне между вышеозначенных островов и 7 числа пришли к островам и усмотрели место низменное и глаткое, на котором ростет толко трава, а лесу не имеетца, и для того назвали его «Зеленым». И был от него, Шпанберха, на том острову геодезист (л. 127) для обсервации ширины, которой усмотрел ширину сорок три градуса пятнадцать минут, и на том острове жила и лесу не имеетца и никаких гор и для того пробирного мастера и не посылал. А 8 числа пришли к острову по тамошнему называетца «Нуцыам» которой лежит от «Зеленого» острова разстоянием верст шездесят между зюйда и веста, и усмотрели на нем жилыя места и против ево легли на якоре. Ис того жилого места приезжала к ево судну байдара и на ней людей пять человек и через толмача, которой взят был с первого Курилского острова, звали ево, Шпанберха, на берег, а как они ехать к нему на судно не смели и, по их прозбе послал он шлюпку и на ней мичмана да салдат двенатцать человек и несколько подарочных вещей для приласкания их. И привес оной мичман к нему на судне восемь человек, которые сходны по персонам с Курилским народом, и объявили чрез толмача, что близ их острова имеютца двенатцать островов, на которых людей множество и никому те острова не подвласны, кроме одного острова, именуемого «Матмая», а оной де под властию (л. 127 об.) японского хана, с которым оне имеют немалыя торги разными товары, которых он, Шпанберх, для приласкания дарил. И поехали от него с судна со удоволствием и просили его, Шпанберха, дабы впредь приехал он к ним, ибо де нам теперь дарить тебя нечем. А взятой толмач со онымы говорил и переводил худо, а сказал, что де мы их языку не очюнь доволно знаем. А от того острова пошел он, капитан Шпанберх, к острову «Матмаю» и пришел ко оному июля 24 числа и видели множество судов, которые от «Матмая» к японской земле и от японской земли к «Матмаю» приходили з грузом. И на оной «Матмай» остров посылал он капитан шлюпку, которая на том острове и была, толко людей никаких не видали, понеже в то время зделалась немалая погода, чего ради оной шлюпке зделан был сигнал, дабы возвратилась к судну, которая там на берегу была менше четверти часа. И как шлюпка возвратилась к судну, то от того острова

пошел он, Шпанберх, 25 июля назад к Курилским островам для того, что в команде ево было служителей болных много и насилу мог управитца на судне и пришел он, Шпанберх, (л. 128) к Охоцку прошедшаго 739 году августа 29 дня и объявил он, капитан Шпанберх, репортом своим, что ежели де повелено ему, Шпанберху, будет, то надеетца он божиею милостию и счастием вашего императорского величества болшие и малые острова, лежащие от сорока трех и до сорока шести градусов, в подданство привести, а от сорока шести градусов до последняго острова без всякого опасения можно привести в самой скорости, а каким образом оные острова может он привести в подданство, того в репорте не показано было; а словесно он, капитан Шпанберх, объявил, ежели де удоволствуют ево с камандою потребными провиантами также и дать к тому время, то привесть их ласкою можно.

6.

Когда до показанных японских берегов придете, тогда по тому ж розведать о владетелстве, о портах, могут ли обходитца в том дружески, (л. 128 об.) а понеже капитан командор Беринг предлагал, что в его бытность на Камчатке видены были занесенныя японцы и приказано от него сыскивать их, чего ради еще в прошлом же 1731 году по определению в сенате велено таких занесенных японцов не токмо озлобить, но и сохраняя во всякой целости, отвозить попрежнему в те места, откуда занесены, давая знать дружбы соседства, а ежели до приезду вашего такой оказии в отсылке занесенных японцов не было, а японцы найдены, оных удоволствуя, взять с собою и в бытность при берегах японских первую объявить притчину, что привезли к ним их занесенных к нашим берегам людей и потом отдать им, буде примут, а ежели станут отказывать, как о том разглашают, будто японцы тех, кои в мори пропадают, (л. 129) сами не спасают и збереженных за мертвых почитают, в таком случае спустить их на берег, чтоб могли они в свои жилища дойти. А хотя и после случитца таких же занесенных японских людей на берегах взять или во время оного вояжу в море погибающия японския суда найдутца, тем всякое вспоможение чинить дружески и потом отсылать спасенных людей или судны их, буде мочно, при своих судах к японским же берегам и отдавать или на берег людей спускать, как выше означено, дабы своею дружбою перемогать их застарелую азиадскую нелюдкость, а что чаще посылано будет, то больше известия получать мочно. (л. 133)

На 6.

По оному пункту, какое капитаном Шпанберхом учинено исполнение, о том при доношении в кабинет вашего императорского величества чрез нарочно присланного к нам куриэра Друкорта прошлого 740 году августа 29 дня ведомостью всеподданнейше (л. 128 об.) донесено, а имянно тем же репортом капитан Шпанберх объявил, что пришел он, как выше означено против 5 пункта, к японской земле июня 16 числа 739 года и, подошед под берега, лавировали, а чтоб пространнее их видеть, какия они и сколь в близости берегов вода глубока и какой около их грунт, посылал он, Шпанберх, шлюп «Болшарецк», на которой был командиром боцманмат Эрт, который подходил к японским берегам разстоянием не дале двух верст, а к самым берегам подойтить не смел для того, что из заливы той земли вышло японских судов с тритцать, из кото-

рых судов одно к нему, Эрту, шло гораздо блиско, того ради он возвратился, а 18 числа, понеже имел благополучной ветр, то уже шел он, Шпанберх, близ самой земли японских берегов и имел курщ на зюйд-ен вестен и зюйд зюйд вест близ полутораста верст. И в том ево хождении видел он подле тех берегов малых японских судов многое число, а на берегу видел четыре великия деревни строения каменного, кругом того жилья усеяно хлебом, места по тем берегам каменистыя (л. 129) и на тех камнях растет великой лес, а какой, того признать было невозможно. А 20 числа видел он судов японских девятнатцать, на которых людей было человек по десяти и болше, и усмотрел по тем берегам жилья и людей премножество и признавает, что те суда определены ходить подле берегу на карауле для нево. А был он, Шпанберх, тогда у берегов с тремя судами и, опасаясь от них нечаятелного нападения, понеже он был тогда в их японской губе, и для того он от того места отворотил прочь. А 22 числа июня дошли до ширины около тритцати семи градусов и, подошед ближе берегу не более версты, легли на якорь. Тогда приезжали к нему, Шпанберху, на лотках с тех японских берегов рыболовы, ис которых многия были на судах ево Шпанберховых, и привозили рыбу камбалу и протчия болшия и малыя рыбы и оных подчивал он, Шпанберх, вином и, желая, чтоб болше приезжало японцов, того для разцветил судно свое флагами и гюйсами. Тогда уже приехали з берегу на лотках к нему, Шпанберху, многия японския жители и привезли пшено сорочинское, огурцы соленыя, и редис болшой, и табак листовой и протчей овощь и вещи, у которых он брал, в чем им была нужда и за то (л. 129 об.) дарил их и принимал со всякою дружескою ласкою, которое ево угощение и подарки принимали они со всякою учтивостию *) и кто что примет, то все прижимали своими руками к грудям и, хотя ево шпанберховы толмачи, взятыя с Курилских островов, говорить с ними японцами не умели, однакож доволно было видеть и признать, что они японцы по своему обыкновению принимали з благодарением и торговались команды ево служителми доброволно и охотно меною вещь на вещи бумажными выбойками и протчею мелочью. А за взятыя от него, Шпанберха, и от служителей каманды ево вещи давали золотыми червонными, ис которых два червонца да выбойки два конца послал он, Шпанберх, при репорте своем в адмиралтейскую колегию из Якуцка ноября 19 числа 739 году. Да тогож 22 числа июня были у него, Шпанберха, на судне японцы, которых он признавает, что они знатныя люди, и дарил их росийскими манетами. И увидя они на манетах персону, спрашивая ево, указывали рукою, а он, Шпанберх, против того давал им знать, что де эта персона вашего императорского величества, а они приняв (л. 130) манету, целовали и клали на голову и кланялись до земли трежды. А тогда было японских судов около ево Шпанберхова судна семьдесят девять, на которых людей было человек по десяти и по двенатцати и, видя он, Шпанберх, такое их многолюдство и смелство, того ради команды своей служителей на берег послать не смел, имел от них осторожность, чтоб не учинили нечаятелного нападения или лестию не обманули б как, и пошел от берегу прочь и следовал возвратно ко островам, лежащим от Япона к Камчатке.

А лейтенант Валтон репортом объявил, что увидел он японския бе-

*) В подлиннике ошибочно: «учтивостивостию».

рега июня 16 дня. А 17 числа увидел же тритцать девять судов японских величиною против галер российских, за которыми судами следовал он, Валтон, вдоль по берегу и о 18 числа близ их одного судна лег на якорь. А 19 числа пригребло к нему судно, на котором людей было османатцать человек и за неимением толмачей на их языке разговоров никаких не было, толко имели между собою разсуждение руками и знатно, что звали (л. 130 об.) ево, Валтона, на берег, чего ради послал он ялбот и на нем штюрмана Казимерова с квартермейстером и шестью человеками салдат для привозу воды, которому штюрману дано было от него, Валтона, несколько подарочных вещей, чтоб с ними дружески можно было обойтитца. И тогож дня оной штюрман з берегу от них возвратился благополучно и привесь полторы бочки воды и объявил репортом, как де он на ялботе поехал к берегу и стал приближатца, тогда отвалили от берегу мелких судов к нему навстречу около полутора ста на греблях, на которых людей было человек по пятидесят и болше в долгом китайском платье, которые подобно быть нашим шлафорком, а гребцы были все наги, и пригребли блиско ялбота и казали они с судов им золото. А как он, штюрман, стал ялботом приставать на берег, тогда на берегу народу было многое число и жители де того места можно видеть, что весма ему ради были и кланялись (л. 131) по их обыкновению и, увидя на ялботе порожния две бочки, взяли они японцы и понесли к одному двору и налили полторы бочки водою и принесли возвратно на ялбот, а он, штюрман, между тем времянем пришел в тот же дом, где воду наливали, и хозяин того дому встретил ево у дверей изрядно со всякою учтивостию и ввел в свои покои и, посадя, подчивал ево и бывших с ним служителей виноградным вином ис фарфоровой посуды, и поставили ему закусок шепталу моченую будто в патоке и редис резаной, потом табак и трубки китайские. И он, штюрман, посидя в том доме, и благодаря хазяина, пошел в другой дом, и хозяин дому того принял ево таким же образом и посадил ево подле себя и поставил ему закусок и подчивал виноградным же вином, подобно как и в первом дому, и принесли пшена сорочинскова варенова, и тех обоих хозяев, так же, и которыя японцы отнесли воду, дарил он, штюрман ис подарочных вещей бисером да королками, и пошел он, штюрман из другова дому вон и ходил по слободе, (л. 131 об.) в которой например дворов около полуторы тысячи, строение во оной слободе деревянное и каменныя полаты и устроено вдоль по берегу близ моря например версты на три, и жители той слободы имеют в домех чистоту и цветники в фарфоровых чашках, также и лавки в домех с товарами, в которых видел он пестреди бумажныя и шелковыя, а иного вскорости ему разсмотреть некогда было; скота имеют у себя коров и лошадей, також и куриц. А хлеба повидимому кроме пшена и гороху у них нет; из овощей имеют они виноград, помаранцы шталу и редис. И с тем же штюрманом Казимеровым приехал японской знатной человек, которого лейтенант Валтон и протчия признавали за воеводу, потому что провожали ево от берегу болше ста судов. А на каждом судне людей было человек по пятнатцати, и онныя никакова оружия не имели, толко каменья в лодках накладено было доволное число, которого знатново японскова человека принял он, Валтон, со всякою приятностию и подчивал зво и бывших при нем (л. 132) людей боткою и камчацким вином, кои пили безотговорно, а он японец привес с собою к нему, Валтону, на судно виноградного вина с четверть ведра, которым

он и ево, Валтона, и протчих также подчивал и, хотя оныя японцы казалися ему, Валтону, и благоприятными, однакож он долго тут стоять не смел, понеже около ево судна великое множество было судов, а сверх того и от берегу без числа отвалило; того ради он Валтон снялся с якоря и помянутой японской знатной человек, простясь с ним, Валтоном, дружески, поехал на берег, а он, Валтон, пошел подле берега дале к полуденной стороне и 21 числа июня встретились с ним два судна и, как пригребли к ево судну, то он, Валтон, чрез разсуждение с ними руками указал им, что надобно ему дрова и вода, и как они то увидели, тот час, не отговариваяся нимало, погребли на берег и привезли дров и воды. А за то он, Валтон, подарил их иглами и бисером, и звали ево в гавань, а в то время был ветр малой, того ради те два судна взяли (л. 132 об.) его Валтоново судно на буксир и буксировали к гавону, но токмо, не допустя до гавану, встретилось судно, на котором было пятнатцать человек при саблях и приказали означенным двум судам, чтоб буксировать ево Валтоново судно перестали, и махали, чтоб он шел от берегу прочь. И он, Валтон, опасаяся, чтоб не показать им противности, поворотясь от берегу, пошел в море. И еще он, Валтон, ходил у японских берегов до 24 числа июня и был подле одного малого острова, лежащаго на тритцать четвертом градусе, на которой посылал подлекаря, и оной привес с того острова разных трав да ветва дерева ареховава и сосноваго да две жемчужные раковины, которые посланы в адмиралтейскую колегию при репорте в прошлом 739 году сентября 3 дня. Да на том же острову видели людей в белом холстинном платье да лошадей и коров, а 24 числа июня возвратился х Камчатке. Да сверх вышеописанного они, капитан Шпанберх и лейтенант Валтон, словесно объявили, что в подлинно де разведать о владетелстве и о портах и могут ли обходитца дружески, того учинить им было невозможно, (л. 133) ибо толмачей, знающих японского языку, при них не было. А хоша толмачи и были взяты с Курилского острова, точию по-японски говорить не умели, а японских людей, занесенных на наши берега, никого не имелось; также и будучи он, капитан Шпанберх и лейтенант Валтон, в море, ни каких погибающих японских судов не видали.

7.

В ту бытность при самых берегах японских или их владетелства при островах отнюдь много не мешкать и никакому обнадеживанию к мешкоте не верить, дабы не могли удержать обманом, собрать своих судов и отаковать, но отговорясь какими нуждами, отходить назад, покамест действительно (л. 133 об.) и основательно обо всех об них разведано будет, также при тех первых случаях опасных себя вести от всякаго их обмана, как у них обыкновенно чего силою не смогут, то лестию и обнадеживанием подошел в свои руки берут и за мудрость обман ставят и ис попадаемых навстречу японских судов отнюдь не побирать и никакого озлобления при таком первом случае не токмо судам, но и на берегах людям не показывать, как то и выше сего чинить запрещено, ибо невозможно будет сыскивать дружбы на земли*), ежели в море хотя малое озлобление показать, разве что от них к проведыванию чрез толмачей потребно будет, то спрашивать ласкою и записывать, а в толмачи требовать от господина капитана командора

* В подлиннике ошибочно: «не земли».

Беринга и употреблять ис камчадалов, кои знают язык островных жителей, а островныя далных островов, а далныя японской язык, чрез которых хотя по нужде однакож знать можно, за что их довольствовать жалованьем и провиантом по разсмотрению, к томуж и занесенныя японцы, пока будут в том вояже, могут толковать. (л. 134).

На 7.

В бытность ево, капитана Шпанберха, при японских берегах, как видно из ево репорту, что он поступал с тамошними народами со осторожностию и озлобления не чинил, о чем обстоятелнее на 6 пункт всеподданейше донесено, також каких он, Шпанберх, имел толмачей и что из занесенных японцов при нем не было, о том в том же 6 и выше в 5 пунктах предложено. (л. 134)

8.

В вышепомянутых вояжах подле земель и островов прилежнее осматривать удобных мест для пристаней и для прибежища во время морских штормов или лдов и какие где растут ли леса, к починке морских судов годныя, дабы имея такую ведомость, впредь будущее время могли морския суда в такия места для своего спасения или иных потреб заходить надежно; также где возможно и случай допустит, спуская на натуральную землю с канвоем пристойным рудознатцов, требуя оных от капитана командора Беринга, и велеть осматривать, не найдутца ль где богатыя металы и минералы и, буде есть, то брать руды и делать малыя, а потом по надежде и свидетелству (134 об.) смотря болшия пробы и описывать такия места особь и репортовать о том капитану командору Берингу. (л. 135).

На 8.

По оному пункту какое капитаном Шпанберхом учинено исполнение, о том при доношении в кабинет вашего императорского величества чрез нарочно присланного к нам куриэра Друкорта прошлого 740 году августа от 29 дня ведомостью всеподданнейше донесено, а имянно как в том же репорте капитана Шпанберха показано, что 4 числа июля посылал он шлюпку на остров «Фигурной» и на ней пробирных дел мастера Гардебола для обыскания на том острову металов и минералов и с ним и служителей настоящей канвой и толмача. И с того острова привезли они жималоснику наподобие вереса да слаткой травы да виноградную ветвь с виноградными зелеными ягодами да несколко из разных цветов; на том же острову нашли они в малых речках раковины. в которых находитца жемчуг, ис которых раковину одну послал он, Шпанберх, при репорте своем в адмиралтейскую колегию; да на оном же «Фигурном» острову растет болшой березник; олховник и еловой и пихтовник доволное число, ис которых можно строить для нужды (л. 134 об.) мелкия суда по тамошнему форватеру. А для пристани и прибежища от штормов морским судам имеетца у того ж «Фигурного» острова губа, в которой глубина воды от 6 до 12 сажен. А лежит оная на румб ост зюид ост, длиною две версты, шириною одна верста, грунт во оной губе песок и черной ил, и на судах к якорному стоянию быть угодна без всякого опасения и удобна ж быть может на первой порту нашему. Тако ж посылал он, Шпанберх, пробирного дела мастера Гардебола для искания металов и минералов на остров «Ну-

цыам», точию никаких металов и минералов не сыскано. А он, капитан Шпанберх, в дополнение объявил, что более де он удобных мест для пристаней и для прибежища во время морских штормов или лдов, кроме реченного «Фигурного» острова губы, не сыскал. Также и для пробы металов и минералов никуда болше того «Фигурного» и «Нуцыама» островов не посылал для того, что посылать было на другия острова за великими ветрами и волнением невозможно и никого ис команды его людей на тех островах не было. (л. 135).

9.

В каком действии по сей инструкции вышепомянутой вояж исправлен вами будет, о том по возвращении к прежнему месту учинить обо всем доволныя ведомости и карту и обстоятелной диурнал и подать при репорте капитану ж командору Берингу, а ему велено, сообща и о своем вояже, с такими ж ведомостьми отправить сюда афицера, притом же прислать для луччаго уведомления кого подлежит из служителей, которые с вами будут в вояже. А буде паче чаяния в то время ево, Беринга, за каким случаем тамо не будет, то и не ожидая его, с кем пристойно ис команды своей вышепомянутые (л. 135 об.) ведомости, карту, диурнал, отправить вам сюда без задержания. (л. 136).

На 9.

Тем же репортом капитан Шпанберх объявил, что журнал и карту своего пути при обстоятелном репорте из Якуцка ноября 19 дня прошлого 1739 году в адмиралтейскую колегию послал с нарочным команды своей с морским салдатом Симоном Ивановым, да Якуцкого полку с Василием Спириным, а х капитану командору Берингу по прибытии из Якуцка в Охоцк августа 21 дня 1740 году диурнал и карту подал, о чем и доношением чрез нарочно присланного к нам куриэра Друкорта в кабинет вашего императорского величества в том же 740 году августа от 29 дня всеподданнейше донесено, что тот поданной от него. капитана Шпанберха, диурнал и карта, для сочинения обстоятелной ведомости взяты с нами на Камчатку, тако ж и от лейтенанта Валтона взята ж карта и юрнал и, по прибытии нашем на Камчатку, тот его, капитана Шпанберха, диурнал и карту обоих 738 и 739 годов компанеи всеми экспедичными афицерами свидетелствованы и по свидетелству (л. 135 об.) явились неисправны, однако ж можно по тому его журналу видеть, что он около тех мест ходил, как сочиненною своею картою показывает, какова снарочно присланным куриэром прошлого 740 году августа 29 дня в кабинет вашего императорского величества при всеподданнейшем доношении от нас, нижайших, из Охоцка послана, и х капитану командору от него, Шпанберха, такая ж карта подана, точию за неисправою того журнала верную карту сочинить неможно, а такия неисправности во упоминаемом Шпанберхове журнале и в сочиненной им карте по свидетелству всех экспедичных афицеров явились, тому сочинили опись и как оную опись, так поданной от него, Шпанберха, журнал и карта посланы к рассмотрению адмиралтейств колегии; да и поданной от лейтенанта Валтона диурнал и карта при том же репорте в адмиралтейскую колегию посланы, токмо без поверки, того ради что тот юрнал писан аглинским языком, а из обретающихся при экспедиции доволно (л. 136) знающих аглинский язык, кто б мог тот юрнал перевесть на руской язык, никого не имеетца.

10.

Ежели паче чаяния по сей инструкции за каким случаем осмотреть и описать и всего по сей инструкции исполнить в одно лето недопустит вам время о том пути о всем обстоятелно против вышеписанного репортовать, а самим, не ожидая указу, следовать и во окончание то приводить в другое лето и во всем том вояже держать диурнал по морскому регламенту, також и спеленгии, где случай допустит, и со описанием берегов и островов и форватера (л. 136 об.) по правилам навигацких наук, чтоб из оных можно было учинить обстоятелную и верную карту. (л. 137).

На 10.

По оному пункту какое капитаном Шпанберхом учинено исполнение, о том при доношении в кабинет вашего императорского величества чрез нарочно присланного к нам куриэра Друкорта прошлого 740 году августа от 29 дня ведомостью всеподданнейше донесено, а имянно в том же репорте своем капитан Шпанберх объявил, прошедшего 738 году сентября 13 дня по силе данной ему инструкции 10 пункта послал он с Камчатки з Болшей реки на боте «Гавриле» команды своей подштурмана Верещагина со обстоятельным репортом о своем вояже в адмиралтейств колегию, также и х капитану командору Берингу, точию оной подштурман Верещагин (л. 136 об.) сентября 10 числа письменным репортом х капитану Шпанберху объявил, что оной бот на Камчацкой земле, идучи к Охоцку, сентября 9 дня выкинуло на берег, которой с той мели снят весною безвредно и за оным препятствием посланные от него, капитана Шпанберха, в адмиралтейств колегию, так и х капитану командору Берингу о морском его вояже репорты диурналы и карты посылкою и укоснели, а во исполнение сего 10 пункта прошлого 739 году вторично капитан Шпанберх в вояж свой ходил, а что будучи в том вояже учинил, о том, совокупя обще с прошедшею 738 году командою учиня обстоятелной репорт диурнал и карту, в адмиралтейскую колегию послал ноября 19 дня 1739 году, о чем и против девятого пункта упомянуто. (л. 137).

11.

По особливому предложению Академии наук профессора Людвиха Делиль деля Крюер, которой принимает на себя все наблюдения астрономическия и физическия и протчия по особливым инструкциям, в сенат поданным, ежели до вояжу вашего по оным инструкциям, что касается в том поступать, усматривая к лутчему, и для того капитану командору Берингу велено со оных дать вам известие.

На 11.

С сообщенных от Академии наук профессора Людвиха Делиль деля Кроера инструкцей от капитана командора Беринга х капитану Шпанберху отосланы при ордере точныя копии прошлого 738 году апреля 12 дня.

12.

В бытность вашу на море или в других тамошних местах, ежели позовет какая вам нужда, о том репортовать капитана командора Беринга и требовать всего от него, Беринга (л. 137 об.); буде же его не будет,

в таком случае требовать во всем удовольствия от охоцкого командира, а ему в том помогать и снабдевать велено. (л. 138)

На 12.

При отправлении оного капитана Шпанберха в вояж всеми подлежащими припасами и матриалами и правиантами от капитана командора по возможности удовольствован, о котором (л. 137 об.) удовольствии в адмиралтейскую колегию прошлого 738 году июня 30 дня со обстоятельством репортовано; да и прибыл оной капитан из вояжу в Охоцк при капитане ж командоре, точию как по отбытии своем из Охоцка в море, так ис походу и из Камчатки он, капитан Шпанберх, х капитану командору Берингу ни о какой нужде не писал.

Capitain Commandeur Witus Bering.
От флота капитан Алексей Чириков.
Флота лейтенант Иван Чихачев.
Styrman Swen Waxell, leutenants Rong of flotten.
Штурман в ранге от флота лейтенанта Михала Плаутин.
Флота мастер Сафрон Хитрово.

Из записной книжки архивиста

Пресня в декабре 1905 г.

Публикуемый ниже дневник за дни вооруженного восстания в Москве в 1905 г. хранится в Центральном архиве революции в фонде «вещественных доказательств» № 1325. Принадлежит он некоему И. Ю. Русанову, которому в 1905 г. было 16 лет. Документ этот взят был у Русанова при обыске 25 ноября 1909 г. в Москве [1]) в связи с отпечатанием им листовок от имени «Московского комитета Союза народной мести», которые он разослал в редакции журналов, в книжные магазины, банки и некоторые другие учреждения.

Документ представляет собой ученическую тетрадь; написан с большим количеством грамматических и синтаксических ошибок. В дневнике этого «недоросля» из дворянской военной семьи (он получил домашнее образование, — пишет он в своей анкете) нельзя конечно искать соответствующего освещения событий декабрьских дней в Москве в 1905 г. Он проникнут антисемитизмом, реакционностью военной среды (отец Русанова — отставной подпоручик). Усмирители восстания для него — «славное храброе русское воинство». Однако и сам автор дневника вынужден в недоумении отметить (запись от 14 декабря), что казаки, несясь галопом по улице, стреляли во все стороны, «хотя ни дружинников, ни других подозрительных лиц не было, кроме мирных людей, идущих по делам». Он конечно за подавление восстания и прекращение забастовки, которая мешает ему кушать белые булочки.

Чем же вызвана у него эта последовательная запись событий с 9 по 17 декабря, и чем интересен этот документ в настоящее время? Автор его, живя в квартире д. № 5 по Глазовскому переулку в Пресненской части (в настоящее время Васильевская улица), силой обстоятельств попал в гущу событий на Красной Пресне, крупнейшем рабочем районе Москвы, охваченном вооруженным восстанием, который вместе с тем был и последним оплотом его.

Автора дневника как мальчишку из военной семьи интересовали боевые действия, почему он тщательно и записывал то, что ему удалось видеть из окна своей квартиры, и то, что он слышал о расположении войск и о местах сооружения баррикад. Эта регистрация расстановки вооруженных сил дает нам возможность уточнить те славные пункты геройски отважной защиты революции 1905 г. восставшим московским пролетариатом и конкретнее представить себе те условия, в которых приходилось сражаться самоотверженным дружинникам-революционерам и упорно обороняться в продолжение нескольких дней против во много раз превосходящих сил разного рода правительственных войск, чему способствовало содействие и непосредственное участие в постройке баррикад широких трудящихся масс населения. «Народ вырывал железные ворота, ломая телеграфные, телефонные и фонарные столбы и строил из них баррикады», — не мог не отметить наш наблюдатель в дневнике от 10 декабря.

В этих кратких записях чувствуется, как всеобщая стачка переходит в вооруженное восстание — постройка баррикад становится массовой, и весь город в главных центрах покрывается сетью баррикад, как развертывается упорная борьба дружинников с правительственными войсками и как, наконец, восстание с помощью вызванных семеновцев было засыпано шрапнелями и заглушено, но только на время.

М. Сыромятникова.

В пятницу 9 декабря папа пришел поздно, в 1 час ночи, от Екатерины Александровны Мамонтовой. Он рассказал, что дом генерал-губернато-

---

[1]) Моск. охр. отд., 1909 г., д. № 1588.

ра штурмуют 15 тысяч человек. Когда папа шел по Арбату, то слышал далекие выстрелы... Везли артиллерию на Чистые пруды, где в одном доме у жидов было революционное собрание. К ним были посланы полиция и казаки; они ответили, что «по ним еще не выучились стрелять», и бросили 2 бомбы в казаков. Казаки отступили, была вытребована артиллерия, и дом был разрушен. Папа принес мне полхлеба от Е. А. Мамонтовой, так как 8 декабря, в 12 часов дня, началась всеобщая забастовка, и хлеба не пекли. В эту ночь убили 6 городовых в разных частях Москвы. В этот день Москва объявлена под усиленной охраной.

Суббота 10 декабря. Папа пошел в почтамт; он заходил в «Метрополь», откуда принес мне два хлеба. В то же время папа заходил в магазин Матвеева. Он пришел к нам в четыре часа дня и рассказал, что Тверская, Большая Дмитровка, Садовая улицы, Триумфальная, Страстная и Тверская площади все забаррикадированы и у Василия Кесарийского [1]) стоит баррикада. Народ вырывал железные ворота, ломал телеграфные, телефонные и фонарные столбы, и строил из них баррикады. Революционеры срезали проволоку и путали ею улицы, заграждая баррикады. Идя по Дмитровке, папа слышал ружейные залпы. Езда на улицах прекратилась. Вечером к нам пришел дворник и передал приказание губернатора, чтобы никто не выходил из дому позднее 8 часов вечера. Кроме того, он купил засовы на ворота, а одни заколотил. Прасковья, выходя на двор, часто слышала ружейные выстрелы. Папа купил дров, а Прасковья провизию. Ночью все вымерло; было тихо и жутко.

Воскресенье 11 декабря. Утром тихо, но когда Прасковья пошла на улицу, то увидала, что на Малую Грузинскую пришла боевая дружина и с ней мальчишки и хулиганы. Они моментально выдернули фонарные и телефонные столбы, обрезали проволоки, оторвали вывески, наши и соседние ворота и выстроили баррикады: одну у Апфельбаума [2]), другую у Средне-Тишинского переулка. Точно так же выстроили баррикады в Средне-Тишинском переулке против дома Шустова [1]), у Соколовского переулка [2]) и у Антипинского магазина [3]), Сенная площадь [4]) вся забаррикадирована, весы на ней сломаны и протянута проволока. Живодерка [5]), Большая Грузинская, Ильинская [6]), Глазовский переулок [7]) тоже забаррикадированы. У Арбатских ворот произошел бой... Результат неизвестен. Весь день стреляли из пушек и ружей. На железных телеграфных столбах и баррикадах развеваются красные флаги. Революционеры отправились в тюрьму освобождать заключенных силой. Произошел бой; 200 человек революционеров и все казаки убиты. Окончательный результат неизвестен... У нас на дворе слышалась тихая перестрелка. На Тверской бой, много убитых... Ночью революционеры забаррикадировали Камер-Коллежский вал и опутали проволокой до невозможности ехать и итти. Ночью фонарей нет, везде темно.

Понедельник 12 декабря. Утром мама ходила за провизией к Антипину и дорогой осматривала баррикады. Народ был смущенный, расстроенный и грустный. Баррикады на улицах продолжают оставаться. Везде красные флаги. В 1½ час дня папа пошел в Никитский монастырь. В час началась стрельба из пушек и ружей до 4 часов дня; за это время было сделано 14 пушечных выстрелов и 6 ружейных залпов. Вечером Мария Витальевна рассказала, что это стреляли у Прохоровской фабрики [8]) в рабочих, которые хотели ее разгромить.

---

[1]) Церковь Василия Кесарийского была на Большой Тверской Ямской улице.

[2]) Аптека Апфельбаума была на Малой Грузинской в домах Шемшурина № 49—51.

[1]) Дом Шустова был по Средне-Тишинскому переулку № 7.

[2]) Соколовский переулок, в настоящее время Электрический, выходит на Средне-Тишинский пер.

[3]) Магазин Антипина был на Большой Грузинской, в доме Копытина.

[4]) Сенная площадь — ныне сквер против Тишинского рынка.

[5]) Живодерка, она же Владимиро-Долгоруковская ул., в настоящее время улица Фридриха Адлера.

[6]) Ильинская, в настоящее время 2-я Брестская улица.

[7]) Глазовский переулок, в настоящее время Васильевская улица, выходит на Тишинскую площадь вместе с улицей Фридриха Адлера.

[8]) Прохоровская фабрика «Товарищество Прохоровской Трехгорной мануфактуры» на Нижне-Пресненской улице, в настоящее время Красно-Пресненская Трехгорная мануфактура.

Снарядами разбита спальня рабочих. Рабочие скрылись на Ваганьковское кладбище, отстреливаясь из револьверов. (Подробности неизвестны.) Папа пришел после трех часов и принес известие, что Никитская [1]), Спиридоновка и Гранатный переулок свободны; на них ездят извозчики, но пусто, и нет городовых. Папа принес мне из Никитского монастыря 15 просвир. Революционеры, отбитые от Прохоровской фабрики, ушли на лесные склады, где забаррикадировались и укрепились за лесом, дровами и паровозами. Ночь была тихая, и ночью выстрелов не было.

В воскресенье вследствие забаррикадированных улиц наш водовоз не привез нам воды. В понедельник Прасковья брала воду в лавке, в доме Николаева, по копейке за ведро, а во вторник граждане пустили воду на улице из городского крана. Граждане давали всем воду даром и охраняли водопровод, стоя около него с железными крюками.

В ночь с воскресенья на понедельник сожгли (вероятно, черносотенцы) фабрику Сытина на Зацепе [2]).

(Подробность. Революционеры после поражения у Прохоровской фабрики, спрятавшись на Ваганьковском кладбище, отстреливались из-за памятников от солдат, которые их преследовали.)

Вторник 13 декабря 1905 г. Утром тихо. Мама в 9 часов утра пошла в Кредитное общество и, дойдя до Садовой, повернула назад, так как невозможно было итти далее вследствие того, что вся Живодерка и Садовая улица сплошь забаррикадированы очень крепкими баррикадами.

Утром на Сенной площади и Живодерке стояло много народу. Народ бодрый и веселый. Половина первого часа началась стрельба около церкви св. Ермолая [3]); там стояла пушка и солдаты, которые стреляли в баррикады на Садовой. Сперва революционная «боевая дружина» отстреливалась из-за баррикад, но когда в баррикады стали попадать шрапнели, тогда «боевая дружина» разделилась на две части: одна, более многочисленная часть «боевой дружины», убежала в сад «Омона», где, забравшись на деревья и на крышу театра «Олимпия» [1]), расстреливала солдат навесным огнем из «винчестеровских» винтовок. А другая часть засела в дом Рубановского [2]), а оттуда стреляла с балкона и с чердака. Солдаты из пушки стали разрушать дом Рубановского, а ружейным огнем изрешетили всю крышу: дом сильно пострадал. Сидевшая в доме Рубановского, «боевая дружина» после первой попавшей в дом шрапнели убежала из него на Живодерку и засела в баррикадах. Когда солдаты открыли огонь по «Аквариуму» [3]), то тогда дружинники прекратили стрельбу и спрятались в кустах. Солдаты сожгли три баррикады и вследствие темноты отступили. Во время стрельбы из пушки в Полтавские бани [4]) попало несколько снарядов. На Пресню в 4 часа приехало 3 пушки и пехота и открыла сильный огонь по лесным складам, где сидела боевая дружина и отстреливалась из 60 винтовок и револьверов, постоянно переменяя свое место и прячась то за склады дров, то за вагоны и паровозы, вследствие чего меткая стрельба была невозможна. Солдаты сделали 13 пушечных выстрелов и 7 ружейных залпов. Во время боя наступила ночь, и солдаты уехали в казармы, не выбивши дружину из засады. Через несколько часов после боя «боевая дружина» ушла в мастерские [5]). Настроение бодрое и энергичное.

По слухам, 200 человек драгунов наткнулись на «боевую дружину» и совершенно истреблены?? Во время стрельбы по лесным складам Пресненская застава разрушена шрапнелью.

В тот же день солдаты, стреляя из пушек на Пресню в дружинников через дома навесным огнем, попали, вместо дружины в богадельню шрапнелями, которую и разрушили.

---

[1]) Никитская — улица Герцена.

[2]) Автор здесь передает дошедшие до него слухи о пожаре в типографии Сытина, где ныне помещается 1-я Образцовая типография.

[3]) Церковь Ермолая была на Большой Садовой.

[1]) Театр «Олимпия» — в настоящее время театр Мейерхольда (Садовая Триумфальная пл.).

[2]) Дом Рубановского был на Владимиро-Долгоруковской улице, № 2; здесь помещалась тогда аптека.

[3]) Театр «Аквариум» — в настоящее время театр оперетты (Большая Садовая, 16).

[4]) Полтавские бани были на Садовой Кудринской улице, д. № 166, наследников И. Л. Шабельской.

[5]) Повидимому речь идет о мастерских Московско-Брестской железной дороги, в настоящее время «Завод 1905 г.» около Белорусского вокзала.

В богадельне убито шесть старух наповал. Богадельня разрушена совершенно, на ней сбита крыша, накатник, перебито все внутри и почти разрушены стены. Пресня забаррикадирована. Ночью «боевая дружина», сидевшая в «Аквариуме», вышла на Садовую улицу и забаррикадировала ее еще более сильными баррикадами.

(Подробность. У дома Рубановского разбит шрапнелью правый угол, сбит балкон и пробита шрапнелью во многих местах крыша. Вывеска свернулась в трубочку и накренилась, а карниз под ней сбит шрапнелью. Деревянный дом на другом углу Живодерки и Садовой пробит шрапнелью насквозь. Рамы в нем выбиты. Дом против аптеки Рубановского пробит в 4 местах гранатами. Кроме того, в доме Рубановского выбиты три рамы, а остальные зеркальные стекла все изрешечены пулями и осколками шрапнелей.)

На Кудринской улице, в пятиэтажном доме Кносова [1]), расположилась боевая дружина на пятом этаже. Ночью не было боя, все тихо, везде темно.

(Подробность: в районе Покровки разбита снарядами другая богадельня, где убито 9 старух, 10-я пропала без вести.)

Среда 14 декабря 1905 г. Утром, когда я был еще в постели, половина девятого пришел Федор Дмитриевич и сказал, что хотят обстреливать на нашей улице баррикады. Мама испугалась, думая, что осколки гранат могут залететь в наш дом. А Прасковья рассказала, что около Камер-Коллежского вала [2]) стоят солдаты и пушки. Под влиянием этих разговоров всех охватила паника, кроме меня. Мама хотела баррикадировать спальню, чтобы в ней можно было безопасно сидеть от осколков шрапнели и пуль. Но половина 11-го тревога прекратилась, так как пришел Сергей Федорович и сказал, что «это все вздор». Мы ему сказали: «Ну, а если разграбят?» «Разве черносотенцы!». Мы успокоились. Тем более, что не слыхать было выстрелов. Половина двенадцатого папа ушел к Роберам. Когда он шел, то на Патриарших прудах со Спиридоновки неслись галопом казаки, стреляя во все стороны, хотя ни дружинников, ни других подозрительных лиц не было, кроме мирных людей, идущих по делам. Раненых, к счастью, не было. Вскоре после этого загрохотали пушки. Папа принес мне просфорок (31) совершенно благополучно в 3 с ½ часа пополудни. Триумфальная, Садовая, Живодерка, Пресня, начиная с Пресненского моста, забаррикадированы. Угол Кудринской площади, Бронная Большая и Малая, Грузинская улицы, Сенная площадь, Глазовский переулок, Средне-Тишинский переулок, Камер-Коллежский вал, Брестская, Ильинская — тоже забаррикадированы. Утром были баррикады и на Тверской, к вечеру их уже не было, лежали одни обгорелые столбы. Во многих местах на Тверской окна выбиты и пробиты пулями, многие дома пробиты гранатами. Магазины на Тверской заперты и заколочены; ночью на ней было темно от отсутствия фонарей. С двух сторон на Тверской стоят усиленные наряды жандармов и городовых, которые никого на нее не пускают. В Леонтьевском переулке шла ожесточенная перестрелка между войсками и боевой дружиной. Окончательный результат неизвестен: она продолжалась до 6 часов вечера. Два раза было видно зарево и дым: в 4 часа 20 минут и 40 минут пополудни. У нас весь день в квартире и на дворе не было слышно выстрелов.

В Кудрине, в доме Кносова, дружина попрежнему сидит в 5 этаже. Значительная часть города без баррикад. Настроение тяжелое, подавленное и выжидающее. Боевая дружина изнемогает. По слухам, войска с пожарными сожгли баррикады на Бронной??? Ночью тихо и спокойно. Победа склоняется на сторону войск. В этот же день стали печь белый ситный хлеб. А боевая дружина распорядилась, чтобы все сени и чердаки были отперты. Воды вволю, ее выдают из городских кранов сами забастовщики. Часть боевой дружины сидит в мастерских Московско-Брестской железной дороги.

Четверг 15 декабря. Утром тихо. За ночь революционеры еще более укрепили баррикадами Камер-Коллежский вал, где баррикады встречаются на каждом шагу; кроме того, он весь опутан проволокой на разной высоте от земли, а также тротуары завалены

---

[1]) На Кудринской улице не было дома Кносова, а был № 1 братьев Курносовых (см. справочник: «Вся Москва за 1905 г., стр. 242).

[2]) Камер-Коллежский вал, представляя собой кольцо кругом Москвы, имеет разные названия; здесь имеется в виду, повидимому, Грузинский и Пресненский вал.

столбами, бревнами, полками и кадками. На тротуаре и улице протянуты цепи, веревки, а около Тверской заставы баррикада со всех сторон окружена проволочной сетью.

Из забаррикадированных улиц следует отметить Глазовский переулок, где положено два бруствера из дров и 4 баррикады из ворот, бревен, ломовых полков, фонарных столбов, камней, вывесок. Весь Глазовский переулок опутан медной проволокой, протянутой в разных направлениях, на разной высоте. Утром народ собирался в кучи и уходил по направлению к Тверской. (Куда именно, — неизвестно). В 8 часов утра Камер-Коллежский вал был полон рабочими, которые шли на Тверскую. На Тверской утром было тихо, и жизнь понемногу оживилась, торговали во многих магазинах, шли пешеходы, ехали извозчики и ломовые. На Тверской стоят усиленные наряды городовых. Баррикад на Тверской нет.

Белого хлеба не пекут, говорят, что «это роскошь». Много рабочих, не сочувствующих революции, ушло пешком за город.

Извозчики, вследствие дороговизны сена и овса, также уезжают за город, кроме того, от невозможности ездить по улицам от баррикад.

На фабриках, заводах и железных дорогах не работают. Стрельбы не слышно — до трех часов пополудни.

Храбрые войска везде одолевают.

У нас вследствие пустоты жуткое настроение, так как ни войск, ни городовых нет. Весь день у нас в Грузинах ездили извозчики, а где были баррикады, то проезжали по тротуару и проезжим дворам.

Выстрелов не было до 5 часов дня. Рабочие на фабрике Цинделя взбунтовались (фабрика Цинделя в Кожевниках, за Москвой рекой) [1]), забаррикадировались вместе с боевой дружиной и выставили орудия и пулеметы. Туда пошли все рабочие с разных концов Москвы, произошел бой. Окончательный результат неизвестен. Туда отправлена артиллерия, пехота и кавалерия. На Тверской все тихо попрежнему, городовые стоят на постах с ружьями. Было покушение на жизнь городовых... Обошлось без несчастных случаев. У нас в квартире и на дворе весь день не слышно было выстрелов. Войско побеждает. Весь центр города без баррикад. Везде полиция, все спокойно.

Ночью тихо. Консерваторы торжествуют. Дружинники и забастовавшие рабочие падают духом; среди них смятение.

17 декабря 1905 г. Утром в 7 с ½ часов утра раздавались выстрелы пушечные и оружейные. Было жутко, я проснулся в 8 с ½ часов и тотчас принялся вместе с мамой за устройство баррикады, которую мы устроили в спальне для защиты от пуль и осколков гранат, могущих залететь в окно. Для баррикады мы придвинули к окну большой комод и на него поставили маленький комодик, большую гладильную доску, потом завалили ящиками, книгами и свертками газет, а еще выше свертками с книгами и подушкой от стула. Все это я связал веревками и таким образом была устроена баррикада. Половина 11-го часа показался густой столб дыма по направлению к Пресне. Это горели Бирюковские бани [1]). В одиннадцать часов к нам пришел Сергей Федорович и играл со мной в карты, я проиграл 8 рублей 13 копеек. Между тем, к 4 часам поднялось два больших столба дыма: один на Пресне багрового цвета, а другой на Ходынском поле от горевшей там Мамонтовской фабрики [2]), совершенно черного цвета. С наступлением темноты дым принимал все более и более розовый оттенок. Наконец, показалось два зарева. Зарево на Ходынском поле от фабрики Мамонтова было ярко оранжевого цвета и далеко распространяло свой блестящий свет; и, делаясь к окраинам все бледнее и бледнее, постепенно терялось во мраке зимней ночи. Тогда как зарево на Пресне имело вид нескольких пылающих костров, которые извивались в воздухе от ветра, и было окутано клубами черного дыма. В это время произошел пожар в Волковом переулке [3]) и появилось 3-е зарево. Все три зарева постепенно разгорались все сильней и сильней, и нако-

---

[1]) Фабрика товарищества Цинделя в настоящее время «Первая ситценабивная».

[1]) Бирюковские бани были на Нижепрудовой улице, д. № 1, в настоящее время Дружинниковская улица (от р. Москвы до Большой Пресненской улицы).

[2]) Мамонтовская фабрика торгового т-ва бр. А. и Н. Мамонтовых, в настоящее время завод «Лакокраска» на 1-й Звенигородской ул.

[3]) Волков переулок, около Зоологического сада, выходит на Красно-Пресненскую ул.

нец, к 6 часам слился вместе, в одно безбрежное огненное море, которое то колыхалось, то прорезывалось блестящими огненными стрелками вроде молнии. От фабрики Мамонтова отделялся столб дыма от горевшего там скипидара, который черной шапкой поднимался очень высоко и таял в холодном воздухе, наполняя окрестность удушающим смрадом. Но в общем громадное пожарище представляло очаровательное, но жуткое впечатление. После 8 часов вечера, зарево стало постепенно тухнуть и меркнуть, к 9 часам оно сделалось ярко малиновым от большого количества углей. Ночью зарево было нежно-розового цвета, а потом слилось с бледным светом туманного утра. В 8 часов вечера ко мне пришел снова Сергей Федорович и был в спокойном состоянии, несмотря на ужасный пожар. Прасковья струсила. В общем сгорели баня и три дома Бирюкова, фабрика Шмидта и дом, где помещается ящичная фабрика, и дома в Волковом переулке, а также вся фабрика Мамонтовых со всеми постройками и складами. Выстрелы продолжались до 3 часов дня. После было тихо. На Малой Грузинской улице с 3 до пяти часов много народа. Ночью никаких тревог не случилось.

18 декабря 1905 г. Утром тихо. С 7 до девяти часов утра было видно восходящее солнце яркого красного цвета; я думал, что это от туманного утра, что часто бывает зимой. Но к 10 часам солнце взошло уже высоко и продолжало оставаться ярко красного цвета. Тогда я узнал, что это от остатков вчерашнего пожара. На Пресне попрежнему продолжался бой; утром шел дружинник с Малой Грузинской на Пресню; его встретило несколько солдат, которые взяли у него винтовку и отпустили на десять шагов и потом дали залп, которым его и убили. С утра до вечера с Пресни поспешно уезжали испуганные жители. Выстрелы были редки. В 6 часов вечера на Пресне стояли солдаты Семеновского полка, артиллерия и казаки. Вследствие воскресенья у Тихомирова [1]) испекли белые хлебы. У Прохорова на фабрике дружина сдалась. Вечером, в 8 часов, на Пресне показалось зарево ярко розового цвета, достигло наибольшей силы в 10 часов вечера, а потом стало тухнуть и бледнеть. С 3 часов ночи зарево имело только розоватый оттенок и потухло к 7 часам утра. (К нам в субботу и воскресенье приезжал водовоз.) Говядина попрежнему 20 коп. фунт. (В субботу в Грузинах разобрали баррикады.)

[1]) Здесь разумеется булочная.

Московское студенчество и смерть Л. Н. Толстого

Выступая в своем художественном творчестве противником буржуазно-помещичьего строя, Лев Толстой обрушивался всей силой своего литературного гения на такие устои царской России, как центральная и местная администрация, церковь, суд, армия, школа и т. п. Художественными средствами он производил в этих областях громадную разоблачительную работу.

Немудрено поэтому, что в глазах всего помещичье-поповского лагеря, так же как и в официально выражавшей его правительственной клике, Лев Толстой был опасным «государственным преступником», сеятелем «лжеучений» и «смуты». «Опасны» были не только его произведения, но и его личность, его действия и поступки. «опасной» оказалась даже его смерть!

Как бы ни относились к его художественному наследству и к его философскому учению различные общественные классы царской России, его смерть была не частным безразличным фактом, а большим общественным событием.

Видя в Льве Толстом «зеркало русской революции» со всеми ее сильными и слабыми сторонами, В. И. Ленин писал: «Русские рабочие почти во всех больших городах России уже откликнулись по поводу смерти Л. Н. Толстого и выразили, так или иначе, свое отношение к писателю, который дал ряд самых замечательных художественных произведений, ставящих его в число великих писателей всего мира, — к мыслителю, который с громадной силой, уверенностью, искренностью п о с т а в и л целый ряд вопросов, касающихся основных черт современного политического и общественного устройства» [1]).

Эти «отклики» рабочих на смерть

[1]) В. И. Ленин, Л. Н. Толстой и современное рабочее движение. Сочинения, изд. 3-е, т. XIV, стр. 404.

Толстого менее всего напоминали официальные и натянутые «гражданские панихиды», которые организовывала в ноябрьские дни 1910 г. буржуазия, лицемерно примыкавшая к памяти такого великого противника капиталистического строя, каким был Лев Толстой.

Дело в том, что смерть Толстого совпала с началом нового подъема революционного движения. С лета 1910 г. начинается новая волна рабочих забастовок, носивших и экономический, и политический характер. Эти забастовки сопровождаются уличными демонстрациями.

«После трех лет самого бесшабашного разгула контр-революции, — писал В. И. Ленин, — народные массы, больше всего угнетенные, придавленные, забитые, запуганные всякого вида преследованиями, снова начинают поднимать голову, снова, просыпаются и начинают приниматься за борьбу» [1]).

Смерть Льва Толстого и послужила новым поводом к организации ряда демонстраций, на этот раз преимущественно студенческих. Ленин живо уловил смысл этих демонстраций.

«Не начало ли поворота?» — спрашивал он 29(16) ноября 1910 г., а одну из статей, написанных непосредственно после смерти Толстого так и озаглавил: «Начало демонстраций». «Смерть Льва Толстого, — писал он там, — вызывает — впервые после долгого перерыва — уличные демонстрации с участием преимущественно студенчества, но отчасти также и рабочих. Прекращение работы целым рядом фабрик и заводов в день похорон Толстого показывает начало, хотя и очень скромное, демонстративных забастовок» [2]).

Публикуемые ниже материалы прекрасно вскрывают ту тревогу, которая охватила правительство в связи со смертью Льва Толстого и в частности в связи с вызванными ею сходками и демонстрациями московского студенчества.

Московский градоначальник в страхе перед студенческими демонстрациями и рабочими «беспорядками» поднял на ноги и полицию и охранку, он просил помощи у военного командования, предупреждал попечителя учебного округа, угрожал директорам высших учебных заведений, сажал под арест студентов и курсисток.

Само собою разумеется, этот черносотенный и верноподданный «блюститель порядка» нашел полную поддержку со стороны всей царской администрации. О принятых мерах и происшедших событиях градоначальнику «имели честь доносить» не только пристава, но и директора учебных заведений.

В этой связи заслуживает особого замечания «отношение директора Московского коммерческого института» известного члена ЦК кадетской партии П. Новгородцева.

В. И. Ленин бичевал в то время кадетов между прочим как раз за то, что они выступали в Ленинграде против демонстраций, дабы «не омрачать скорбных дней». Он называл это «подлой подножкой», поставленной демократии кадетами. В духе «подлой подножки», как увидит читатель, написано и отношение Новгородцева. Он принимает «все зависящие меры» «к предотвращению в стенах Коммерческого института незаконных собраний», он обращает «внимание на то, чтобы у этих собраний был отнят всякий политический оттенок», он заботится о «не только мирном, но и успокаивающем характере» собраний.

«К счастью, — писал Ленин о ленинградских событиях, — подлая подножка, поставленная демократии кадетами, не удалась. Демонстрация все же состоялась» [1]). Эта «подножка» не удалась кадетам и в Москве — были студенческие сходки, были уличные демонстрации, были забастовки, как об этом свидетельствуют публикуемые материалы. В Москве полицией было арестовано и заключено на срок от 2 месяцев до 14 дней всего 195 человек.

Все это свидетельствовало о «начале демонстраций», «начале поворота» к новой революции.

И. Луппол.

---

[1]) В. И. Ленин, «Начало демонстраций», Соч., т. XIV, стр. 392.

[2]) Там же, стр. 393.

[1]) В. И. Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XIV, стр. 388.

1. Секретный циркуляр московского градоначальника от 7 ноября 1910 г., № 258287 [1]).

I.

В настоящее время все оппозиционные круги и учащаяся молодежь весьма сильно реагируют на болезнь графа Л. Н. Толстого, и можно ожидать в случае кризиса каких-либо выступлений.

Ввиду изложенного предлагаю принять к руководству:

1. Усилить наблюдение за учебными заведениями, фабриками, заводами и местами собраний учащейся молодежи и рабочих.

2. Не оказывать никакого противодействия церковным службам о графе Толстом, предоставляя разрешение этого вопроса духовной власти.

3. Иметь за устроителями и присутствующими на церковном служении о графе Толстом неослабное наблюдение, не допуская никаких выступлений противоправительственного характера.

4. Иметь в виду, что не могут быть допущены на сходках и собраниях резолюции с призывом к демонстрациям и с порицанием св. синоду и правительству.

5. О всяком собрании и сходке, а также предполагающейся церковной службе по случаю болезни или смерти графа Л. Н. Толстого, по возможности, заблаговременно докладывать мне, помощнику моему полковнику Модлю и сообщать в охранное отделение и сыскную полицию.

6. Иметь в участках готовыми наряды, на случай необходимости подавить ожидающийся беспорядок.

7. Иметь в виду, что никаких уличных выступлений не может быть допущено, почему приставам соседских участков оказывать полное содействие тому приставу, в районе которого происходит беспорядок, и по требованию полицеймейстера или пристава даже другого отделения являться с нарядом.

и 8. О возможности возникновения беспорядка немедленно доносить мне, помощнику моему полковнику Модлю, полицеймейстеру и сообщать соседним приставам.

Генерал-майор Адрианов.
Начальник отделения полковник Заварзин.

[1]) Публикуемые материалы взяты из дела Московского охранного отделения № 1494 за 1910 г. хранящегося в Центральном архиве революции и подготовлены к печати Н. Д. Покровской.

2. Телеграмма начальника Московского охранного отделения директору департамента полиции.

Толстой скончался.

Полковник Заварзин.

3. Телеграмма товарища министра внутренних дел московскому градоначальнику от 7 ноября 1910 г., № 18436.

Ввиду последовавших распоряжений о том, чтобы чины администрации не чинили препятствия духовным лицам в служении панихид по скончавшемся графе Льве Толстом [1]), благоволите принять меры к тому, чтобы публикации в газетах о служении панихид допускались не иначе, как с разрешения полиции, по получении письменного извещения подлежащего духовного лица о том, что панихида действительно будет служиться, дабы под предлогом служения панихиды не организовывались бы в определенном месте собрания публики с целью противоправительственных демонстраций.

За мин. внутр. дел тов. министра ген.-лейт. Курлов.

4. Телеграмма помощника московского градоначальника приставам 2 Басманного, 2 Пятницкого, 2 Мещанского и 2 Рогожского участков от 7 ноября, 1930 г. № 451.

Установите наблюдение на вокзалах за уезжающими на похороны в Ясную Поляну. При возвращении их 9 и 10 ноября не допустите демонстративных шествий.

Модль.

5. Телеграмма помощника московского градоначальника полицеймейстерам и приставам от 7 ноября 1910 г., № 452.

Установите наблюдение за магазинами венков. Обяжите не выпускать лент с революционными надписями. Не допускайте убранства трауром зданий. Имейте наблюдение за ожидаемыми частными собраниями на общем основании.

Модль.

[1]) Вечером 7 ноября срочное заседание синода решило запретить панихиды, о чем были немедленно разосланы телеграммы по всем епархиям.

6. Телеграмма московского градоначальника полицеймейстерам и приставам от 8 ноября 1910 г.

Установите наблюдение на улицах. Не допускайте предложения закрывать магазины и насилий в этом направлении.

Адрианов.

7. Отношение помощника московского градоначальника командиру жандармского дивизиона от 8 ноября 1910 г., № 2917.

По приказанию московского градоначальника, прошу ваше высокоблагородие сделать наряд на завтра, 9 сего ноября, к 8½ час. утра: 1 офицера и 25 конных жандармов в распоряжение полицеймейстера 1 отделения во двор 1 участка Тверской части (Знаменка) и столько же в распоряжение полицеймейстера 2 отделения во двор Хамовнической части на Хамовническом плацу.

За градоначальника, помощник его полковник Модль.

8. Телеграмма начальника Московского охранного отделения начальнику тульского губернского жандармского управления от 8 ноября 1910 г., № 248107

Ожидается массовый выезд студентов московских высших учебных заведений в Ясную Поляну на похороны, можно ожидать противоправительственной демонстрации. Департаменту донесено.

Полковник Заварзин.

9. Телеграмма московского градоначальника тульскому губернатору от 8 ноября 1910 г., № 248112.

Записалось на поезда на похороны более тысячи студентов и курсисток.

Градоначальник Адрианов.

10. Донесение пристава 1 участка Арбатской части в московское охранное отделение от 8 ноября 1910 г., № 285.

Доношу, что на высших женских курсах по Мерзляковскому переулку по случаю смерти Толстого сегодня занятий не было и завтра тоже не предполагается.

Пристав [(подпись)].

11. Рапорт пристава Петровско-Разумовского участка московскому градоначальнику от 8 ноября 1910 г., № 160.

В 1 час дня сего числа студенты Московского сельскохозяйственного института устроили, с разрешения директора института д. с. с. Иверонова, в столовой при общежитии названного института собрание для обсуждения вопроса о выработке формы чествования памяти скончавшегося графа Толстого. На этом собрании была отслужена так называемая гражданская панихида.

Собрание вынесло резолюцию: послать депутацию для возложения венка на гроб умершего графа; депутация эта состоит из 5—6 студентов названного института (мне известны фамилии двух делегатов: студенты Григорьев и Федоровский). Венок изготовлен при институте из живых цветов; венок среднего размера; пока лент на нем нет.

Депутация эта выезжает в Ясную Поляну сегодня вечером; одновременно с ней выезжают человек 200 студентов этого института по личному желанию. Собрание это также постановило повесить портрет гр. Толстого в столовой общежития в с.-х. институте. В знак траура лекции сегодня и завтра читаться не будут.

Собрание окончилось в 2 часа дня; на нем присутствовали только студенты этого института, в числе до 500 человек. По окончании собрания студенты покойно разошлись по домам, и на улице нарушения порядка не было.

Пристав Костовский.

12. Рапорт пристава 1 участка Тверской части московскому градоначальнику от 8 ноября 1910 г., № 101.

Сего числа в Московском университете состоялась с разрешения ректора общестуденческая сходка, которая закончилась без нарушения порядка. На этой сходке обсуждались вопросы, вызванные смертью и предстоящим погребением гр. Л. Н. Толстого. Между прочим, был поднят вопрос о выражении порицания святейшему синоду за отношения его к покойному [1]), но

[1]) Синод четыре раза выступал против Толстого: в 1890 г. («Всеподданейший доклад обер-прокурора синода» о грозящей спокойствию церкви деятельности гр. Л. Н. Толстого), в 1900 г. (секретный указ синода о запрещении молиться о

вопрос этот, а равно и другие, ему подобные, был провален большинством. Приняты резолюции о посылке депутации в числе около 10 человек в Ясную Поляну, об организации желающих присутствовать на похоронах, о проводах депутации на Курский вокзал, где предполагается сего числа вечером большое стечение студентов, и о чествовании памяти покойного перед домом в Хамовниках [1]). Для последней цели студенты завтра, 9 ноября, должны собраться перед означенным домом, где и пропоют вечную память. Предполагалось завтра собраться предварительно в здании университета, но, как мне известно из достоверных источников, по распоряжению университетской администрации, здание университета будет закрыто, и туда студенты допущены не будут. Ввиду этого возможно ожидать собрания студентов у здания университета.

Пристав капитан Строев.

13. Отношение московского градоначальника попечителю Московского учебного округа А. М. Жданову от 8 ноября 1910 г., № 2915.

М. г. Александр Маркелович,

Мною получены сведения, что студенты московского университета и других учебных заведений предполагают устроить завтра демонстративное шествие к дому гр. Л. Н. Толстого в Хамовники, где служить гражданскую панихиду.

Сообщая об этом, покорнейше прошу ваше превосходительство не отказать в распоряжении объявить студентам, что никакие демонстративные шествия и выступления безусловно допущены не будут и против демонстрантов будут приняты решительные меры.

Примите уверение в совершенном моем почтении и искренней преданности.

Генерал-майор Адрианов.

Толстом в случае его смерти), в 1901 г. (опубликование «Определения синода от 20—22 февраля 1901 г. № 557 с посланием верным чадам православной грекороссийской церкви о графе Толстом»— отлучение от церкви», в 1908 г. (официальное обращение синода к «чадам православной церкви" о недопустимости празднования юбилея Толстого).

[1]) Дом в Хамовниках — дом Толстого в Долгохамовническом пер. (теперь улица Льва Толстого), № 21, В настоящее время носит название: «Дом-усадьба Льва Толстого в Москве».

14. Отношение попечителя Московского учебного округа московскому градоначальнику от 8 ноября 1910 г., № 32275.

М. г. Александр Александрович,

Имею честь уведомить ваше прев-во, что содержание письма вашего от сего числа за № 2915 мною вместе с сим сообщается начальникам высших учебных заведений гор. Москвы.

Вместе с сим покорнейше прошу ваше прев-во сообщить мне о всех случаях нарушения учащимися порядка, если таковые будут иметь место 9 ноября текущего года для донесения о сем министерству народного просвещения.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности.

Покорнейший слуга А. Жданов.

15. Телеграмма пристава Басманной части московскому градоначальнику от 9 ноября 1910 г., № 41.

Сегодня не было занятий: в Межевом институте, двух коммерческих училищах, трех торговых школах. Не работали с утра на фабрике Ксенофонтова и с обеда в типографии Мальцева. Торговля везде производилась. Агитации не было.

Иванов.

16. Доклад начальника Московского охранного отделения московскому градоначальнику от 9 ноября 1910 г.

Сегодня, с 10½ часов утра, около старого Московского университета начали собираться поодиночке и небольшими группами сначала курсистки, а затем студенты, и под предлогом получения справок часть их входила в канцелярию.

К тому же времени к университету пришло около 100 студентов Сельскохозяйственного института.

По объяснению экзекутора этого университета сегодня, по распоряжению ректора, канцелярия открыта для служебных надобностей.

Из канцелярии университета курсистки и студенты вышли на улицу, где совместно со студентами-сельскохозяйственниками, толпой около 200 человек направились к новому университету и далее по Моховой с пением «вечная память».

Студенты шли без фуражек.

Полицеймейстер 1 отделения около 11 часов дня встретил шествие у нового университета, где толпа возросла до 300 человек.

Было предложено прекратить пение, следовать по Никитской улице и разъяснено, что в Хамовники, к дому Льва Толстого, оно не будет допущено.

Студенты продолжали шествие по тротуарам.

Из 1 участка Тверской части был вызван дополнительный наряд полиции, который на углу Знаменки и Волхонки задержал шествие.

Вторично чинами полиции было предложено толпе прекратить пение и разойтись, что многие исполнили.

Более же упорные, в числе около 100 человек, были окружены и по Знаменской улице доставлены в 1 участок Тверской части, где переписаны и поодиночке отпущены.

Полковник Заварзин.

17. Телеграмма начальника Московского охранного отделения директору департамента полиции отправленная 9 ноября 1910 г., в 4 ч. 30 минут ночи, № 246120.

В высших учебных заведениях занятия не производились. В одиннадцатом часу утра у здания университета начали собираться поодиночке студенты и курсистки; сформировавшись толпой, двинулись с пением «вечная память», предполагая дойти к дому покойного в Хамовниках, но были тотчас остановлены полицией, предложившей разойтись. Не исполнившие требования сто семьдесят три человека, окруженные нарядом, препровождены в участок, откуда, по установлении личностей тотчас освобождены. Сформировать такое шествие были попытки на Девичьем поле и около упомянутого дома покойного, но по требованию полиции тотчас расходились. Книжные и несколько других магазинов было закрыто. В театрах Корша, Художественном и Солодовникова представлений не было. Не работало до трех тысяч рабочих некоторых фабрик и заводов. Столкновений с полицией, революционных выступлений и арестов не было. Возвратившиеся с похорон разошлись с вокзала в полном порядке без малейших инцидентов, чему способствовали действия полиции и прием пассажиров ночных поездов вагонами трамвая, высланными по настоянию градоначальника.

Полковник Заварзин.

18. Телеграмма пристава Симоновского участка московскому градоначальнику от 9 ноября 1910 г., № 25.

Сего числа рабочие механического цеха заводов: котельного Бари 350 человек, трубопрокатного Ган 125 человек, котельного Кравчуновского 22 человека вышли в обычное время на работу, но тотчас оставили таковую, спокойно разошлись домой. Работу оставили в знак внимания к похоронам графа Льва Толстого.

Пристав Симоновского участка
Фоглер.

19. Рапорт полицейского надзирателя при фабриках т-ва Прохоровской мануфактуры приставу 1 участка Пресненской части от 10 ноября 1910 г., № 139.

Доношу, что вчера, 9 сего ноября магазин о-ва потребителей при фабриках т-ва Прохоровской Трехгорной мануфактуры, вследствие просьбы служащих магазина почтить день похорон Л. Н. Толстого, был закрыт с согласия членов правления о-ва в 6 часов вечера, а не в 8 ч., как обычно.

Полицейский надзиратель
Кувшинов.

20. Телеграмма начальника Московского охранного отделения полицеймейстерам и приставам г. Москвы от 10 ноября 1910 г., № 651.

Можно ожидать выходов из помещений высших учебных заведений студентов массами с целью демонстративных шествий с революционными песнями и вечной памятью. Необходимо непрерывное наблюдение за высшими учебными заведениями и усадьбой Толстого в течение последних дней, начиная, с четверга.

Полковник Заварзин.

21. Отношение московского градоначальника попечителю Московского учебного округа А. М. Жданову от 11 ноября 1910 г., № 25579.

М. г. Александр Маркелович.

По имеющимся в моем распоряжении сведениям, в настоящее время в Московском университете и других высших учебных заведениях министерства народного просвещения ежедневно происходят сходки. Продолжение таковых, несомненно, может иметь последствием серьезные осложнения до демонстративных выступлений студенческих масс на улицу.

Кроме того, наблюдается воздействие на студентов со стороны сформировавшихся в высших учебных заведениях нелегальных организаций, члены которых на сходках произносят возбуждающего характера речи.

Необходимо принять со стороны академического начальства самые энергичные меры к предупреждению беспорядков.

Сообщая об изложенном вашему прев-ву, прошу не отказать сделать со своей стороны зависящие распоряжения и о последующем не отказать меня уведомить в возможно непродолжительном времени.

Примите уверение в совершенном почтении и искренней преданности.

Генерал-майор Адрианов.

22. Отношение московского градоначальника директорам московских высших учебных заведений от 11 ноября 1910 г. № 258580 [1]).

По имеющимся в моем распоряжении сведениям, в настоящее время в высших учебных заведениях гор. Москвы ежедневно происходят сходки. Продолжение таковых, несомненно, может иметь последствием серьезные осложнения до демонстративных выступлений студенческих масс на улицу.

Кроме того, наблюдается воздействие на студентов со стороны сформировавшихся нелегальных студенческих организаций, члены которых на сходках произносят возбуждающего характера речи.

Имея в виду, что явления подобного рода могут отразиться на правильном течении академической жизни и вместе с тем нарушить в дальнейшем общественную безопасность и порядок в столице, прошу ваше прев-во не отказать сделать с своей стороны зависящие распоряжения и уведомить меня, какие меры будут вами приняты к предотвращению нарушения высочайше утвержденных правил от 11 июня 1907 года «о студенческих собраниях».

Примите уверение в совершенном почтении и искренней преданности.

Генерал-майор Адрианов.

[1]) Послано: директорам Консерватории, Сельхоз. института, Инженерного училища, Технического училища, Межевого института, Коммерческого института, Высших технических курсов и председателю совета университета им. Шанявского.

23. Отношение московского градоначальника командующему войсками Московского военного округа П. А. Плеве от 11 ноября 1910 г., № 258583.

М. г. Павел Адамович,

Ввиду наблюдающегося весьма серьезного движения среди студентов и курсисток всех высших учебных заведений в Москве и возможности на днях большой демонстрации, имею честь покорнейше просить ваше высокопрев-во не отказать иметь ежедневно, начиная с 12 сего ноября, по два дежурных эскадрона в Хамовнических казармах, по две дежурные сотни в Николаевских казармах, которые бы могли быть вызваны по моему требованию или требованию помощника моего полковника Модля.

Кроме того, прошу не отказать в распоряжении произвести в эти дни военные прогулки по городу пехотных частей с музыкой, когда я обращусь с просьбой.

Считаю долгом присовокупить, что сегодня в С.-Петербурге, на Невском проспекте, была большая демонстрация, причем для разгона толпы был вызван лейб-гвардии Атаманский казачий полк, и была совершена военная прогулка лейб-гвардии Стрелковым полком.

О последующих распоряжениях вашего высокопрев-ва благоволите уведомить.

Прошу ваше высокопрев-во принять уверение в совершенном моем почтении и искренней преданности.

Генерал-майор Адрианов.

24. Отношение командующего войсками Московского военного округа московскому градоначальнику от 12 ноября 1910 г., № 917.

М. г. Александр Александрович,

Согласно вашего письма от 11 ноября за № 258583, мною сделано распоряжение ежедневно наряжать с 12 сего ноября два дежурных эскадрона в Хамовнических казармах и две дежурные сотни в Николаевских казармах на случай вызова по распоряжению вашему или вашего помощника для содействия гражданским властям.

Кроме того, мною сделано также распоряжение производить гренадерским полкам прогулки по городу в те дни, когда вы обратитесь с просьбою к командиру гренадерского корпуса.

Прошу принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

П. Плеве.

25. Отношение директора московских высших женских курсов московскому градоначальнику от 12 ноября 1910 г., № 1350.

М. г. Александр Александрович,

Вследствие секретного письма вашего прев-ва от 11 ноября за № 258580, честь имею довести до вашего сведения, что на текущей неделе на высших женских курсах было лишь два собрания слушательниц, привлекшие значительное число участвующих, в понедельник 8 и в среду 10 ноября. Оба эти собрания были мною разрешены на точном основании высочайше утвержденных 11 июня 1907 года правил. Ни вчера, ни сегодня собраний, которые можно было бы назвать «сходками» не было, и учебная жизнь текла вполне правильно.

Ни о каких неразрешенных собраниях ко мне сведений не поступало, не было и попыток устроить такие собрания. Поэтому я надеюсь, что мер нравственного воздействия должно оказаться достаточно, чтобы предотвратить и в будущем возможность нелегальных собраний, если не наступит каких-либо осложняющих обстоятельств.

Прошу ваше прев-во принять уверение в моем совершенном уважении и преданности.

Готовый к услугам вашим.

Директор [подпись] [1]).

26. Отношение директора Московского технического училища московскому градоначальнику от 12 ноября 1910 г., № 8479.

М. г. Александр Александрович,

В ответ на запрос вашего прев-ва от 11 сего ноября честь имею сообщить, что студенческие собрания в императорском Техническом училище разрешаются, согласно высочайше утвержденных правил 11 июня 1907 года, т. е. программа собрания заносится в книгу за подписью ответственного устроителя. Что касается до средств, предупреждающих нарушения этих правил, то таковых в моем распоряжении не имеется, и в каждом отдельном случае нарушений придется принимать меры, сообразуясь с обстоятельствами.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности.

А. Гавриленко [2]).

[1]) Директором курсов в 1905—1918 гг. был Серг. Алеевич Чаплыгин.

27. Отношение директора Московского коммерческого института московскому градоначальнику от 12 ноября 1910 г., № 9.

М. г. Александр Александрович,

В ответ на секретное отношение вашего превосходительства от 11 сего ноября за № 258580 честь имею уведомить вас, что с самого начала текущей недели, согласно отношению вашего прев-ва от 11 сего ноября за № 258280, мною приняты были все зависящие от меня меры к предотвращению в стенах Коммерческого института незаконных собраний. Для этой цели был усилен обычный контроль билетов при входе в институт, был отдан приказ, чтобы более обширные аудитории не отпирались без моего особого разрешения и, наконец, было усилено общее наблюдение за слушателями института. Лично я все время неукоснительно следил за положением дел в институте с целью принятия немедленных мер в случае нарушения порядка или отступления от правил 11 июня 1907 года об устройстве собраний в стенах высших учебных заведений.

По получении известий о кончине графа Л. Н. Толстого представлялось неизбежным разрешить собрания слушателей по вопросу об участии в похоронах усопшего писателя и по вопросу о чествовании его памяти, но вместе с сим было обращено внимание на то, чтобы у этих собраний был отнят всякий политический оттенок. С этой целью при разрешении собраний устроителям оных мною было сделано настойчивое указание на необходимость самого точного исполнения обычных условий, при коих таковые собрания признаются законными. Были также приняты меры воздействия и на отдельных слушателей в целях предотвращения каких-либо незаконных резолюций. Наконец, на одно из собраний, разрешенных мною 11 сего ноября на основании правил 11 июня 1907 года, согласно постановлению учебного комитета от 11 ноября, явились по просьбе слушателей и представители учебного комитета, что придало всему собранию не только мирный, но и успокаивающий характер.

Поскольку можно судить из внимательных наблюдений над слушателями

[2]) Гавриленко Ал-др Павл. (1861—1914). С 1905 г. первый выборный директор Технического училища, переизбирался 4 раза. Пользовался среди студентов огромной популярностью.

Коммерческого института, с 7 ноября среди них не замечалось каких-либо резких выступлений, которые могли бы отразиться в дальнейшем на правильном течении академической жизни. Единственное опасение, которое может иметь в данном случае место, касается влияния на слушателей института того возбужденного настроения, которое за последние дни наблюдается в некоторых высших учебных заведениях Петербурга и Москвы.

Имея в виду возможность осложнений с этой стороны и принимая во внимание сообщение вашего прев-ва в отношении от 11 сего ноября, я предполагаю и на предстоящие дни оставить в силе меры тщательного надзора над слушателями института в целях поддержания порядка и точного исполнения правил 11 июня. Сверх сего, я созываю на 13 ноября заседание учебного комитета для обсуждения мер воздействия на слушателей Коммерческого института в том случае, если бы возбужденное настроение среди учащейся молодежи обеих столиц отразилось в более резких формах и на нашем учебном заведении.

В случае необходимости более подробных сведений о происходившем в Коммерческом институте за последние дни я буду иметь честь представить вашему прев-ву все требующиеся данные дополнительно.

Примите уверение в совершенном моем почтении и искренней преданности.

П. Новгородцев[1]).

28. Отношение директора Константиновского межевого института московскому градоначальнику от 12 ноября 1910 г., № 3.

М. г. Александр Александрович,

Вследствие письма от 11 сего ноября за № 258580 имею честь уведомить ваше прев-во, что во вверенном мне институте имело место 8 ноября в 12 час. дня разрешенное мною на точном основании правил 11 июня 1907 года собрание студентов, на котором, по имеющимся у меня сведениям, постановлено было отправить депутацию на погребение графа Л. Н. Толстого и послать телеграмму, не носящую характера демонстрации. 9 ноября, в день погребения графа Л. Н. Толстого, по моему распоряжению, чтения лекций и практических занятий не было, и помещение института было закрыто. 10 и 11 ноября лекции и практические занятия шли своим обычным порядком, и никакого возбуждения учащихся обнаружено не было. Разрешая студентам собрание 8 ноября, я сказал устроителям собрания, что оно разрешается ввиду совершенной исключительности события и что разрешение не должно быть рассматриваемо, как прецедент, так как вообще я в институте никаких собраний не разрешаю и разрешать впредь буду, считая их безусловно вредными для правильного хода учебных занятий.

В случае, если собрания состоятся без моего разрешения, о них немедленно будет сообщено местной полиции, и я обращаюсь к вашему прев-ву с покорнейшей просьбой сделать в означенном случае распоряжение, без особого о том моего заявления, о вводе полиции в здание института с целью немедленного прекращения собрания и произносимых на нем речей

Прошу ваше прев-во принять уверение в совершенном уважении и преданности.

В. Струве[1]).

29. Отношение председателя совета университета имени Шанявского московскому градоначальнику от 13 ноября 1910 г.

М. г. Александр Александрович,

В ответ на ваше письмо от 11 сего ноября за № 258580 считаю долгом уведомить, что в Городском университете имени Шанявского было лишь одно разрешенное администрацией университета собрание слушателей, посвященное вопросу об ознаменовании кончины графа Л. Н. Толстого со стороны слушателей, каковое собрание прошло в полном порядке, без какого-либо демонстративного выступления отдельных лиц. Проекты всех резолюций были заранее просмотрены председателем правления и одобрены и лишь они, — все вполне дозволенного характера и направления, — были обсуждаемы и приняты собранием.

Кроме того, до осуществления указанного собрания, слушатели университета в междулекционное время обсуждали между собой способ отношений их к событию смерти Л. Н. Толстого и избрали комиссию, которая и

[1]) Новогородцев, Пав. Ив. (р. 1866), ученый и общественный деятель. Профессор Московского университета по кафедре истории философии права. Во время революции эмигрировал за границу. В 1922 г. был деканом юридического факультета в Праге.

[1]) Струве Вас. Бернгард. (ум. в 1912 г.), брат П. Б. Струве.

явилась за указаниями и направлением деятельности ее к председателю правления.

В настоящее время на рассмотрении вашем находится просьба слушателей университета о разрешении им, на общем основании, собрания, посвященного памяти Л. Н. Толстого, в программу которого входят речи о Толстом профессоров и слушателей университета.

Затем никаких признаков желания слушателей организовать незаконную сходку не имеется налицо, и правлением принимаются и будут приниматься меры к воспрепятствованию тому, каковая задача облегчается сознанием слушателей необходимости оберегания молодого научного учреждения, к которому слушатели относятся с любовью и уважением.

Примите, ваше прев-во, уверение в совершенном уважении и преданности, с каковыми имею честь быть вашего прев-ва покорный слуга.

[Подпись].

30. Телеграмма министра внутренних дел Столыпина московскому градоначальнику 13 ноября 1910 г., № 29136 [1]).

Ввиду происходящих в Петербурге беспорядков [2]) в высших учебных заведениях, могущих повториться в других городах, благоволите принять к неуклонному исполнению нижеследующие указания: предупредите учебные начальства, что всякие сходки, касающиеся вопросов, не связанных с жизнью того или другого высшего учебного заведения, не должны быть разрешаемы; предупредите, что если такие сходки и состоятся явочным порядком, или, если вообще на сходках будут посторонние лица, то для прекращения в учебное заведение будет введена полиция, мерами полиции не допускайте выхода из учебного заведения толпой, а отдельным выходящим группам не разрешайте останавливаться. Всякая уличная демонстрация должна быть немедленно подавлена. При наложении административных взысканий на участников демонстрации по обязательным постановлениям таковые должны быть строги. Предупредите редакторов газет, что помещение статей, подстрекающих или одобряющих уличные демонстрации, недопустимо. В случае неисполнения налагайте административное взыскание в высшем размере. Не разрешайте до прекращения всяких беспорядков никаких собраний, на которых по составу лиц или направлению общества можно ожидать антиправительственных или возбуждающих к беспорядкам постановлений. № 1305.

Министр внутренних дел статс-секретарь Столыпин.

31. Отношение московского градоначальника директорам московских высших учебных заведений от 13 ноября 1910 г., № 258673.

М. г.

По распоряжению председателя совета министров, имею честь уведомить ваше прев-во, что всякие сходки, касающиеся вопросов, не связанных с жизнью вверенного вам учебного заведения, не должны быть разрешаемы. Если же таковые состоятся явочным порядком или если вообще на сходках будут присутствовать посторонние лица, то для прекращения таковых сходок в учебное заведение будет введена полиция.

Ввиду изложенного, имею честь просить ваше прев-во о всяком случае нарушения высочайше утвержденных правил и последующих к ним дополнений «О студенческих собраниях» немедленно сообщить мне по телефону (№ 1, полиция) или помощнику моему полковнику Модль (№ 15, полиция).

Примите уверение в совершенном почтении и преданности.

Генерал-майор Адрианов.

32. Отношение московского градоначальника попечителю Московского учебного округа А. М. Жданову от 13 ноября 1910 г., № 258672.

М. г. Александр Маркелович,

По распоряжению председателя совета министров, имею честь уведомить ваше прев-во, что всякие сходки, касающиеся вопросов, не связанных с жизнью высших учебных заведений министерства народного просвещения гор. Москвы не должны быть разрешаемы; если же таковые состоятся явочным порядком или если вообще на сходках будут присутствовать посторонние лица, то для прекращения таковых сходок в учебное заведение будет введена полиция.

[1]) Телеграмма получена в 11 час. 4 мин. утра 13 ноября 1910 г.

[2]) Демонстрации, имевшей, место в Петербурге 11 ноября, В. И. Лениным посвящена статья «Не начало ли поворота?» «Социалдемократ», 1910, № 18 от (29/16 ноября).

Сообщая об изложенном в дополнение к письму моему от 11 сего ноября за № 258579 [1]), прошу ваше прев-во не отказать сделать с своей стороны зависящие распоряжения и о последующем уведомить меня в возможно непродолжительном времени.

Примите уверение в совершенном моем почтении и искренней преданности.

Генерал-майор Адрианов.

33. Отношение попечителя Московского учебного округа московскому градоначальнику от 14 ноября 1910 г., № 1526.

М. г. Александр Александрович,

Имею честь уведомить ваше прев-во, что содержание письма вашего от 13 сего ноября за № 258672 вместе с сим сообщено начальникам всех высших учебных заведений гор. Москвы с предложением принять все зависящие от них меры к недопущению в сих заведениях сходок, касающихся вопросов, не имеющих отношения к жизни высших учебных заведений.

Примите уверение в совершенном уважении и преданности.

Покорнейший слуга А. Жданов.

34. Доклад начальника Московского охранного отделения московскому градоначальнику от 18 ноября 1910 г.

Докладываю его прев-ву московскому градоначальнику, что 14 сего ноября за участие в уличной демонстрации, согласно обязательного постановления московского градоначальника от 12 ноября 1910 года, подвергнуты аресту при полиции, считая срок со дня задержания, т. е. 14 сего ноября,

На три месяца:

1)	студентов Московского университета	8
2)	студентов императорск. Моск. техн. училища	1
3)	студентов Московского коммерческого института	2
4)	студентов Московск. сел.-хоз. института	4
5)	разных лиц	3
6)	вольнослушательниц Москов. сел.-хоз. института	1
7)	вольнослушательниц Москов. коммерч. института	2
8)	слушательниц зубоврачебных курсов Вильга	1
	Итого 18 мужчин,	4 женщ.
	Всего	22 чел.

На два месяца

1)	студентов Московского университета	2
2)	разных лиц	1
3)	слушательниц высш. женских курсов	3
4)	слушательниц акушерских курсов	1
	Итого 3 мужч.,	4 женщ.
	Всего	7 чел.

На полтора месяца:

1)	слушательниц высш. женских курсов	1
	Итого	1 женщ.

На один месяц:

1)	студентов Московского университета	70
2)	студентов Московского коммерческого института	14
3)	студентов Моск. сел.-хоз. института	4
4)	студентов имп. Моск. технич. училища	1
5)	студентов Лазаревского института	1
6)	студентов имп. Инженерного училища	1
7)	слушателей Московской консерватории	1
8)	слушателей народн. университ. им. Шанявского	3
9)	учеников Филармонического училища	1
10)	слушателей общеобраз. курсов Духониной	1
11)	учеников строит.-технич. училища Приорова	2
12)	разных лиц	11
13)	слушательниц Москов. высших женских курсов	20
14)	слушательниц педагогических курсов	8
15)	слушат. народн. универ. им. Шанявского	1
16)	вольнослушат. Моск. коммерческ. института	5
17)	слушательн. медицин. курсов Изачика	1
18)	слушательн. фельдшерских курсов	2
19)	разных лиц	13
	Итого 110 мужч.	50 женщ.
	Всего	160 челов.

[1]) См. выше, № 21.

На четырнадцать дней:

1) студентов Московского университета	4
2) студент Императорск. моск. инженерн. учил.	1
Итого . . .	5 челов.

Итого содержатся под стражей 136 мужч. и 59 женщ.

Всего . . . 195 челов.

Полковник Заварзин.

35. Записка Московского охранного отделения.

Еще за день до кончины Толстого, когда вероятность рокового исхода стала очевидною, в различных общественных кружках Москвы стала замечаться лихорадочная деятельность. Путем словесных переговоров подготовилась почва для устройства при получении известия о кончине внушительных общественных демонстраций. Этою заблаговременною подготовленностью объясняется быстрота, с какой сформировалось бюро для организации общественных сил на похоронах.

В состав бюро вошли: Н. В. Давыдов, Бахрушин, Вл. И. Немирович-Данченко и др. При организации этого бюро принят был принцип, чтобы в него вошли представители от всех общественных организаций и групп, причем, чтобы не обращать на себя резко внимания, избегали выбирать ярко левых и, наоборот, проводили даже умеренных и вообще лиц с крупным общественным положением. Таким путем старались создать затруднения для закрытия бюро.

При организации бюро высказывалось пожелание, чтобы оно не ограничивало своей деятельности только участием на похоронах Толстого, но стало тем органом инициативы, который в дальнейшем будет подогревать интерес общества к событию и направлять все общественные выступления в одну сторону.

Вообще, при первых известиях о приближающейся кончине Толстого высказано было соображение, что этим событием нужно воспользоваться для мобилизации общественных сил. И эта мобилизация не должна носить мимолетный характер, а должна повести к более прочному единению.

Особенно удалась эта «мобилизация» в врачебной среде. Вчера вечером в гостинице «Прага» собрались представители буквально всех московских медицинских обществ, а также представители почти всех московских больниц (около 15) и университетских клиник. Этот быстрый сбор также является результатом заблаговременной подготовки.

1) Сегодня, вечером, в университете состоится экстренное заседание Общества любителей российской словесности. Сказать вступительное слово поручено профессору Кизеветтеру.

2) На этой неделе (день не назначен) состоится публичное заседание совета присяжных поверенных. Прилагаются все усилия к проведению его возможно демонстративнее.

3) Правление общества народных университетов также подготовляет большое публичное собрание. Принято решение возможно скорее отпечатать брошюру о Толстом для распространения в народе.

4) 12 ноября состоится публичное собрание общества распространения технических знаний. Докладчики и характер докладов пока не определены.

5) По случаю смерти Толстого Пироговское общество отменило назначенное на 13 ноября торжественное собрание. Оно состоится через две недели. Отмена состоялась не столько ввиду траура, сколько из необходимости лучше подготовиться к демонстративному чествованию памяти Пирогова.

Ответственный редактор **Я. Берзин.**
Редакционная коллегия: **В. Максаков** (зам. отв. редактора), **С. Пашуканис, Ф. Ротштейн**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗД-ВО

1 9 3 6

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на ежемесячный журнал

СОВЕТСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

ЖУРНАЛ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО КРАЕВЕДЕНИЯ, ИЗДАВАЕМЫЙ ЦЕНТРАЛЬНЫМ БЮРО КРАЕВЕДЕНИЯ И ЦЕНТРАЛЬНЫМ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИМ ИНСТИТУТОМ МЕТОДОВ КРАЕВЕДНОЙ РАБОТЫ

ГОД ИЗДАНИЯ 12-й

ЗАДАЧИ И ЦЕЛИ ЖУРНАЛА: Разработка вопросов методики и методологии краеведной работы и борьба за марксистско-ленинские основы советского краеведения, пропаганда краеведения в широких массах трудящихся, освещение вопросов практики изучения своего края, района, колхоза, обмен опытом работы местных организаций.

ОСНОВНЫЕ РАЗДЕЛЫ ЖУРНАЛА: 1. Руководящие статьи. 2. Эконом.-географические очерки (краев и нац. республик, городов, рек и пр.) 3. Научный отдел. Методика краеведения. 4. Литературный отдел. 5. Творчество народов СССР. 6. Культура, быт, история. 7. По следам экспедиций. 8. Краеведение в школе. Юннатское движение. 9. Техника краеведного дела. 10. По нашей родине (краеведение в помощь туризму). 11. Хроника мест. 12. Книжная полка. 13. Переписка с читателями. Журнал богато иллюстрируется.

Подписная цена: на 1 год — 15 р.
» 6 мес. — 7 р. 50 к.
» 3 » — 3 р. 75 к.
Отдельный номер — 1 рубль 25 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ во всех отделениях, магазинах и киосках Книготоргового объединения государственных издательств, в главной конторе подписных и периодических изданий Когиза, Москва, Маросейка, 7 и всюду на почте.

Цена 2 р. 50 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1936 г.

на журнал

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ОРГАН ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

Год издания 15-й

6 книг в год

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА: публикация неизданных архивных материалов по истории внешней политики, империалистической войны, истории революционного движения, истории Октябрьской революции и гражданской войны, истории фабрик и заводов.

Журнал необходим вузам, библиотекам, научным работникам, историческим и краеведческим обществам, отделам Истпарта, педагогам, газетным работникам и др.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на год — 15 руб., на 6 мес.—7 руб. 50 к.

ОТДЕЛЬНЫЙ НОМЕР 2 Р. 50 К.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ всеми отделениями, магазинами и киосками Когиза в главной конторе подписных и периодических изданий Когиза — Москва, Маросейка, 7 и всюду на почте.